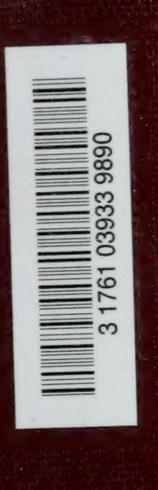

3 1761 03933 9890

И. Энгельманъ.

ИСТОРІЯ КРѢПОСТНОГО ПРАВА

ВЪ РОССІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО **В. Щерба,**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Кизеветтера.

МОСКВА.
Изданіе С. Скирмунта.
1900.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К⁰,**
Пименовская ул., соб. домъ.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Нѣмецкій оригиналъ сочиненія г. Энгельмана, представляемаго въ настоящее время въ русскомъ переводѣ, появился въ печати еще въ 1884 году. Съ тѣхъ поръ русская научная литература по исторіи крестьянства успѣла обогатиться рядомъ изслѣдованій, порой весьма замѣчательныхъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно подвинувшихъ разработку затронутыхъ г. Энгельманомъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, при изученіи труднаго и темнаго вопроса о ходѣ крестьянскаго прикрѣпленія и зарожденія крѣпостного права теперь уже нельзя миновать новыхъ трудовъ проф. В. О. Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» («Русская Мысль» 1885 г., №№ 8—10) и проф. М. А. Дьяконова «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.». Спб., 1898 г.

Развитіе крестьянскаго вопроса въ сознаніи русскаго общества и въ частности въ русской научной, публицистической и художественной литературѣ составило предметъ обширной спеціальной работы г. В. И. Семевскаго «Крестьянскій во-

просъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка». Спб., 1888 г.

Уже и эти немногія указанія достаточно убѣдятъ всякаго, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ трудъ г. Энгельмана нуждается въ настоящее время въ дополненіяхъ и поправкахъ въ виду позднѣйшихъ успѣховъ русской исторіографіи. Въ примѣчаніяхъ къ тексту перевода отмѣчены наиболѣе важные изъ этихъ пунктовъ.

На ряду съ пробѣлами, обусловленными временемъ составленія этого труда, изложеніе г. Энгельмана не чуждо нѣкоторыхъ спорныхъ положеній, вытекающихъ изъ личной точки зрѣнія автора на затрогиваемые имъ вопросы.

Такъ, напримѣръ, внимательный читатель замѣтитъ, что при обсужденіи дѣятельности земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ и редакціонныхъ комиссій въ 1858—1860 гг. авторъ игнорируетъ ту, если можно такъ выразиться, *политическую* обстановку, въ которой совершалась разработка реформы и всецѣло перенося вопросъ на чисто *юридическую* почву, представляетъ нѣсколько одностороннюю критику дѣйствій либеральныхъ сторонниковъ реформы.

Несмотря на все это, трудъ г. Энгельмана до сихъ поръ сохраняетъ, однако, все свое значеніе, какъ единственный и незамѣнимый связный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Россіи за *все* время его существованія *).

---

*) Упомянемъ еще только прекрасную статью П. Н. Милюкова въ 32 полутомѣ энциклопедич. словаря, изд. подъ редакціей Арсеньева и Петрушевскаго, подъ словомъ „Крестьяне“.

Оставляя на отвѣтственности автора приводимую имъ оцѣнку различныхъ мѣропріятій въ области нашей соціальной и поземельной политики, мы не можемъ не рекомендовать трудъ г. Энгельмана, какъ весьма пригодное пособіе для общаго ознакомленія съ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій нашей исторіи. Живое и талантливое изложеніе, отчетливый анализъ юридическихъ и бытовыхъ элементовъ въ институтѣ крѣпостного права въ его историческомъ развитіи — вотъ неоспоримыя достоинства этого труда.

Ал. Кизеветтеръ.

ГЛАВА I.

Крестьяне до конца XVI столѣтія.

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о жизни славянъ до начала русскаго государства, славянскія племена сидѣли тогда по русской равнинѣ отдѣльными родовыми союзами и занимались земледѣліемъ; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ древнѣйшій русскій лѣтописецъ.

Принимая во вниманіе факты, извѣстные намъ изъ болѣе поздняго времени и относящіеся главнымъ образомъ къ крестьянскому быту на сѣверѣ Россіи [1]), мы должны предположить, что родовой союзъ продержался недолго. По всей вѣроятности, союзъ этотъ имѣлъ организацію, сходную съ организаціей сербской задруги. Подъ властью старѣйшаго или выборнаго главы въ одномъ дворѣ, часто вмѣщавшемъ много домовъ, жили родные и двоюродные братья, дяди и

---

[1]) А. Ефименко: Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ. „Русская Мысль“ 1882 г., №№ 4 и 5, и 1883 г. №№ 6, 7 и 8 (эта статья перепечатана затѣмъ въ книгѣ того же автора „Изслѣдованія народной жизни“. М., 1884 г. *Ред.)*; Лалошъ: Земельная община въ Олонецкой губ. „Отеч. Записки“ 1874 г., № 2, и Соколовскій: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. СПБ., 1877.

племянники; они обрабатывали землю и пользовались ею сообща. На сѣверѣ Россіи такой большой дворъ назывался „печище“; на югѣ, можетъ быть, то же самое понятіе обозначалось словомъ „огнище“. Смыслъ перваго названія, какъ это показали изслѣдованія г-жи Ефименко, опредѣляется по непосредственнымъ даннымъ письменныхъ источниковъ; относительно второго мы можемъ строить лишь косвенныя предположенія. Такъ, въ „Русской Правдѣ“ упоминается „огнищанинъ“; можно думать, что этимъ терминомъ обозначался вольный человѣкъ, сидящій на своей землѣ, иногда „княжъ-мужъ“, человѣкъ, близкій къ княжескому очагу (огнищу). Далѣе, „Русская Правда“ указываетъ на братьевъ, дядей и племянниковъ, какъ на членовъ тѣснаго родственнаго союза, обязанныхъ защищать другъ друга и имѣющихъ право кровной мести. Наконецъ, къ указаніямъ этого рода можетъ быть отнесенъ еще весьма древній на югѣ обычай отдавать въ наслѣдство младшему сыну вмѣстѣ съ нѣкоторою частью пахотной земли отцовскій дворъ,— обычай, основанный на томъ, что старшіе братья еще раньше устраивали себѣ собственные дворы при отцовскомъ печищѣ или огнищѣ. Связанная первоначально узами общаго происхожденія, родовая община мало-по-малу превратилась въ союзъ сосѣдскій (сосѣди, сябры), при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ союзъ этотъ регулировался договоромъ („складство“, „складники“). Г-жа Ефименко, поясняя эти отношенія примѣрами, взятыми изъ древнихъ источниковъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, несмотря на все свое пристрастіе къ общинному землевладѣнію, что существованіе послѣдняго нельзя предполагать въ

подобныхъ общинахъ, такъ какъ на этотъ счетъ не осталось никакихъ указаній. Группы дворовъ (отъ 2 до 6), на которыя съ теченіемъ времени разбивалось печище, назывались деревнями. Въ словарѣ Даля указано, что въ настоящее время въ Архангельской губерніи печищемъ называется небольшая деревня отъ 3 до 6 дворовъ. Въ указахъ XVIII столѣтія, относящихся до упорядоченія поземельныхъ отношеній на сѣверѣ Россіи, встрѣчается выраженіе „печищныя земли", употребляемое безъ всякихъ поясненій, какъ слово опредѣленное и общеизвѣстное; подъ нимъ разумѣется совокупность особыхъ, связанныхъ между собою земель (см., напр., межевую инструкцію 13 мая 1754 г., а также другіе источники). Сѣверная деревня была совсѣмъ не похожа на позднѣйшую деревню средней Россіи. Величина участковъ, приходившихся въ ней на каждый дворъ, опредѣлялась правомъ наслѣдованія, отличалась крайнимъ разнообразіемъ и выражалась въ дробныхъ доляхъ всей земли печища ($^1/_6$, $^1/_3$, $^1/_2$); одному двору принадлежали куски соотвѣтственной величины во всѣхъ различавшихся между собою по качеству почвы частяхъ каждаго поля. На сѣверѣ Россіи подобное печище (иначе—деревня, село) очень долго сохраняло значеніе цѣлостной экономической единицы. Еще сравнительно недавно такая деревня нерѣдко состояла всего изъ одного большого двора; большею частью въ ней было нѣсколько дворовъ, возникшихъ путемъ раздѣловъ, но всегда эти дворы были связаны между собою совмѣстнымъ пользованіемъ какими-либо угодьями. Словомъ „деревня" обозначалась также доля каждаго отдѣльнаго деревенскаго владѣльца. Такъ

въ купчихъ встрѣчается выраженіе: „продалъ я свою деревню, шестую долю тамъ-то и тамъ-то, восьмую долю тамъ-то и тамъ-то"; или: „продалъ я свой деревенскій жеребій, что достанется по дѣлу". Скудныя извѣстія, которыя дошли до насъ отъ древнѣйшаго періода о другихъ частяхъ Россіи, свидѣтельствуютъ, что и вездѣ господствовали такіе же или почти такіе же порядки землевладѣнія. Во всякомъ случаѣ большія многолюдныя деревни, существованіе которыхъ является необходимымъ условіемъ общиннаго землевладѣнія, начали возникать гораздо позже. Г-жа Ефименко видитъ въ раздробленіи древнихъ печищъ на отдѣльныя доли особый типъ землевладѣнія, отъ котораго возможенъ переходъ какъ къ личной поземельной собственности, такъ и къ уравнительному общинному владѣнію; но, по ея мнѣнію, такое „долевое" владѣніе стояло ближе къ общиннымъ порядкамъ, чѣмъ къ праву личной собственности. Дальнѣйшее развитіе этого долевого владѣнія въ ту или другую форму зависѣло отъ того, оставалась ли земля въ обладаніи частныхъ лицъ или она переходила въ собственность государства, т.-е. великаго князя. Въ первомъ случаѣ всегда возникала личная собственность, во второмъ — общинное землевладѣніе, при чемъ появленіе послѣдняго обусловливалось уравнительной раскладкой правительственныхъ податей и повинностей между отдѣльными владѣльцами [1]).

По нашему мнѣнію, г-жа Ефименко, несмотря на всю свойственную ей осторожность въ анализѣ фак-

---

[1]) А. Ефименко. l. c. IV, стр. 210 и слѣд.; V, стр. 48—52.

товъ, въ данномъ случаѣ ошибается и, увлекаемая пристрастіемъ къ общинному владѣнію, усматриваетъ въ приводимыхъ ею примѣрахъ то, чего въ нихъ нѣтъ. Мы полагаемъ, что русское печище, которое г-жа Ефименко открыла и описала, является типическимъ примѣромъ личной поземельной собственности, существовавшей въ древней Россіи, и что долевое владѣніе есть просто случай нераздѣльнаго пользованія сонаслѣдниковъ, которое встрѣчается повсюду и всегда ведетъ къ образованію личной собственности, т.-е. къ раздѣлу земель, находившихся въ общемъ владѣніи. Общинное землевладѣніе возникло позднѣе вслѣдствіе насильственнаго вмѣшательства власти, путемъ нарушенія личныхъ имущественныхъ правъ во имя полицейскихъ и фискальныхъ интересовъ государства, какъ это неопровержимо доказано самою же г. Ефименко.

Итакъ, можно признать несомнѣннымъ, что масса населенія жила на своей землѣ. Конечно, понятіе о правѣ поземельной собственности еще не было установлено со всею юридическою опредѣленностью, право на землю являлось въ видѣ права владѣнія. Владѣльцы земельныхъ участковъ назывались земцами.

Естественно, что уже въ тѣ времена существовало свойственное слабой природѣ человѣка раздѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ, зависимыхъ и свободныхъ. Сословныя различія еще не появлялись, но уже успѣло опредѣлиться разграниченіе мелкаго и крупнаго землевладѣнія; на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ уже появились рабы и полусвободные люди, встрѣчались уже и богатые купцы, которые тоже имѣли своихъ зависимыхъ людей; нерѣдко сами крупные

землевладѣльцы являлись въ то же время и богатыми купцами, что, конечно, лишь увеличивало ихъ могущество и значеніе, подчиняло ихъ власти всю окрестную округу, создавало для нихъ господствующее положеніе.

При возникновеніи государственнаго строя, существовавшіе порядки землевладѣнія не сразу подверглись замѣтному измѣненію. Но уже очень скоро послѣ начала русскаго государства встрѣчаются князья и княжескіе роды, владѣющіе городами, деревнями, охотничьими „ловами“; все это считалось ихъ собственностью. Съ введеніемъ христіанства и дальнѣйшимъ развитіемъ княжеской власти, при постоянномъ расширеніи правительственной дѣятельности, возникла поземельная собственность церквей и бояръ, какъ право, признанное, уступленное или установленное князьями, въ противоположность праву на землю другихъ лицъ, основанному на фактическомъ владѣніи. Мы не знаемъ, когда и какъ образовалось крупное боярское землевладѣніе, но, на основаніи сказаннаго выше, зародыши его позволительно относить ко временамъ, предшествующимъ возникновенію государства. Крупные землевладѣльцы, занимавшіе положеніе до извѣстной степени независимое отъ князя, встрѣчались не только въ Новгородѣ, но и на юго-западѣ, въ Червонной Руси; извѣстно также, что подобное землевладѣніе было уничтожено князьями въ Суздалѣ. Такіе землевладѣльцы назывались земскими боярами, такъ какъ ихъ значеніе основывалось на ихъ землевладѣльческихъ преимуществахъ; они противополагались княжимъ боярамъ, привилегированнымъ членамъ княжеской дружины. Съ полною несомнѣнностью мо-

жетъ быть доказано происхожденіе земельной собственности духовныхъ лицъ и учрежденій путемъ княжескихъ пожалованій.

Пока князья со своими дружинами вели воинственную жизнь странствующихъ варяжскихъ витязей и переходили съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за лучшими и богатѣйшими княжествами, стараясь въ концѣ концовъ захватить кіевскій великокняжескій столъ, до тѣхъ поръ они мало заботились о пріобрѣтеніи земельной собственности. Но когда число ихъ значительно увеличилось, когда переѣзды изъ одного княжества въ другое мало по-малу прекратились и князья сродились съ опредѣленными областями, а княжеская „дружина“ превратилась въ княжескій „дворъ“, тогда князья начали заботиться больше всего о томъ, чтобы сдѣлаться собственниками всей земли въ своемъ княжествѣ, и тогда же выработалось представленіе о томъ, что право суда и законодательства должно принадлежать тому, кому принадлежитъ земля. Имѣя въ виду это представленіе, Великій Новгородъ при выборѣ князей ограждалъ въ договорахъ съ ними свои права и вольности оговоркою, въ силу которой князь и княжіе мужи не могли пріобрѣтать земель въ Новгородской области. Пока князь сидѣлъ въ Новгородѣ, въ его пользованіи состояли нѣкоторыя волости, которыми онъ управлялъ черезъ посредство своихъ мужей. Въ Новгородѣ государемъ считался городъ, и земельная собственность могла быть удѣломъ однихъ гражданъ, преимущественно бояръ и церкви, владыки и монастырей. Въ другихъ княжествахъ, наоборотъ, сами князья являлись наиболѣе крупными землевладѣльцами. Земля,

на которой сидѣла масса населенія, считалась зависимою отъ князя, но эта зависимость выражалась только уплатою дани; фактически землею владѣли сидѣвшіе на ней люди, въ отличіе отъ собственно-княжескихъ или дворцовыхъ земель, которыми точно такъ же, какъ и княжими городами, деревнями, рыбными ловлями и лѣсами, управляли дворцовые чиновники. Подчиненіе Россіи монголамъ не осталось безъ вліянія и на эту область правовыхъ отношеній. У монголовъ дѣйствовало правило: вся земля принадлежитъ хану—царю, всѣ подданные—его рабы и тотъ, кто владѣетъ землею, получаетъ ее отъ царя для того, чтобы служить царю—живому воплощенію государства. Это воззрѣніе было усвоено московскими великими князьями и московскимъ царствомъ.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ устанавливается различіе между „бѣлыми" землями, свободными отъ податей, и „черными", съ которыхъ платилась обычная дань. Къ бѣлымъ землямъ причислялись собственныя земли князя, земли духовенства и бояръ; къ чернымъ—тѣ, на которыхъ сидѣли свободные земледѣльцы. Въ древнѣйшее время классъ свободныхъ земледѣльцевъ назывался просто „люди", но довольно рано встрѣчается названіе „смерды", выражающее ихъ уничиженное положеніе. Называли ихъ также „сиротами", „черными людьми". Другія названія характеризовали платежи и повинности земледѣльцевъ: „даньскіе люди" (отъ слова дань), „писменные, численные люди" (т.-е. люди, зачисленные въ монгольскія или позднѣйшія княжескія переписи), тяглые люди, сошные люди (т.-е. платящіе дань съ „сохи"), позднѣе черные сошные люди. Иногда названія характеризо-

вали отношеніе земледѣльцевъ къ собственникамъ земли; таковы названія половниковъ или четниковъ (обрабатывающихъ землю изъ половины или части продукта), серебренниковъ (платившихъ серебро—проценты на ссуду. взятую у землевладѣльцевъ); половниковъ-серебренниковъ (они отдавали половину продукта и, кромѣ того, платили проценты на занятыя деньги); закуповъ и т. д. Наконецъ, названія указывали на занятія опредѣляемыхъ ими лицъ: ролейный закупъ — закупъ, занимающійся хлѣбопашествомъ; изорникъ — хлѣбопашецъ; огородникъ и т. п. Монголы называли земледѣльцевъ, составлявшихъ такъ же, какъ и въ настоящее время, главную массу населенія, крестьянами, т.-е. христіанами, и это названіе осталось въ общемъ употребленіи до сихъ поръ.

Въ началѣ Кіевскаго періода, когда богатство состояло главнымъ образомъ изъ дорогихъ звѣриныхъ шкуръ, когда торговля была очень прибыльнымъ занятіемъ, проводилось строгое различіе между горожанами и земледѣльцами; такое различіе, напр., мы находимъ въ „Русской Правдѣ“. Послѣ монгольскаго погрома населеніе, находившееся въ постоянномъ страхѣ новаго нашествія номадовъ, отхлынуло на сѣверъ въ лѣса и стало тамъ заниматься исключительно земледѣліемъ, которое не могло приносить большихъ доходовъ. Торговля, достигавшая раньше значительныхъ размѣровъ, почти прекратилась и во всякомъ случаѣ утратила свое прежнее значеніе послѣ того, какъ были закрыты пути въ Азію и Византію. Тогда горожане спустились до положенія крестьянъ и на ряду съ черными крестьянами стало упоминаться названіе черныхъ городскихъ людей. Только послѣ

закрѣпощенія крестьянства горожанъ начали называть посадскими людьми.

Какъ мы уже упоминали, крестьяне, сидѣвшіе на своей землѣ, назывались земянами [1]). Первоначально они составляли, повидимому, главную массу населенія, и во всякомъ случаѣ число ихъ было очень значительно. Когда и какимъ образомъ они превратились въ зависимыхъ земледѣльцевъ, обрабатывавшихъ чужую землю—землю князей, духовенства и бояръ, въ подробностяхъ неизвѣстно. Причины этого превращенія несомнѣнно были одновременно экономическаго и юридическаго характера. Необработанной и незанятой земли было достаточно, всякій могъ безпрепятственно селиться на ней, но селившихся на свободной землѣ записывали въ окладныя книги, и они должны были подчиняться юрисдикціи княжескихъ чиновниковъ, а этого именно всѣ старались избѣгнуть. Земля сама по себѣ не имѣла никакой цѣны, только рабочая сила сообщала ей цѣнность. Но, помимо рабочей силы, для того, чтобы расчистить, вспахать и засѣять землю, нуженъ былъ рабочій скотъ, нужны были орудія, сѣмена и пропитаніе до новаго урожая,—однимъ словомъ, нуженъ былъ капиталъ для обзаведенія хозяйства. Этотъ капиталъ можно было достать у людей богатыхъ, т.-е. у землевладѣльцевъ, у которыхъ были и земля, и холопы, и иные несвободные люди, обрабатывавшіе землю. Но богатые люди давали ссуду, конечно, только тогда, когда они разсчитывали получить ее обратно съ процентами, и воз-

[1]) Энгельманнъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду терминъ „земцы“.
Ред.

врать ссуды былъ обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ, если должникъ оставался въ сферѣ вліянія заимодавца, т.-е. жилъ на его землѣ и платилъ ему своею работою. Въ тѣ времена жить свободно и независимо могли только богатые и сильные, только тѣ, у кого была возможность отстоять свою свободу и независимость, оградить свои интересы и права отъ всякаго рода посягательствъ. Для бѣднаго и слабаго, неспособнаго къ самозащитѣ оставался одинъ исходъ—отдаться подъ защиту кого-нибудь изъ сильныхъ, т.-е. подъ защиту князя, боярина, епископа или монастыря. Только они могли оградить себя и своихъ подвластныхъ отъ всяческихъ обидъ, въ особенности отъ вымогательствъ княжескихъ чиновниковъ, собиравшихъ пени и судныя деньги, дани и повинности; въ тѣ времена эти сборы были нераздѣльны съ притѣсненіями и насиліями. Понятно, что при подобномъ порядкѣ вещей поселенцы стремились на земли крупныхъ владѣльцевъ.

Переходъ большей части земель въ руки крупныхъ владѣльцевъ совершился также и въ Новгородѣ и Псковѣ. Только здѣсь крупная земельная собственность сконцентрировалась исключительно въ рукахъ духовенства и богатыхъ бояръ, князья же и ихъ приближенные не имѣли въ ней доли. Но въ областяхъ вольныхъ городовъ до конца ихъ самостоятельнаго существованія сохранилось также много мелкихъ землевладѣльцевъ. Право собственности на землю и способы пріобрѣтенія этого права регулировались законами, и между законами псковскими и новогородскими съ одной стороны и законами великаго княжества Московскаго съ другой — была въ этомъ отношеніи

значительная разница. Разница эта существовала только до тѣхъ поръ, пока Новгородъ и Псковъ сохраняли свою самостоятельность. Вмѣстѣ съ независимостью вольныхъ городовъ погибла и вся система гражданскаго права, дѣйствовавшая тамъ и содержавшая сравнительно подробно разрабатанныя опредѣленія права поземельной собственности. Москва со своимъ стремленіемъ все нивеллировать не могла потерпѣть, чтобы гдѣ-нибудь существовали другіе порядки, отличные отъ порядковъ великаго княжества Московскаго, чтобы гдѣ-нибудь сохранилось самостоятельное право или самостоятельная культура; для того, чтобы подвести все подъ одну мѣрку, Москва не останавливалась даже передъ ломкою лучшаго и болѣе упорядоченнаго строя. Въ то время еще не понимали, что сохраненіе болѣе развитого гражданскаго строя и твердаго правового порядка вполнѣ совмѣстимо съ политическимъ подчиненіемъ государству, стоящему на низшей степени культуры. Вмѣсто того, чтобы взять за образецъ новгородское и псковское законодательство и независимый судъ вольныхъ городовъ, вмѣсто того, чтобы оцѣнить его культурное значеніе и пріобщить то хорошее, что было выработано въ Новгородѣ и Псковѣ, къ элементамъ, изъ которыхъ строилось русское государство, московскіе люди взглянули на самый фактъ существованія порядковъ несогласныхъ съ ихъ обычаями, какъ на государственную измѣну. Отъ присоединенныхъ областей требовали не только повиновенія и покорности, но и отреченія ото всего, что не было похоже на московскій обычай. Мѣстные порядки искоренялись огнемъ и мечомъ, хотя именно въ области гражданскаго пра-

ва изъ Новгорода и Пскова можно было позаимствовать многое для развитія истинно русскаго строя жизни. Московскіе политики руководились крайне узкимъ міровоззрѣніемъ, ихъ единственною цѣлью было водвореніе полутатарскаго, полувизантійскаго идеала московскихъ великихъ князей и ради этой цѣли даже хорошіе новгородскіе порядки только потому, что они были новгородскіе, подлежали искорененію. Московскіе великіе князья умѣли отнимать силу, мѣстный характеръ и самостоятельную жизнь у присоединенныхъ областей; это называлось тогда „вынимать изъ земли душу". Всѣ богатые и зажиточные граждане, достаточно развитые для того, чтобы держаться за старые права и обычаи, были разорены и отправлены въ ссылку въ дальнія области Московскаго княжества, а конфискованные у нихъ дома и имѣнія были розданы московскимъ служилымъ людямъ или присоединены къ государевымъ землямъ; въ города были переселены московскіе торговые и посадскіе люди, а вмѣсто старыхъ мѣстныхъ законовъ стали дѣйствовать московскіе служилые порядки и произволъ московскихъ намѣстниковъ и подьячихъ. Такой образъ дѣйствія оказался настолько удачнымъ, что уже въ началѣ XVI столѣтія Герберштейнъ писалъ: Novagardia gentem quoque humanissimam ac honestam habebat: sed quae nunc procul dubio peste Moscovitica, quam eo commeantes Mosci secum invexerunt, corruptissima est. Тотъ же Герберштейнъ писалъ про Псковъ: Unde factum, ut pro cultioribus atque adeo humanioribus Plescoviensium moribus corruptiores in omnibus fere rebus Moscoviensium mores introducti sint [1]).

---

[1]) Starczewski: Historiae ruthenicae scriptores exteri. 1841 г. I, стр. 51—52.

Не такъ радикальны были измѣненія, внесенныя московскимъ владычествомъ въ Двинскую землю (въ области Сѣверной Двины). Крупныя боярскія имѣнія были и здѣсь конфискованы въ пользу великаго князя, и сидѣвшіе на нихъ половники превратились въ великокняжескихъ половниковъ, т.-е. въ черныхъ крестьянъ. Но, кромѣ боярскихъ земель, здѣсь было множество участковъ, принадлежавшихъ мелкимъ владѣльцамъ. Такъ какъ въ Москвѣ знали только служилыхъ людей и крестьянъ, а на сѣверѣ не было служилыхъ людей, то мелкихъ земельныхъ собственниковъ приравняли къ крестьянамъ и обложили ихъ крестьянскими данями и повинностями, при чемъ, ради простоты и однообразія, ихъ платежи были опредѣлены въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ ихъ платили великокняжескіе половники. То обстоятельство, что эти крестьяне сидѣли на собственной землѣ, не было принято во вниманіе; въ московскомъ княжествѣ никто не владѣлъ землею, кромѣ служилыхъ людей, а порядки, не похожіе на московскіе, московское правительство никогда не признавало законами. Во-первыхъ, все, что было не по-московски, считалось плохимъ и негоднымъ, а, во-вторыхъ, сохраненіе мѣстнаго права представляло много неудобствъ: надо было изслѣдовать, въ чемъ оно состоитъ, надо было издавать особые законы и распоряженія, съ сидящими на собственной землѣ надо было поступать иначе, чѣмъ съ остальными, и т. д., и т. д. Имѣя въ виду все это, московское правительство оставляло безъ вниманія мѣстныя особенности до тѣхъ поръ, пока онѣ не исчезали сами собой или пока не представлялся удобный случай ихъ уничтожить. А между тѣмъ ничто

такъ не содѣйствуетъ слiянiю отдѣльныхъ общественныхъ группъ, какъ одинаковое податное обложенiе. Разъ люди чувствуютъ, что ихъ денежные интересы одинаково затронуты, они быстро сознаютъ взаимную солидарность особенно тамъ, гдѣ общественное дѣленiе еще не оформилось въ опредѣленныя юридическiя нормы. Подобныя влiянiя сказываются и на измѣненiи прежнихъ воззрѣнiй на поземельную собственность; а если къ тому же народъ привыкъ къ пассивному повиновенiю, то тѣмъ быстрѣе онъ приспособляется къ новымъ условiямъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Ефименко приводитъ цитаты изъ письменныхъ источниковъ болѣе поздняго перiода, гдѣ земледѣльцы-собственники выражаются про свою землю такъ: „Земля *великаго князя*, а отцовское и мое посилье“ [1]). Но еще во времена Ивана Грознаго существовали свободные землевладѣльцы, не принадлежавшiе къ числу служилыхъ людей, какъ это видно изъ вопросовъ, предложенныхъ царемъ на обсужденiе Стоглаваго собора [2]).

Если мы захотимъ представить себѣ положенiе крестьянина того времени, сидѣвшаго на чужой землѣ, то передъ нами возникнетъ прежде всего вопросъ: чѣмъ опредѣлялись обязанности крестьянъ по отношенiю къ владѣльцамъ разныхъ земель, на которыхъ они сидѣли?

На черной тяглой землѣ сидѣли черные крестьяне. Согласно практикѣ московскихъ приказовъ, не зани-

---

[1]) Ефименко: Изслѣдованiя нар. жизни, стр. 198—199. Ред.

[2]) Ср. Ждановъ: Матерiалы для исторiи Стоглаваго собора. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя 1876 года, т. 186, стр. 64.

санная за какимъ-нибудь владѣльцемъ земля признавалась собственностью великаго князя. Практика московскихъ приказовъ считалась только съ распоряженіями московскихъ властей, все же установившееся въ силу обычнаго права ею игнорировалось. Приказная практика выражалась и закрѣплялась въ указномъ законодательствѣ. Этимъ путемъ открывался широкій просторъ для постепеннаго сліянія черныхъ земель съ собственными землями князя. Первоначально великіе князья жаловали служилымъ людямъ не населенныя свободныя земли съ тѣмъ, чтобы служилые люди сами заботились объ ихъ заселеніи; случаи пожалованія населенныхъ княжескихъ имѣній встрѣчались очень рѣдко, но впослѣдствіи пожалованія черныхъ тяглыхъ земель стали повторяться все чаще и чаще, и крестьяне, жившіе на этихъ земляхъ, попадали неожиданно для себя въ небывалыя отношенія къ новымъ землевладѣльцамъ, которые обыкновенно дѣйствовали со всею необузданностью и со всѣмъ произволомъ, на какой только можетъ быть способенъ служилый человѣкъ неограниченнаго властителя. Пожалованная земля становилась помѣстьемъ, выдѣлялась изъ состава тяглыхъ земель и переходила въ разрядъ бѣлыхъ: въ то время правительство, само состоявшее изъ служилыхъ людей, призванныхъ осуществлять царскую волю, заботилось больше объ умноженіи служилаго сословія, чѣмъ о сохраненіи тяглыхъ земель; забота объ увеличеніи числа служилыхъ людей имѣла настолько рѣшающее значеніе, что правительство начало даже расширять права на пожалованныя помѣстья, стало дозволять передачу ихъ по наслѣдству и иныя формы распоряженія ими и такимъ об-

разомъ для того, чтобы крѣпче привязать къ себѣ помѣщиковъ, сближало ихъ права на землю съ правами вотчинниковъ; съ другой стороны, сближеніе помѣстій и вотчинъ совершалось отчасти и такимъ путемъ, что правительство ограничивало сравнительно съ прежнимъ право полной поземельной собственности, т.-е. право собственности вотчинниковъ.

Крестьяне, сидѣвшіе на бѣлой землѣ, платили владѣльцу съ занимаемыхъ ими участковъ аренду по соглашенію. Плата обыкновенно вносилась натурою, рѣдко деньгами. Каждый крестьянинъ, хозяинъ двора, самостоятельно вступалъ въ договоръ съ землевладѣльцемъ. Арендная плата, подати и повинности опредѣлялись пропорціонально величинѣ земельнаго участка. Такъ какъ подати и повинности лежали на землѣ, то объ уплатѣ ихъ князю долженъ былъ заботиться арендаторъ-крестьянинъ.

Черные крестьяне платили больше податей и отправляли больше повинностей; на нихъ, кромѣ податей въ собственномъ смыслѣ этого слова, ложилось кормленіе великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Эта прибавка соотвѣтствовала арендной платѣ въ пользу владѣльцевъ бѣлой земли. Въ помѣстьяхъ крестьяне должны были содержать княжескаго служилаго человѣка — помѣщика и его приказчиковъ; черные крестьяне содержали княжескихъ чиновниковъ.

Итакъ, отношенія между землевладѣльцами и крестьянами основывались на договорѣ, но въ дѣйствительности крестьяне въ значительной степени находились въ личной зависимости отъ владѣльцевъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они были въ долгу у послѣднихъ. Самый циклъ сельскохозяйственныхъ ра-

ботъ, ради которыхъ крестьяне вступали въ договоръ, обусловливалъ для нихъ прикрѣпленіе къ одному мѣсту по крайней мѣрѣ на годъ. Уже довольно рано установился обычай заключать договоры и отказываться отъ нихъ въ опредѣленное время года. По большей части этимъ временемъ былъ ноябрь мѣсяцъ, хотя въ различныхъ мѣстахъ и княжествахъ существовали на этотъ счетъ разные обычаи. Въ Московскомъ княжествѣ срокомъ отказа отъ договоровъ издавна считался осенній Юрьевъ день (26 ноября). Первое упоминаніе объ этомъ срокѣ относится къ 1450 г. [1]). Въ Псковѣ срокъ падалъ на заговѣнье передъ Филипповками (14 ноября). Съ давнихъ поръ князья старались различными распоряженіями предотвратить сманиваніе и переходы крестьянъ съ дворцовыхъ и черныхъ тяглыхъ земель [2]).

При составленіи перваго законодательнаго сборника великаго княжества Московскаго имѣлось въ виду прежде всего укрѣпить единство отдѣльныхъ частей княжества путемъ устраненія мѣстныхъ особенностей прежнихъ самостоятельныхъ областей, а также дать дальнѣйшее развитіе системѣ служилыхъ помѣстій. Только что упомянутое разнообразіе мѣстныхъ обычаевъ, регулировавшихъ договоры крестьянъ съ землевладѣльцами, было устранено включеніемъ въ судебникъ 1497 года слѣдующаго общаго правила: „А хрестіанамъ отказыватися изъ волости (въ волость) и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за

---

[1]) Акты археографической экспедиціи (А. Э.), I, № 48, III.

[2]) А. Э. I, № 17, 20, 64. Акты историческіе (А. И.), I, № 59. Древнѣйшія свидѣтельства относятся къ началу XV ст.

недѣлю до Юрьева дни осенняго и недѣлю послѣ Юрьева дни осенняго. Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина. А который хрестіанинъ поживетъ за кимъ годъ, да поидетъ прочь; и онъ платитъ четверть двора. А два года поживетъ да поидетъ прочь, и онъ полдвора платитъ. А три года поживетъ, а поидетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора. А четыре года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ".

При составленіи этого закона имѣлось въ виду регулировать заключеніе договоровъ между землевладѣльцами и крестьянами. Несомнѣнно, что законодательное опредѣленіе срока, въ который разрѣшалось отказываться отъ договоровъ, было желательно и ради успѣховъ сельскаго хозяйства, и въ интересахъ землевладѣльцевъ и самихъ крестьянъ. Новый законъ долженъ былъ устранить произволъ и установить порядокъ одинаково обязательный для обѣихъ сторонъ, но тѣ выраженія, въ которыя законъ формулированъ, проливаютъ любопытный свѣтъ на характеръ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами, опредѣлившійся раньше его изданія и имъ только подтвержденный. Въ законѣ говорится не о двусторонней сдѣлкѣ, не о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, но только о крестьянахъ и о крестьянскомъ „отказѣ". Права землевладѣльцевъ представляются безспорными, не требующими доказательствъ и новаго опредѣленія; рѣчь идетъ только объ ограниченіи крестьянскихъ правъ. Фактически землевладѣлецъ былъ такъ же связанъ, какъ и крестьянинъ; онъ не могъ прогнать крестьянина съ своей земли, но у него были другія средства понужденія по отношенію къ крестьянамъ,

тогда какъ единственнымъ оружіемъ крестьянина было право уйти съ владѣльческой земли Такимъ образомъ новый законъ по своей формѣ былъ направленъ исключительно противъ крестьянъ; судя по его тексту, послѣднихъ никакъ нельзя считать равноправными землевладѣльцамъ. И самый законъ и его формулировка характерны для московскихъ порядковъ: въ нихъ обращается вниманіе не на взаимныя права затронутыхъ лицъ, а лишь на текущія потребности государства. Въ псковскихъ гражданскихъ законахъ существовали также постановленія о способахъ прекращенія договоровъ между крестьянами и землевладѣльцами, но договоръ между ними и фактически и формально признавался двустороннею сдѣлкою, при чемъ относительно правъ и обязанностей землевладѣльца говорилось, что землевладѣлецъ можетъ удалить крестьянина со своей земли не иначе, какъ 14 ноября и еще при этомъ долженъ представить доказательства, что отказъ отъ аренды объявленъ крестьянину своевременно. Вообще въ соотвѣтственномъ псковскомъ законодательствѣ и землевладѣлецъ и крестьянинъ считались лицами равноправными [1]).

Если первая часть московскаго закона была невыгодна для крестьянъ лишь по своей формѣ, то вторая часть противорѣчила ихъ интересамъ и по содержанію. По обычаю крестьянинъ, уходя съ чьейнибудь земли, долженъ былъ вернуть владѣльцу полностью и въ исправномъ видѣ все, что получилъ отъ него: запасы зерна и корма, хозяйственный инвентарь, постройки. Сверхъ того онъ долженъ былъ

[1]) И. Энгельманъ: Гражданскіе законы псковской судной грамоты. С.-Пб., 1855 г., стр. 49–61.

уплатить всѣ лежавшія на немъ повинности или, по крайней мѣрѣ, обезпечить ихъ уплату [1]). Понятно, что, когда дѣло доходило до суда, землевладѣлецъ долженъ былъ доказывать свое право на вознагражденіе. Крестьянинъ, исполнившій свои обязательства, возвратившій владѣльцу все полученное отъ него, не платилъ больше ничего. Вторая часть цитированнаго закона вводила новое правило: кто жилъ на чужомъ дворѣ, тотъ всегда при переходѣ на другую землю долженъ былъ платить вознагражденіе собственнику прежняго двора и земли: размѣръ вознагражденія опредѣлялся разъ навсегда пропорціонально числу лѣтъ пользованія дворомъ.

Существуетъ мнѣніе [2]), что мѣра эта имѣла весьма выгодное практическое значеніе для крестьянъ, что ею устранялись споры и тяжбы, такъ какъ она устанавливала общую и одинаковую норму для всѣхъ возможныхъ случаевъ. Конечно, споры и тяжбы были устранены, задача судей была облегчена, такъ какъ имъ больше не приходилось изслѣдовать права

---

[1]) А. Э. № 48, 1450 г., № 73, 1462 г.

[2]) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", М., 1860 г. *), стр. 56. Бѣляевъ высказываетъ мысль, что этотъ законъ облегчалъ для крестьянъ осуществленіе свободнаго перехода. Въ своемъ постоянномъ стремленіи идеализировать все, что происходило въ древнемъ Московскомъ государствѣ, Бѣляевъ совершенно упускаетъ изъ виду, что какъ разъ въ этомъ Московскомъ государствѣ, гдѣ руководящимъ началомъ являлись не принципы права, а текущія нужды управленія, зародились тлетворныя сѣмена позднѣйшаго крѣпостничества. Трудъ Бѣляева цѣненъ единственно по сообщеннымъ въ немъ сырымъ матеріаламъ, впервые оглашеннымъ въ печати. Его собственные вы-

---

*) Есть новое изданіе. М. 1891 г. Ред.

спорящихъ сторонъ и разбирать доказательства: новый законъ упростилъ все это. Крестьянамъ было сказано: вы должны платить столько-то и столько-то. Законодатель ради простоты судопроизводства возложилъ на крестьянъ новое тяжелое бремя, а съ землевладѣльцевъ снялъ обязанность доказывать основательность своихъ притязаній. Со времени изданія этого закона крестьянинъ могъ исправно выполнять свои обязательства, могъ сохранить и вернуть землевладѣльцу все, что взялъ у него въ прежнемъ видѣ, ему все-таки предстояло платить „пожилое". Рубль представлялъ по тѣмъ временамъ сумму достаточную для прожитія крестьянина въ теченіе года; эту сумму онъ могъ съ трудомъ заработать въ хорошій годъ. Для многихъ требованіе обязательной уплаты пожилого было равносильно запрещенію переходовъ. Если мы сопоставимъ все, что намъ извѣстно объ экономическомъ положеніи крестьянъ того времени, то окажется, что положеніе это было очень печально, почти безнадежно. О сбереженіи крестьянамъ нечего было и думать; правомъ перехода они могли пользоваться только въ томъ случаѣ, ког-

воды являются совершенно неосновательными догадками, нерѣдко прямо противорѣчащими тѣмъ самымъ источникамъ, которые онъ приводитъ. Лишенный критическаго чутья, онъ, подобно всѣмъ славянофиламъ, питалъ непоколебимую увѣренность въ недостижимомъ совершенствѣ всѣхъ древне-русскихъ порядковъ и учрежденій. Такъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, старыми славянофилами,— Аксаковымъ, Хомяковымъ и др., Бѣляевъ твердо держится фантастической гипотезы существованія древне-русской исконной поземельной общины, на которую не имѣется рѣшительно никакихъ указаній въ источникахъ.

да имъ приходилъ на помощь какой-нибудь богатый землевладѣлецъ, желавшій увеличить число крестьянъ на своей землѣ; онъ давалъ средства крестьянину разсчитаться съ прежнимъ хозяиномъ, и крестьянинъ освобождался отъ старыхъ обязательствъ лишь для того, чтобы тотчасъ вступить въ такую же зависимость отъ своего новаго заимодавца. Цитированный нами законъ призналъ случайныя и подлежавшія доказательству требованія землевладѣльцевъ ихъ постояннымъ и безспорнымъ правомъ. Съ тѣхъ поръ выраженіе „Юрьевъ день“ стало употребляться въ русской рѣчи, какъ эвфемизмъ для обозначенія ограниченій свободы.

Въ другихъ отношеніяхъ законъ не давалъ землевладѣльцамъ никакой власти надъ крестьянами. Только въ силу особыхъ княжескихъ и великокняжескихъ жалованныхъ грамотъ большая часть монастырей и многіе служилые люди, изъятые изъ-подъ суда намѣстниковъ и волостелей и подчиненные суду самого князя, получали отъ него право судить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ. Это право давалось обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда князь жаловалъ не населенную или малонаселенную землю, съ обязательствомъ заселить ее крестьянами, выведенными не съ княжескихъ земель и вообще не изъ своего княжества, а съ земель сосѣднихъ княжествъ. Одновременно съ этимъ, однако, князья обязывались въ своихъ договорахъ не свозить другъ у друга крестьянъ и не дозволять своимъ людямъ подобнаго своза. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ существовало — по крайней мѣрѣ, для дворцовыхъ слугъ и горожанъ — запрещеніе отъѣзжать за предѣлы княжества. Съ

уничтоженіемъ удѣловъ подобные запреты исчезли сами собой, осталось только одно ограниченіе, въ силу котораго нельзя было переводить крестьянъ съ дворцовыхъ и черныхъ тяглыхъ земель. Въ царствованіе Ивана Грознаго при проведеніи общей реформы мѣстнаго управленія крестьянамъ было дано сравнительно самостоятельное положеніе по отношенію къ землевладѣльцамъ. Была сдѣлана попытка сплотить крестьянское населеніе въ административныя общины, независимо отъ того, на какихъ земляхъ они жили. Но опытъ оказался неудачнымъ. Такъ какъ крестьяне на разныхъ земляхъ подлежали неодинаковому обложенію и степень ихъ зависимости была различна, то эта реформа была встрѣчена глухой, но весьма упорной оппозиціей. Землевладѣльцы не хотѣли отказаться отъ своей юрисдикціи, предоставленной имъ жалованными грамотами, дворцовыя земли были изъяяты изъ-подъ дѣйствія новаго закона самимъ правительствомъ, а крестьяне бѣлыхъ земель и слышать не хотѣли объ уравненіи своихъ правъ съ правами черныхъ крестьянъ, отданныхъ на произволъ царскихъ чиновниковъ. Вслѣдствіе этого реформа почти не коснулась бѣлыхъ крестьянъ, независимо отъ того, что и вообще она была проведена крайне непослѣдовательно. Что же касается до черныхъ крестьянъ, то именно къ этому времени слѣдуетъ относить образованіе ихъ общиннаго устройства. Для нихъ новый порядокъ принесъ нѣкоторыя выгоды, предоставивъ имъ возможность защищать свои интересы. Они получили право выбирать по своему усмотрѣнію („кого излюбятъ“) старостъ и цѣловальниковъ, завѣдывавшихъ раскладкой и сборомъ пода-

тей. За исправный взносъ податей отвѣчали старосты, а за старостъ отвѣчали избравшіе ихъ міры. Такъ возникла отвѣтственность общины за исправную уплату податей каждымъ ея членомъ, а эта отвѣтственность послужила позднѣе основаніемъ для развитія общиннаго землевладѣнія въ средней Россіи: тогда какъ на сѣверѣ общинное землевладѣніе явилось только въ XVIII в. Не трудно понять сущность этого процесса. Староста и общество, становясь отвѣтственными за исправную уплату податей отдѣльными лицами, должны были заботиться о томъ, чтобы каждый крестьянинъ оказался въ состояніи внести всю причитающуюся съ него сумму, о чемъ раньше всякій заботился самъ за себя. Если крестьянинъ не могъ платить податей и отправлять государственныхъ повинностей, потому что у него было мало земли или земля его была плохого качества, то въ интересахъ общины было дать ему больше земли или землю лучшаго качества.

Чѣмъ настойчивѣе проводило правительство ту мысль, что всѣ должны платить равныя подати и править одинаковыя повинности, и что уплата податей должна обезпечиваться круговою порукой, тѣмъ сильнѣе укоренялось въ головахъ крестьянъ, особенно самыхъ бѣдныхъ, представленіе о томъ, что они всѣ равны и всѣ имѣютъ равное право на землю, съ которой должны платить подати и править повинности. Конечно, только что указанныя мѣры могли заронить лишь первоначальный зародышъ этой идеи, и мы еще увидимъ, какъ цѣлый рядъ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій развилъ эту идею въ цѣлую систему воззрѣній, которая все

болѣе привязывала къ землѣ русскаго крестьянина. Старосты, являвшіеся первыми отвѣтчиками за своевременную и безнедоимочную уплату податей, старались всевозможными средствами обезпечить себя; они заключали договоры съ отдѣльными крестьянами, особенно съ новоселами, въ силу которыхъ послѣдніе обязывались не оставлять земли и не выходить изъ состава общины иначе, какъ поставивъ на свое мѣсто другого поселенца, въ противномъ случаѣ договоръ предоставлялъ старостѣ право силою задержать уходящаго; бывали случаи, когда старосты прибѣгали къ такимъ мѣрамъ и безъ всякихъ договоровъ. Злоупотребленія въ этомъ родѣ продолжались до тѣхъ поръ, пока они не стали обычаемъ, а обычай современемъ перешелъ и въ законъ. Во вторую половину царствованія Грознаго для крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, выходъ изъ общины разрѣшался лишь въ томъ случаѣ, если они находили замѣстителя, готоваго взять на себя всѣ обязанности выходящаго [1]).

Правительство надѣялось этими мѣрами обезпечить платежную способность черныхъ крестьянскихъ общинъ. Но вслѣдствіе дурного управленія и особенно вслѣдствіе неистовыхъ жестокостей опричнины при Иванѣ Грозномъ число населенныхъ дворовъ сократилось до невѣроятнаго minimum'a. Мы знаемъ, что непосредственно послѣ покоренія Новгорода Москвою, послѣ того, какъ новгородскіе землевладѣльцы были уведены въ ссылку, а на ихъ мѣста

---

[1]) А. Э. I. № 234, 1552 г. Дополненіе къ А. И. (Д. А. И.) I, № 117, 119 за 1564 и 1568 гг.

были испомѣщены московскіе служилые люди, новгородская область отличалась сравнительно густымъ населеніемъ и крестьяне пользовались тамъ относительнымъ довольствомъ.

Большіе крестьянскіе участки, размѣръ которыхъ можно было свободно увеличивать, давали такое количество сельскохозяйственныхъ продуктовъ, что не только крестьянская семья могла кормиться въ теченіе года лучше, чѣмъ въ настоящее время, но ихъ хватало еще на исправную уплату оброка и податей. Сто лѣтъ московскаго владычества привели къ тому, что размѣръ земельнаго участка, обрабатываемаго крестьянскимъ дворомъ, уменьшился до четвертой, иногда даже до десятой части прежняго. Сельское хозяйство пришло въ упадокъ, потому что крестьне, лишаясь скота и мертваго инвентаря, не могли обрабатывать какъ слѣдуетъ своихъ полей. Число населенныхъ дворовъ уменьшилось до невѣроятной степени. Въ одной области [1]) на пространствѣ 467 кв. верстъ было насчитано 123 жилыхъ селенія и 967 пустыхъ деревень. При перечисленіи послѣднихъ причины запустѣнія объясняются большею частью лаконической отмѣткой: „отъ государевыхъ податей и отъ подводъ", иногда „отъ опричнаго правежу", сравнительно рѣдко „отъ свейскихъ нѣмецъ" и „отъ казаковъ", и только въ 23 случаяхъ „отъ мора и голода". Лишь немногія селенія запустѣли раньше половины XVI вѣка, въ большинствѣ случаевъ моментъ запустѣнія падаетъ на вре-

---

[1]) Въ Деревской пятинѣ. См. Соколовскій, стр. 40.

Ред.

мя опричнины [1]), когда Новгородъ подвергался наказанію за то, что нѣкогда смѣлъ противиться дѣду царя, великому князю Ивану III, и, покорившись только передъ силою, до сихъ поръ держался иныхъ обычаевъ, чѣмъ Москва. Эти факты показываютъ, что въ Московскомъ государствѣ и правительство, и землевладѣльцы могли остаться совсѣмъ безъ рабочихъ рукъ, если бы крестьяне не были прикрѣплены къ землѣ.

На черныхъ земляхъ отмѣна крестьянскаго перехода была осуществлена административнымъ путемъ; по отношенію къ нѣкоторымъ монастырскимъ и владѣльческимъ землямъ, эта отмѣна устанавливалась особыми жалованными грамотами. Первый примѣръ такого пожалованія представляютъ двѣ грамоты Василія Темнаго, данныя Троице - Сергіевскому монастырю около 1460 г. [2]). Служилые люди, не получившіе подобной привилегіи, старались обезпечить себя, вставляя въ свои договоры съ крестьянами (порядныя грамоты) условія, затруднявшія или даже дѣлавшія невозможнымъ уходъ съ ихъ земель; если же и это не помогало, они прибѣгали иной разъ къ открытому насилію.

Въ борьбѣ за единодержавіе власть великихъ князей и царей московскихъ развилась и окрѣпла на-

[1]) Соколовскій: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи". С.Пб., 1877 г., стр. 25—51.

[2]) А. И. I, № 59. Акты юридическіе Колачова. I, № 37. А. Э. I, № 64.—Этими грамотами (1455—1462 гг.) Троицкому Сергіеву монастырю предоставлялось право не выпускать крестьянъ изъ своихъ вотчинъ Бѣжецкаго и Углицкаго уѣздовъ.

Рео.

столько, что въ концѣ концовъ вся народная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ очутилась подъ ея контролемъ. Прежнія вольныя общественныя состоянія превратились въ строго разграниченные „чины". Каждый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ извѣстному „чину" и занятію, каждый обязывался служить государству такъ, какъ было указано царскимъ правительствомъ. Свободная поземельная собственность получившая полное развитіе въ прежнихъ удѣльныхъ княжествахъ, была уничтожена или ограничена; владѣніе землей было обусловлено несеніемъ царской службы и право поземельной собственности разсматривалось, какъ право наслѣдственнаго владѣнія служилой вотчиной. Исчезла самостоятельность бояръ, даже духовенство должно было примириться съ нѣкоторымъ ограниченіемъ своихъ правъ. Купцы и ремесленники были прикрѣплены къ своимъ занятіямъ и общинамъ; они должны были торговать и заниматься ремеслами для пользы государства, отправляя службу царю, какъ и гдѣ укажетъ царь или царскіе чиновники. Только монастырскіе и владѣльческіе крестьяне могли передвигаться куда хотѣли или куда гнала ихъ нужда; если въ одномъ мѣстѣ условія жизни складывались для нихъ слишкомъ неблагопріятно, они уходили прочь за поисками менѣе тяжкой доли. И если въ общемъ ихъ участь была незавидна, то все же они одни сохраняли свободу передвиженія, могли отказываться отъ договоровъ и переходить съ мѣста на мѣсто безъ особыхъ царскихъ повелѣній и не спрашивая дозволенія у администраціи.

Но развѣ такой порядокъ могъ быть тогда тер-

нимъ, развѣ крестьяне — экономически самый приниженный классъ населенія — могли сохранять юридическую свободу одни во всемъ тогдашнемъ обществѣ?

Подати и повинности разверстывались по населеннымъ участкамъ. Онѣ тяжело ложились на крестьянъ, но еще тяжелѣе были вымогательства, сопровождавшія ихъ взысканіе; администрація не знала предѣловъ своему произволу. Отъ этого гнета старались спастись хитростью. Когда являлись царскіе писцы для составленія писцовыхъ и окладныхъ книгъ, землевладѣльцы приказывали своимъ крестьянамъ прятаться въ лѣсахъ для того, чтобы возможно большее число участковъ было показано въ книгахъ „въ пустѣ“, такъ какъ съ такихъ участковъ не платили податей и не правили повинностей. Когда же составленіе книгъ заканчивалось, крестьяне возвращались въ „пустые“ дворы [1]). Тогда начиналось лихорадочное заселеніе новыхъ земель и постройка новыхъ дворовъ. Землевладѣлецъ могъ создать благопріятныя условія и для новыхъ поселенцевъ, и для своихъ старыхъ крестьянъ, если тяжелыя подати, которыя опредѣлялись пропорціонально числу участковъ, показанныхъ населенными, онъ умѣлъ разложить въ дѣйствительности на гораздо большее число участковъ. Къ такому изворотливому землевладѣльцу отовсюду стекалось множество крестьянъ.

Слѣдствія такого порядка были невыгодны и для государства, и для тѣхъ землевладѣльцевъ, которые были слишкомъ честны, недостаточно изворотливы или недостаточно сильны, чтобы продѣлывать только что

---

[1]) Д. А. И. № 93 отъ 1556 г.

описанныя уловки. Крестьяне покидали ихъ землю, спасаясь отъ податной тяготы, владѣльцы разорялись, а это немедленно отражалось на интересахъ государства; землевладѣльцы не могли отбывать службу, съ принадлежащихъ имъ деревень, обозначенныхъ „въ жилѣ“, не поступало податей. Многіе пытались помочь себѣ собственными средствами, удерживали крестьянъ на своей землѣ силою и грабили тѣхъ, которые все-таки уходили прочь; но зато бывали злоупотребленія и другого рода: богатые землевладѣльцы, пользуясь труднымъ положеніемъ бѣдныхъ, сманивали у нихъ крестьянъ, подстрекали послѣднихъ противъ господъ и подговаривали отказываться отъ договоровъ по ничтожнымъ поводамъ, ссужая ихъ деньгами для перехода. Очень часто крестьяне этимъ переходомъ не только не улучшали, но, наоборотъ, ухудшали свое положеніе. Взявъ деньги взаемъ, они превращались въ кабальныхъ холоповъ. Такимъ образомъ свобода крестьянскаго передвиженія приносила вредъ самимъ крестьянамъ, разоряла бѣдныхъ землевладѣльцевъ и оказывалась выгодной лишь для богатыхъ. Бывали даже такіе случаи, что могущественный владѣлецъ съ толпою слугъ нападалъ на сосѣдей, уводилъ ихъ крестьянъ и селилъ на своей землѣ [1]).

---

[1]) Примѣры у Чичерина: „Опыты по исторіи русскаго права“. Москва, 1858 г., стр. 195—197.

ГЛАВА II.

Прикрѣпленіе крестьянъ въ 1597 г.

Положеніе дѣлъ, описанное въ концѣ предыдущей главы, не могло не вызвать правительственнаго вмѣшательства; вопросъ былъ только въ томъ, чтобы найти подходящее средство для упорядоченія взаимныхъ отношеній крестьянъ и землевладѣльцевъ.

Противъ правонарушеній и несоблюденія законовъ есть лишь одно дѣйствительное средство—огражденіе законныхъ правъ и неуклонное слѣдованіе закону.

Посмотримъ же, что было сдѣлано для обезпеченія права и выполненія закона въ настоящемъ случаѣ.

24-го ноября 1597 года былъ изданъ указъ слѣдующаго содержанія:

„Которые крестьяне изъ за бояръ, изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей изъ помѣстій и изъ вотчинъ и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 году (1597 г.) за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянахъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ за кого они выбѣжали и патріаршимъ и митрополичьимъ и владычнымъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикамъ и служкамъ давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ

кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больши и тѣ... изъ за кого они выбѣжали на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ... за кѣмъ они изъ за нихъ, выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больши государю царю и в. князю Ѳедору Ивановичу не бивали челомъ и государь... указалъ и по государеву... указу бояре приговорили на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити".

Если мы вникнемъ въ смыслъ этого указа, то окажется слѣдующее:

Каждый землевладѣлецъ получилъ право не выпускать крестьянъ со своей земли и въ случаѣ ихъ самовольнаго ухода возвращать ихъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Но право сыска ушедшихъ крестьянъ было ограничено пятью годами и по истеченіи указаннаго срока становилось недѣйствительнымъ, если за это время не было вчинено иска о возвращеніи крестьянъ. Жаловаться можно было не только на крестьянъ, оставившихъ землю вопреки царскому указу, но и на владѣльцевъ, которые принимали и селили у себя чужихъ крестьянъ.

Какимъ образомъ явился этотъ указъ?

Мы видѣли, что при переходахъ крестьянъ отъ

---

[1]) А. И. I, № 22. III. Ср. Татищевъ: „Судебникъ царя Іоанна Васильевича и указы", изд. 2-е, Москва, 1786 г., стр. 220—22.

одного владѣльца къ другому постоянно нарушался законъ, совершались насилія и преступленія. Конечно, и крестьяне нарушали иной разъ права владѣльцевъ, но въ большинствѣ случаевъ виновными въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ были владѣльцы. Тѣмъ не менѣе въ указѣ 1597 г. необходимость защиты крестьянскихъ правъ была оставлена безо всякаго вниманія. Издавая указъ, правительство, повидимому, имѣло въ виду другую цѣль: оно думало устранить самую причину правонарушеній и надѣялось достигнуть этого отмѣною или, вѣрнѣе, игнорированіемъ того права, которое подвергалось нарушеніямъ. Государственная власть стала смотрѣть на крестьянъ такъ, какъ будто они были прикрѣплены къ землѣ; тѣ изъ крестьянъ, которые оставляли свою землю, считались бѣглыми, но обратно ихъ водворяли только по иску землевладѣльца и послѣ строгаго разслѣдованія дѣла, при чемъ для вчинанія иска былъ назначенъ довольно короткій срокъ. Хотя крестьянъ и называли бѣглыми, но поступали съ ними сравнительно мягко.

Служилые люди за побѣгъ со службы наказывались конфискаціей помѣстья; купцамъ и посадскимъ, бросавшимъ свое ремесло и свою общину, грозила смерть; между тѣмъ какъ бѣглыхъ крестьянъ просто водворяли на старыхъ мѣстахъ безъ всякаго наказанія.

Истолкованіе этого указа и опредѣленіе его истиннаго смысла доставило немало хлопотъ изслѣдователямъ и было предметомъ продолжительной полемики. Съ одной стороны утверждали, что именно этимъ указомъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Но противъ этого предположенія возражали, что въ текстѣ указа нѣтъ ни одного слова о запрещеніи кре-

стьянскихъ переходовъ, а между тѣмъ такое важное право, какъ право свободнаго перехода, нельзя было игнорировать, нельзя было отнять у крестьянъ безъ всякаго о томъ упоминанія. Если же право свободнаго перехода еще существовало во время изданія указа, то почему въ немъ говорится о бѣглыхъ? Или въ указѣ идетъ рѣчь *только* объ однихъ бѣглыхъ, т.-е. о такихъ, которые оставляли владѣльческую землю, не предупредивъ владѣльца и не выполнивъ всѣхъ обязательствъ,—въ такомъ случаѣ дѣйствіе указа вовсе не распространялось на тѣхъ, кто пользовался переходомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ узаконенныхъ правилъ, или же цитированный указъ былъ изданъ послѣ того, какъ право свободнаго перехода было уже отмѣнено другимъ указомъ.

Противъ перваго толкованія было высказано то возраженіе, что во время изданія спорнаго указа прикрѣпленіе крестьянъ несомнѣнно стало уже совершившимся фактомъ. Но въ то же время представлялось маловѣроятнымъ, чтобы этотъ указъ могъ такъ просто игнирировать право, документально засвидѣтельствованное еще въ 1590 г.

Оставалось предположить существованіе еще другого указа, непосредственно отмѣнявшаго право свободнаго перехода.

Нѣкоторые полагали, что такой указъ состоялся въ 1592 г., такъ какъ указомъ 1597 г. разрѣшалось возвращать крестьянъ, бѣжавшихъ не болѣе какъ за пять лѣтъ до его изданія. Но противъ этого взгляда возражалъ еще Бѣляевъ, ссылаясь на то, что въ указѣ 1597 г. нѣтъ ни одного прямого указанія на 1592 г.; но, по его мнѣнію, пятилѣтній срокъ пред-

ставлялъ просто срокъ давности, установленной для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Бѣляевымъ было высказано мнѣніе, которое стало господствующимъ, что настоящій указъ объ отмѣнѣ свободнаго перехода потерянъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произошло вскорѣ послѣ 1590 г., такъ какъ до насъ дошли несомнѣнныя доказательства, свидѣтельствующія, что въ этомъ году право свободнаго перехода еще существовало [1]).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что текстъ указа формулированъ странно и возбуждаетъ недоумѣніе. Если согласно нашимъ современнымъ воззрѣніямъ на право даже отдѣльное лицо не можетъ быть лишено свободы и своихъ законныхъ правъ какъ бы мимоходомъ, безъ формальнаго акта установленной власти, то тѣмъ менѣе возможнымъ кажется намъ подобное дѣйствіе по отношенію къ цѣлому сословію. Съ другой стороны, утрата указа о запрещеніи крестьянскихъ переходовъ представляется легко возможной. Однако эта возможная утрата является простымъ предположеніемъ, которому нельзя придавать рѣшающаго значенія. Въ указѣ 1597 г. нѣтъ никакихъ

[1]) Бѣляевъ: Крестьяне на Руси. Москва, 1860 г., стр. 105 и слѣд. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. VII, стр. 441 и слѣд. Чичеринъ: Опыты по исторіи русскаго права, стр. 223. Погодинъ держится того мнѣнія, что указъ 1597 г. не имѣетъ существеннаго значенія, и что крѣпостное право развилось постепенно помимо указныхъ опредѣленій *).

*) Уже послѣ того, какъ Энгельманъ написалъ эти строки, мнѣніе Погодина получило дальнѣйшее развитіе и солидное научное обоснованіе въ трудахъ проф. Ключевскаго и Дьяконова. *Ред.*

ссылокъ на изданные ранѣе законы. Въ XVII столѣтіи точно такъ же, какъ и теперь, ничего не знали о существованіи указа, которымъ крестьяне были бы прикрѣплены къ землѣ. Какъ мы увидимъ ниже, въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія служилые люди ходатайствовали объ отмѣнѣ давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ, но въ своихъ челобитіяхъ они ни разу не ссылались на то, что право свободнаго перехода уже уничтожено закономъ, они говорятъ только объ установленіи пятилѣтней давности для сыска бѣглыхъ и просятъ объ отмѣнѣ этой давности. При этомъ они часто дѣлали ссылки на разные указы, но ни одинъ изъ этихъ указовъ не утерянъ, всѣ дошли до насъ, и извѣстны намъ. Да и, наконецъ, какимъ образомъ могъ быть потерянъ такой важный указъ? Приказные сами принадлежали къ сословію служилыхъ людей и должны были бы беречь его особенно тщательно ради собственныхъ интересовъ, а между тѣмъ нигдѣ не оказывается даже слѣдовъ существованія этого указа—самаго важнаго, имѣвшаго самое рѣшительное значеніе и дѣлавшаго совершенно излишними всѣ остальныя распоряженія по тому же предмету. Вмѣсто того землевладѣльцы должны были выпрашивать себѣ разныя права понемногу, шагъ за шагомъ. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что особаго указа, которымъ право свободнаго перехода крестьянъ было бы уничтожено прямо и открыто, никогда не существовало, что отмѣна этого права была лишь косвеннымъ слѣдствіемъ вышеприведеннаго указа 1597 г. Какъ ни странно и маловѣроятно это послѣднее предположеніе, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ истинному ходу дѣлъ.

Примѣръ изъ законодательной практики XVIII вѣка можетъ разсѣять всякія сомнѣнія относительно возможности такого факта.

Извѣстно, что крѣпостное право было введено въ Малороссіи и Новороссіи въ концѣ XVIII столѣтія, и мы знаемъ въ точности всѣ обстоятельства, при которыхъ произошло его распространеніе на эти части имперіи.

Мы увидимъ ниже, что закрѣпощеніе малороссійскихъ и новороссійскихъ крестьянъ совершилось путемъ простыхъ полицейскихъ и фискальныхъ мѣропріятій въ обезпеченіе интересовъ казны и помѣщиковъ.

При введеніи крѣпостного права въ Малороссіи имѣли еще нѣкоторое значеніе политическія соображенія, что же касается до Новороссіи, то здѣсь реформа была осуществлена исключительно по фискально-полицейскимъ мотивамъ.

Въ соотвѣтственныхъ указахъ нигдѣ не говорилось, что свободные крестьяне должны быть обращены въ крѣпостное состояніе, а между тѣмъ именно такое слѣдствіе имѣли эти указы. Даже названіе крѣпостного права не встрѣчается въ нихъ ни разу, рѣчь идетъ только о „сохраненіи порядка", объ обезпеченіи уплаты податей и повинностей. Въ концѣ XVIII столѣтія повторилось буквально то же самое, что происходило въ концѣ XVI-го: тѣ же причины, тѣ же мѣропріятія, точно такъ же мотивированныя, то же невниманіе къ дѣйствующему праву, та же боязнь назвать правительственныя распоряженія ихъ настоящими именами и въ результатѣ тѣ же слѣдствія: введеніе крѣпостного права, но на этотъ разъ въ самой грубой и неограниченной его формѣ. Неужели

же то, что оказалось возможнымъ въ концѣ XVIII столѣтія, всего сто лѣтъ тому назадъ, не могло имѣть мѣста въ концѣ XVI в., за триста лѣтъ до нашего времени? Возможны ли еще какія-нибудь сомнѣнія на этотъ счетъ въ виду столь близкой аналогіи? Это сходство доходитъ до полнаго совпаденія мельчайшихъ подробностей въ способахъ осуществленія правительственной воли: въ XVI столѣтіи точно такъ же, какъ и въ XVIII, въ основу реформы легли не принципы права, а соображенія практическаго свойства. Когда происходило прикрѣпленіе крестьянъ на почвѣ указа 1597 г., оказалось необходимымъ установить общее правило для рѣшенія вопроса, въ какомъ мѣстѣ нужно считать каждаго крестьянина прикрѣпленнымъ къ землѣ. Для этой цѣли воспользовались послѣдними писцовыми книгами. Въ 1590—1592 гг. такія книги были составлены для очень многихъ мѣстностей, и хотя при составленіи ихъ вовсе не имѣлось въ виду прикрѣпленія крестьянъ, но тѣмъ не менѣе онѣ отлично могли пригодиться и для этой цѣли, а потому онѣ и получили скоро соотвѣтственное назначеніе. То же самое повторилось и въ концѣ XVIII столѣтія. Въ 1781 г. былъ изданъ указъ о производствѣ четвертой ревизіи, которая и была осуществлена въ теченіе ближайшихъ слѣдующихъ лѣтъ. Когда же въ Малороссіи начали вводить крѣпостное право, то ревизскимъ сказкамъ придали значеніе документовъ, которыми установлялось закрѣпощеніе крестьянъ за владѣльцами.

Въ XVI стол. пятилѣтній срокъ для возвращенія крестьянъ на прежнія земли былъ назначенъ въ виду того, что составленіе писцовыхъ книгъ закончилось

въ 1592 г., какъ это ясно видно изъ указа царя Василія Шуйскаго отъ 1607 года; впослѣдствіи пятилѣтнему сроку придали значеніе давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Итакъ мы въ правѣ заключить, что прикрѣпленіе крестьянъ явилось случайнымъ и косвеннымъ слѣдствіемъ фискально-полицейскихъ мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ казны и введенныхъ указомъ 1597 г. *).

Наше предположеніе получитъ характеръ несомнѣнной достовѣрности, если мы ясно представимъ себѣ слѣдствія этого указа, оцѣнимъ значеніе его, а равно и нѣкоторыхъ послѣдующихъ указовъ для экономическаго и юридическаго положенія крестьянъ и разсмотримъ вызванныя этими мѣрами перемѣны въ крестьянскомъ быту.

Что произошло въ концѣ XVI столѣтія?

По отношенію къ чернымъ крестьянамъ, сидѣвшимъ на тяглой землѣ, вопросъ о прикрѣпленіи былъ разрѣшенъ давно; они пользовались правомъ перехода только въ томъ случаѣ, когда находили себѣ замѣстителей. Этимъ обезпечивались обработка черной земли и уплата лежавшихъ на ней податей. Надо было установить такое же обезпеченіе для имѣній служилыхъ людей. Правительство нуждалось въ исправномъ поступленіи податей и исправномъ отбываніи службы. Но для этого было необходимо обезпечить обработку служилыхъ земель. Это вполнѣ основательное требованіе несомнѣнно заслуживало уваженія и его поста-

*) Критику этого вывода см. въ началѣ ст. проф. Ключевскаго: „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“. Русск. Мысль 1885 г., № 8. *Ред.*

рались удовлетворить возможно болѣе простымъ способомъ. Экономическое положеніе крестьянъ было въ то время очень стѣсненное; большая часть изъ нихъ была въ долгу у владѣльцевъ; возможность уплатить подати и оброки и кое-какъ поддержать свое существованіе считалась уже признакомъ успѣшнаго веденія хозяйства. О наживѣ, о сбереженіяхъ не могло быть и рѣчи. Крестьяне часто нарушали свои договоры, не будучи въ состояніи выполнить всѣ обозначенныя въ нихъ условія; владѣльцы нерѣдко разорялись вслѣдствіе беззастѣнчиваго сманиванія ихъ крестьянъ богатыми соперниками. Нѣкоторые землевладѣльцы пользовались привилегіей не отпускать своихъ крестьянъ, другіе присвоивали себѣ это право силою. То, что считалось раньше злоупотребленіемъ, становилось мало-по-малу обычаемъ, а указъ 1597 г. превращалъ обычай въ законъ. Узаконеніе обычая было вызвано интересами государства. О правахъ крестьянъ никто не заботился, а фактическое пользованіе правомъ перехода уже не приносило крестьянамъ непосредственной выгоды, такъ какъ съ переходомъ они могли перемѣнить только зависимость отъ одного лица на зависимость отъ другого. Что же касается до массы мелкихъ землевладѣльцевъ, то для нихъ право крестьянскаго перехода было несомнѣннымъ зломъ; благодаря его существованію крупные владѣльцы могли сманивать у нихъ всѣхъ крестьянъ. Въ интересахъ государства требовалось, чтобы мелкіе владѣльцы могли отбывать службу, и ради этого государство должно было охранять ихъ выгоды, такъ какъ служба являлась для нихъ тяжелымъ бременемъ, тогда какъ для богатыхъ и знатныхъ она была по-

четнымъ правомъ и средствомъ обогащенія. Сверхъ того у Бориса Годунова были свои особыя основанія защищать интересы низшаго разряда служилыхъ людей: ради осуществленія своихъ широкихъ плановъ онъ долженъ былъ привязать къ себѣ этихъ людей, такъ какъ боярская знать во всякомъ случаѣ оказалась бы въ числѣ его соперниковъ и противниковъ. Наконецъ, право крестьянскаго перехода представляло множество затрудненій и для администраціи, усложняло ея дѣятельность, мѣшало исправному сбору податей и распредѣленію повинностей,—однимъ словомъ оказывалось неудобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Попытки реформъ Ивана Грознаго, задуманныя съ цѣлью ограниченія административнаго произвола и огражденія общественной безопасности, окончились неудачей. Переходы крестьянъ только усиливали общую смуту и благопріятствовали образованію разбойничьихъ шаекъ. Центральная административная власть, сосредоточенная въ приказахъ, стремилась водворить единство во всемъ государственномъ управленіи путемъ одинаковаго подчиненія всѣхъ слоевъ населенія своему произволу. Если чьи-нибудь личныя права оказывались препятствіемъ къ осуществленію чиновничьяго произвола, то на эти права смотрѣли какъ на нѣчто вредное и примѣняли къ нимъ мѣры, соотвѣтствующія этому взгляду. Если заинтересованное лицо пыталось настаивать на своемъ правѣ, отъ него требовали безусловной покорности, оставляя безъ вниманія вопросъ о законности его притязаній. Правонарушенія и противозаконныя дѣйствія, отъ которыхъ страдали и государство, и частныя лица, устранялись не путемъ неуклоннаго слѣдованія законамъ и оди-

наковаго примѣненія ихъ къ сильнымъ и слабымъ, но посредствомъ легко осуществимыхъ административныхъ мѣръ, направленныхъ въ ущербъ слабымъ и прежде всего въ ущербъ крестьянамъ. Ограниченіе крестьянскихъ правъ представляло самое простое и уже испытанное средство, а примѣненіе его въ данномъ случаѣ вносило полную опредѣленность и ясность въ положеніе дѣлъ. Не надо было распутывать сложныхъ правовыхъ отношеній,—всѣ связанныя съ ними трудности устранялись сами собой и все это достигалось однимъ почеркомъ пера. Злоупотребленія и нарушенія права становились больше невозможными, потому что самое право, подвергавшееся нарушеніямъ, было уничтожено. На правонарушенія нельзя было больше жаловаться,—слѣдовательно ихъ болѣе не существовало. Посмотримъ теперь, какъ осуществилось прикрѣпленіе крестьянъ.

XVI столѣтіе приходило къ концу. Династія московскихъ великихъ князей и царей изъ рода Рюриковичей угасла послѣ того, какъ Рюриковичи выполнили свою историческую задачу. Укрѣпивъ единодержавіе московскихъ царей, они положили начало могуществу и единству русскаго государства. Но послѣдніе порывы старыхъ центробѣжныхъ силъ еще разъ потрясли его. XVII столѣтіе открылось смутнымъ временемъ. Еще разъ самое существованіе Московскаго царства было поставлено на карту. Казалось, что весь политическій и общественный строй, сложившійся въ теченіе предыдущаго вѣка, былъ поколебленъ въ самыхъ основахъ. Возмутительныя злоупотребленія администраціи, продолжительныя и кровопролитныя, но неудачныя войны Ивана Грознаго изъ-за

Ливоніи, подати и повинности, которыя этотъ царь требовалъ для своихъ войнъ,—все это привело крестьянъ къ нищенству и бродяжничеству, а многія тысячи хозяйствъ—къ полному разоренію: люди перемерли, скотъ былъ уничтоженъ, земли опустошены. Эти условія вызвали всеобщее броженіе и породили всѣ явленія смутнаго времени, въ томъ числѣ и попытки государственнаго переворота. Истощеніе страны было такъ велико, что дѣйствіе административной машины начало останавливаться. Правительство съ каждымъ годомъ дѣлалось слабѣе, и разные искатели приключеній и предводители крупныхъ разбойничьихъ шаекъ стали играть видную роль въ государственной жизни. Необузданный произволъ дикаго казачества продолжался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не поднялись здоровые элементы общества и не выступили впередъ по собственному почину, не дожидаясь правительственныхъ приказовъ и распоряженій. Этой части общества и ея представителямъ послѣ упорной борьбы удалось очистить страну отъ враговъ, возстановить старый порядокъ и снова упрочить единодержавіе. Напряженная работа народныхъ силъ не ограничилась однимъ кратковременнымъ порывомъ; нѣсколько лѣтъ подъ рядъ народные представители оставались подлѣ новоизбраннаго царя и раздѣляли съ нимъ труды и заботы правленія, принимали участіе не только въ административныхъ дѣлахъ, но и въ изданіи указовъ и разсылкѣ грамотъ. Затѣмъ, повидимому, энергія народнаго представительства ослабѣла или была искусственно ослаблена, порядокъ былъ водворенъ, правительство чувствовало себя достаточно сильнымъ и бюрократія могла снова распоряжаться по своему усмотрѣнію.

Прикрѣпленіе крестьянъ играло далеко не послѣднюю роль въ ряду причинъ, вызвавшихъ общее недовольство смутнаго времени. Не всѣ землевладѣльцы были удовлетворены этою мѣрою, богатые увидѣли въ ней ограниченіе своихъ правъ. Крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, онъ не могъ ея оставить, но и землевладѣлецъ не могъ его прогнать. Прикрѣпленіе къ землѣ произошло вдругъ, безъ всякой предварительной подготовки; оно явилось косвеннымъ слѣдствіемъ одного правительственнаго распоряженія. Результаты этого не замедлили сказаться: начали возникать безконечные споры и тяжбы. Писцовыя книги, составленныя ради податныхъ цѣлей, получили затѣмъ значеніе документовъ, установлявшихъ права владѣльцевъ на записанныхъ за ними крестьянъ. Это открывало широкій просторъ для всякихъ случайностей и произвола. Землевладѣльцы всячески старались избавиться отъ стѣсненій, которыя они считали нарушеніемъ своихъ правъ, и, охотно признавая *своихъ* крестьянъ прикрѣпленными къ землѣ, въ то же время были не прочь принимать и селить у себя чужихъ бѣглыхъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что еще сильнѣе было недовольство крестьянъ, у которыхъ отняли свободу. Правительство, пуская въ ходъ свое простое средство, очевидно не представляло себѣ всѣхъ возможныхъ слѣдствій его примѣненія и, когда возникъ цѣлый рядъ затрудненій, оно оказалось готовымъ на уступки. Борисъ Годуновъ возстановилъ свободу переходовъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Онъ старался регламентировать переходы и тѣмъ самымъ увеличить вліяніе правительственной власти, подчинивъ ея усмотрѣнію дозволеніе или

недозволеніе переходовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

21-го ноября 1601 года былъ изданъ слѣдующій указъ [1]: „Въ нынѣшнемъ во 110 году, Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Өедоровичъ всеа Русіи и сынъ его Великій Государь Царевичъ Князь Өедоръ Борисовичъ всеа Русіи пожаловали во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ. А отказывати и возити крестьянъ дворяномъ (далѣе слѣдуетъ перечисленіе низшихъ разрядовъ служилыхъ людей, которымъ разрѣшалось переводить крестьянъ на свои земли). А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осеннего, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли. А пожилого крестьяниномъ платити за дворъ по рублю по два алтына. А въ дворцовые села, и въ черные волости, и за Патріарха, и за Митрополита, и за Архіепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояръ, и за околничьихъ, и за дворянъ большихъ, и за приказныхъ людей, и за дьяковъ, и за стольниковъ, и за стряпчихъ, и за головъ стрѣлецкихъ, и изъ за нихъ въ нынѣшнемъ во 110 году возити не велѣти. А въ Московскомъ уѣздѣ всѣмъ людемъ промежъ себя, да изъ иныхъ городовъ въ Московскій уѣздъ потомужъ крестьянъ не отказывати и не возити. А которымъ людемъ промежъ себя, въ нынѣшнемъ во 110 году, крестьянъ возити, и тѣ по Государеву Цареву и Великаго Князя Бориса Өедоровича всеа Русіи указу возити межъ себя одному человѣку изъ за одного же человѣка, крестьянина

---

[1]) **А. Э., т. II, № 20. Татищевъ, Судебникъ, 222—228.**

одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити".

При повтореніи этого указа въ 1602 г. было прибавлено еще слѣдующее [1]): „Которые крестьяне похотятъ изъ за кого идти въ крестьяне жъ; и тѣбъ всѣ люди промежъ себя отказывали и возили по сему нашему указу въ Юрьевъ день да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли по тому жъ, какъ въ прошломъ во 110 году, а изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди изъ-за себя крестьянъ выпускали со всѣми ихъ животы безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было и сильно бъ дѣти боярскія крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали, а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати и тѣмъ отъ него, Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, быть въ великой опалѣ".

Въ 1602 году этотъ указъ былъ повторенъ почти дословно, но безъ ограниченія числа крестьянъ, которыхъ дозволялось перевозить. Соотвѣтствующихъ указовъ для 1603 года и ближайшихъ слѣдующихъ до сихъ поръ не найдено. Съ 1603 года начался голодъ, продолжавшійся въ теченіе трехъ лѣтъ; народъ дошелъ до полнаго отчаянія, общее недовольство достигло высшихъ предѣловъ и среди этого недовольства пало правительство Годунова. Лже-Дмитрій не внесъ никакихъ измѣненій въ правительственную политику по крестьянскому вопросу; при немъ было

[1]) А. Э., т. II, № 23, № 24. (Память новгородскимъ пятиконецкимъ старостамъ).

издано слѣдующее постановленіе [1]: „По Государеву Цареву и Великаго Князя Дмитрія Ивановича Всея Россіи слову . . . . бояре приговорили . . . . . про котораго крестьянина скажутъ, что онъ въ тѣ голодные лѣта отъ помѣщика или отъ вотчинника сбрелъ отъ бѣдности, что было ему прокормиться немочно; и тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его въ голодные лѣта прокормилъ, а истцу отказати; не умѣлъ онъ своего крестьянина кормити въ тѣ голодные лѣта, а нынѣ его не пытай . . . А которые крестьяне бѣжали во 110 и во 111 году въ голодные годы съ животы, прожити имъ было мочно, а пришли за иныхъ помѣщиковъ жити во крестьяне и въ холопи, и тѣхъ сыскивая отдавати старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ“. Такимъ образомъ мы видимъ, что и Лже-Дмитрій не рѣшился посягнуть на крестьянское прикрѣпленіе, что и для него выгоды служилыхъ людей имѣли главное значеніе. Но еще прежде чѣмъ цитированный нами приговоръ боярской думы сталъ повсюду извѣстнымъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ подорвать довѣріе къ самозванцу въ народныхъ массахъ, Лже-Дмитрій былъ низложенъ боярами, составившими противъ него заговоръ подъ предводительствомъ его ближайшаго совѣтника и довѣреннаго лица князя Шуйскаго

Къ царствованію Шуйскаго относится важный указъ о крестьянахъ и холопахъ. Текстъ этого указа сохраненъ Татищевымъ, знаменитымъ сановникомъ прошлаго столѣтія и авторомъ первой исторіи Россіи,

---

[1]) А. Э., т. II, № 40 отъ 1606 года.

которому мы обязаны также открытіемъ „Русской Правды“ и царскаго Судебника [1]).

„Лѣта 7115 (1607 г.) Марта въ 9 день Государь Царь и Великій Князь Василій Іоанновичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ Святѣйшимъ Гермогеномъ Патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и со своимъ царскимъ Синклитомъ, слушавъ доклада Помѣстной Избы отъ Бояръ и Дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный, а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ Бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того началися многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ, и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что Судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ великія въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ раззоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются.

Сего ради приговорили есми и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ.

Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны; а буде тѣ крестьяне вышли за кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье и тѣ дѣла

---

[1]) Судебникъ Татищева, стр. 240 и слѣд.

не вершены, или кто Сентября по 1-е число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны, до сроку Рождества Христова 116 г. безъ пожилого; а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію, а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и Сентября по 1-ое не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредъ за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити". Далѣе слѣдуетъ назначеніе пени въ 10 руб. за укрывательсто бѣглыхъ и „пожилого" въ размѣрѣ 3 р. съ каждаго двора и за каждаго холостого крестьянина. Но къ этому прибавлено слѣдующее: „А придетъ къ кому крестьянинъ наняться въ работу на лѣто или на зиму или на весь годъ, а не семьями, и кто найметъ не далѣ года, о томъ не винити за пріимъ и пожилого не правити, потому что его государь свѣдомъ, гдѣ онъ живетъ". Кто женился на бѣглой, того должны были отдавать со всѣми его дѣтьми господину бѣглой. Если у господина въ числѣ его холопей оставались не выданными замужъ дѣвушки до 18 лѣтъ, а вдовы—въ теченіе двухъ лѣтъ или мужчины—холостыми до 20 лѣтъ, то холопій приказъ долженъ былъ выдавать имъ вольныя; если же отъ ихъ господина поступали жалобы на воровство или дурное поведеніе холопей, то такихъ жалобъ не разрѣшалось принимать. „Не держи неженатыхъ надъ (вопреки) Законъ Божій и правила святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людехъ".

„А которые послѣ сего Уложенія крестьяне или холопи, или раба побѣжитъ отъ своего государя и придетъ къ иному, и государю искати своего холопа, и рабу, и крестьянина въ пятнадцати лѣтахъ отъ побѣга, а за пятнадцать лѣтъ не искать“.

„А въ городахъ воеводамъ и дьякамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ навѣдыватись во всемъ ихъ уѣздѣ чрезъ старостъ и сотскихъ и священниковъ, нѣтъ ли гдѣ пришлыхъ людей вновь; и гдѣ ему скажутъ оныхъ брати и спрашивати накрѣпко чей онъ, откуда, когда бѣжалъ и гдѣ сколько жилъ и не подговорилъ ли его кто; и буде скажетъ кто подговорилъ и доведетъ на него и того подговорщика казнити торговою казнью и взять съ него поруку, что ему того бѣглаго отвести къ его государю, да съ него же въ казну взяти пѣни 10 рублевъ, а съ пріемщиковъ со всякаго, кто его принималъ и въ селѣ болѣе 7 дней держалъ, доправити въ казну по 10 рублевъ за дворъ и за одинокаго мужика, а за бабу и за дѣвку по 3 рубля за пріемъ.

„А примутъ чьего холопа или крестьянина или рабу въ Царевы и Великаго Князя села или волости или въ черныя волости или въ Патріаршіи и Святительскія и монастырскія села, ино за пріемъ править на волостеляхъ или на прикащикахъ и на старостѣ, кто ту волость или село тогда управлялъ и пришлаго принялъ, а пожилыя и за дворы имати на тѣхъ селахъ и волостяхъ, а въ городахъ на всѣхъ посадскихъ по сему уложенію...“

Указъ Шуйскаго весьма любопытенъ, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность заглянуть въ самую суть порядковъ того времени и ясно пред-

ставить себѣ стремленія и взгляды тогдашняго общества.

Карамзинъ, Бѣляевъ и Погодинъ считали этотъ указъ подложнымъ, но уже Костомаровъ замѣтилъ, что ихъ мнѣніе вовсе не доказано, что противорѣчія, которыя старались отыскать въ этомъ указѣ, отчасти вовсе не существуютъ въ дѣйствительности, отчасти не могутъ служить доказательствомъ подложности указа, такъ какъ въ документахъ несомнѣнно подлинныхъ бываетъ иногда гораздо больше противорѣчій.

Правда, указъ сохранился только у Татищева, но, по заявленію Татищева, онъ видѣлъ три списка этого указа и путемъ сличенія этихъ списковъ установилъ напечатанную имъ редакцію. Слѣдуетъ также замѣтить, что уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича нововведенія, установленныя этимъ указомъ, не соблюдались; но и это обстоятельство не можетъ служить доводомъ противъ его подлинности; подобной участи не разъ подвергались несомнѣнно подлинные указы, это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что указъ Шуйскаго не имѣлъ окончательнаго значенія, и что вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ не былъ имъ разрѣшенъ навсегда. Для насъ онъ имѣетъ, однако, большое значеніе, такъ какъ ясно рисуетъ тогдашніе взгляды по интересующему насъ вопросу. Изъ него видно, какая опасная параллель проводилась тогда между закрѣпощенными крестьянами и холопами, онъ раскрываетъ намъ далѣе то значеніе, какое получили писцовыя книги 1592 года.

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ сыгралъ важную роль въ борьбѣ царя Василія Шуйскаго со вторымъ

Лже-Дмитріемъ. Перечисляя преступленія перваго самозванца, Шуйскій обвинялъ его между прочимъ въ намѣреніи истребить всѣхъ бояръ и служилыхъ людей, дьяковъ и купцовъ и всѣхъ „лучшихъ" людей. Въ виду этого второй Лже-Дмитрій сдѣлалъ попытку опереться на холоповъ и крестьянъ. Тогда служилые люди вездѣ начали принимать сторону Шуйскаго и требовали, чтобы онъ велъ ихъ противъ самозванца, который всталъ во главѣ холоповъ, крестьянъ и казаковъ. Благодаря нерѣшительности Шуйскаго, борьба затянулась и противники нѣсколько разъ мѣняли тактику, стараясь привлечь каждый на свою сторону то служилыхъ людей, то крестьянъ и холоповъ. Ясно, что вопросъ о положеніи холоповъ и закрѣпощенныхъ крестьянъ игралъ немаловажную роль въ этой борьбѣ. Но различные указы и постановленія, относящіеся къ тому времени, не заключали въ себѣ ничего существеннаго для рѣшенія этого вопроса.

Изъ числа другихъ памятниковъ того времени только договоръ бояръ съ Владиславомъ отъ 30-го августа 1610 года объ избраніи его на царство содержитъ одно постановленіе, имѣющее отношеніе къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ[1]: ...„а торговымъ и пашеннымъ крестьяномъ въ Литву изъ Руси и изъ Литвы на Русь выходу не быти, такоже и на Руси промежъ себя крестьяномъ выходу не быти".

Хотя договоръ бояръ съ Владиславомъ и не получилъ законной силы, но онъ даетъ намъ понятіе о томъ, какъ смотрѣли на крестьянскій вопросъ бояре, въ рукахъ которыхъ находилась въ то время власть.

---

[1]) А. Э., II, № 165, стр. 284.

Повидимому, они разсчитывали этимъ постановленіемъ привлечь на свою сторону и на сторону избраннаго ими царя симпатіи служилой массы.

Какъ мы уже говорили выше, всеобщая анархія и угрожающее господство поляковъ и католицизма вызвали реакцію со стороны здоровыхъ общественныхъ элементовъ. Служилые люди со своими холопами и крестьянами, купцы и посадскіе, черносошные крестьяне поднялись и соединенными силами отняли Москву у поляковъ, занимавшихъ ее съ согласія бояръ и отъ имени Владислава. Боярское правительство было низвергнуто и для возстановленія порядка и для избранія новаго царя собрался земскій соборъ. На земскомъ соборѣ присутствовали и старосты черныхъ волостей. Соборъ возстановилъ неограниченную власть царя, подтвердивъ ее въ вполнѣ опредѣленныхъ выраженіяхъ. О положеніи крестьянъ на соборѣ не было рѣчи: рѣшеніе и урегулированіе всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ тогдашнее общество, было предоставлено усмотрѣнію государя.

Но хотя никакихъ прямыхъ постановленій о прикрѣпленіи крестьянъ не состоялось, тѣмъ не менѣе съ самаго начала царствованія Михаила Θеодоровича прикрѣпленіе было уже совершившимся фактомъ. Это нетрудно объяснить всею совокупностью тогдашнихъ условій. Страна была переполнена разбойничьими и казацкими шайками, которыя пополнялись бѣглыми крестьянами и холопами; повсюду являлись искатели приключеній, выступавшіе въ роли претендентовъ на царскій престолъ; цѣлыя области оставались во власти у поляковъ и шведовъ. Всѣ усилія государства были направлены на возстановленіе порядка, и сословіе слу-

жилыхъ людей было важнѣйшимъ исполнительнымъ органомъ правительства. Кто противился служилымъ людямъ, хотя бы даже не изъ политическихъ видовъ, какъ противились имъ крестьяне, тотъ представлялся врагомъ существующаго строя и врагомъ царя. Когда же волны всеобщей смуты мало-по-малу улеглись и все пришло въ обычный порядокъ, одни крестьяне оказались въ убыткѣ: ни о свободѣ переходовъ, ни о другихъ мѣрахъ, направленныхъ въ ихъ пользу, не было и рѣчи. Напротивъ, начали поступать челобитья объ отмѣнѣ давности для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ.

Еще за 150 лѣтъ до общаго запрещенія крестьянскихъ переходовъ знаменитый Троицко-Сергіевъ монастырь получилъ привилегію не отпускать своихъ крестьянъ и эта привилегія явилась первымъ предзнаменованіемъ будущаго переворота въ положеніи крестьянской массы; теперь тотъ же самый Троицкій монастырь выступилъ первый съ челобитьемъ о дальнѣйшемъ ограниченіи правъ крестьянъ и о расширеніи правъ землевладѣльцевъ. Согласно этому челобитью монастырю было предоставлено право сыскивать назадъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 10-тилѣтняго срока [1]). Другіе монастыри и землевладѣльцы старались обезпечить себя путемъ заключенія съ крестьянами частныхъ договоровъ. Въ нихъ назначалась [2]) денежная пеня или вставлялось условіе, согласно которому владѣлецъ получалъ право

[1]) А. Э., III, № 66.

[2]) А. Ю. № 193 отъ 1624 г.; № 194 отъ 1626 г.; № 195, I отъ 1628 г.; № 196 I отъ 1630 г.; II отъ 1634 г.

силою задерживать и возвращать къ себѣ уходившихъ крестьянъ [1]). Въ другихъ случаяхъ крестьянинъ, снимая землю, долженъ былъ найти поручителя въ томъ, что онъ не уйдетъ прочь; если же крестьянинъ уходилъ, поручитель долженъ былъ внести пеню [2]) и найти новаго съемщика, а до тѣхъ поръ самъ обрабатывалъ землю и платилъ съ нея подати [3]). Указами 1621 и 1629 гг.[4]) былъ назначенъ 10-тилѣтній срокъ для возвращенія черныхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ своихъ общихъ. Въ 1637 году поступило челобитье отъ служилыхъ людей украинскихъ городовъ съ жалобою на то, что, находясь на службѣ въ Москвѣ, они подолгу не бываютъ въ своихъ помѣстьяхъ, а потому пятилѣтній срокъ для розыска бѣглыхъ грозитъ имъ совершеннымъ разореніемъ: крестьяне уходятъ отъ нихъ на государевы, монастырскія и боярскія земли, скрываются тамъ въ теченіе пяти лѣтъ и послѣ того ихъ нельзя возвращать къ прежнимъ владѣльцамъ. Челобитчикамъ была дана привилегія, раньше предоставленная Троицкому монастырю. Въ отвѣтъ на новое челобитье служилыхъ людей въ 1641 г. та же привилегія была дана всѣмъ служилымъ людямъ, отбывавшимъ свою службу въ Москвѣ. Въ послѣдующемъ челобитьи служилые люди просили объ отмѣнѣ всякихъ сроковъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ; это ходатайство было отклонено, но 10-тилѣтняя давность, установленная въ видѣ привилегіи сначала для Троицкаго монастыря, потомъ

[1]) А. Ю. № 195 II отъ 1635 г.; № 196 III отъ 1634 г.

[2]) А. Ю. № 290 II—VIII отъ 1608—1617 гг.

[3]) А. Ю. № 290 IX—XIII отъ 1623—1665 гг.

[4]) А. И. III, №№ 286, 160.

для украинскихъ служилыхъ людей и, наконецъ, для опредѣленной группы служилыхъ людей въ видѣ спеціальнаго закона, получила значеніе общаго закона по указу 9-го марта 1642 г., внесенному 11 марта въ дополнительныя статьи къ Судебнику. Въ томъ же году была установлена пятнадцатилѣтняя давность для жалобъ о насильственномъ свозѣ крестьянъ. Но служилые люди продолжали подавать челобитья, добиваясь полной отмѣны сроковъ для сыска бѣглыхъ. Указомъ отъ 19-го октября 1645 года ихъ просьба была отклонена: той статьѣ о крестьянахъ, говорится въ указѣ, быть по уложенью прежнихъ государей, какъ было опредѣлено въ 1641 г., потому что сравнительно съ уложеніемъ прежнихъ государей уже было прибавлено пять лѣтъ, а потомъ еще вдвое, т.-е. 10 лѣтъ [2]). Но то самое, въ чемъ было отказано служилымъ людямъ, когда они просили объ охранѣ своихъ правъ, въ слѣдующемъ году стало закономъ, какъ только оказалось, что этого требуютъ и интересы казны и административныя соображенія. Московская бюрократія неуклонно слѣдовала своему основному правилу: не церемониться съ чьими бы то ни было правами, когда эти права становятся неудобными съ точки зрѣнія администраціи. Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. [1]) сроки для сыска бѣглыхъ на будущее время отмѣнялись и всѣ вопросы о прикрѣпленіи крестьянъ предписывалось разрѣшать на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ:

---

[1]) А. Э. IV, № 14, стр. 24 и 25; А. И. III, № 92, XXXIII, стр. 109 и 110; А. Э. III, № 350.

[2]) А. Э. IV, № 14.

„А какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ, и которые народятся послѣ той переписки, и учнутъ жить дворами вновь, и тѣхъ дворовъ лишними дворами не ставить, потому что отцы ихъ въ переписныхъ книгахъ написаны".

Изъ текста наказа видно, что при составленіи переписныхъ книгъ производилось разслѣдованіе, кого изъ приписанныхъ къ имѣнію слѣдовало считать дворовыми, изстаринными или кабальными холопами, и кого—крестьянами, и по какимъ крѣпостямъ и актамъ. Кто скрывалъ своихъ крестьянъ, пряталъ ихъ въ лѣсахъ, выдавалъ чужихъ крестьянъ за своихъ (чтобы послѣ требовать ихъ себѣ по суду на основаніи подложныхъ данныхъ переписныхъ книгъ), кто показывалъ населенные дворы пустыми или называлъ крестьянъ холопами, тѣмъ грозили извѣстныя наказанія. По окончаніи переписи иски о возвращеніи бѣглыхъ могли быть возбуждаемы въ теченіе пяти лѣтъ, а затѣмъ рѣшеніе всѣхъ споровъ и тяжбъ о крестьянахъ должно было основываться исключительно только на данныхъ переписныхъ книгъ. Только для исковъ, начатыхъ въ прежніе годы, былъ оставленъ прежній десятилѣтній срокъ давности. Въ 1648 г. служилые люди подали новое челобитье, а въ 1649 г., согласно уложенію, давность была отмѣнена также и для прежнихъ исковъ, и такимъ образомъ новый законъ получилъ обратное дѣйствіе [1]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи № 1.

ГЛАВА III.

Начало крѣпостного права по Уложенію 1649 г.

До тѣхъ поръ, пока существовала давность для вчинанія исковъ о возвращеніи бѣглыхъ, у крестьянъ сохранялась еще слабая возможность оставить землю, на которой они жили, и уйти отъ чрезмѣрнаго гнета. Отнынѣ эта возможность исчезла; бѣглаго крестьянина и даже его потомковъ могли требовать обратно и возвращать на старыя мѣста во всякое время. Этимъ постановленіемъ окончательно утверждалось крестьянское прикрѣпленіе. Дѣло, начало которому было положено указомъ 1597 г., завершилось Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Постановленіе, выраженное въ писцовомъ наказѣ, вошло въ составъ этого Уложенія и такимъ образомъ крестьянское прикрѣпленіе не только получило дальнѣйшее развитіе, но и было поставлено на совершенно новое основаніе, благодаря чему только и сдѣлалось возможнымъ образованіе крѣпостного права на почвѣ крестьянскаго прикрѣпленія. Указъ 1597 года установилъ неразрывность договоровъ между крестьянами и землевладѣльцами. Такимъ образомъ прикрѣпленными оказывались только тѣ крестьяне, у которыхъ были заключены договоры съ владѣльцами, и судебные иски о бѣглыхъ крестьянахъ должны были опираться на эти договоры, наличность которыхъ предстояло доказывать истцамъ. Итакъ, крестьянское прикрѣпленіе являлось все еще частно-гражданской сдѣлкой. Напротивъ, въ писцовомъ наказѣ договоръ оставленъ совершенно въ сто-

ронѣ, рѣшающее значеніе получилъ фактъ внесенія въ переписныя книги. Только тѣ крестьяне считались крѣпостными, имена которыхъ были внесены въ эти книги, но зато вмѣстѣ съ ними прикрѣплялись и ихъ семьи и все ихъ потомство. Крестьянинъ и его наслѣдники считались крѣпкими землѣ не потому, что они арендовали земельный участокъ, а потому, что крестьянинъ былъ приписанъ въ книгахъ къ такому-то имѣнію; но разъ онъ былъ записанъ въ книги, всѣ его потомки должны были оставаться въ томъ же имѣніи, и владѣлецъ имѣлъ право посадить ихъ на землю, не заключая съ ними новаго договора, а возникшія такимъ образомъ поселенія не считались прибылыми. Смыслъ этого послѣдняго правила былъ слѣдующій. Способы измѣренія земли въ то время не отличались точностью, а потому измѣренія земель часто возобновлялись, при этомъ за помѣщиками нерѣдко оказывались лишніе дворы и земли, сверхъ того, что имъ было пожаловано и что за ними значилось по документамъ. Всѣ такіе излишки отписывались на государя. Теперь, согласно писцовому наказу, новые дворы, не записанные въ книги, не считались прибылыми и не подлежали отобранію, если они появились вслѣдствіе того, что владѣлецъ переводилъ въ нихъ сыновей и племянниковъ своихъ прежнихъ крестьянъ. Для землевладѣльцевъ новое постановленіе было весьма выгодно; но для крестьянъ оно получило совсѣмъ иное значеніе: въ немъ попрежнему совершенно игнорировались личныя права крестьянъ. Въ основѣ этого постановленія лежала новая идея, которую еще не рѣшались высказать открыто, что крестьяне принадлежатъ землевладѣльцу и что

потому именно и земля, на которой они сидятъ, должна принадлежать ему же, хотя бы ея оказалось больше чѣмъ слѣдуетъ. Раньше господствовало совершенно обратное воззрѣніе. Земля считалась собственностью помѣщика, а потому и крестьяне, сидѣвшіе на ней, признавались его людьми. Итакъ, въ Уложеніи были введены три совершенно новыхъ принципа: крестьянская крѣпость была признана наслѣдственной и распространена на всѣхъ членовъ семьи и на все потомство крестьянина, тогда какъ раньше заключенный имъ договоръ былъ обязателенъ только для него самого и для того лица, которое наслѣдовало его имущественныя права; далѣе въ основу крестьянскаго прикрѣпленія былъ положенъ государственный актъ: записка крестьянина за владѣльцемъ въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ и, наконецъ, въ результатѣ этого послѣдняго нововведенія была отмѣнена давность для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ. Всѣ эти постановленія, развитыя въ Уложеніи, вытекали изъ одной основной мысли, хотя мысль эта нигдѣ не высказывалась прямо и опредѣленно: крестьянинъ составляетъ собственность владѣльца. Развивая эту мысль, Уложеніе въ сущности превращало крестьянское прикрѣпленіе къ землѣ въ полную крѣпостную зависимость, при чемъ это превращеніе было произведено не путемъ ясно выраженныхъ законодательныхъ опредѣленій, а путемъ упорнаго игнорированія личныхъ правъ крестьянъ со стороны администраціи и закона.

Только что изложенное мнѣніе о происхожденіи крѣпостного права рѣзко противорѣчитъ традиціоннымъ взглядамъ славянофиловъ и многихъ другихъ изслѣдователей, желающихъ видѣть въ Уложеніи бездну

премудрости. Къ сожалѣнію факты не оправдываютъ подобной оцѣнки этого памятника. Константинъ Аксаковъ, котораго мы считаемъ наиболѣе глубокомысленнымъ изъ числа славянофиловъ идеалистовъ, старался доказать [1]), что какъ до Уложенія 1649 года, такъ и послѣ Уложенія до временъ Петра Великаго господствовала разумная, умѣренная свобода и что Петръ Великій впервые ввелъ крѣпостное право. Источники, на которые ссылается Аксаковъ и которые были извѣстны и раньше, свидѣтельствуютъ, что и послѣ указа 1597 г. въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича происходили переходы крестьянъ и сошедшіе съ своихъ участковъ крестьяне часто отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ не только въ качествѣ бѣглыхъ, но также и въ качествѣ „переселившихся“ и „перешедшихъ“ на новыя земли. Подобные факты объясняются очень просто. Во-первыхъ, частые обходы закона отнюдь не могутъ служить доказательствомъ, особенно у насъ въ Россіи, несуществованія самаго закона. Во-вторыхъ, указъ 1597 года вовсе не узаконялъ обязательной необходимости возвращенія бѣглыхъ на прежнія мѣста, онъ только предоставилъ землевладѣльцамъ и старостамъ крестьянскихъ обществъ право требовать ихъ обратнаго водворенія. Они сами должны были заботиться объ осуществленіи этого права. Если они отказывались отъ пользованія этимъ правомъ, тогда крестьянинъ могъ уйти на другую землю и могъ быть записанъ въ книги на новомъ мѣстѣ въ качествѣ новосела. Бѣглымъ крестья-

---

[1]) К. Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій. Москва, 1861 г., стр. 496—528, ср. Новѣйшее изданіе. М. 1889 г. *Ред.*

нинъ считался лишь въ томъ случаѣ, когда его прежній владѣлецъ или староста предъявлялъ искъ о его возвращеніи; но даже и тогда обратное водвореніе бѣглаго крестьянина предоставлялось заботамъ самого истца и не являлось офиціальною обязанностью административныхъ органовъ, подобно тому, какъ это бывало при удовлетвореніи и всякихъ другихъ частно-гражданскихъ претензій. Въ Уложенія 1649 года какъ разъ было положено начало измѣненію частно-гражданскаго характера крестьянскаго прикрѣпленія. Но лишь только прикрѣпленіе стало опредѣляться чисто государственнымъ актомъ, запиской крестьянина въ писцовыя книги, за тѣмъ или другимъ владѣльцемъ, прямымъ послѣдствіемъ этого явилась передача всѣхъ исполнительныхъ дѣйствій по охранѣ этого порядка въ руки правительственныхъ административныхъ органовъ.

Кто былъ прикрѣпленъ къ землѣ?

Сначала, согласно указу 1597 года, лишь тѣ изъ крестьянъ у кого были заключены арендные договоры съ землевладѣльцами или черными общинами, и тѣ, чьи предки изстари сидѣли на арендованныхъ ими участкахъ. Не подлежали прикрѣпленію наемные рабочіе арендатора и жившіе у него во дворѣ въ качествѣ рабочихъ сыновья и родственники. Послѣ смерти домохозяина становился крѣпкимъ землѣ тотъ, кто наслѣдовалъ имущественныя права прежняго арендатора. Всѣ другіе оставались свободными и причислялись къ классу вольныхъ государевыхъ людей. Они могли по своей волѣ наниматься въ рабочіе и переходить отъ одного хозяина къ другому, смотря по тому, гдѣ имъ больше нравилось или куда ихъ гнала

нужда; они могли оставаться въ качествѣ рабочихъ въ отцовскомъ домѣ и сохраняли свободу передвиженія до тѣхъ поръ, пока не садились на землю въ качествѣ самостоятельныхъ арендаторовъ. Но какъ только это случалось, какъ только они снимали въ аренду участокъ земли, они лишались свободы и дѣлались крѣпкими землѣ.

Нѣкоторые пытались въ этомъ случаѣ оградить свои права. Законъ уничтожилъ право выхода и установилъ неразрывность договора съ землевладѣльцемъ. Но иногда свободные люди, садясь на землю, включали въ свои порядныя оговорку, обезпечивавшую за ними право выхода. Сохранилось много подобныхъ порядныхъ, относящихся къ XVII столѣтію, а иногда даже къ началу XVIII. Но и въ случаѣ заключенія договора съ такой оговоркой право выхода оставалось только за тѣмъ вольнымъ человѣкомъ, который свободно вступилъ въ договоръ; его сыновья рождались уже крѣпкими землѣ и одинъ изъ нихъ былъ обязанъ оставаться въ отцовскомъ дворѣ.

По мѣрѣ того, какъ юридическое положеніе крестьянъ стало опредѣляться запиской въ писцовыхъ книгахъ, оговорки, подобныя вышеприведенной, начали терять свое значеніе. Отъ XVII столѣтія осталось не мало и такихъ порядныхъ, по которымъ вольные люди записывались въ крестьяне безъ всякихъ оговорокъ. Значитъ жизнь прикрѣпленныхъ крестьянъ представляла все-таки нѣкоторыя преимущества сравнительно съ положеніемъ вольныхъ людей, свободно переходившихъ съ мѣста на мѣсто и пользовавшихся единственнымъ правомъ кормиться трудомъ своихъ рукъ. Въ практикѣ московскихъ приказовъ записи

вольныхъ людей въ крестьянство разсматривались какъ договоры личнаго найма и закладничества, т.-е. какъ договоры, которые вели къ ограниченію права личной свободы. Въ 1681 г. владѣльцамъ было повелѣно записывать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ въ „Приказѣ Холопьяго Суда", а въ 1682 году— брать съ нихъ тѣ самыя пошлины, какія взимались съ записи холопьихъ кабалъ [1]); такимъ образомъ арендный договоръ былъ окончательно приравненъ къ договору, ограничивавшему личную свободу.

Что значило въ то время быть крѣпкимъ землѣ?

Юридическій смыслъ этого понятія вполнѣ соотвѣтствовалъ его логическому содержанію: крестьянинъ, снявшій участокъ земли, былъ прикрѣпленъ къ этой землѣ. Онъ не имѣлъ права сойти со своего двора, но зато и его не могли согнать оттуда. Договорныя обязательства изъ срочныхъ сдѣлались неразрывными, однако самый договоръ не былъ упраздненъ. Обязательства, принятыя крестьяниномъ, попрежнему опредѣлялись этимъ договоромъ и землевладѣлецъ не могъ ихъ измѣнять по своему произволу. Поземельное прикрѣпленіе было установлено въ интересахъ государства, а не въ интересахъ частныхъ лицъ. Въ этомъ мѣропріятіи можно было усмотрѣть даже нѣкоторую заботливость о крестьянахъ со стороны отечески попечительной власти, ограничившей права крестьянъ ради ихъ собственнаго благополучія. И дѣйствительно, если бы московская администрація заботилась объ огражденіи права, а не руководствова-

---

[1]) П. С. З. № 869, № 946, № 1293 отъ 1688 г., № 1767 отъ 1700 г.

лась привычкой ставить временные расчеты выше всякихъ правъ, если бы она относилась съ уваженіемъ къ праву во имя самой идеи права, а московскіе судьи творили бы судъ, имѣя единственною цѣлью соблюденіе справедливости и охрану права, а не казенныхъ выгодъ, въ такомъ случаѣ поземельное прикрѣпленіе несомнѣнно явилось бы мѣрой справедливой и полезной. Тогда при посредствѣ этой мѣры могло бы быть достигнуто обезпеченіе неприкосновенности заключаемыхъ крестьянами договоровъ, и Россія, быть можетъ, была бы избавлена отъ гнета крѣпостничества. Но всѣ перечисленные выше условія были совершенно чужды Московскому царству и потому результаты, получившіеся отъ поземельнаго прикрѣпленія, только доказали лишній разъ ту истину, что сила государства можетъ быть основана только на правѣ, что процвѣтаніе его мыслимо лишь при условіи равномѣрнаго огражденія и государственнаго и частнаго интереса, что государственный порядокъ создается лишь строгой охраной законности, тогда какъ мѣрами, разсчитанными исключительно на соблюденіе выгодъ казны, рѣшеніе основныхъ задачъ государственной жизни вовсе не достигается, а лишь отодвигается на извѣстное время.

Итакъ, значеніе поземельнаго прикрѣпленія вполнѣ соотвѣтствовало буквальному смыслу этого термина, но московское царство не знало твердо установленныхъ правъ, не знало судебныхъ учрежденій, предназначенныхъ для охраны законности. Московская администрація руководилась въ своей практикѣ исключительно заботою о выгодахъ казны и дѣйствовала съ полнѣйшимъ произволомъ, а государственные чинов-

ники, привыкнувъ смотрѣть на законы, какъ на рядъ случайныхъ мѣръ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе временныхъ потребностей, переносили тѣ же взгляды и на свою личную дѣятельность, преслѣдовали прежде всего собственные интересы и, получая отъ государства слишкомъ скудное матеріальное обезпеченіе, прежде всего начали заботиться объ укрѣпленіи своихъ землевладѣльческихъ выгодъ.

При такомъ положеніи дѣла поземельное прикрѣпленіе крестьянъ стало равносильнымъ отдачѣ крестьянъ на полный произволъ землевладѣльцевъ.

Государственная власть, конечно, не имѣла въ виду такого исхода, она отняла у крестьянъ только одно право — свободу перехода, но государственная власть игнорировала то обстоятельство, что прикованные къ опредѣленному мѣсту крестьяне нуждались въ особенно заботливой защитѣ своихъ правъ, и что права эти слѣдовало охранять законодательнымъ, а не административнымъ порядкомъ. Усиленно подчеркивая свою заботливость объ интересахъ казны, землевладѣльцы послѣдовательно нарушали права крестьянъ до тѣхъ поръ, пока не исчезла самая память объ этихъ правахъ.

Когда государство отказывается отъ единственно вѣрнаго критерія для оцѣнки взаимно-противорѣчащихъ интересовъ своихъ подданныхъ—отъ критерія права и законности—и руководится исключительно фискальными соображеніями, тогда на почвѣ этихъ соображеній отъ него можно добиться какихъ угодно мѣропріятій, даже такихъ, которыя въ концѣ концовъ окажутся несогласными съ интересами фиска и прямо вредными для него. Такъ именно и вышло въ настоящемъ случаѣ.

Взаимныя отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ опредѣлялись договоромъ и обычаемъ. Съ этой стороны старый порядокъ остался безъ измѣненія, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ юридическое положеніе крестьянъ не подверглось преобразованію, крестьяне не получили никакихъ новыхъ спеціальныхъ правъ взамѣнъ тѣхъ, которыя были у нихъ отняты. Цѣль, которую поставило себѣ государство, была достигнута: отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ стали прочными и постоянными. Улаживать эти отношенія въ подробностяхъ было предоставлено имъ самимъ. Это послѣднее обстоятельство само по себѣ еще не представляло ничего неправильнаго. Государству не зачѣмъ опекать своихъ подданныхъ, они могутъ и сами устраивать свои частныя отношенія помимо государственнаго вмѣшательства.

Взаимно противорѣчащіе интересы могутъ приходить въ равновѣсіе сами собой, но только при томъ необходимомъ условіи, чтобы обѣимъ сторонамъ оказывалось одинаковое покровительство закона. Но именно этого условія и не было налицо. И выигрышъ оказывался на сторонѣ тѣхъ, кто могъ ссылаться въ защиту своихъ притязаній на требованія государства, на необходимость охраны общественной тишины и порядка.

Прежде, если землевладѣлецъ предъявлялъ къ крестьянину чрезмѣрныя требованія, крестьянинъ отказывался отъ земли и уходилъ прочь. Теперь крестьянинъ утратилъ это единственное средство добиваться для себя сколько-нибудь сносныхъ жизненныхъ условій: онъ не могъ больше переходить съ мѣста на мѣсто. Соглашался ли онъ или нѣтъ на вновь предъ-

являемыя требованія, хотѣлъ или не хотѣлъ заключать новый договоръ, онъ долженъ былъ оставаться на старомъ мѣстѣ. Государство даровало крестьянамъ право не подвергаться выдворенію съ занимаемыхъ ими участковъ. Права препятствовать землевладѣльцамъ по своему усмотрѣнію повышать свои требованія крестьяне раньше не имѣли, зачѣмъ же было давать имъ это новое право теперь? Крестьянъ прикрѣпили къ землѣ для того, чтобы они обрабатывали эту землю, а вовсе не для того, чтобы они пріобрѣтали себѣ по землѣ новыя права.

Итакъ, крестьянамъ поневолѣ приходилось подчиняться. Характерно для того времени, что крестьяне ни разу даже не попытались выступить съ заявленіями о своихъ правахъ, ни разу не просили объ ихъ огражденіи. Правительство, конечно, не имѣло въ виду закрѣпощать крестьянъ землевладѣльцамъ. Это отнюдь не соотвѣтствовало его интересамъ. Помѣщикъ не долженъ былъ давать волю своему произволу. Ему вмѣнялось въ обязанность заботливо вести хозяйство въ своемъ помѣстьи, не притѣснять и не разорять крестьянъ, не доводить ихъ до побѣговъ. Кто оказывался виновнымъ въ нарушеніи этихъ требованій, тому грозило наказаніе кнутомъ[1]). Но всѣ эти постановленія создавались не въ интересахъ крестьянъ, а въ интересахъ государства, въ интересахъ службы.

Сами крестьяне не имѣли права жаловаться на разорительныя притѣсненія: за этимъ долженъ былъ слѣдить воевода; надзоръ за выполненіемъ закона

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ Гр. Румянцева. III, № 59, отъ 1621 г.

былъ предоставленъ усмотрѣнію правительственныхъ чиновниковъ.

И воеводы дѣйствительно старались выполнить возложенную на нихъ обязанность: одинъ землевладѣлецъ понесъ наказаніе за то, что нарушилъ церковную заповѣдь и заставилъ крестьянъ работать въ воскресный день [1]). Когда же служилые землевладѣльцы увеличивали и безъ того тяжелые поборы съ крестьянъ для того, чтобы имѣть возможность отбывать службу, когда вслѣдствіе этого увеличенія крестьянской тяготы они выставляли въ поле большее количество вооруженныхъ людей и походныхъ коней, тогда они награждались похвалами. Въ интересахъ казны крестьянинъ долженъ былъ подчиняться всевозможнымъ требованіямъ. И это все-таки называлось договоромъ!

Личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ возникала и укрѣплялась de facto, хотя она и не была признана de jure, а стоитъ только разъ сойти съ почвы строгой законности, чтобы полное пренебреженіе къ праву стало развиваться съ чрезвычайною быстротой! Это наблюдается и на нашемъ примѣрѣ.

Посмотримъ, каковы были важнѣйшіе признаки постепеннаго перехода поземельнаго прикрѣпленія крестьянъ въ крѣпостную зависимость.

1) Поземельное прикрѣпленіе породило право землевладѣльца на трудъ извѣстнаго числа крестьянъ. Убійство одного изъ этихъ крестьянъ являлось не только уголовнымъ преступленіемъ, но и нарушеніемъ имущественныхъ правъ землевладѣльца, за что послѣдній могъ требовать вознагражденія. Право землевла-

---

[1]) П. С. З. № 453.

дѣльца на такое вознагражденіе было закрѣплено слѣдующимъ указомъ 1625 г:

Если какой-нибудь помѣщикъ или лицо, за дѣйствія котораго онъ отвѣчаетъ, убьетъ крестьянина, гласитъ этотъ указъ, то слѣдуетъ [1]) „изъ его помѣстья взяти лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, которые дѣти живутъ съ нимъ вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ и со всѣми животы, и отдать тому помѣщику, у кого крестьянина убили, во крестьяне, а въ долгу отказывати; а жену того убитаго крестьянина и съ дѣтьми и съ животами, у того помѣщика, у котораго крестьянина убили не отъимати, а тѣхъ убойцовъ, кто крестьянина убилъ... метати въ тюрьму до Государева указа“. Этотъ указъ ярко освѣщаетъ намъ взгляды правительства на отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ.

Убитъ крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ. Правительство пришло къ заключенію, что было бы крайне несправедливо, если бы ни въ чемъ неповинный землевладѣлецъ лишился съемщика своей земли изъ-за чужого преступленія. Убытокъ долженъ быть возмѣщенъ совершившимъ преступленіе или тѣмъ лицомъ, которое отвѣчаетъ за преступника. Въ данномъ случаѣ такимъ отвѣтственнымъ лицомъ оказался, повидимому, землевладѣлецъ. И вотъ у него отбираютъ одного изъ его крестьянъ, притомъ самаго лучшаго, который бы не могъ оказаться пьяницей или лѣнтяемъ, и передаютъ этого крестьянина потерпѣвшему.

Такимъ образомъ наказаніе падало на виновнаго,

---

[1]) А. И., III, № 167, стр. 303. Ср. уложеніе, гл. XXI, ст. 71 и 73. П. С. З. № 1, № 441, ст. 43.

а не на безвиннаго. Но такъ какъ крестьянинъ еще не считался вещью, то онъ переходилъ на новое мѣсто со своею женой и со своимъ имуществомъ. Однако потерпѣвшій землевладѣлецъ не могъ требовать отъ убійцы уплаты тѣхъ денегъ, которыя былъ долженъ убитый крестьянинъ; долги убитаго лежали на его семьѣ, а она оставалась у прежняго хозяина. Въ цитированномъ указѣ оставлены безъ вниманія только два обстоятельства; во-первыхъ, то, что крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ извѣстному участку и не могъ оставлять его, вовсе не будучи въ то же время собственностью землевладѣльца; во-вторыхъ, что для крестьянина было далеко не безразлично оторваться отъ всѣхъ прежнихъ привычныхъ условій жизни и подобно вещи быть отданнымъ новому владѣльцу. Но какое было до того дѣло правительству, развѣ оно заботилось о правахъ крестьянина? Оно преслѣдовало интересы государства и пользу потерпѣвшаго землевладѣльца. Хуже всего было то, что уже ранѣе существовалъ аналогичный указъ относительно убійства холопей.

Теперь этотъ указъ просто-напросто былъ повторенъ въ примѣненіи и къ крестьянамъ, и такимъ образомъ еще до изданія Уложенія 1649 г., а отнюдь не при Петрѣ Великомъ, какъ утверждаютъ многіе, было положено начало уравненію крестьянъ съ холопами.

Далѣе изъ текста того же самаго указа мы видимъ, что крестьянинъ былъ отнесенъ къ числу лицъ, отвѣтственность за которыхъ возлагалась на землевладѣльца. Въ интересахъ общественнаго порядка отвѣтственность за крестьянъ, лежавшая въ черныхъ во-

лостяхъ на выборномъ старостѣ, въ частныхъ владѣніяхъ была возложена на землевладѣльца, который благодаря этому являлся по отношенію къ крестьянамъ уже въ новой роли: не въ качествѣ контрагента, а въ качествѣ правительственнаго органа.

Изъ этого-то взгляда на характеръ помѣщичьей власти неизбѣжно и должны были развиться неограниченное крѣпостное право и неограниченный помѣщичій произволъ.

2) Согласно дѣйствовавшему въ то время праву кредиторъ могъ подвергать неисправнаго должника экзекуціи, могъ, какъ тогда говорилось, поставить его на правежъ. Должника, который не имѣлъ возможности или не хотѣлъ платить, били палками на дворѣ судной избы въ дни, назначенные для судебнаго разбирательства и эта экзекуція продолжалась въ теченіе извѣстнаго срока, если самъ должникъ не вносилъ денегъ раньше или за него не платилъ кто-нибудь другой. Правительство убѣдилось, что мѣра эта оказывается безрезультатной, что тѣ изъ землевладѣльцевъ, которые готовы скорѣе переносить провежъ, чѣмъ платить долги, могутъ легко уклоняться отъ выполненія обязательствъ передъ заимодавцами, и въ 1628 году [1]) кредиторамъ было предоставлено право обращать взысканіе не на имѣніе должника, которое должно было оставаться неприкосновеннымъ, потому что съ него отбывалась служба, но на прикрѣпленныхъ къ имѣнію крестьянъ. Долгъ землевладѣльца взыскивался на его холопахъ и крестьянахъ. Правительство въ данномъ случаѣ исходило изъ той мысли,

[1]) А. И. III, № 92, стр. 101 № 167, стр. 309.

что для крестьянъ безразлично вносить ли деньги сначала землевладѣльцу, чтобы тотъ передалъ ихъ своему кредитору, или платить непосредственно послѣднему.

Если бы требованія заимодавца подлежали удовлетворенію исключительно изъ тѣхъ денегъ, которыя еще не были внесены крестьянами въ счетъ аренды или другихъ платежей, то противъ такого порядка нельзя было бы ничего возразить съ точки зрѣнія права. Но для примѣненія этого порядка потребовалось бы по каждому отдѣльному случаю подробное разслѣдованіе, которое весьма осложнило бы дѣло, а между тѣмъ права крестьянъ вовсе не составляли предмета особой заботливости для правительства. Правительство и тутъ нашло удобное и простое средство, благодаря которому—правда цѣною нарушенія крестьянскихъ правъ—устранялось множество затрудненій. Расчеты крестьянъ съ землевладѣльцами были признаны частнымъ дѣломъ послѣднихъ; землевладѣльцамъ лишь запрещалось притѣснять и истязать крестьянъ. Въ данномъ случаѣ крестьяне уже прямо оказывались причисленными къ имуществу землевладѣльца; въ развитіи крѣпостного права былъ сдѣланъ еще новый шагъ впередъ.

3) Подобно землевладѣльцу и самъ крестьянинъ могъ войти въ долги и въ случаѣ его неисправности взысканіе этихъ долговъ могло быть обращено на самую личность должника, при чемъ заимодавецъ имѣлъ право требовать, чтобы прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянина отдали ему во временное холопство. Въ такихъ случаяхъ законъ предписывалъ отпустить крестьянина съ мѣста его прикрѣпленія. Въ 1642 году

правительство пришло къ заключенію, что такой порядокъ стѣснителенъ для землевладѣльцевъ, а потому долговыя обязательства, заключенныя крестьянами, были признаны не подлежащими удовлетворенію. Указъ, содержащій это постановленіе, мотивировалъ его слѣдующимъ нравоученіемъ „потому: не примай чюжихъ крестьянъ, не давай имъ ссуды“ [1]). Въ этомъ случаѣ крестьяне опять приравнивались къ холопамъ, т. е. низводились изъ положенія прикрѣпленныхъ къ землѣ до положенія крѣпостныхъ.

4) Крестьяне были прикрѣплены каждый къ извѣстному имѣнію, а потому при продажѣ земли въ купчихъ перечислялись поименно тѣ изъ нихъ, которые сидѣли на проданномъ участкѣ [2]). Это вовсе не значило, что продаются сами крестьяне, списокъ составлялся лишь для того, чтобы покупщикъ зналъ, какіе крестьяне причислены къ имѣнію и на какое количество постоянной рабочей силы онъ можетъ разсчитывать. Продажа крестьянъ безъ земли не допускалась правительствомъ, потому что вслѣдствіе такой продажи крестьянинъ становился холопомъ, а правительство строго разграничивало эти двѣ категоріи, такъ какъ холопы не платили податей и не несли никакихъ государственныхъ повинностей. Въ заботѣ о своихъ интересахъ правительство пошло еще дальше и запретило крестьянамъ отдаваться въ холопство [3]).

---

[1]) А. И. III, № 92, стр. 110; Уложеніе, XI гл. ст. 32.

[2]) Примѣры, у Бѣляева, Крестьяне на Руси, стр. 118 и 119 (второго изданія).

[3]) Уложеніе XX. 6. 113. Въ видѣ исключенія землевладѣльцу дозволялось брать крестьянъ во дворъ, если у него совсѣмъ не было холопей. XIX, 14.

Съ тою же цѣлью запрещалось переводить крестьянъ изъ помѣстій въ вотчины, запрещалось не потому, что переводъ съ одного мѣста на другое былъ поступкомъ произвольнымъ и нарушалъ интересы крестьянъ, но потому, что права владѣльцевъ на вотчины были гораздо обширнѣе, чѣмъ ихъ права на помѣстья, такъ какъ помѣстья были собственностью государства отданною служилымъ людямъ только въ безсрочное, и наслѣдственное пользованіе [1]). Если же крестьянъ переводили изъ одного помѣстья въ другое или изъ вотчины въ помѣстье, то государство ничего не имѣло противъ этого и такіе переводы дозволялись администраціей, такъ какъ они не затрогивали интересовъ казны [2]). Первоначально продажа на выводъ разрѣшалась лишь благодаря злоупотребленіямъ приказныхъ, но потомъ она постепенно вошла въ обычай и наконецъ обычай былъ санкціонированъ указомъ, когда эта санкція потребовалась въ интересахъ царскаго любимца; любопытно, что этотъ любимецъ былъ выдающимся государственнымъ дѣятелемъ и однимъ изъ передовыхъ людей своего времени [3]). Упомянутый указъ состоялся въ 1675 году [4]) и вслѣдъ затѣмъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, начали продавать, дарить, мѣнять, отдавать въ уплату долговъ (обращая ихъ такимъ образомъ въ холопей), мѣнять

---

[1]) Не точная формулировка. Помѣстья жаловались для службы и на время службы. Юридически они никогда не наслѣдовались. *Ред.*

[2]) Уложеніе XI. 30. 31, XVI. 7.

[3]) Артам. Матвѣевъ. *Ред.*

[4]) П. С З. № 946.

на холопей [1]). Ясно, что прикрѣпленіе къ землѣ быстро смѣнялось личнымъ закрѣпощеніемъ и только на словахъ все оставалось по-старому.

Точно такъ же шло дѣло съ вопросомъ о правѣ владѣльца отпускать крестьянъ на волю. Строго говоря, предоставить подобное право владѣльцамъ было совершенно невозможно. Крестьяне вовсе не были рабами, государство прикрѣпило ихъ къ землѣ въ своихъ интересахъ и землевладѣльцы очевидно не могли освобождать ихъ отъ обязательства, возложеннаго на нихъ государствомъ. Но такъ какъ случаи отпущенія на волю все-таки встрѣчались въ дѣйствительности, то правительство запретило отпускать на волю крестьянъ съ помѣстій. Запрещеніе это вошло въ ту главу уложенія, въ которой трактуется о помѣстьяхъ, а отсюда землевладѣльцы сдѣлали выводъ, что этимъ запрещеніемъ косвенно подтверждается ихъ право отпускать крестьянъ и съ вотчинъ и такимъ способомъ избавляться отъ лишнихъ людей, когда они становятся въ тягость.

5) Пока отношеніе землевладѣльца къ крестьянамъ основывалось на договорѣ, землевладѣлецъ имѣлъ право, согласно этому договору, подвергать не исполнившаго обязательствъ крестьянина денежному штрафу, могъ даже прогнать его со своей земли. Послѣ прикрѣпленія послѣдняя мѣра стала, конечно, непримѣнимой и уже въ началѣ XVII столѣтія землевладѣльцы могли по договорамъ налагать только денежныя пени на своихъ крестьянъ, а крестьяне, согласно тѣмъ же договорамъ, обязывались платить эти пени. Но еще

---

[1]) Примѣры см. у Бѣляева.

въ древнѣйшій періодъ, въ то время, когда судъ творили княжескіе и царскіе волостели и намѣстники, многіе владѣльцы успѣли получить право суда на своихъ земляхъ. Уложеніемъ 1649 года всѣ подобныя привилегіи были уничтожены и для всѣхъ подданныхъ безъ исключенія, а слѣдовательно и для крестьянъ былъ установленъ одинаковый судъ, всѣ были подчинены одинаковому произволу воеводъ и приказной администраціи. Равенство всѣхъ предъ закономъ и предъ судомъ представляетъ великое благо, когда судьи пользуются самостоятельностью и ни отъ кого не зависятъ. Но одинаковое всеобщее подчиненіе произволу и административному усмотрѣнію является несообразною безсмыслицей. Изъ такого уравненія вытекло слѣдствіе, не имѣвшее ничего общаго съ равенствомъ предъ лицомъ закона: установленіе неограниченной судебно-полицейской и административной власти землевладѣльцевъ надъ крѣпостными крестьянами въ интересахъ общественнаго спокойствія и порядка.

Уже въ Уложеніи 1649 г. были заложены первыя основанія этой власти; отмѣняя всѣ привилегіи самостоятельнаго суда, предоставленныя нѣкоторымъ владѣльцамъ, Уложеніе въ то же время открыто признало за всѣми землевладѣльцами право подвергать своихъ крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ и запретило судамъ принимать отъ крестьянъ и холопей доносы на помѣщиковъ, кромѣ случаевъ государственной измѣны. Въ 1653 г. помѣщики уже пользовались правомъ тѣлесно наказывать крестьянъ за пьянство и драки [1]). Крестьяне

---

[1]) А. Э. IV № 67.

сами охотно отдавали свои тяжбы на судъ владѣльцевъ, чтобы избавиться отъ взяточничества приказныхъ. Но и лица другихъ сословій точно такъ же начали обращаться съ жалобами на крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Обѣ стороны оставались въ выгодѣ, такъ какъ судъ былъ скорый, безъ волокиты и безъ платежа казенныхъ пошлинъ. Въ 1673 г. [1]) владѣльцы сами наказывали крестьянъ за воровство, но въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ крестьяне попрежнему подлежали тому же суду, какъ и ихъ владѣльцы.

Но, несмотря на всѣ эти перемѣны, клонившіяся къ подчиненію крестьянъ патріархальному владѣльческому суду, правительство все еще не признавало крестьянъ рабами; по выраженію Бѣляева [2]), „крестьяне попрежнему оставались полноправными членами русскаго общества". Правительство не желало отдавать крестьянъ въ крѣпостную зависимость. Напротивъ, оно старалось вообще сузить сферу рабовладѣнія, сокращая число законныхъ источниковъ рабства. Оно рѣшило уничтожить безсрочное холопство, запретивъ отдаваться въ полные холопы, и терпѣло лишь кабальное, т.-е. временное, холопство, длившееся лишь до смерти кредитора-господина. Даже поступленіе въ кабальные холопы было обставлено разными затрудненіями и облечено въ такія формы, которыя должны были охранять бѣдныхъ и слабыхъ отъ произвола богатыхъ и сильныхъ. Прикрѣпленные крестьяне и холопы строго различались. Холопъ долженъ былъ служить своему хозяину, кре-

---

[1]) Доп. къ А. И. IV, № 86.

[2]) Стр. 214, 224 и др. перваго изданія.

стьянинъ долженъ былъ обрабатывать землю. Правительство старалось провести это различіе съ полною послѣдовательностью. Когда землевладѣльцы начали сажать своихъ холопей на пустые крестьянскіе дворы, разсчитывая такимъ образомъ платить государству меньше податей, правительство тотчасъ обратило на это вниманіе и съ 1680 г. было приказано вносить и такіе дворы въ окладъ; было расъяснено, что землевладѣльцы сами перевели этихъ холопей въ крестьянство, чѣмъ и зачислили ихъ въ разрядъ государственныхъ тяглецовъ, въ которомъ они должны впредь оставаться [1]). Но, издавая это распоряженіе, правительство руководилось, какъ всегда, не желаніемъ охранять права крестьянъ, но заботою о своихъ собственныхъ фискальныхъ интересахъ, и вотъ почему эта мѣра оказалась весьма неблагопріятной для крестьянъ; благодаря ей не холопы приравнивались къ крестьянамъ, а, наоборотъ, крестьяне низводились до положенія холопей. По крайней мѣрѣ землевладѣльцы истолковали новый законъ именно въ такомъ смыслѣ: они начали брать крестьянъ во дворъ и сажать холопей на пашню. Въ 1698 г. это явленіе было оффиціально констатировано. Но, несмотря на всѣ перечисленныя неблагопріятныя условія, несмотря на постоянное приближеніе владѣльческихъ крестьянъ къ положенію крѣпостныхъ, жизнь ихъ все-таки представляла нѣкоторыя выгоды и свободные люди продолжали посту-

---

[1]) П. С. З. № 821, № 1504, № 1506 и 1507. Ср. указъ № 750 отъ 1679 г., по которому подати велѣно было брать только съ крестьянскихъ дворовъ.

пать въ крестьянство, заключая порядныя съ землевладѣльцами.

По закону крестьяне, въ томъ числѣ и владѣльческіе, выбирали своихъ старостъ, цѣловальниковъ и „излюбленныхъ людей“ для сбора податей и для надзора за отбываніемъ повинностей; они принимали участіе въ избраніи губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, вѣдавшихъ уголовную полицію; они давали свидѣтельскія показанія въ случаѣ такъ называемаго „повальнаго обыска“. Они подчинялись тому же суду, какъ и землевладѣльцы. Но на практикѣ, фактически крестьяне все больше и больше подпадали въ административномъ отношеніи подъ власть своихъ владѣльцевъ [1]). Въ отношеніи гражданскихъ правъ крестьяне нисколько не были ограничены или, вѣрнѣе, были ограничены въ такой же степени, какъ и всѣ прочіе классы тогдашняго общества. Въ вопросахъ семейственнаго права они, какъ и всѣ, подлежали вѣдѣнію духовнаго суда. Они имѣли право брать подряды отъ частныхъ лицъ, отъ казны или отъ помѣщиковъ, имѣли право покупать и продавать, пріобрѣтали землю и людей, занимались торговлей, давали деньги взаймы, арендовывали землю и сдавали ее въ аренду, и помѣщикъ не долженъ былъ стѣснять ихъ въ этомъ отношеніи, лишь бы они исправно обрабатывали землю, платили казенныя подати и оброкъ землевладѣльцу и отбывали всѣ свои повинности [2]). Обязанности помѣщика и царскихъ

---

[1]) Свидѣтельства, относящіяся къ 1680, 1681, 1701 и 1705 годамъ, см. у Бѣляева 220—250.

[2]) Бѣляевъ, стр. 216, примѣръ, относящійся къ 1675 г., на стр. 225—къ 1714 г.

чиновниковъ состояли только въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы „крестьяне государеву землю пахали“ [1]). Они должны были наставлять крестьянъ, руководить ими и когда нужно наказывать ихъ. Но лишь только землевладѣлецъ становился на эту фискально - полицейскую точку зрѣнія въ пониманіи своей власти, какъ его власть тотчасъ оказывалась совершенно неограниченной. По закону онъ вовсе не имѣлъ непосредственной власти надъ крестьянами, но, руководствуясь только что отмѣченной точкой зрѣнія, онъ могъ спокойно игнорировать права, которыя законъ признавалъ за крестьянами еще въ довольно широкомъ объемѣ, могъ игнорировать ихъ до тѣхъ поръ, пока эти права не исчезали сами собой.

Фактической власти землевладѣльца крестьяне противопоставляли фактическое сопротивленіе, выражавшееся въ весьма конкретныхъ формахъ и опиравшееся на вполнѣ реальные мотивы. Судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ объ экономическихъ условіяхъ того времени, крестьяне жили въ большой нуждѣ. Въ лучшемъ случаѣ крестьянинъ сводилъ концы съ концами цѣною большей или меньшей задолженности у землевладѣльца. Малѣйшая неблагопріятная случайность вела его къ полному разоренію. Неурожай и его послѣдствія, голодъ и эпидеміи, насильственное „выбиваніе“ податей, безконечный рядъ казенныхъ повинностей, изнурительные поборы землевладѣльцевъ—всѣ эти причины разоряли множество крестьянскихъ хозяйствъ. Крестьяне

---

1) Примѣры у Бѣляева стр. 119—124 г. Замѣчанія Бѣляева противорѣчатъ источникамъ, на которые онъ самъ ссылается.

укрывались въ лѣса, составляли разбойн перебѣгали къ другимъ землевладѣльцамъ или, наконецъ, спасались за предѣлы государства, уходили на востокъ и на югъ, въ казачество и колонизировали лѣса и степи. Чѣмъ сильнѣе пользовались землевладѣльцы своею полицейскою властью, тѣмъ болѣе разрастались крестьянскіе побѣги.

Повсюду размножались разбойничьи шайки и все чаще и чаще повторялись крестьянскіе бунты. Теперь-то государственный порядокъ подвергся дѣйствительной опасности и закрѣпощеніе крестьянъ сдѣлалось уже не мнимой, а реальной государственной необходимостью. Государство не могло больше колебаться въ выборѣ. Обстоятельства заставляли его окончательно укрѣпить власть служилыхъ землевладѣльцевъ надъ ихъ крестьянами. Эта власть получила такое значеніе для всей административной системы, что ее уже нельзя было оставлять безъ вниманія и поддержки. Крестьянскіе бунты можно было усмирить только потоками крови, но усмиреніе ихъ было необходимо, его слѣдовало купить какою угодно цѣной. По Уложенію 1649 г. крестьянинъ наказывался за побѣгъ денежной пеней, такъ какъ его побѣгъ разсматривался только, какъ нарушеніе частныхъ правъ владѣльца; точно такъ же денежной пенѣ подлежалъ тотъ, кто принималъ къ себѣ бѣглаго. Теперь указомъ 1658 г. побѣгъ крестьянина былъ приравненъ къ побѣгу холопа, т.-е. къ уголовному преступленію, и бѣглымъ крестьянамъ было назначено наказаніе кнутомъ „за ихъ воровство, что они разоря своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, отъ нихъ бѣжали“ [1]. Въ

[1]) П. С. З. № 220.

1661 г. состоялось слѣдующее постановленіе: помѣщикъ или вотчинникъ за пріемъ къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ долженъ вернуть ихъ на свой счетъ къ прежнему владѣльцу, да еще сверхъ того отдать ему одного, позднѣе—четырехъ изъ своихъ крестьянъ съ семьями; приказчики же и старосты черныхъ деревень за пріемъ бѣглыхъ крестьянъ подлежатъ наказанію кнутомъ [1]). Въ 1664 г. произведенъ былъ сыскъ бѣглыхъ по всему государству [2]); у кого находили бѣглаго, принятаго послѣ указа 1661 г., у того отбирали и бѣглаго и еще четырехъ крестьянъ съ семьями и со всѣмъ имуществомъ. Съ этого года начинается длинный рядъ указовъ, повторяющихся въ теченіе цѣлаго столѣтія, которыми назначались повсемѣстные сыски бѣглыхъ по всей Россіи. Въ различныхъ случаяхъ эти облавы были обставлены различными подробностями, но всѣ онѣ въ силу множества причинъ не могли дать ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, и правительство оказывалось вынужденнымъ прибѣгать все къ болѣе и болѣе суровымъ мѣрамъ, направленнымъ противъ побѣговъ, и грозить все болѣе суровыми наказаніями. Крестьянскіе побѣги все умножались, землевладѣльцы пользовались всѣми вновь предоставленными имъ средствами для обузданія побѣговъ, а крестьяне отвѣчали на эти мѣры убійствами и поджогами. Возмущенія противъ помѣщичьей власти, избіенія владѣльческихъ семей, поджоги владѣльческихъ усадебъ становились обычнымъ явленіемъ.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно всѣ правитель-

---

[1]) № 307. [2]) № 364.

ственныя мѣропріятія, направленныя въ защиту владѣльческихъ интересовъ; онѣ повторяются съ утомительнымъ однообразіемъ черезъ короткіе промежутки времени. Отмѣтимъ только нѣкоторые особенно характерные факты. Въ 1667 г. [1]) церковь была лишена права давать убѣжище бѣглымъ, священническая ряса и монашескій клобукъ перестали служить для нихъ защитою; если бѣглые крестьяне поступали въ священство или принимали монашеское постриженіе, ихъ лишали духовнаго сана и возвращали прежнимъ владѣльцамъ. Царь Өедоръ отмѣнилъ въ 1681 году [2]) законъ, въ силу котораго принявшій бѣглаго долженъ былъ отдать за укрывательство четырехъ своихъ крестьянъ; но немедленно посыпался цѣлый градъ челобитныхъ о возстановленіи прежняго закона, и уже въ слѣдующемъ 1682 г. царевна Софья возстановила его. Въ 1683 г. онъ подвергся измѣненію: вмѣсто отдачи четырехъ крестьянъ за укрывательство бѣглаго велѣно брать съ землевладѣльцевъ и крестьянскихъ старостъ по 20 р.; за неуплату этой пени грозило наказаніе кнутомъ [3]). По ходатайствамъ помѣщиковъ вновь былъ произведенъ повсемѣстный сыскъ бѣглыхъ, и вновь укрыватели поплатились наказаніемъ кнутомъ и еще болѣе суровыми карами. Указы, посвященные бѣглымъ крестьянамъ, все умножались. Въ 1698 г. Петръ возстановилъ старое правило, въ силу котораго за каждаго бѣглаго укрыватель долженъ былъ отдать четырехъ своихъ крестьянъ, и въ то же время оставилъ безъ измѣненія новый законъ о двадцатирублевой пенѣ; въ томъ же

---

[1]) № 412. [2]) № 891. [3]) № 972 и № 985.

указѣ повторялась угроза наказанія кнутомъ приказчикамъ и крестьянскимъ старостамъ [1]). Въ томъ самомъ году правило объ отдачѣ 4-хъ крестьянъ было отмѣнено, но зато тѣлесное наказаніе распространено даже на помѣщиковъ, которые не выдадутъ немедленно укрывающихся у нихъ бѣглыхъ [2]). Въ 1706 г. помѣщикамъ предъявлено требованіе выдать бѣглыхъ добровольно, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ наказанія [3]). Въ слѣдующемъ году опять былъ повторенъ повсемѣстный сыскъ бѣглыхъ по всему [4]) государству. Бѣляевъ съ жаромъ утверждаетъ, что этотъ сыскъ былъ послѣднимъ, что съ тѣхъ поръ правительство предоставило помѣщикамъ самимъ заботиться о розыскѣ своихъ крестьянъ, но стоитъ лишь мелькомъ заглянуть въ текстъ напечатанныхъ указовъ, чтобы убѣдиться въ полной неосновательности этого утвержденія.

ГЛАВА IV.

Развитіе крѣпостного права при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ.

Наступило XVIII столѣтіе. Желѣзною рукой проводилъ Петръ Великій свои реформы: изъ Московскаго царства должно было образоваться европейское государство — Россія. Чѣмъ меньше понимали народъ и даже ближайшіе сотрудники великаго царя его преобразовательные планы, тѣмъ настойчивѣе сказыва-

[1]) № 1623 .[2]) № 1625. [3]) 2092. [4]) № 2147.

лась для Петра необходимость направить всѣ силы на достиженіе одной главной цѣли своихъ стремленій, тѣмъ болѣе насильственный характеръ принимали употребляемыя имъ средства и тѣмъ труднѣе становилось обходиться безъ суровыхъ и даже жестокихъ мѣръ. Горячее сочувствіе его идеямъ, хотя бы только со стороны высшихъ классовъ общества, могло бы избавить его отъ страха за полное крушеніе его начинаній и дало бы ему возможность съ большимъ вниманіемъ сосредоточиться на разработкѣ и практическомъ осуществленіи каждой отдѣльной реформы. Но при дѣйствовавшихъ тогда условіяхъ его неутомимой энергіи хватало лишь настолько, чтобы уберечь государство отъ уклоненій въ сторону отъ намѣченнаго имъ пути, въ самомъ главномъ и существенномъ, чтобы избѣжать полной неудачи. Людей, понимавшихъ его планы, было очень немного [1]); народная масса подчинялась съ глухимъ недовольствомъ и выражала свою оппозицію ропотомъ, который лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ переходилъ въ открытыя возстанія, лишенныя общаго плана и смысла. Суровыя мѣры Петра и дурныя послѣдстія многихъ изъ этихъ мѣръ едва ли можно поставить въ вину самому Петру: народъ оставилъ его одного бороться за политическое могущество Россіи, а его совѣтникамъ и помощникамъ была не по плечу та задача, которую онъ на нихъ возлагалъ. Московское царство не вы-

---

[1]) Послѣ изслѣдованій гг. Милюкова и Павлова-Сильванскаго о преобразовательныхъ проектахъ петровской эпохи повторяемыя г. Энгельманомъ ходячія сужденія о томъ, какъ одинокъ былъ Петръ въ своей реформаторской дѣятельности, подлежатъ большимъ ограниченіямъ. *Ред.*

работало формъ, въ которыхъ могло бы выразиться участіе всего народа или отдѣльныхъ сословій въ государственной дѣятельности, наоборотъ, оно разрушило всѣ формы, которыя существовали до него и которыя были вызваны къ жизни Иваномъ IV. Государство—это царь, такова была основная идея московскихъ политиковъ. Но для осуществленія этой идеи и древнѣйшая Русь и сама Москва не создали прочнаго строя учрежденій, способныхъ хранить исходящіе отъ царя законы, вырабатывать изъ преподанныхъ въ нихъ нормъ стройную правовую систему, обезпечивать странѣ законный судъ и твердо охранять права каждаго подданнаго. Московское царство не знало ни одного права, прочно установленнаго и неприкосновеннаго, оно знало лишь благонамѣренный, а иногда и злонамѣренный произволъ власть имущихъ, призванныхъ охранять и осуществлять интересы казны. Дѣло Петра отъ того и было такъ трудно, что ему и немногимъ, понимавшимъ его идеи, приходилось разсчитывать лишь на свои личныя силы. Неудивительно, что въ пылу тяжелой и черной работы Петръ не всегда выглядѣлъ привлекательно и опрятно; у него не было времени расчитывать и обсуждать каждый шагъ, торопливо хватался онъ за первое попавшееся средство и рубилъ съ плеча и судорожно метался изъ стороны въ сторону подъ вліяніемъ минутныхъ потребностей и неожиданныхъ затрудненій.

Все это можно наблюдать и на его отношеніи къ вопросу о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ ни важенъ былъ этотъ вопросъ для всего государственнаго строя, Петру онъ представлялся второстепеннымъ сравнительно съ главною цѣлью его дѣятель-

ности; онъ никогда не отдавалъ своего вниманія цѣликомъ этому вопросу и касался его только мимоходомъ.

Правительство Московскаго государства, создавая прочный общественный порядокъ прикрѣпило каждое сословіе къ извѣстному занятію; въ концѣ концовъ такому прикрѣпленію были подвергнуты и крестьяне. Когда въ XVII столѣтіи, по окончаніи смутнаго времени былъ возстановленъ старый порядокъ, крестьяне, составлявшіе главную массу народа, образовали фундаментъ, на который опиралось все государственное зданіе; подъ этою тяжестью фундаментъ глубоко ушелъ въ землю. На фундаментѣ покоились стѣны зданія—служилые люди, призванные охранять его отъ внѣшней опасности и вражескаго вторженія. Надъ всѣмъ зданіемъ, какъ крыша, вѣнчающая его, высилась самодержавная власть. Петръ понялъ, что, если онъ хочетъ устроить поудобнѣе внутренность зданія, онъ не долженъ подрывать его фундамента,—съ этимъ приходилось считаться какъ съ исторической необходимостью. Итакъ, не только классъ служилыхъ людей, но и само государство оказывалось заинтересованнымъ въ томъ, чтобы крѣпостные крестьяне оставались въ прежнемъ положеніи. Петръ принялъ наслѣдство, доставшееся ему отъ прежнихъ вѣковъ, и только подвелъ ему итоги, назвалъ уже готовое, назрѣвшее явленіе его настоящимъ именемъ и началъ трактовать помѣщичью власть сообразно съ тѣмъ, чѣмъ она уже была въ дѣйствительности. Однимъ словомъ, онъ опредѣленно уяснилъ сложившіяся до него отношенія и вслѣдствіе этого рѣзко обозначилась та степень произвола, которой были подчи-

нены крѣпостные крестьяне; отсюда и получилось такое впечатлѣніе, какъ будто Петръ впервые установилъ этотъ произволъ. Можетъ показаться на первый взглядъ, что положеніе крѣпостныхъ стало гораздо хуже отъ того, что помѣщичья власть, раньше существовавшая de facto, получила законное основаніе, но на самомъ дѣлѣ въ этомъ именно и заключался зародышъ будущей перемѣны къ лучшему. Только послѣ того, какъ крѣпостное право было установлено закономъ, явилась возможность и отмѣнить его посредствомъ закона, только при этомъ условіи оно перестало относиться къ числу неформулированныхъ, но зато и не поддающихся сознательному воздѣйствію основъ государственнаго строя.

Въ своемъ отношеніи къ крестьянскому вопросу Петръ исходилъ изъ древне-русской, чисто-московской идеи: подобно всѣмъ прочимъ классамъ общества, и крестьяне существуютъ только для того, чтобы служить государству. Ничьи права не считались неприкосновенными, разъ они приходили въ столкновеніе съ цѣлями и интересами государства и крестьяне, всего менѣе могли претендовать на обладаніе какими-либо неприкосновенными правами. Этимъ, разумѣется, открывался широкій просторъ произволу и произволъ не замедлилъ обнаружиться; примѣромъ можетъ служить вопросъ о правѣ владѣльца отпускать на волю крѣпостныхъ крестьянъ. Уложеніе косвеннымъ образомъ санкціонировало это нелогичное право, запретивъ его примѣненіе лишь по отношенію къ помѣстьямъ. Это послѣднее ограниченіе утрачивало всякое значеніе, по мѣрѣ того, какъ цѣлый рядъ указовъ послѣдовательно сближалъ права владѣльцевъ на вот-

чины и помѣстья, а Петръ и окончательно уравнялъ оба эти вида служилаго землевладѣнія. Государство нуждалось въ солдатахъ и подъ вліяніемъ этого мотива право помѣщиковъ отпускать на волю крестьянъ было подтверждено: „Великій Государь указалъ всякихъ чиновъ людемъ сказать, кто похочутъ людей и крестьянъ своихъ отпускать на волю и тѣмъ людемъ и крестьяномъ давать отпускныя и съ тѣми отпускными приводятъ ихъ въ приказъ Холопья Суда, а изъ того приказу такихъ отпущенныхъ и вольныхъ людей и крестьянъ, и которымъ людемъ отпускныя довелось дать, изъ приказу Холопья Суда отсылать въ Преображенскъ, и которые изъ нихъ годятся въ службу и тѣхъ писать въ солдаты, а которые въ солдаты не годятся, и на тѣхъ людей и крестьянъ указалъ Великій Государь по прежнимъ своимъ Великаго Государя указамъ, давать изъ приказу Холопья Суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ“ [1]).

Этотъ указъ ярко обрисовываетъ положеніе крестьянъ, созданное московскимъ царствомъ. Крестьяне были прикрѣплены въ интересахъ государства, чтобы ни сами они, ни земля не могли выходить изъ тягла. Отпущеніе крестьянъ на волю являлось противозаконнымъ и было запрещено для большей части земель; однако администрація разрѣшала подобные отпуски въ виду того, что казна получала съ нихъ пошлины. И могло ли тогда считаться незаконнымъ что-либо такое, что дѣлалось источникомъ казеннаго дохода! И вотъ, когда государство ощутило нужду въ сол-

[1]) Указъ отъ 1 февраля 1700 г., П. С. З. № 1747.

датахъ, а рекрутскіе наборы оказались недостаточными, въ солдаты начали брать вольноотпущенныхъ крестьянъ, которые не находили себѣ другихъ занятій. Тѣ изъ нихъ, которые оказывались негодными для военной службы, возвращались въ прежнее состояніе, т.-е. поступали въ крѣпостные. Это послѣднее правило приводится въ указѣ, какъ нѣчто само собою понятное, такъ какъ другого исхода въ то время и не могло быть: крестьянинъ могъ только промѣнять одинъ видъ зависимости на другой. Въ то время казалось невозможнымъ, чтобы кто-либо, кромѣ государственныхъ сановниковъ,—даже и служилые люди всю жизнь оставались на службѣ,—и особенно крестьяне могли устраиваться по собственному усмотрѣнію и свободно переходить съ мѣста на мѣсто. У отпущеннаго на волю даже не спрашивали, хочетъ ли онъ снова вернуться въ крѣпостное состояніе и не предпочитаетъ ли онъ избрать другое, самостоятельное занятіе; ему просто приказывали сыскать себѣ владѣльца, за которымъ его тотчасъ же и записывали. Въ названномъ указѣ это положеніе было приведено какъ бы мимоходомъ и выражено въ наивной формѣ, но оно было повторено затѣмъ въ цѣломъ рядѣ другихъ указовъ, уже въ видѣ категорическаго предписанія.

Въ виду не прекращавшейся нужды въ солдатахъ былъ сдѣланъ затѣмъ новый шагъ: холопамъ и крѣпостнымъ крестьянамъ предложили самимъ записываться въ военную службу [1]). Въ солдаты начали принимать даже бѣглыхъ крестьянъ, открыто заявлявъ-

[1]) Указъ отъ 31-го марта 1700 г. № 1820.

шихъ о себѣ, при чемъ они освобождались отъ установленнаго за побѣгъ наказанія. Не принимали только тѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые бросали свои пашни со спеціальною цѣлью—поступить въ солдаты. Принятый въ солдатскую службу имѣлъ право требовать отъ помѣщика свою жену и несовершеннолѣтнихъ дѣтей. За каждую тяглую душу мужского пола казна платила помѣщику 11 рублей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывалось нужнымъ въ интересахъ казны, попрежнему проводилось различіе между крѣпостными крестьянами и холопами: необходимость обезпечить обработку полей не позволяла брать въ солдаты слишкомъ много крестьянъ, иначе могла пострадать налогоспособность земли; но холопы, которые числились въ дворовыхъ людяхъ и не сидѣли на землѣ, не платили никакихъ податей и потому съ нихъ стали брать вдвое, втрое, вчетверо и, наконецъ, даже въ семь разъ больше рекрутъ, чѣмъ съ крестьянъ, а въ то же время помѣщикамъ было запрещено ставить въ рекруты крестьянъ вмѣсто дворовыхъ. Крестьяне, принятые въ солдаты противозаконно, возвращались помѣщику по его требованію, если онъ вносилъ все то жалованье, которое было выдано крестьянину за время его солдатской службы. Запрещено было принимать только преступниковъ, которые надѣялись поступленіемъ на службу избѣжать наказанія. Изложенный указъ повторялся нѣсколько разъ вплоть до 1721 г. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Ништадтскаго мира послѣдовало запрещеніе принимать въ солдаты крестьянъ и дворовыхъ безъ согласія ихъ владѣльцевъ. Съ тѣхъ поръ требованіямъ владѣльцевъ о выдачѣ имъ

крестьянъ, которые ушли отъ нихъ на службу, стали придавать постепенно все больше и больше значенія; имъ начали возвращать даже дворовыхъ людей, которые сидѣли на землѣ или являлись особенно цѣнными для хозяйства и были обучены разнымъ мастерствамъ — садовниковъ, плотниковъ, горшечниковъ, а также „тѣхъ, которыхъ господа ихъ выучили матросскому дѣлу для плаванія своего въ Санктъ Петербургъ“ [1]); тогда же вмѣсто женатыхъ дворовыхъ разрѣшено было ставить въ рекруты холостыхъ крестьянъ. Послѣднее постановленіе опять сглаживало возстановленное было самимъ правительствомъ различеніе холоповъ отъ крестьянъ.

Прикрѣпленіе къ землѣ было установлено въ интересахъ государства для того, чтобы не оставалась безъ обработки земля, съ которой служилые люди несли службу. Если помѣщикъ отрывалъ крестьянина отъ земли, то, строго говоря, онъ самъ отступался отъ своей власти надъ крестьяниномъ, такъ какъ у него не было никакихъ правъ на самую личность крестьянина. Это воззрѣніе проглядываетъ въ нѣкоторыхъ указахъ Петра. Такъ, изъ одного указа 1690 г. видно, что крестьянинъ, взятый помѣщикомъ съ пашни во дворъ, приравнивался къ дворовому холопу, почему по смерти такого крестьянина дѣти его выходили на волю и получали отпускныя изъ приказа Холопьяго Суда по допросамъ отцовъ ихъ духовныхъ [2]).

О томъ, что уже самое отрываніе крестьянина отъ земли являлось противозаконіемъ, въ указѣ не го-

[1]) № 3754. [2]) 1690 г. № 1383.

ворится ни слова, такъ какъ это давно вошло въ обычай и обычай былъ санкціонированъ указами. Но крѣпостная зависимость была наслѣдственной между тѣмъ, какъ состояніе раба или холопа въ то время не передавалось по наслѣдству, и если помѣщикъ переводилъ крѣпостного крестьянина въ холопы, то юридическія слѣдствія такой перемѣны должны были тотчасъ отразиться и на положеніи его дѣтей; правительство въ данномъ случаѣ дѣлало только практическій выводъ, согласный съ этими слѣдствіями. Мѣра, установленная новымъ закономъ, была вполнѣ справедлива, такъ какъ она соотвѣтствовала одновременно и выгодамъ государства и интересамъ затронутыхъ ею лицъ.

Если крѣпостные жили въ городахъ и посадахъ съ вѣдома своихъ владѣльцевъ и занимались тамъ торговлей и ремеслами, то ихъ приписывали къ посадской общинѣ и такимъ образомъ они выходили изъ крѣпостной зависимости. Но бѣглыхъ крестьянъ городскія общества должны были выдавать ихъ господамъ [1]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ при этомъ, то, что помѣщикъ не могъ требовать, какъ это было позже, вознагражденія за крѣпостныхъ, которыхъ онъ лишался такимъ образомъ. Помѣщикъ терялъ всякое право на крестьянина, какъ только сводилъ его съ земли или позволялъ ему уйти съ нея. Но законъ, устанавливавшій такой порядокъ, былъ изданъ вовсе не для защиты крестьянскихъ правъ,— при его изданіи имѣлись въ виду исключительно выгоды казны. Въ интересахъ казны надлежало поощ-

---

[1]) Указъ 1700 г. № 1775.

рять торговлю и ремесла, отсюда—происхожденіе этого закона. Торговая и ремесленная дѣятельность сосредоточивалась въ городахъ и ради поощренія этой городской промышленности крестьянамъ, пока они сидѣли на землѣ, было запрещено заниматься городскими промыслами. Но развитіе городовъ шло чрезвычайно медленно и встрѣчало препятствія со всѣхъ сторонъ; не говоря уже о злоупотребленіяхъ администраціи, оно задерживалось недостаточнымъ приливомъ населенія: помѣщики вовсе не хотѣли лишаться своихъ крѣпостныхъ и не отпускали ихъ съ своихъ земель. Изъ этого положенія удалось найти выходъ одинаково выгодный и для казны и для помѣщиковъ. Сенатскимъ указомъ отъ 4-го февраля 1714 г. было постановлено слѣдующее: крестьяне, занимающіеся торговлей, должны вносить въ казну двойное тягло, должны участвовать въ платежѣ какъ посадскихъ, такъ и обыкновенныхъ крестьянскихъ податей; сверхъ того они обязываются платить оброкъ помѣщику [1]). Помѣщики не замедлили воспользоваться этимъ указомъ. Такъ какъ занимающійся торговлей крестьянинъ обязанъ былъ платить помѣщичій оброкъ, хотя и не пользовался земельнымъ участкомъ, по величинѣ котораго обыкновенно опредѣлялся размѣръ оброка, то это и было понято, какъ предоставленіе помѣщикамъ права облагать оброкомъ самую личность крестьянина; и помѣщики приняли за основаніе обложенія размѣры торговыхъ оборотовъ крестьянина. Правительство вовсе не ожидало подобныхъ послѣдствій отъ этого закона, да и помѣщики слишкомъ

---

[1]) № 2770.

уже поторопились выводомъ этихъ послѣдствій, что и вызвало правительственное вмѣшательство. 27-го сентября 1723 г. послѣдовалъ указъ [1]), повелѣвавшій „записываться въ посадъ крестьянамъ и прочимъ, какъ въ вышеписанномъ указѣ о комъ помянуто, вольно чьибъ ни были, только 8-гривенныя подушныя деньги также и подати (sic) помѣщику обыкновенныхъ крестьянъ, а не по богатству платить... А которые прежде были въ посадахъ, а отданы помѣщикамъ... такихъ взять въ посады". Смыслъ указа былъ тотъ, что помѣщикъ, одинъ разъ дозволивши крестьянамъ жить въ городѣ, не могъ отказываться отъ своего дозволенія и такимъ образомъ понуждать крестьянъ къ уплатѣ болѣе высокаго оброка. Указъ этотъ былъ повторенъ нѣсколько разъ.

Ясно, что правительство вовсе не имѣло намѣренія отдавать крестьянъ на произволъ помѣщиковъ. Когда помѣщичья власть проявлялась слишкомъ грубо, правительство тотчасъ же выступало съ ограничительными постановленіями, однако это не мѣняло общаго характера правительственной системы, неблагопріятной для крестьянъ. Крестьяне уже оффиціально назывались „подданными" помѣщика. И въ этомъ названіи заключалось открытое признаніе крестьянъ крѣпостными и предоставленіе помѣщику неограниченнаго права на трудъ крестьянина. Сознательно правительство не стремилось къ этому результату, но тѣмъ не менѣе эта идея послѣдовательно выдвигалась цѣлымъ рядомъ постановленій. Нельзя объя-

[1]) № 4312.

снять случайнымъ совпаденіемъ того, что только что упомянутый указъ былъ изданъ сенатомъ въ томъ самомъ году, когда Петръ уравнялъ права дворянъ на помѣстья и вотчины и призналъ службу личною повинностью дворянства, независимою отъ землевладѣнія. Подобно тому какъ служба, отбывавшаяся съ помѣстій и вотчинъ, обусловила прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, совершенно также перенесеніе обязательной дворянской службы съ земли на лицо дворянина повлекло за собой утвержденіе крѣпостного права. Указъ 1714 г. объ уравненіи помѣстьевъ и вотчинъ явился исходнымъ пунктомъ для развитія крѣпостного права. Правительство не сознавало всей важности принятой имъ мѣры, оно попрежнему считало крѣпостныхъ подданными государства, а не помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это оказывалось выгоднымъ съ точки зрѣнія государственной пользы; но подобные случаи, конечно, не замедлили представиться.

Кромѣ городскихъ промысловъ, изъ государственныхъ соображеній поощрялись и другія отрасли промышленности, какъ, напр., горное дѣло, которое обѣщало казнѣ большія выгоды при условіи достаточнаго снабженія заводовъ рабочею силой. Въ 1721 г. было дозволено [1]) покупать и приписывать крѣпостныхъ къ заводамъ. Въ этомъ случаѣ заботы о государственной пользѣ и поощреніе промышленности толкнули правительство на путь чрезвычайной и жестокой несправедливости; тысячи людей со всѣмъ ихъ

---

[1]) № 3711; сюда относится пунктъ 17 указа отъ 3-го дек. 1723 г. за № 4378.

потомствомъ отдавались по произволу частныхъ лицъ на самыя тяжелыя работы, почти наравнѣ съ преступниками, осужденными на каторгу. Участь этихъ рабочихъ была тѣмъ ужаснѣе, что правительство въ теченіе долгаго времени совсѣмъ не заботилось о нихъ и не регулировало ихъ обязанностей, предоставивъ все на произволъ заводовладѣльцевъ.

Въ другихъ случаяхъ, какъ мы уже говорили выше, помѣщичьи крестьяне попрежнему признавались такими же подданными государства, какъ и лица другихъ сословій. Такъ, они отбывали государственныя повинности наравнѣ съ дворцовыми крестьянами, выбирали цѣловальниковъ и старостъ. Они вели судебныя дѣла отъ своего имени, подавали челобитныя въ подлежащія правительственныя учрежденія, независимо отъ помѣщиковъ. Но тѣмъ не менѣе случаи, когда помѣщики выступали по отношенію къ крестьянамъ въ качествѣ агентовъ правительственной власти, становились все чаще и чаще. Такъ, въ 1704 г. монастырскимъ и архіерейскимъ крестьянамъ было запрещено вступать въ казенные подряды безъ согласія монастырскихъ или архіерейскихъ властей. Иногда права крестьянъ стѣснялись не съ цѣлью ихъ ограниченія, а ради удобства администраціи. Примѣромъ такого отношенія правительства къ правамъ крестьянъ можетъ служить указъ отъ 29 октября 1707 г.[1]). Въ этомъ указѣ запрещается крестьянамъ брать на откупъ разные сборы ратушскаго вѣдѣнія. Допускать къ такимъ откупамъ велѣно только купцовъ: „для того купецкаго чина люди Московскіе и

---

[1]) № 2165.

городовые жители всякими денежными платежами и иными поборами и Московскими городовыми службами и расправными и всякими купецкими дѣлами вѣдомы въ ратушѣ; а дворцовые крестьяне подъ особымъ судомъ и во всемъ вѣдомы въ канцеляріи дворцовыхъ дѣлъ, архіерейскіе и монастырскіе — въ монастырскомъ приказѣ, а помѣщиковы и вотчинниковы въ другихъ приказахъ; а въ ратушѣ тѣ дворцовые и ничьи крестьяне, кромѣ корчемныхъ дѣлъ, ничѣмъ не вѣдомы. Да и тѣхъ же дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ въ нынѣшнее военное время въ Военной и въ Помѣстной и въ Сибирской и въ Монастырской приказы набираны и набираютъ въ драгуны и въ солдаты и въ рекруты... И если чьимъ крестьянамъ такіе сборы на откупы отданы будутъ, а изъ нихъ кого возьмутъ въ службу, и къ дѣламъ, и въ такихъ сборахъ отъ того опасно порухи... а государевой казнѣ, не токмо противъ настоящихъ сборовъ наддачамъ, но и совершеннымъ настоящимъ сборамъ истери".

Тамъ, гдѣ это совпадало съ интересами казны, крестьяне причислялись къ имуществу помѣщика; такъ, если какой-нибудь чиновникъ забиралъ себѣ жалованья больше, чѣмъ ему слѣдовало, этотъ излишекъ взыскивался на его крестьянахъ [1]). Частнымъ кредиторамъ помѣщика было предоставлено такое же право обращать взысканіе на крестьянъ должника. Петръ уничтожилъ [2]) основанный на этомъ правѣ обычай

---

1) № 3078 отъ 1717 года.

2) Первый относящійся сюда указъ, помѣченный 1717 г., напечатанъ у Побѣдоносцева „Историческія изслѣдованія". СПБ., 1876 г., стр. 169.

ставить на правежъ вмѣсто неисправнаго должника его холопей и слугъ. Онъ издалъ постановленіе, до нѣкоторой степени ограждавшее свободу крѣпостныхъ при вступленіи въ бракъ, хотя, конечно, и послѣ этого постановленія свобода вступленія въ бракъ далеко не соотвѣтствовала требованіямъ не отмѣненныхъ, но никѣмъ не соблюдавшихся каноническихъ правилъ.

Но въ другомъ случаѣ, когда дѣло шло лишь о внѣшней защитѣ церковныхъ интересовъ, правительство вступилось за нихъ съ чрезвычайной энергіей, попиравшей всякое понятіе о правѣ. Въ 1713 г. былъ изданъ указъ [1]: „Великій Государь указалъ въ Казанской и Астраханской губерніяхъ бусурманамъ Магометанской вѣры, за которыми есть помѣстья и вотчины и въ тѣхъ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ за ними крестьяне и дворовые и дѣловые люди Православныя Христіанскія Вѣры, сказать свой Великаго Государя указъ, чтобъ они бусурманы крестились, конечно въ полгода, а какъ воспріимутъ святое крещеніе, и тѣми помѣстьями и вотчинами и людьми и крестьяны владѣть по прежнему. А ежели они въ полгода не крестятся и тѣ ихъ помѣстья и вотчины съ людьми и со крестьяны у нихъ взять и отписать на него Великаго Государя и безъ указу никому не отдавать". Въ 1715 г. въ дополненіе и разъясненіе этого указа было прибавлено, что у помѣщиковъ-магометанъ должны быть отбираемы только русскіе крестьяне съ принадлежащими имъ пашенными участками и всѣмъ имуществомъ, но дома, земли, мель-

---

[1]) № 2734.

ницы и другія угодья не должны подлежать конфискаціи. Доносчикамъ была назначена щедрая награда и для религіозно-патріотическаго усердія открывался широкій просторъ.

Въ 1719 г. состоялось повелѣніе [1]) отдавать подъ опеку помѣщиковъ за притѣсненіе крестьянъ и за жестокое обращеніе съ ними. Но великому монарху, повидимому, вовсе не приходило въ голову, что разрѣшеніе приписывать крѣпостныхъ къ заводамъ и фабрикамъ было источникомъ гораздо большаго угнетенія и гораздо худшей несправедливости; если же эта мысль и являлась ему, то она отступала передъ соображеніями государственной пользы.

Огромное значеніе для крестьянской жизни имѣла новая организація податной системы, связанная со введеніемъ подушной подати и съ первою ревизіей.

Строго говоря, и въ этой организаціи не было ничего новаго, она являлась лишь послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ началъ, которыя опредѣлились еще въ Московскомъ царствѣ. Въ своей финансовой политикѣ правительство продолжало руководиться старыми принципами; для удовлетворенія каждой потребности государства вводились особые сборы. Въ данномъ случаѣ дѣло шло объ изысканіи средствъ на содержаніе арміи. 27-го ноября 1718 г. состоялся указъ [2]), повелѣвавшій произвести ревизію и разложить расходы по содержанію войскъ на ревизскія души. Къ каждой губерніи были приписаны опредѣленные полки, которые должны были расположиться на постоянныя

---

[1]) № 3294: **воеводскій наказъ, п. 31.**

[2]) № 3245.

квартиры въ предѣлахъ данной губерніи, пополнять свой составъ рекрутами изъ среды ея населенія и получать содержаніе на счетъ собираемыхъ съ нея доходовъ. Сборъ подушной подати былъ порученъ въ каждой губерніи одновременно двумъ комиссарамъ— земскому и полковому. 22-го января 1719 г. [1]) была обнародована программа предстоящей ревизіи и немедленно вслѣдъ затѣмъ приступили къ ея исполненію. Въ ревизію, т.-е. въ перепись, заносились не только всѣ крестьяне и бобыли, но также и задворные и дѣловые люди, сидѣвшіе на землѣ; тѣ изъ дѣловыхъ людей, которые обрабатывали помѣщичьи пашни и совсѣмъ не имѣли своихъ надѣловъ, не вносились въ подушный окладъ, а приписывались къ ревизіи лишь для счета; приказчикамъ за утайку „душъ“ грозила смертная казнь. 5-го января 1720 г. [2]) послѣдовалъ именной указъ слѣдующаго содержанія: „Понеже я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и въ дворахъ бывала. Того ради нынѣ подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ *подданныхъ*, какого они званія ни есть, также и причетниковъ и церковныхъ кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ и всѣмъ дайте имъ сроку на полгода“. Въ этомъ-то указѣ и встрѣчается въ первый разъ отмѣченное выше названіе крестьянъ подданными помѣщика; ясно, что сѣмя, брошенное указомъ 1714 г., дало ростокъ и изъ него начало развиваться крѣпостное право.

---

[1]) № 3287. [2]) № 3481.

Правительство пришло къ переложенію податей съ земли на тяглыя души мужского пола, потому что у него не было ни времени, ни людей для аккуратнаго веденія прежнихъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ и для подробнаго изслѣдованія запутанныхъ отношеній. Введеніе новаго порядка преслѣдовало двѣ цѣли: быстроту дѣйствія и возможно большее умноженіе доходовъ, а поэтому онъ долженъ былъ прежде всего отличаться простотой и несложностью; и дѣйствительно, введеніе подушной подати чрезвычайно упростило задачу правительства. Правительству уже не приходилось опредѣлять количество населенной и не населенной земли, хлопотать о земельномъ обезпеченіи крестьянъ, достаточномъ для исправной уплаты податей и отбыванія повинностей; слѣдить, разлучаются или нѣтъ крестьянскія семьи и провѣрять права отдѣльныхъ владѣльцевъ на ихъ крестьянъ. Прежніе писцы должны были удостовѣряться на основаніи документовъ въ правахъ землевладѣльцевъ на записываемыхъ за ними крестьянъ; неправильно записанные въ крестьянство могли требовать свободы, и возникавшіе такимъ образомъ споры подлежали разслѣдованію и разбору. Теперь эта процедура становилась излишней, послѣ того какъ всѣ крестьяне должны были записаться за какимъ-либо владѣльцемъ, и никто изъ нихъ не могъ претендовать на свободу. Пренебреженіе правами частныхъ лицъ было уже давнишней традиціей, и крѣпостныхъ начали теперь записывать за помѣщиками единственно на основаніи показаній владѣльцевъ безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій. Правительству оставалось оперировать голыми цифрами и при помощи умноженія и дѣленія

опредѣлять количество податей и рекрутъ, подлежащихъ взиманію. До всего прочаго правительство уже не касалось, предоставляя всякія дальнѣйшія распоряженія на частныхъ земляхъ самимъ помѣщикамъ, а на казенныхъ земляхъ—старостамъ и другимъ выборнымъ властямъ крестьянскихъ общинъ. Процессъ взиманія и распредѣленія податей былъ упрощенъ до послѣдней степени. Къ каждому имѣнію было приписано опредѣленное количество душъ, это и значило, что съ даннаго имѣнія надлежало взять при посредствѣ помѣщика соотвѣтствующее количество податей и рекрутъ. О поставкѣ рекрутъ и объ уплатѣ податей долженъ былъ заботиться помѣщикъ. Чѣмъ проще становилась задача правительства и администраціи, тѣмъ обширнѣе дѣлалась власть помѣщика. Само государство дало ему „подданныхъ“, и помѣщикъ немедленно сталъ въ положеніе единственнаго представителя власти надъ крестьянами и сохранялъ это положеніе не только въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, но и въ отношеніяхъ къ администраціи; результаты этой перемѣны обнаружились очень скоро, какъ мы увидимъ ниже. Но, несмотря на всѣ свои недостатки, реформа податной системы, осуществленная Петромъ, представляла значительный прогрессъ сравнительно съ неудачными финансовыми мѣропріятіями стараго Московскаго царства. Согласно прежней московской практикѣ подать только по имени падала на землю, на дѣлѣ она падала не на землю и не на капиталъ, а на рабочую силу, при чемъ самый способъ, которымъ регулировалось обложеніе, оказывалъ чрезвычайно вредное вліяніе на успѣхи земледѣлія: крестьяне сокращали до minimum'а размѣръ своей за-

пашки, чтобы не подвергаться безпощаднымъ поборамъ приказныхъ, возраставшимъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ крестьянскихъ платежей, а слѣдовательно и съ увеличеніемъ крестьянской запашки. Со введеніемъ подушной подати размѣры крестьянскихъ запашекъ вновь стали значительно увеличиваться, и если въ то же время разрослась власть помѣщика, зато крестьяне во время сбора податей имѣли дѣло уже не съ приказными и писцами, а со своимъ помѣщикомъ, который до нѣкоторой степени былъ заинтересованъ въ хорошемъ состояніи крестьянскаго хозяйства.

Лишь только было приступлено къ выполненію ревизіи, тотчасъ же выяснилась невозможность установить для всего населенія одинаковое подушное обложеніе безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ въ виду разнообразія мѣстныхъ условій и отношеній. Предстояло предварительно подвести эти мѣстныя особенности подъ одинъ общій уровень. На сѣверѣ Россіи, въ такъ называемыхъ уѣздахъ поморскихъ городовъ, т.-е. въ бывшихъ новгородскихъ владѣніяхъ по Сѣв. Двинѣ, вошедшихъ въ составъ Архангельской губерніи, еще сохранялись старые новгородскіе поземельные порядки; сюда не проникла система служилыхъ помѣстій и тяглыя земли не были обращены въ царскіе домены. Землевладѣльцы этого края не принадлежали къ классу служилыхъ людей, и черная земля сохраняла свой первоначальный характеръ частной поземельной собственности, обложенной казенными сборами. Крестьяне считали себя собственниками черной земли и свободно распоряжались ею, хотя и платили съ нея подати. И купцы, и горожане не были устранены отъ пріобрѣтенія въ собственность черной

земли: землевладѣніе было совершенно свободно и не составляло привилегіи одного класса. Землевладѣлецъ здѣсь не былъ прикрѣпленъ къ службѣ, горожанинъ— къ своему промыслу, крестьянинъ—къ своей землѣ. Единственная обязанность того, кто владѣлъ землею, состояла въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей. Условія эти не были похожи на порядокъ, господствовавшій въ другихъ частяхъ страны, и могли причинить не мало хлопотъ правительству, если бы оно захотѣло принять ихъ въ расчетъ при выполненіи своихъ плановъ. Но правительство и не думало считаться съ ними и, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, распространило на „уѣзды поморскихъ городовъ“ дѣйствіе общихъ мѣропріятій. Въ 1722 г. состоялось слѣдующе постановленіе[1]: „Уѣзды, которые называются половники и посошные крестьяне, сверхъ осмигривенныхъ денегъ положить еще съ души, по тому, постольку, какъ помѣщики получать будутъ со своихъ крестьянъ, сверхъ солдатской дачи или инымъ какимъ манеромъ какъ удобнѣе и безъ конфузіи людемъ. А сбирать тѣмъ же землянымъ коммиссарамъ, а не инымъ и отсылать, куда опредѣлено будетъ“. Потомки старыхъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, сохранявшіе за собой дотолѣ право поземельной собственности, признанное и московскимъ правительствомъ, теперь были поименованы однодворцами, причислены къ крестьянамъ и сравнены съ послѣдними во всѣхъ своихъ правахъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи правъ на землю.

Различіе между ними и крестьянами было очевидно:

---

[1]) № 3894.

они сидѣли на собственной землѣ. Но правительству не было дѣла до этого различія, правительство имѣло въ виду лишь двѣ цѣли: упростить задачи управленія путемъ уравненія крестьянскихъ платежей и увеличить податные сборы. 7-го января 1723 г. послѣдовалъ указъ [1]) слѣдующаго содержанія: „...на вооруженіе и содержаніе тѣхъ (ландмилицкихъ) полковъ положить деньги съ тѣхъ же однодворцевъ сверхъ подушныхъ на содержаніе регулярныхъ полковъ впредь опредѣленныхъ денегъ, особо сборъ противъ того, почему платятъ крестьяне сверхъ казенныхъ платежей дворцовые во дворецъ, а прочіе вотчинникомъ, что надлежитъ учинить пропорціонально, чтобы имъ предъ пашенными крестьяны ни тяготы, ни льготы не было". Изъ другого указа 1723 года видно, что „...которые однодворцы не имѣютъ земель и домовъ, а кормятся работою, ...отдаютъ ихъ до указа съ росписками обывателямъ, которые подписываются за нихъ, что подушный окладъ платить будутъ". Это значило, что однодворцы также подвергались прикрѣпленію [2]). 19-го января того же года было постановлено [3]) „...писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ", а 23-го октября 1723 г. состоялся Именной указъ [4]): „Поморскихъ городовъ на черносошныхъ крестьянъ, Казанской и Азовской и Нижегородской губерній на татаръ и ясашныхъ, Сибирской на тамошнихъ пашенныхъ и на другихъ имъ подобныхъ, которые не за помѣщики и положены въ подушный окладъ"..... на тѣхъ сверхъ того положить вмѣсто помѣщичья

---

[1]) № 4138. [2]) № 4218. [3]) № 4145. [4]) № 4332, п. 4.

доходу по четыре гривны съ души“ [1]). Пунктъ 5 этого указа гласитъ слѣдующее: „Въ поморскихъ и другихъ городахъ, гдѣ обрѣтаются половники, изъ которыхъ явились въ пропискѣ и утайкѣ, въ томъ ими не розыскивать, а писать ихъ въ подушной сборъ тутъ, гдѣ они по свидѣтельству переписчиковъ явились, а съ тамошними обывателями переписчикамъ согласиться, какимъ бы образомъ лучшій способъ учинить, чтобы оные переходя съ мѣста на мѣсто подушнаго сбору не избывали“. О результатахъ совѣщанія съ мѣстными людьми переписчики должны были донести въ сенатъ.

Мнѣніе, представленное въ сенатъ, гласило, что половниковъ надо прикрѣпить къ землѣ; только одинъ изъ чиновниковъ находилъ, что этого не слѣдуетъ дѣлать, хотя въ пользу такой мѣры и высказываются мѣстные землевладѣльцы. Рѣшеніе сената было опубликовано 11-го января 1725 г.[2]). „...Понеже тѣ половники .... изъ Его Императорскаго Величества черносошныхъ волостей и многіе живши въ половничествѣ за владѣльцами выдятъ паки въ тѣжъ волости во крестьяне: того для за кѣмъ нынѣ половники написаны при свидѣтельствѣ, тѣмъ половникамъ быть за ними по коихъ мѣстъ они жить за ними похотятъ, а какъ станутъ отходить въ другія мѣста ко владѣльцамъ, то о тѣхъ половникахъ отпущающему и принимающему владѣльцамъ подать коммиссарамъ земскому и полковому общее доношеніе за руками

[1]) 26 іюня 1724 г. (№ 4533) это постановленіе было повторено уже въ общей формѣ примѣнительно къ однодворцамъ и низшимъ разрядамъ служилыхъ людей.

[2]) № 4661.

(т.-е. подписями), что одинъ половника отпущаетъ, а другой принимаетъ, и по тому доношенію принимающимъ владѣльцамъ велѣть подписываться, что имъ подушныя деньги за тѣхъ половниковъ платить безъ отговорки...... А которые половники нынѣ по свидѣтельству написаны за владѣльцами и отъ тѣхъ владѣльцевъ уйдутъ безъ отпуска и безъ объявленія: и на тѣхъ владѣльцахъ за тѣхъ половниковъ подушныя деньги брать, а тѣмъ владѣльцамъ искать тѣхъ половниковъ, за кѣмъ они будутъ жить, и за кѣмъ оные сыщутся, брать за нихъ тѣ ихъ заплаченныя деньги съ убытками да штрафа 20 рублей на тѣхъ держателяхъ, кто будетъ держать безъ вышеписаннаго показанія. Тѣмъ половникамъ позволяется переходить каждому въ своемъ уѣздѣ, а въ другіе уѣзды отнюдь переходить не допускать“.

Для половниковъ такъ же, какъ и для однодворцевъ, насталъ теперь Юрьевъ день. Слѣдуетъ замѣтить однако, что Петръ Великій, ограничивая свободу перехода, старался при этомъ такъ урегулировать этотъ ограниченный переходъ, чтобы половники могли быть обезпечены отъ полной его утраты.

Дальнѣйшій ходъ ревизіи обнаружилъ, какая еще была масса вольныхъ людей, свободно переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Въ видахъ водворенія порядка имъ всѣмъ было приказано выбрать опредѣленный родъ занятій, къ которому они и были затѣмъ прикрѣплены. Указъ отъ 1-го іюня 1722 г.[1]) говоритъ по этому поводу слѣдующее: „А которые на волѣ живутъ тѣмъ самимъ явиться (къ поголовной переписи)

---

[1]) № 4023.

......и которые изъ нихъ по смотру будутъ въ службу годны, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ Военную Коллегію. А которые въ службу будутъ негодны, тѣмъ давать свободныя письма, что они въ солдаты негодны; только при томъ объявлять имъ указомъ съ запискою, чтобы никто изъ нихъ въ гулящихъ не были, а опредѣлились бы въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службъ бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поимаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу. А которые изъ тѣхъ людей хотя по смотрамъ явятся и въ службу годные, а въ солдатской службѣ быть не похотятъ, а пожелаютъ къ кому жить, и тѣ къ кому они пойдутъ, будутъ бить объ нихъ челомъ, чтобъ вмѣсто нихъ у оныхъ принять другихъ въ службу годныхъ: и такихъ принимать добрыхъ и въ службу годныхъ, а тѣхъ отдавать имъ челобитчикамъ...“ Въ заключеніе указъ поощряетъ доносы и обѣщаетъ доносчикамъ хорошую награду. Кто состоялъ въ услуженіи, того записывали за хозяиномъ. Духовные, купцы. горожане, церковные и монастырскіе служители, низшіе чиновники, разночинцы получили теперь право записывать за собой своихъ слугъ и всѣ они стали смотрѣть на этихъ людей, какъ на своихъ крѣпостныхъ. Государство заботилось только о томъ, какъ бы обезпечить исправный сборъ податей, и вовсе не думало объ охранѣ интересовъ частныхъ лицъ; но объ этомъ не замедлили позаботиться они сами.

Устроя крѣпкій государственный порядокъ, правительство должно было начать энергичную борьбу

противъ бѣглыхъ и бродягъ. Мы не будемъ перечислять мѣръ направленныхъ противъ бродягъ и военныхъ дезертировъ, что же касается до бѣглыхъ, то мы уже говорили, что розыскъ, предпринятый по указу 1707 г., былъ далеко не послѣднимъ. Въ 1709 г.[1]) велѣно было выселить всѣхъ бѣглыхъ изъ Малороссіи; аналогичные указы повторялись въ 1713, 1715 и 1720 гг.[2]). Во время ревизіи былъ назначенъ полуторагодичный срокъ, въ теченіе котораго помѣщики, принявшіе чужихъ крестьянъ и бобылей, обязывались вернуть ихъ прежнимъ владѣльцамъ и уплатить штрафъ 20 р. Кто не подчинялся этому требованію, тотъ долженъ былъ платить по 20 руб. за каждый годъ, проведенный бѣглымъ въ его имѣніи. Приказчикамъ и старостамъ грозило наказаніе кнутомъ. На дворцовыхъ и церковныхъ земляхъ штрафъ платили выборные крестьянскіе старосты за то, что они приняли или по крайней мѣрѣ терпѣли бѣглаго въ деревнѣ; кто изъ нихъ не могъ внести штрафа, того ссылали „на вѣчную работу на галеры". На будущее время штрафъ за пріемъ бѣглыхъ былъ назначенъ въ размѣрѣ 100 р. за каждую душу мужескаго пола и 50 р. за душу женскаго пола. Кто вступалъ съ бѣглымъ въ договоръ и давалъ обѣщаніе укрыть его, у того конфисковали имѣніе въ пользу законнаго владѣльца бѣглаго. Приказчики и крестьянскіе старосты подвергались за такое преступленіе пыткѣ и наказанію кнутомъ, бѣглыхъ также наказывали кнутомъ, а доносщики получали четвертую часть конфискованнаго имѣнія. Извѣстный современникъ Петра, Посош-

[1]) № 2247а. [2]) №№ 2268, 2709.

ковъ [1]), самъ крестьянинъ, хотя и владѣвшій крѣпостными, такъ характеризуетъ значеніе изложеннаго указа: „Господа удумали смѣху достойно: вмѣстное ль то дѣло, что подлымъ людямъ уложили еже бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ ихъ на подводахъ и денегъ за всѣ годы, сколько у него крестьянинъ жилъ по 20 р. на годъ съ ними же отвозить и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легохонько: буде жили за кѣмъ бѣглые люди по пріему прикащиковъ ихъ или старостъ, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту кнутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружный приводъ: у нихъ господъ есть населено въ Понизовыхъ мѣстахъ и въ Украинныхъ всецѣлыя села великія, иже есть въ нихъ дворовъ ста по два, по три и больше“. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что прежній штрафъ въ 10 р. былъ гораздо страшнѣе сторублеваго, котораго и по сей день никто еще не заплатилъ. Посошковъ упоминаетъ далѣе о такихъ случаяхъ, когда помѣщики въ виду угрожающаго обыска топили скрывавшихся у нихъ бѣглыхъ, чтобы не платить штрафа и избавиться отъ издержекъ на ихъ обратный провозъ къ прежнимъ владѣльцамъ. Въ 1722 г. указъ [2]) о бѣглыхъ былъ повторенъ и затѣмъ назначенъ общій розыскъ по всему государству; оба указа были дополнены но-

---

[1]) Сочиненія Ив. Посошкова. М., 1842 г., стр. 96—100. Въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ рекомендуетъ между прочимъ опредѣлить закономъ размѣръ земли, обрабатываемой крестьянами въ свою пользу, и величину крестьянскихъ платежей.

[2]) № 3939.

выми строгими мѣрами, но, несмотря на всю энергію, съ которою они примѣнялись, цѣль не была достигнута. Тогда послѣдовалъ указъ 1723 г.[1]), которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ бѣглые оставались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ этотъ указъ. Новое постановленіе противорѣчило всѣмъ указамъ и прежнимъ и послѣдующимъ, но тѣмъ не менѣе объяснить его происхожденіе очень нетрудно: правительству надо было, во что бы то ни стало, закончить составленіе ревизскихъ списковъ. Указъ 1723 г. явился временной мѣрой, вызванной текущими административными соображеніями; правительство вовсе не думало ограничивать права владѣльцевъ, оно только слѣдовало своему постоянному принципу и не остановилось передъ нарушеніемъ имъ самимъ признанныхъ частныхъ имущественныхъ правъ, когда ихъ соблюденіе грозило задержать правительственную дѣятельность и вызвать различныя неудобства. Въ другихъ случаяхъ правительство не упускало ни одного повода для усиленія помѣщичьей власти, потому что такимъ путемъ оно достигало упрощенія административнаго механизма. Въ видахъ болѣе успѣшнаго контроля надъ уплатою податей и поимки бѣглыхъ въ 1722 г. было постановлено, что крестьяне, уходя на заработки за предѣлы своего имѣнія, должны брать у помѣщика или его приказчика или у священника письменное разрѣшеніе, „отпускное или прокормежное письмо"; всякаго крестьянина безъ такого письма считали бѣглымъ [2]). Такъ называемымъ

1) № 4371.

2) № 3939, пкт. 4; № 4054; 1723 г. 19 января № 4145пкт. 4.

плакатомъ 1724 г.[1]) было введена паспортная система, дѣйствующая до сихъ поръ. Безпаспортныхъ велѣно было считать бѣглыми и бродягами, хотя на самомъ дѣлѣ они могли вовсе не подходить ни подъ одну изъ этихъ категорій. Крестьянинъ не имѣлъ права уйти изъ имѣнія, и помѣщикъ не могъ никуда послать его безъ письменнаго вида; если крестьянинъ отправлялся въ другой уѣздъ, далѣе, чѣмъ на 30 верстъ, письменный видъ нужно было свидѣтельствовать у земскаго и полкового комиссаровъ.

Правительство возложило на помѣщика отвѣтственность за уплату податей крестьянами[2]) и ему же оно ввѣрило заботу о сохраненіи порядка въ деревнѣ. Для выполненія этой новой обязанности его снабдили соотвѣтственными средствами. Еще въ 1713 г. указомъ отъ 24-го апрѣля[3]) было постановлено по жалобѣ помѣщика наказывать кнутомъ крестьянъ, возмущавшихся противъ его власти. На практикѣ еще задолго до изданія указа помѣщики сами назначали подобныя наказанія и уже давно это считалось ихъ безспорнымъ правомъ, но прежде они дѣйствовали отъ своего имени, а правительство не вмѣшивалось въ ихъ дѣла, теперь же, со времени изданія указа 1713 г., назначаемыя помѣщиками наказанія стали выполняться именемъ государства. Такимъ образомъ правительство оффиціально передало помѣщикамъ право постановлять приговоры и признало ихъ единственными законными судьями надъ крестьянами. Указъ этотъ имѣетъ столь же важное значеніе, какъ и указъ 1714 года.

---

[1]) № 4533, II, пкт. 11. [2]) Указъ отъ 22 февр. 1722 г. № 3901.
[3]) № 2668.

Если въ 1714 г. крестьяне окончательно были признаны крѣпостными людьми, то указъ 1713 г. столь же рѣшительно призналъ помѣщика судьей и непосредственнымъ начальникомъ его крестьянъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ были только рѣзко и опредѣленно формулированы отношенія, установившіяся фактически еще въ половинѣ XVII ст. Въ позднѣйшихъ указахъ, какъ, напр., въ 1724 г. [1]), право помѣщиковъ судить и наказывать своихъ крестьянъ упоминается уже какъ нѣчто утвердившееся и общепризнанное, и отъ такого упоминанія оно, конечно, заимствуетъ новыя основанія и новую силу; косвенное признаніе этой власти заключается и въ указѣ Екатерины I отъ 13 дек. 1725 г. [2]), въ которомъ сказано, что крѣпостные, записанные за купцами, должны быть подвѣдомственны суду магистрата одинаково со своими хозяевами: купцы не принадлежатъ къ служилому сословію и потому-то не могутъ быть облечены авторитетомъ правительственной власти.

Хотя на основаніи старыхъ законовъ крестьяне подлежали юрисдикціи тѣхъ же властей, какъ и ихъ владѣльцы, но случаи, въ которыхъ частныя лица приносили жалобы на крѣпостныхъ ихъ помѣщикамъ, становилась все чаще, даже по уголовнымъ дѣламъ, напр., по дѣламъ о воровствѣ (въ 1705 г.). Помѣщикъ дѣлалъ выговоръ своему приказчику, если тотъ допускалъ виновныхъ крестьянъ до суда царскихъ чиновниковъ, и приказывалъ чужихъ крестьянъ представлять на судъ ихъ владѣльцамъ, а по преступленіямъ собственныхъ крестьянъ предписывалъ приказ-

---

[1]) № 4533. [2]) № 4812.

чикамъ лично производить слѣдствіе и затѣмъ представлять къ себѣ виновныхъ со всѣми слѣдственными актами для постановленія приговора и наказанія. За несвоевременную уплату оброка помѣщикъ грозилъ старостѣ наказаніемъ кнутомъ. Въ первые годы XVIII столѣтія крестьянскія общества сносились непосредственно съ царскими чиновниками по вопросу объ уплатѣ податей и отбываніи повинностей, но помѣщикъ часто вступался въ эти отношенія, чтобы избавить крестьянъ отъ насилій и защитить отъ всяческихъ злоупотребленій, иногда оказывалъ имъ помощь совѣтомъ. Крестьяне часто сами обращались съ подобными дѣлами къ помѣщику.

Случалось, что помѣщики запрещали открывать въ деревняхъ кабаки подъ угрозою тяжкаго наказанія; когда помѣщикъ нуждался въ деньгахъ, онъ бралъ ихъ у богатаго крестьянина, поручая приказчику „сказать, чтобы онъ того себѣ въ оскорбленье не ставилъ потому, что тѣ деньги ему отдадимъ“ [1]).

Въ своихъ „Историческихъ очеркахъ крѣпостного права“ К. П. Побѣдоносцевъ даетъ слѣдующую картину помѣщичьяго быта того времени [2]). „Помѣщичье село представляется какъ будто маленькимъ государствомъ посреди большого; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упор-

---

[1]) См. у Бѣляева „Крестьяне на Руси“, стр. 217—222 перваго изданія и 228 и слѣд. 2-го изданія.

[2]) Историческія изслѣдованія, стр. 160 и слѣд.

ствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти. Явленія этого рода такъ часто встрѣчаются въ памятникахъ, изданныхъ уже во всеобщее свѣдѣніе, что едва ли нужно приводить примѣры. Но въ памятникахъ еще не изданныхъ такихъ примѣровъ еще болѣе. Напримѣръ, изъ судебныхъ производствъ XVII и XVIII столѣтій видно, какъ трудно было въ то время бѣдному обиженному помѣщику, не говоримъ уже получить управу на сильнаго обидчика, но и просто вызвать его на судъ,—потребовать къ отвѣту: достигнувъ даже управы въ приказѣ или у воеводы, оправданный истецъ по годамъ и по десяткамъ лѣтъ напрасно добивался исполненія, такъ что нерѣдко долженъ былъ вовсе бросить дѣло. Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружіемъ, „собрався со своими крестьяны". Подьячему, который пріѣзжалъ со служилыми людьми во дворъ помѣщиковъ, объявлялось прямо: „ступайте де вонъ, никого вамъ не дадутъ, а коли поѣдете за людьми на село, будете побиты до смерти"; случалось даже, что пріѣхавшаго подьячаго помѣщикъ приказывалъ бить, сажать на цѣпь и освобождалъ только по усиленнымъ его просьбамъ. Послѣ нѣсколькихъ посылокъ отвѣтчикъ переѣзжалъ въ другую вотчину, гдѣ повторялись такія же продѣлки; большею частью онъ, если былъ силенъ, оставался безъ всякаго наказанія за ослушаніе. Нерѣдко случалось, что помѣщикъ,

вооруживъ поголовно крестьянъ своихъ, отправлялся съ ними разорять и грабить сосѣднее имѣніе менѣе сильнаго владѣльца; ограбленный и избитый съ семьей ѣхалъ въ Москву искать управы, давалъ осматривать бой и раны, начиналъ искъ, но отвѣтчика иногда по цѣлымъ годамъ нельзя было вызвать изъ имѣнія: посланные приводили одного за другимъ людей и крестьянъ его, и дѣло нерѣдко ничѣмъ не оканчивалось. Приказы московскіе наполнены были подобными дѣлами, потому что у воеводы нечего было и надѣяться на управу: воевода, если бъ и хотѣлъ, рѣдко въ состояніи былъ справиться съ ослушникомъ, потому что у воеводы часто недоставало солдатъ, кого бъ послать съ приставомъ, за разсылками по другимъ дѣламъ; а у буйнаго ослушника бывала въ распоряженіи цѣлая вооруженная толпа собственныхъ людей и крестьянъ. Въ сыщиковыхъ дѣлахъ XVII и XVIII столѣтій часто встрѣчаются цѣлыя шайки разбойниковъ и грабителей изъ крестьянъ, разъѣзжавшія по дорогамъ подъ предводительствомъ своего помѣщика.

„При всѣхъ подобныхъ неустройствахъ, сопряженныхъ съ безусловною помѣщичьею властью, она все-таки была нераздѣльною принадлежностью тогдашняго общественнаго быта“. Въ глазахъ Петра Великаго „власть эта была и должна была казаться сильнымъ орудіемъ управленія“.

Руководящее значеніе для правительства имѣли попрежнему мнимыя или дѣйствительныя нужды администраціи; на первомъ планѣ стояла польза, и никто не заботился о правѣ; самое большее, если иногда вспоминали о требованіяхъ гуманности. Помѣщики

присвоили себѣ право продавать своихъ крѣпостныхъ, и правительство признало его за ними. Повидимому въ теченіе довольно долгаго времени помѣщики пользовались этимъ правомъ умѣренно и продавали крестьянъ семьями и только для переселенія на другія земли. Указомъ отъ 17-го декабря 1717 г. разрѣшалось всякому, кого брали въ солдаты, нанимать вмѣсто себя другого рекрута подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ не былъ дезертиромъ или бѣглымъ преступникомъ; если нанятый солдатъ дезертировалъ, наниматель долженъ былъ поставить на его мѣсто другого. Въ болѣе позднемъ именномъ указѣ 1720 г. [1]) это узаконеніе было истолковано въ смыслѣ позволенія людямъ всякаго званія, кромѣ дворянъ, ставить вмѣсто себя въ рекруты наемныхъ или купленныхъ людей.

Чѣмъ тяжелѣе становилась служба, тѣмъ больше было охотниковъ воспользоваться этимъ правомъ, особенно изъ купцовъ и ремесленниковъ. Дворяне, обязанные лично и пожизненно отбывать службу, не могли извлечь непосредственной пользы изъ новаго закона, но зато, черезъ ихъ посредство, этимъ закономъ пользовались ихъ крестьяне. Бывали случаи, когда крестьянскія общества покупали землю и людей для того, чтобы ставить послѣднихъ въ рекруты и такимъ образомъ самимъ избавляться отъ солдатчины. Одни помѣщики находили выгоднымъ охранять интересы своихъ крестьянъ, скупая для нихъ рекрутъ, другіе считали такую торговлю прибыльнымъ занятіемъ и обращали ее въ средство добыва-

[1]) № 3669.

нія денегъ. О размѣрахъ и постыдныхъ формахъ, которые приняла эта торговля, свидѣтельствуетъ одинъ изъ указовъ Петра Великаго, въ которомъ царь даетъ полную волю своему негодованію и выражаетъ его въ самыхъ энергичныхъ словахъ, не давая себѣ отчета, насколько онъ самъ содѣйствовалъ развитію этой торговли.

Въ указѣ отъ 15 апрѣля 1721 г. [1]) онъ говоритъ слѣдующее: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мѣлкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ: и Его Царское Величество указалъ оную продажу людемъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хоть понуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями и семьями, а не порознь и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго Уложенія изъяснить, какъ Высокоправительствующіе Господа Сенаторы за благо разсудятъ“.

Какъ извѣстно, составленіе новаго свода законовъ было осуществлено только 111 лѣтъ спустя, и даже тогда розничная продажа крѣпостныхъ людей была запрещена лишь формально, а на дѣлѣ старый обычай продолжалъ господствовать попрежнему. Какое значеніе могли имѣть гуманные указы и морализирующіе рескрипты, когда вся дѣятельность администраціи основывалась исключительно на соображеніяхъ государственной пользы и совершенно игнори-

---

[1]) № 3770.

ровала принципы права? Можно ли было ожидать примѣненія справедливости и законности въ интересахъ крестьянъ, когда жизнь и состояніе самихъ землевладѣльцевъ, представителей привилегированнаго класса, находились въ полной зависимости отъ произвола? „А ежели кто....... на смотрѣ не явится: и таковые будутъ шельмованы, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ, и у такихъ, и ежели ихъ до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣніи отписаны будутъ на насъ безповоротно“ [1]).

При такихъ условіяхъ податная реформа повела къ превращенію крѣпостного права въ законченную и устойчивую систему. Правительство отмѣнило наслѣдственное холопство и старалось гарантировать права пожизненныхъ холоповъ отъ господскаго произвола; но когда это оказалось нужнымъ въ интересахъ фиска и для удобства администраціи, оно превратило поземельное прикрѣпленіе въ крѣпостное право и дало новыя правомочія помѣщикамъ, предоставивъ имъ почти такую же степень власти по отношенію къ крѣпостнымъ, какою само пользовалось по отношенію ко всѣмъ подданнымъ государства.

При преемникахъ Петра Великаго развитіе крестьянскаго безправія пошло еще быстрѣе, крестьяне утрачивали свои прежнія права одно за другимъ. Правда, были изданы и такія постановленія, которыми подтверждалось право свободнаго перехода половин-

[1]) Указъ отъ 14 января 1722 г. № 3874.

ковъ и была обѣщана свобода крѣпостнымъ за донось объ утайкѣ „душъ" помѣщикомъ. Зато крѣпостнымъ было запрещено пріобрѣтать земельную собственность и крестьянъ. Они лишились права брать казенные подряды и заводить фабрики, нѣсколько разъ повторялось запрещеніе крестьянамъ заниматься торговлей, обязываться векселями и быть поручителями за кого-нибудь. Безусловнымъ это запрещеніе являлось лишь по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ; помѣщичьи крѣпостные могли брать подряды и устраивать фабрики съ дозволенія и за поручительствомъ своихъ господъ. Помѣщики присвоили себѣ право отпускать крестьянъ на волю и такимъ способомъ избавляться отъ нихъ, когда они утратятъ способность къ труду. Само правительство подавало этому примѣръ: крестьяне, приписанные для работъ къ Охтенской верфи, отпускались на волю, какъ только они становились неспособными къ работѣ вслѣдствіе старости или болѣзни; только тѣхъ рабочихъ, за которыхъ деньги еще не были уплачены полностью, возвращали въ такомъ случаѣ ихъ прежнимъ владѣльцамъ [1]) (рабочихъ на верфи вербовали путемъ принудительной покупки у помѣщиковъ). Торговля рекрутами продолжалась попрежнему. Указы противъ бѣглыхъ повторяются непрерывно вплоть до начала XIX столѣтія. Бѣглыхъ было запрещено принимать даже на фабрики. Строгія наказанія, угрожавшія за пріемъ и укрывательство чужихъ крестьянъ, назначались нѣсколько разъ съ новыми добавленіями. Помѣщики и старосты дворцовыхъ деревень обязывались

[1]) № 5520.

ловить бѣглыхъ и возвращать ихъ по принадлежности; нѣсколько разъ устанавливались сроки для ихъ выдачи. Число указовъ, въ которыхъ говорится о бѣглыхъ, возросло до невѣроятной цифры. Въ 1768 г. Татищевъ писалъ по этому поводу: „О семъ мы болѣе законовъ имѣемъ нежели о другихъ тяжбахъ, но или одинъ другому противорѣчитъ или слову Божію не согласуютъ или такъ неясенъ, что судья, какъ хочетъ, такъ толкуетъ и не въ томъ разумѣніи какъ намѣреніе законодавца пріемлетъ“.

Петръ Великій призналъ за помѣщиками несогласное съ логикой и, строго говоря, противное существовавшимъ установленіямъ право отпускать крѣпостныхъ на волю и терпѣлъ торговлю крестьянами, которую самъ же клеймилъ съ такой энергіей потому, что и эта торговля и отпущеніе крестьянъ на волю доставляли ему солдатъ; съ тою же цѣлью въ трудные годы войны онъ позволилъ дворовымъ и дѣловымъ людямъ записываться въ военную службу и такимъ образомъ выходить на волю отъ владѣльцевъ. Когда крестьянское закрѣпощеніе сдѣлалось всеобщимъ фактомъ, имъ было запрещено поступать въ солдаты безъ дозволенія помѣщика. Но память о возможности уйти такимъ способомъ изъ-подъ гнета, который становился все тяжелѣе, сохранилась у крестьянъ. Немедленно послѣ вступленія на престолъ императрицы Елизаветы, когда внезапный переворотъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, щедрыя пожалованія и раздачи земель лейбъ-кампанцамъ породили множество самыхъ разнообразныхъ толковъ, помѣщичьи крестьяне въ надеждѣ на улучшеніе своей участи начали массами заявлять о желаніи поступить

въ военную службу. Для „кроткаго“ правленія Елизаветы характеренъ указъ, послѣдовавшій по этому поводу 2 іюня 1742 г. [1]): „Понеже въ прошедшемъ маіѣ мѣсяцѣ сего 1742 года, многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали, и затѣявъ собою, якобы помѣщиковыхъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу, и о томъ подавали Самой Ея Императорскому Величеству челобитныя, согласясь немалымъ собраніемъ и порознь и тѣмъ Ея Императорское Величество утруждали напрасно, о чемъ указами предковъ Ея Императорскаго Величества отрѣшено. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя челобитенъ и не подавали, но смотря на другихъ свою братью отъ помѣщиковъ своихъ бѣжали жъ; и ежели записаться въ военную жъ службу, и по поданнымъ отъ своей братьи объ ономъ челобитнымъ, якобы указа ожидали. И за таковое ихъ вымышленное и противное указамъ дерзновеніе, по указу Ея Императорскаго Величества....... учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые Ея Императорскому Величеству челобитныя подавали немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ и изъ нихъ пущіе заводчики, сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые челобитныя подавали порознь, тѣ вмѣсто кнута биты плетьми, а прочіе батоги и по наказаніи, кромѣ тѣхъ, которые посланы въ ссылку, отданы помѣщикомъ ихъ во услуженіе по прежнему“.

На будущее время за побѣгъ и „дерзостныя просьбы

---

[1]) № 8577.

о зачисленіи въ вольницу" грозило наказаніе кнутомъ и ссылка на вѣчную работу. Такъ какъ броженіе среди крестьянъ было до нѣкоторой степени вызвано государственнымъ переворотомъ и во всякомъ случаѣ началось немедленно вслѣдъ за нимъ, то для правительства было важно подавить это движеніе въ самомъ началѣ и такимъ образомъ предупредить появленіе толковъ о томъ, что перемѣна правительства связана съ перемѣной политики къ невыгодѣ для помѣщиковъ. Надо было показать, что новая ревизія, которую правительство уже задумывало въ то время, отнюдь не должна колебать помѣщичьей власти, что наоборотъ правительство намѣрено поддерживать полное подчиненіе крестьянъ землевладѣльцамъ. Въ то время помѣщичья власть уже получила значеніе важнѣйшей основы государственнаго строя, и на самомъ дѣлѣ сохраненіе общественнаго порядка, при существовавшихъ въ то время обстоятельствахъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ этой власти. Въ 1741 г. состоялся указъ, гласившій, что крѣпостные крестьяне не должны приносить вѣрноподданнической присяги; за нихъ отвѣчаетъ помѣщикъ, который по отношенію къ крестьянамъ является представителемъ верховной власти. Взглядъ на значеніе крѣпостного права, выраженный въ этомъ указѣ, проведенъ послѣдовательно въ инструкціи для производства второй ревизіи [1]). Всѣ лица, которыя не принадлежали ни къ одному изъ признанныхъ закономъ сословій: къ дворянству, чиновникамъ, духовенству, купечеству или крестьянству, а относились къ разряду такъ назы-

---

[1]) № 8835 отъ 1742 г.

ваемыхъ разночинцевъ, включавшему въ себя между прочимъ незаконнорожденныхъ и вольноотпущенныхъ, и вообще всѣ вольные люди, „которые никого себѣ помѣщика не имѣютъ, а не ихъ крѣпостные, у кого нынѣ живутъ, изъ тѣхъ по ихъ желанію, кто похочетъ, мастеровыхъ писать въ цѣхи и приписывать къ посадамъ, а прочихъ, кои годны будутъ въ службу, писать въ солдаты, и отсылать въ Военную Коллегію, а кто жъ въ цѣхахъ и въ посадѣ и въ службѣ быть не пожелаетъ, а пожелаетъ быть у помѣщиковъ, таковыхъ писать за тѣми, къ кому они въ услуженіи идти пожелаютъ и кто ихъ изъ платежа подушнаго оклада взять похочетъ; однакоже по силѣ указа 1739 г. маія 22 дня приписывать къ такимъ, за кѣмъ деревни есть; а за кѣмъ деревень нѣтъ къ такимъ не приписывать;... калмыкъ и другихъ націй, которыхъ въ окладъ писать не велѣно и позволено всякому такихъ покупать, крестить и у себя держать".

Въ указахъ о первой ревизіи нигдѣ не говорится, что вольный человѣкъ, записанный въ подушный окладъ, долженъ стать крѣпостнымъ того лица, за которымъ онъ записанъ; но такое толкованіе было дано указамъ на практикѣ различными правительственными учрежденіями и затѣмъ подтверждено сенатомъ. К. П. Побѣдоносцевъ [1]) приводитъ по этому поводу самые невѣроятные примѣры. Такъ, напримѣръ, въ 1722 году марта 20 состоялся указъ о томъ, что люди, написанные за кѣмъ-либо по сказкамъ первой ревизіи, не могутъ записываться въ такъ называемую

---

[1]) См. его „Историческія изслѣдованія и статьи". СПБ., 1876 г., стр. 187—188.

вольницу. Въ 1750 году указъ этотъ истолковывался въ томъ смыслѣ, что люди, при первой ревизіи неправильно записанные за такими лицами, которыя по своему званію не имѣютъ права владѣть ими, и по открытіи этой неправильности отбираемые отъ владѣльцевъ, не въ правѣ уже возвратиться къ прежнему своему званію, но должны быть записываемы за другого помѣщика (П. С. З. т. XIII, стр. 231).

Другимъ примѣромъ такихъ толкованій можетъ служить одно постановленіе 1759 г. [1]) по поводу челобитной ярославскаго купца Затрапезнаго. Оно гласитъ слѣдующее: „...За показанными въ той челобитной резонами, обязавшимся ему (владѣльцу фабрики Затрапезному) за письмы и деньгами Ярославскимъ посадскимъ людямъ, до выжитія урочныхъ лѣтъ и до выплаченія денегъ, повелѣть быть при фабрикѣ его неотемлемымъ... А буде во время рекрутскихъ наборовъ, за неимѣніемъ въ купечествѣ годныхъ и способныхъ къ отдачѣ въ рекруты, необходимо будетъ надобно купечеству, и тѣхъ въ рекруты, кои на фабрикахъ и по записямъ на работахъ по желанію своему обрѣтаются, въ такомъ случаѣ купечеству выбирать и изъ тѣхъ купцовъ годныхъ въ рекруты, кои на фабрикахъ въ работахъ находятся, хотябъ имъ по записямъ и сроки не вышли, и выбравъ давать о томъ знать... также и тѣмъ фабрикантамъ, гдѣ оные купцы на фабрикахъ въ работахъ обрѣтаются, а имъ фабрикантамъ, буде похотятъ тѣхъ назначенныхъ въ рекруты купцовъ у себя на фабрикахъ оставить, то вмѣсто ихъ ставить въ рекруты изъ приписныхъ по

---

[1]) № 10950.

ревизіи къ фабрикамъ ихъ мастеровыхъ и работныхъ людей, неспособныхъ къ фабрикѣ, или изъ покупныхъ людей и крестьянъ, въ службу годныхъ; а тѣмъ купцамъ, за коихъ они фабриканты своихъ рекрутъ поставятъ, быть при тѣхъ фабрикахъ вѣчно, счисляя дѣтей ихъ родившихся до отдачи въ рекруты въ купечествѣ, а послѣ отдачи при фабрикѣ, ровно какъ крѣпостнымъ... чрезъ что какъ во время наборовъ служба Ея Императорскаго Величества въ людяхъ недостатка имѣть не будетъ, такъ равно и купечество и фабрики въ своемъ благосостояніи быть имѣютъ". Ясно, что при составленіи этого указа были приняты въ расчетъ только выгоды казны; никому и въ голову не приходило, что частныя лица могутъ обладать ненарушимыми и неотъемлемыми правами. Взглядъ на всѣхъ подданныхъ, какъ на крѣпостныхъ государства, настолько укоренился, что одна казенная палата сочла нужнымъ представить на разрѣшеніе сената вопросъ [1]) о томъ, могутъ ли купцы *быть переводимы* (sic) изъ одного города въ другой, если это окажется полезнымъ для увеличенія торговыхъ оборотовъ. Казенная палата очевидно держалась того мнѣнія, что купцы, такъ же какъ и крѣпостные, прикрѣплены къ тому мѣсту, гдѣ они записаны въ податной окладъ. Нечего и говорить, что сенатъ не согласился съ подобнымъ мнѣніемъ.

Можно смѣло сказать, что цѣлью второй ревизіи было закрѣпощеніе всѣхъ, кто не принадлежалъ къ установленнымъ закономъ сословіямъ. Цѣль эта достигалась путемъ примѣненія самыхъ насильственныхъ

---

1) 1782 г. № 15577.

и произвольныхъ мѣръ. Петръ Великій ограничилъ численный составъ духовенства, опредѣливъ, сколько священно-и церковнослужителей должно состоять при каждомъ храмѣ. На этомъ основаніи въ инструкцію для второй ревизіи было внесено слѣдующее правило: „И того ради при нынѣшней ревизіи, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ оныхъ (т.-е. духовныхъ) оставить толикое ихъ число (сколько оставлялось по указу Петра) и переписать ихъ и дѣтей ихъ особо; а сверхъ того, какіе есть не дѣйствительнослужащихъ, Протопоповскія, поповскія и діаконовскія дѣти и излишніе причетники и ихъ дѣти жъ: всѣхъ переписать особо жъ и въ каковыя лѣта, и которые въ подушный окладъ не положивъ, тѣхъ допрося, кто куда желаютъ, въ посадъ и въ ремесленные люди и на фабрики и заводы и на Государевы и Синодальныя и монастырскія и другія вотчинниковы пашенныя земли, таковыхъ по ихъ волѣ и опредѣлять и въ нынѣшнюю перепись писать въ тѣхъ мѣстахъ. А которые пожелаютъ въ военную службу, также которыхъ въ посады и вотчины никто не примутъ, а въ военную службу годны: тѣхъ всѣхъ отсылать для опредѣленія въ полки въ военную коллегію, а которые въ военную службу негодны, изъ тѣхъ здоровыхъ опредѣлять на казенные заводы, а престарѣлыхъ и увѣчныхъ, которые никакой службы и работы снести не могутъ, въ богадѣльни, дабы никого шатающихся не было. Которые жъ изъ таковыхъ по прежнимъ указамъ явятся написаны, и положены въ подушный окладъ за протопопами и попами и прочими причетники, которые за собою. . . . деревень не имѣютъ, таковыхъ велѣно изъ за нихъ выключить и

и приписать, тѣхъ селъ или за другихъ ближнихъ отъ тѣхъ мѣстъ помѣщиковъ, за кѣмъ они быть пожелаютъ. Токмо отнюдь ихъ не писать за такими, кто деревень не имѣютъ для того, кто изъ таковыхъ духовнаго чина переведены будутъ въ другія мѣста или умрутъ, то за приписныхъ къ нимъ подушныхъ денегъ и взыскивать будетъ не на комъ". Всѣ старанія синода добиться отмѣны этого правила, нарушавшаго права церкви, оставались напрасными. Сенатъ настаивалъ на его строгомъ примѣненіи, и такъ какъ многіе изъ духовнаго званія не находили за кого записаться, то правительство нѣсколько разъ вызывало публикаціями помѣщиковъ и фабрикантовъ, которые согласились бы взять ихъ себѣ въ крѣпостные [1]). При Петрѣ было постановлено, что помѣщики должны платить подушную подать за тѣхъ крѣпостныхъ, которые принимали духовный санъ, „чтобъ казнѣ не было убытка" [2]). Вслѣдствіе этого помѣщики стали смотрѣть на такихъ представителей духовенства, какъ на своихъ крѣпостныхъ, и это не замедлило отразиться на положеніи всего сословія. При императрицѣ Елизаветѣ состоялось общее постановленіе, гласившее, что со священниками, которые уйдутъ отъ помѣщика, надлежитъ поступать также, какъ съ бѣглыми крѣпостными [3]). (Очевидно, рѣчь идетъ объ уходѣ священника изъ приходскаго общества; но помѣщичья власть настолько заслонила собою всѣ другія учрежденія, что въ указѣ даже не

1) №№ 9384, 9781, 9977, 10312, 10665, 10780, относящіеся къ 1748 – 1757 гг.

2) № 5264.

3) № 9977, ср. №№ 9137, 12463 отъ 1765 г.; 18802.

упоминается о существованіи подобнаго общества). Въ цитированной нами инструкціи для производства второй ревизіи право владѣть крѣпостными признается только за церковными учрежденіями, но отнюдь не за отдѣльными лицами духовнаго званія.

Государство, повидимому, еще не забыло, что крестьяне обращены въ крѣпостное состояніе въ интересахъ казны, что служилый дворянинъ отвѣтственъ въ качествѣ землевладѣльца за уплату податей и отбываніе повинностей. Отсюда—постановленіе, воспрещавшее тѣмъ, у кого нѣтъ земли, пріобрѣтать крѣпостныхъ. Но кто пріобрѣлъ ихъ до запрещенія, тотъ могъ владѣть ими и на будущее время [1]). Въ 1745 г. для такихъ безземельныхъ крѣпостныхъ были заведены особыя окладныя книги. Эта мѣра явилась какъ бы поощреніемъ для владѣльцевъ безземельныхъ крѣпостныхъ и число послѣднихъ продолжало увеличиваться. Согласно тому воззрѣнію, которое выразилось въ запрещеніи покупать крѣпостныхъ безъ земли, право владѣнія людьми должно было составлять привилегію служилыхъ людей, т.-е. дворянства, но на самомъ дѣлѣ крѣпостными владѣлъ въ то время всякій, у кого были деньги для ихъ покупки. Въ 1730 г. сенатъ приказалъ [2]) незаконнорожденныхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ, отдавать всякому, кто возьметъ ихъ себѣ въ крѣпостныя, „дабы въ дачѣ имъ казенныхъ денегъ убытка не было“. Вскорѣ послѣ того состоялся указъ, воспрещавшій крѣпостнымъ покупать себѣ крестьянъ и дворовыхъ людей [3]), а указомъ отъ

[1]) 1743 года № 8836. [2]) № 5584. [3]) № 5633.

14-го марта 1746 г. [1]) запрещеніе покупать крѣпостныхъ было распространено и на купцовъ и на всѣхъ лицъ податныхъ сословій, но тѣмъ не менѣе раздача незаконнорожденныхъ въ крѣпостные всякому желающему продолжалась попрежнему [2]). Одинъ изъ основныхъ пунктовъ инструкціи для генеральнаго межеванія [3]) гласитъ, что только дворяне имѣютъ право владѣть населенными землями, такъ какъ у купцовъ, солдатъ и чиновниковъ не изъ дворянскаго званія не можетъ быть крѣпостныхъ. Въ 1758 году [4]) правило это было объявлено не подлежащимъ никакимъ ограниченіямъ и распространено также на покупку крѣпостныхъ безъ земли.

Продажа и покупка людей безъ земли вообще были запрещены и допускались лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Характерно, что, несмотря на всю строгость этого запрещенія, лица, не имѣвшія дворянскаго званія, все-таки пріобрѣтали населенныя земли вплоть до XIX столѣтія, и даже незадолго до отмѣны крѣпостного права на ряду съ закономъ, не дозволявшимъ покупку крѣпостныхъ безъ земли, существовала не менѣе законная возможность обойти это послѣднее запрещеніе. Но нарушенія закона встрѣчались все-таки сравнительно не часто, и право владѣть землею и крѣпостными оставалось самою важною привилегіей дворянства; благодаря существованію этой привилегіи, за дворянами было прочно обезпечено преобладающее вліяніе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія.

---

1) № 9267. 2) № 9343. 3) Отъ 3-го мая 1754 г. № 10237. 4) № 10855.

Признанное закономъ право землевладѣльцевъ изъ дворянъ имѣть своихъ „подданныхъ" послужило основаніемъ, изъ котораго развился цѣлый рядъ новыхъ помѣщичьихъ правъ. Въ качествѣ подданныхъ крестьяне были обязаны безусловно повиноваться своимъ господамъ. Такъ какъ помѣщикъ являлся представителемъ государственной власти, то для крѣпостного не было никакихъ средствъ защиты противъ всяческихъ правонарушеній со стороны помѣщика. Правда, Котошихинъ утверждаетъ [1]), что въ XVII столѣтіи помѣщикъ подвергался суду за убійство своего крѣпостного. Въ Уложеніи 1649 г. встрѣчается статья, запрещающая владѣльцамъ убивать или увѣчить выданныхъ имъ бѣглыхъ и самовольно наказывать крестьянъ за воровство; за убійство чужого крестьянина у служилыхъ людей конфисковали имѣніе и взыскивали съ нихъ убытки, понесенные владѣльцемъ убитаго, въ двойномъ размѣрѣ, а лицъ, не принадлежавшихъ къ служилому сословію, наказывали кнутомъ. Наконецъ, та статья Уложенія, гдѣ говорится вообще объ убійствѣ, составлена такъ, что ее можно было бы свободно примѣнить и къ случаю убійства крѣпостного помѣщикомъ, если бы послѣдній не являлся въ глазахъ тогдашняго общества лицомъ, облеченнымъ особою властью отъ имени государства; но при существованіи подобнаго взгляда на роль помѣщика примѣненіе къ его дѣйствіямъ общаго закона объ убійцахъ представляется очень мало вѣроятнымъ. Что же касается до первой изъ упомя-

---

[1]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича". Спб., 1857 г.

нутыхъ статей Уложенія, то на основаніи ея нельзя придти къ опредѣленному выводу, потому что она составлена, вовсе не для огражденія правъ крѣпостныхъ, но ради охраны судебнаго авторитета правительства „чтобы никто у себя преступниковъ не скрывалъ". Согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, помѣщикъ, какъ представитель установленной закономъ власти, повидимому, вовсе не могъ обвиняться за свои дѣйствія по отношенію къ крестьянамъ наравнѣ съ обыкновенными преступниками. Если его судили, то судили скорѣе за превышеніе власти. Въ 1762 г. [1]) сенатъ по одному частному дѣлу открыто призналъ, что нѣтъ такого закона, которымъ опредѣлялось бы наказаніе помѣщику за убійство крѣпостного человѣка (мы видѣли выше, что существовалъ общій законъ, вполнѣ примѣнимый къ этому случаю), и, по мнѣнію сената, надлежало бы издать такой законъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этого дѣла. Хотя въ данномъ случаѣ помѣщикъ все-таки понесъ наказаніе, однако еще въ царствованіе императора Александра приведенное мнѣніе сената считалось совершенно справедливымъ, и наказанія помѣщикамъ за убійство крѣпостныхъ опредѣлялись всякій разъ по усмотрѣнію сената или императора.

Судебная власть помѣщика, фактически существовавшая и раньше, была теперь окончательно утверждена закономъ и значительно расширена. Еще въ царствованіе императрицы Анны 6 мая 1736 г. [2]) состоялся слѣдующій указъ: „По указу блаженныя и

---

[1]) № 11450, указъ сената по дѣлу Нестерова.

[2]) № 6951.

вѣчнодостойныя памяти дяди нашего Государя Императора Петра Великаго 1721 г. февраля 23 дня велѣно всѣмъ бѣглымъ при отдачѣ чинить жестокое наказаніе кнутомъ... но понеже въ томъ указѣ всѣмъ генерально такое жесточайшее за побѣгъ наказаніе положено, а вина хотя всѣхъ единаго званія, но въ томъ великая разность есть: 1) кто побѣжитъ, учиня какое злодѣйство или убытокъ, или многія лѣта въ побѣгѣ былъ, а за него оставшіе крестьяне подать платили, такіе тяжчайшему наказанію подлежатъ. 2) А кто отъ хлѣбной скудости и по подговорамъ своего неразумія по какой-либо малой причинѣ побѣжитъ, а потомъ раскаявся, возвратится въ скоромъ времени, что въ платежѣ податей никто за нихъ убытка не претерпитъ, таковые противъ первыхъ по натуральному праву меньше наказаны быть могутъ. Того ради указали мы во всемъ нашемъ государствѣ публиковать печатными указами, дабы всѣмъ бѣглымъ при выпускѣ чинить наказаніе кнутомъ или кошками, плетьми или батогами дворцовымъ и синодальнымъ, архіерейскимъ и монастырскимъ по волѣ ихъ начальниковъ, а помѣщичьимъ по волѣ ихъ помѣщиковъ, кто кого которымъ наказаніемъ наказать пожелаетъ“. Правительство сознавалось, что во избѣжаніе излишней жестокости и для опредѣленія наказанія соразмѣрно важности проступка оно вынуждено передать судебную власть помѣщикамъ. Такимъ способомъ очень просто рѣшался сложный вопросъ, и по всей вѣроятности въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщики оказались лучшими судьями, чѣмъ иные чиновники. Но послѣ того, какъ помѣщикамъ было предоставлено право произносить по

уголовнымъ дѣламъ приговоры, приводимые въ исполненіе правительственными учрежденіями, они, конечно, не преминули воспользоваться этимъ правомъ и въ другихъ случаяхъ.

Мы видѣли выше, какъ строго были наказаны крѣпостные за попытку подать императрицѣ помимо воли помѣщиковъ челобитье о выходѣ на волю: на попытку эту взглянули какъ на возстаніе противъ помѣщичьей власти. Вслѣдъ затѣмъ обязанность разыскивать и ловить бѣглыхъ была возложена на приказчиковъ и старостъ [1]), и правительство стало привлекать владѣльцевъ къ отвѣтственности и подвергать ихъ строгимъ взысканіямъ за проступки ихъ крестьянъ [2]). Естественнымъ слѣдствіемъ этого порядка явилось оффиціальное признаніе за помѣщиками права наказывать крѣпостныхъ въ томъ размѣрѣ, въ которомъ оно признавалось за ними уже давно общественнымъ мнѣніемъ. Указомъ отъ 13-го декабря 1760 г. [3]) землевладѣльцамъ было дозволено за „дерзостные поступки" передавать своихъ крестьянъ администраціи для ссылки въ Сибирь. При изданіи этого указа правительство руководилось заботами о колонизаціи Сибири, а потому въ ссылку принимались только здоровые работники, но отнюдь не старики; вмѣстѣ съ мужьями помѣщики должны были отпускать и женъ, если же сверхъ того они отпускали и дѣтей, то за каждаго изъ нихъ правительство платило денежное вознагражденіе; за каждаго ссыльнаго помѣщикъ получалъ зачетную рекрутскую квитанцію. Указомъ отъ 15 мая 1761 г.

---

[1]) 1752 г. № 10033. [2]) № 10832 отъ 1758 г. [3]) № 11168.

землевладѣльцамъ было дано право ссылать своихъ людей даже въ томъ случаѣ, когда они уже подверглись наказанію по приговору суда. Въ то же время начальникамъ военныхъ отрядовъ, отправляемыхъ для усмиренія бунтовавшихъ крестьянъ, вмѣнялось въ обязанность наказывать и миловать ихъ сообразно съ желаніями владѣльцевъ [1]).

ГЛАВА V.

Окончательное развитіе системы крѣпостного права и его территоріальное распространеніе при Екатеринѣ II.

Въ царствованіе Екатерины II, ученицы французскихъ философовъ и поклонницы просвѣтительныхъ идей, высказывавшейся противъ рабства въ своихъ запискахъ еще въ то время, когда она была великой княгиней, крѣпостное право достигло самаго полнаго развитія и самаго широкаго распространенія. Злоупотребленія, которыя существовали до тѣхъ поръ въ дѣйствительной жизни, при Екатеринѣ II были утверждены и санкціонированы закономъ. Екатерина уничтожила послѣднія преграды, сдерживавшія до нѣкоторой степени произволъ душевладѣльцевъ, и распространила крѣпостное право на такія области, гдѣ раньше оно встрѣчалось лишь въ видѣ единичныхъ примѣровъ. Едва ли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и

---

[1]) Примѣромъ можетъ служить указъ № 11577, относящійся къ послѣднимъ днямъ царствованія Петра III.

въ другое время крѣпостное право являлось въ такой неограниченной и безусловной формѣ, въ какой оно существовало при Екатеринѣ, и притомъ не только во вторую половину ея царствованія, когда она отреклась отъ либеральныхъ идей, но даже и въ то время, когда она еще писала свой знаменитый и вызывавшій столько удивленія либеральный Наказъ. Указы, изданные въ самомъ началѣ ея царствованія, представляютъ лишь дополненіе къ соотвѣтственному законодательству Елизаветы, и этими именно указами завершилось развитіе системы крѣпостного права; происхожденіе ихъ не трудно объяснить необходимостью охраны общественной тишины и порядка, а также тѣмъ, что императрица не могла дѣйствовать вопреки взглядамъ окружавшихъ ее лицъ, тѣмъ болѣе что первые годы ея правленія ознаменовались цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ возстаній. Различными дополненіями къ изложенному выше указу Петра III и указомъ самой Екатерины отъ 17 января 1765 г. [1]) помѣщикамъ было дано право ссылать крѣпостныхъ въ каторжныя работы, а адмиралтейству вмѣнено въ обязанность принимать ихъ для ссылки безпрекословно, наравнѣ съ арестантами, осужденными правительственнымъ судомъ, и выдавать назадъ по первому требованію помѣщика. За помѣщиками было признано такимъ образомъ безусловное право присуждать къ наказанію своихъ крѣпостныхъ и притомъ уже безъ всякаго отношенія къ развитію колонизаціи Сибири. Обыкновенные судебные приговоры произносились послѣ установлен-

[1]) № 12311.

наго закономъ слѣдствія и все-таки на нихъ можно было приносить жалобы въ сенатъ или на имя самой императрицы, можно было ходатайствовать объ ихъ пересмотрѣ; между тѣмъ помѣщикъ, ничѣмъ несвязанный въ своемъ произволѣ, ставилъ рѣшенія не только какъ судья, но и какъ законодатель: все зависѣло въ этихъ рѣшеніяхъ отъ воли помѣщика и исполненіе этой воли было вмѣнено въ обязанность даже правительственнымъ учрежденіямъ. Крестьянамъ было запрещено жаловаться на помѣщиковъ, и ни одно учрежденіе не имѣло права принимать подобныя жалобы; за одну попытку въ этомъ направленіи крестьяне подлежали примѣрнымъ наказаніямъ. Подача челобитныхъ въ собственныя руки императрицы была строго запрещена [1]), послѣ того какъ крѣпостные утомили императрицу множествомъ прошеній, поданныхъ во время ея путешествія въ Москву, куда она ѣхала открывать засѣданія знаменитой комиссіи для составленія новаго уложенія; въ этихъ прошеніяхъ они жаловались на тяжесть податей и помѣщичьихъ поборовъ. Законодательная санкція помѣщичьяго произвола открыла полный просторъ дурнымъ инстинктамъ и подала поводъ къ самымъ невѣроятнымъ злоупотребленіямъ. Въ русской литературѣ, и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, и въ періодической печати, собрана подавляющая масса примѣровъ этихъ злоупотребленій помѣщичьею властью, и мы можемъ не касаться здѣсь этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ [2]).

---

[1]) Указъ отъ 22 августа 1767 г. № 12966.

[2]) Подробное описаніе положенія крестьянъ разныхъ наименованій въ эпоху Екатерины II читатель найдетъ у В. Семев-

Императрица неоднократно возставала противъ отдѣльныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, оскорблявшихъ ея нравственное чувство, и пользовалась въ такихъ случаяхъ поддержкою со стороны своихъ ближайшихъ совѣтниковъ; но какъ только заходила рѣчь о законодательномъ ограниченіи произвола, положеніе тотчасъ мѣнялось, всякія мѣры въ этомъ направленіи объявлялись опасными, а сохраненіе неограниченной помѣщичьей власти признавалось необходимымъ. Въ ряду государственныхъ дѣятелей того времени одинъ Яковъ Сиверсъ настойчиво и непрерывно говорилъ императрицѣ о необходимости положить конецъ безправному положенію крѣпостныхъ путемъ законодательнаго вмѣшательства. Въ своихъ проектахъ онъ исходилъ не изъ отвлеченныхъ принциповъ, гуманныхъ идей и либеральныхъ положеній подобно самой императрицѣ, но изъ тѣхъ практическихъ задачъ, которыя ему проходилось рѣшать на служебномъ поприщѣ. Онъ ссылался на возложенную на него закономъ [1]), но практически неосуществимую обязанность охранять права частныхъ лицъ, на необходимость заботиться объ успѣхахъ сельскаго хозяйства; ни то, ни другое, говорилъ онъ, невозможно при существующей системѣ, въ основѣ которой лежитъ произволъ. Мѣры, предлагаемыя имъ, всегда носили практическій характеръ и были разсчитаны на ближайшія, непосредственно достижимыя, цѣли. Онъ совѣтовалъ основать общество для содѣйствія

скаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“, т. I. СПб., 1881 г.

[1]) Сиверсъ отправлялъ должность тверскаго и новгородскаго намѣстника. *Ред.*

успѣхамъ сельскаго хозяйства, устроить образцовую ферму въ одномъ изъ экономическихъ имѣній (такъ назывались земли, отобранныя у духовенства), раздавать въ аренду эти имѣнія только тѣмъ, кто обязуется завести правильное хозяйство по лифляндскому образцу, опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей, оградить движимое имущество крестьянъ отъ помѣщичьихъ захватовъ, ограничить и строго регулировать право помѣщиковъ наказывать своихъ крѣпостныхъ, поставивъ ихъ въ этомъ отношеніи подъ контроль коронныхъ судей. Первый и второй пункты его предложеній были приняты, такъ какъ они соотвѣтствовали моднымъ въ то время взглядамъ на усовершенствованіе сельскаго хозяйства; третій пунктъ не заслужилъ одобренія и вслѣдствіе этого оказался лишеннымъ всякаго смысла и второй пунктъ, такъ какъ никто не хотѣлъ подражать образцовому хозяйству по собственному почину и безъ принужденія. Экономическія имѣнія позднѣе были розданы въ собственность частнымъ лицамъ, но безъ стѣснительнаго обязательства вводить усовершенствованное сельское хозяйство и безъ регулированія крестьянскихъ платежей и повинностей; наоборотъ, благодаря такимъ раздачамъ часть экономическихъ крестьянъ попадала въ безправное закрѣпощенное состояніе. Только основаннымъ по мысли Сиверса вольно-экономическимъ обществомъ императрица попыталась воспользоваться для пропаганды своихъ гуманныхъ и либеральныхъ идей по крестьянскому вопросу. Въ 1766 году она прислала обществу 1000 руб. вмѣстѣ съ анонимнымъ письмомъ, въ которомъ предлагала учредить на эти деньги премію за лучшее сочиненіе на тему: полезнѣе

ли для общаго блага, чтобы крестьяне владѣли землею, которую они обрабатываютъ, или чтобы они имѣли право собственности только на движимое имущество? Изъ числа 164 письменныхъ отвѣтовъ было признано лучшимъ и увѣнчано преміей сочиненіе аахенскаго уроженца Беарде де-Лаббея (Beardet de l'Abbaye), который старался доказать пользу крестьянской поземельной собственности. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли печатать это сочиненіе, возбудилъ много споровъ; генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій протестовалъ противъ его опубликованія, ссылаясь на то, что народъ смотритъ на всякое печатное слово, какъ на царскій указъ... Сочиненіе Беарде де-Лабея вышло въ свѣтъ (въ 1768 г.) только благодаря личному вмѣшательству императрицы; что же касается до практическаго значенія развиваемыхъ его авторомъ идей, то почти всѣ единогласно признавали ихъ непримѣнимыми въ Россіи.

Императрица была занята въ то время планами внутреннихъ реформъ и собиралась показать Европѣ блестящій примѣръ раціональнаго законодательства. Было объявлено о предстоящемъ созывѣ депутатовъ отъ всѣхъ сословій и учрежденій и сама императрица писала наказъ для будущихъ составителей новаго уложенія [1]). Послѣ двухлѣтнихъ трудовъ она уни-

---

[1]) Труды екатерининской комиссіи для составленія новаго уложенія напечатаны въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества" т. IV, С.-Пб., 1869 г.; т. VIII, 1871 г.; т. XIV, 1875 г.; т. XXXII, 1881 г.; т. XXXVI, 1882 г. Ср. Сергѣевичъ: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права", С.-Пб., 1883 г., стр. 765—817; Соловьевъ: „Исторія Россіи", т. XXVII, стр. 84—164.

чтожила большую часть написаннаго, и еще въ началѣ 1767 года говорила, что сама не знаетъ, каковъ будетъ результатъ ея работы. Само собою понятно, что въ полгода не было возможности приготовить наказъ, дѣйствительно пригодный для задуманной императрицею грандіозной цѣли, но, помимо этого наказа, для дѣятельности будущей комиссіи не было предпринято никакихъ другихъ подготовительныхъ работъ, не были даже собраны изданные до того времени указы, не говоря уже о систематизаціи дѣйствующаго права. Въ іюнѣ собрались депутаты, а въ іюлѣ имъ былъ прочитанъ наказъ.

Цѣлью своей законодательной дѣятельности императрица поставила довести русскій народъ до такой степени довольства и счастія, какая только возможна на землѣ: „Боже сохрани, чтобы по окончаніи сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ, намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено; несчастіе, до котораго я дожить не желаю“. Нельзя, конечно, ничего возразить противъ постановки

Со времени выхода въ свѣтъ нѣмецкаго оригинала книги Энгельмана изданы еще слѣдующіе томы „Сборника“, посвященные этой комиссіи: XLIII, LXVIII, XCIII. Изъ научныхъ изслѣдованій комиссіи см. еще г. Латкинъ: „Законодательныя комиссіи въ XVIII стол.“; Дитятинъ: „Статьи по исторіи русскаго права“, статья: Екатерининская комиссія 1767 г., С.-Пб., 1896 г.; Липинскій: „Новыя данныя для ист. екат. комиссіи („Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1887 г., ч. 251 и др.); а изъ болѣе старыхъ—ст. г. Сергѣевича въ „Вѣстн. Европѣ“, 1878 г., № 1, и Брикнера „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1881 г., ч. 217 и 218. *Ред.*

такой идеальной цѣли, но слова императрицы, сказанныя не въ частномъ письмѣ и не въ случайномъ разговорѣ, а въ офиціальномъ наставленіи депутатамъ, свидѣтельствуютъ скорѣе о большомъ тщеславіи, чѣмъ о государственныхъ соображеніяхъ, руководившихъ ею при составленіи наказа. Оцѣнка законовъ не потому, что они хороши, справедливы и слѣдовательно полезны, но потому, что при ихъ существованіи на землѣ не будетъ народа болѣе счастливаго, чѣмъ тотъ, который ими воспользуется,—эта оцѣнка служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что изъ-за стремленія къ внѣшнему блеску истинно-полезная государственная дѣятельность была очень трудна и даже невозможна для императрицы, не понимавшей всей тяжести предпринятой ею работы и не сознававшей необходимости твердаго правового порядка. Какъ высоко оцѣнила императрица свой собственный, наскоро оконченный трудъ, видно изъ того, что она вмѣнила въ обязанность депутатамъ ежемѣсячно прочитывать весь объемистый Наказъ; на слушаніе Наказа уходило каждый разъ по нѣскольку засѣданій не только въ общемъ собраніи депутатовъ, но и во всѣхъ спеціальныхъ комиссіяхъ. Императрица была убѣждена, что ею исчерпаны всѣ или почти всѣ вопросы законодательства, которые должны составить предметъ занятій комиссіи; по крайней мѣрѣ, въ заключеніе Наказа она говоритъ сама: всякое человѣческое дѣло несовершенно, а потому несовершененъ и ея трудъ, и если окажется, что въ немъ нѣтъ правилъ по какому - нибудь предмету, который будетъ обсуждаться въ комиссіи, то за такими правилами надлежитъ обращаться къ ней. Императрица вѣрила

тому, что ей говорили придворные льстецы, вѣрила, что ею рѣшены всѣ или почти всѣ подобные вопросы. Съ гораздо большимъ правомъ можно утверждать, что въ Наказѣ нѣтъ рѣшенія ни одного изъ многочисленныхъ вопросовъ, затронутыхъ его составительницей; нѣтъ ни одного правила, которое могло бы служить надежнымъ руководствомъ законодателю и судьѣ. Два основныхъ положенія Наказа гласятъ, во-первыхъ, что нужно создать основанное на разумѣ и потому неизмѣнное законодательство, а во-вторыхъ, что тѣ законы должны считаться лучшими, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ данному состоянію народа. Достаточно сопоставить эти положенія одно съ другимъ, чтобы обнаружить заключающееся въ нихъ непримиримое противорѣчіе.

Что касается крестьянскаго вопроса, то сохранившіеся отрывки первоначальнаго текста Наказа содержатъ рядъ статей [1]), въ которыхъ крѣпостное право подвергается гораздо болѣе смѣлымъ нападкамъ и ограниченіе его требуется гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ опубликованной затѣмъ печатной редакціи. Императрица сочла нужнымъ сдѣлать уступку въ этомъ отношеніи своимъ совѣтникамъ; въ необходимости уступокъ были убѣждены даже такія лица, какъ графъ Панинъ, который сочувствовалъ всякаго рода гуманнымъ начинаніямъ и самъ предлагалъ различныя мѣры, направленныя къ улучшенію быта крестьянъ.

Помимо нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній, раз-

---

[1]) Статьи эти приведены у г. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“, т. I. Примѣч. переводчика.

бросанныхъ по тексту Наказа, слѣдующія статьи имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросу о крѣпостномъ правѣ [1]).

Ст. 250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются.

Ст. 252. И такъ, когда законъ естественный повелѣваетъ Намъ по силѣ Нашей о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны Мы состояніе и сихъ подвластныхъ облегчать сколько здравое разсужденіе дозволяетъ.

Ст. 253. Слѣдовательно и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ и то не для собственной корысти, но для пользы государственной; однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ.

Ст. 254. Какого бы рода покорство ни было (т.-е какого рода ни была бы государственная власть—самодержавная или иная) надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуду произойти.

Ст. 255. Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы.

Ст. 256. Петръ I узаконилъ въ 1722 г., чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе (во французскомъ текстѣ: ceux qui tyrannisent leurs serfs)

---

[1]) Русскій и французскій текстъ Наказа, см. П. С. З. № 12949 (Ср. новѣйшее изданіе Наказа г. Пантелѣева. С.-Пб., 1893 г. подъ редакціей И. Г. Безгина съ библіографическими примѣчаніями. *Ред.)*.

были подъ смотрѣніемъ опекуновъ; по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе; а послѣдняя для чего безъ дѣйства остается, не извѣстно.

Ст. 260. Не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

Ст. 261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

Ст. 262. Окончимъ все сіе, повторяя, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ (le plus conforme à la nature) есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

Ст. 263. Причемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ; не узнавъ же сихъ причинъ законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ.

Ст. 270. Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства; тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, а число бы народа въ государствѣ умножилось.

Ст. 276. Гдѣ люди не для инаго чего убоги, какъ только что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои почитаютъ не столько за основаніе къ содержанію своему, какъ за подлогъ къ удрученію, въ такихъ мѣстахъ народъ не размножается...

Ст. 295. Не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго.

Ст. 296. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: „Всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ; и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другій у него отниметъ".

Статьи 257—259 содержатъ общія замѣчанія о положеніи рабовъ въ Спартѣ, Аѳинахъ и Римѣ. За ними слѣдуютъ нравоучительныя фразы о лѣности и высокомѣріи, о вредѣ послѣдняго, о мѣрахъ противъ лѣности и т. д. Цвѣтистый наборъ подобныхъ фразъ казался менѣе опаснымъ, чѣмъ прямое и недвусмысленное констатированіе существующаго зла и упоминаніе о положительныхъ мѣрахъ противъ этого зла.

Стоитъ представить себѣ задачу, возложенную на собраніе, которое было призвано составлять новое уложеніе на раціональныхъ началахъ, и ту обстановку, въ которой ему приходилось дѣйствовать, чтобы убѣдиться, что все сказанное по поводу Наказа приложимо въ одинаковой степени и къ дѣятельности депутатовъ. Наказъ содержалъ множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, но въ немъ не было ни правилъ, которыя могли бы служить хоть нѣкоторымъ руководствомъ для законодателей, ни матеріаловъ, которыми они могли бы воспользоваться для своихъ работъ. Депутаты были обязаны считаться съ этимъ наборомъ глубокомысленныхъ, но часто ни къ чему ненужныхъ, одно другому противорѣчащихъ изрѣченій и посвящать на его чтеніе каждый мѣсяцъ по нѣскольку засѣданій; сверхъ того, они должны были подчиняться руководству мар-

шала Бибикова,—руководству крайне неумѣлому и совершенно произвольному; неудивительно, что при такихъ условіяхъ труды собранія остались совершенно безплодными.

Для исторіи крестьянскаго вопроса интересны нѣкоторые депутатскіе наказы, въ которыхъ избиратели вполнѣ опредѣленно высказывались за сохраненіе крѣпостныхъ порядковъ въ ихъ полной неприкосновенности. Примѣромъ можетъ служить наказъ депутату отъ дворянъ Новгородскаго уѣзда Шелонской пятины [1]: „. . . нынѣ . . . есть примѣчанію достойное, что люди и крестьяне нѣкоторымъ видомъ помѣщикамъ своимъ, яко издревле поставленнымъ надъ ними господамъ, послушаніе по нѣсколько уменьшаютъ; а какъ есть древнее узаконеніе наистрожайше хранить повиновеніе отъ Бога избранному и надъ ними поставленному Монарху, яко же и нынѣ владѣющей нами Всемилостивѣйшей Государынѣ и высокому Ея Наслѣднику отъ всѣхъ насъ и потомковъ нашихъ съ должнымъ усердіемъ и раболѣпнымъ повиновеніемъ исполняемо будетъ; а при томъ всеподданнѣйше просимъ, дабы въ сохраненіе древняго узаконенія и дворянскіе люди и крестьяне въ подлежащемъ повиновеніи, яко своимъ господамъ были, и о томъ въ нынѣ сочиняемомъ проектѣ Новаго Уложенія подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издревле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется безотмѣнно, какъ до нынѣ была, такъ и впредь будетъ“.

Поводомъ къ подобнымъ заявленіямъ послужилъ

1) „Сборникъ русск. истор. общ., т. XIV, стр. 348—349.

конечно, не Наказъ императрицы: по всей вѣроятности они основывались на какихъ-либо фактахъ дѣйствительной жизни или же были вызваны слухами о томъ, что въ своихъ частныхъ разговорахъ и письмахъ императрица осуждаетъ крѣпостное право и признаетъ его явленіемъ ненормальнымъ и вреднымъ. На засѣданіяхъ комиссіи вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ поднятъ совершенно случайно. Либеральные ораторы, въ родѣ князя Щербатова, предлагали запретить продажу крѣпостныхъ по одиночкѣ, но большинство держалось совершенно противоположнаго мнѣнія и находило гораздо болѣе нужнымъ принятіе новыхъ мѣръ противъ крестьянскихъ побѣговъ и укрывательства безпаспортныхъ. Когда же одинъ депутатъ отъ духовенства [1]), одинъ черносошный крестьянинъ [2]) и депутатъ отъ дворянъ Козловскаго уѣзда Коробьинъ заговорили о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными, и Коробьинъ предложилъ ограничить закономъ помѣщичью власть и опредѣленнѣе установить имущественныя права крѣпостныхъ крестьянъ, поднялись горячія пренія, во время которыхъ кн. Щербатовъ оказался уже въ числѣ оппонентовъ Коробьина; но пренія эти остались совершенно безплодными, и заявленныя по этому вопросу предложенія не были подвергнуты баллотировкѣ.

Съ началомъ турецкой войны засѣданія „большой комиссіи“ были отложены и больше не возобновля-

---

1) Авторъ разумѣетъ здѣсь очевидно Сухопрудскаго, канцеляриста угличскаго духовнаго правленія, но онъ былъ депутатомъ отъ *города* Углича. *Ред.*

2) Чупровъ, депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Архангельской провинціи. *Ред.*

лись, но спеціальныя комиссіи, занимавшіяся составленіемъ отдѣльныхъ частей Уложенія, продолжали свою работу еще въ теченіе нѣкотораго времени. Членъ комиссіи „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“ (т.-е. о правахъ отдѣльныхъ сословій), эстляндскій ландратъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, представилъ проектъ законовъ о крестьянскомъ сословіи. Въ III части этого проекта содержится 50 статей о правахъ крѣпостныхъ. Текстъ проекта начинается девизомъ: actor sequitur forum rei. Согласно этому девизу предлагалось, чтобы всякій, кто хочетъ подать жалобу на крѣпостного, долженъ былъ обращаться съ нею въ спеціальный судъ по дѣламъ крѣпостныхъ; первою инстаціей такого суда является судъ крестьянскихъ старостъ, второю—судъ помѣщика, третьею—земскій судъ того уѣзда, гдѣ живетъ крестьянинъ. Авторъ проекта надѣялся посредствомъ этого правила поставить въ извѣстныя границы и регулировать ничѣмъ неограниченную до того времени судебную власть помѣщика по гражданскимъ дѣламъ, ввести ее въ общую систему судебныхъ учрежденій и такимъ образомъ подчинить дѣйствію общихъ законовъ и порядковъ судопроизводства. Благодаря контролю высшей инстанціи, крестьяне должны были получить нѣкоторыя гарантіи неприкосновенности своихъ правъ, и судъ по крестьянскимъ дѣламъ не могъ обратиться въ судъ противъ крестьянъ. По уголовнымъ дѣламъ крестьяне должны, согласно проекту, находиться подъ вѣдѣніемъ обычныхъ судовъ (статья 1). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они остаются подъ властью помѣщика и обязаны оказывать ему безусловное повиновеніе (2). Помѣщикъ имѣетъ право налагать испра-

вительныя наказанія на своихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы отъ нихъ не могло произойти вреда для здоровья и жизни наказываемаго (3). Право наказывать крестьянъ по собственному рѣшенію принадлежитъ исключительно помѣщику; приказчикъ можетъ только приводить въ исполненіе приговоры суда крестьянскихъ старостъ (48). При продажѣ крѣпостныхъ не могутъ быть разлучаемы мужъ съ женой, несовершеннолѣтнія дѣти съ родителями (4). Продавать крѣпостныхъ можетъ только помѣщикъ помѣщику и не иначе, какъ подъ условіемъ переселенія ихъ на достаточный земельный надѣлъ (5). Крѣпостной имѣетъ право собственности на движимое имущество (6). Это общее положеніе дополняется въ цѣломъ рядѣ статей о взысканіи недоимокъ (7), о розничной продажѣ крѣпостныхъ (8), о правѣ наслѣдованія, объ опекѣ, о правѣ крѣпостныхъ отдавать свои деньги въ ссуду (9—15, 26, 37—39, 42). Земля, согласно проекту (16), считается собственностью помѣщика, но повинности и платежи за пользованіе этою землею должны опредѣляться по закону и по справедливости, и помѣщикъ не можетъ требовать въ теченіе года лишняго оброка и лишней работы послѣ того, какъ все опредѣленное исполнено крестьянами. Въ Лифляндіи, Эстляндіи, на островѣ Эзелѣ и въ Финляндіи крестьянскіе платежи и повинности должны быть установлены разъ навсегда и записаны въ такъ называемыхъ вакенбухахъ (Wackenbücher) (17—18). Помѣщикъ имѣетъ право переводить крестьянъ съ одного земельнаго участка на другой (19). Крестьянинъ не имѣетъ права сдавать въ аренду свой надѣлъ (20). Онъ обязанъ тщательно обрабатывать

землю, сохранять въ исправности необходимый инвентарь и достаточное количество рогатаго скота и лошадей (21, 23). Помѣщикъ можетъ отнять землю у нерадиваго хозяина и взять его въ работники (22). Если помѣщикъ отдаетъ своего крѣпостного въ работники другому лицу, то вся заработная плата должна итти работнику (25). Помѣщикъ имѣетъ право брать крестьянъ во дворъ для личныхъ услугъ, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ платить имъ жалованье и давать содержаніе (27). Онъ можетъ отдавать крестьянъ въ обученіе разнымъ мастерствамъ, но, когда они выучатся, долженъ платить имъ за работу и содержать ихъ (28). Вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ должно быть совершенно свободно; помѣщикъ можетъ отказать въ своемъ согласіи лишь въ томъ случаѣ, если есть законныя препятствія для совершенія брака (34). Крестьяне имѣютъ право на строевой лѣсъ и на топливо (41). Право охоты предоставляется исключительно помѣщикамъ, но крестьяне могутъ заниматься рыбною ловлей съ извѣстными ограниченіями, устанавливаемыми ради охраны рыбы отъ хищническаго истребленія (41). Статьи 46 и 48 содержатъ правила о порядкѣ надзора за крестьянами со стороны помѣщика. Статья 50 даетъ крестьянамъ право жаловаться на помѣщика за жестокое обращеніе и за чрезмѣрное отягощеніе денежными платежами и повинностями.

Въ своемъ проектѣ Унгернъ-Штернбергъ отнюдь не выступаетъ въ роли горячаго поборника правъ крѣпостного крестьянства, но зато у него не встрѣчается и либеральныхъ фразъ, лишенныхъ всякаго значенія, и гуманныхъ изреченій, не идущихъ къ дѣ-

лу. Конечно, тотъ же проектъ можно было разработать гораздо лучше; но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ въ коммиссію, онъ обладалъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: авторъ его держался исключительно на почвѣ возможнаго и необходимаго. Если бы его проектъ сталъ закономъ, то это былъ бы первый законъ, направленный въ пользу крестьянъ; онъ могъ явиться исходнымъ пунктомъ для постепеннаго улучшенія быта крѣпостныхъ и первою ступенью къ совершенной отмѣнѣ крѣпостного права. Всѣ статьи предлагаемаго закона были составлены ясно и разсчитаны на непосредственный практическій результатъ, а рекомендуемыя авторомъ мѣры были такъ просты и несложны, что правительство при нѣкоторомъ желаніи всегда могло провести ихъ въ жизнь. Авторъ вооружается прежде всего противъ главнаго зла крѣпостныхъ порядковъ,—противъ произвола и неограниченной помѣщичьей власти. Первая и послѣдняя статьи имѣютъ въ этомъ отношеніи самое важное значеніе, на нихъ покоится сущность всего проекта.

Первая статья ясно и опредѣленно формулируетъ то положеніе, которое хотя и подразумѣвалось императрицей и депутатами въ ихъ теоретическихъ посылкахъ, но не находило себѣ практическаго выраженія при составленіи законовъ и указовъ, а именно, что крестьяне по уголовнымъ дѣламъ должны подлежать вѣдѣнію общихъ судовъ наравнѣ со всѣми остальными подданными. Прочія дѣла, разборъ которыхъ попрежнему оставался на обязанности помѣщика, предполагалось регулировать такимъ образомъ, чтобы

помѣщичій судъ вошелъ въ общую систему государственныхъ судебныхъ установленій.

Предполагалось учредить три инстанціи: судъ крестьянскихъ старостъ, судъ помѣщика и затѣмъ, въ качествѣ третьей и послѣдней инстанціи, судъ коронный. Учрежденіе суда крестьянскихъ старостъ должно было, съ одной стороны, пріучить крѣпостныхъ къ собственному независимому суду, съ другой стороны, избавить ихъ отъ вмѣшательсва помѣщика во всѣ мелочи повседневной жизни,—вмѣшательства, которое доставляло больше всего поводовъ къ проявленію помѣщичьяго деспотизма. Предоставляя помѣщику право суда во второй инстанціи, проектъ только давалъ юридическую санкцію власти, уже существовавшей de facto, но въ то же время учрежденіе третьей инстанціи подчиняло эту власть контролю коронняго суда и обезпечивало крестьянамъ защиту ихъ правъ противъ помѣщичьяго произвола; статья 50 открывала возможность воспользоваться этой защитой каждому крѣпостному. Не менѣе важны отдѣльныя постановленія проекта; они представляютъ хотя и довольно узко очерченную, но умѣло разработанную систему правъ, которыми должны были регулироваться важнѣйшія отношенія крестьянъ какъ между ними самими, такъ и между ними и помѣщиками; признаніе этихъ правъ должно было пріучить и крѣпостныхъ и самихъ помѣщиковъ къ мысли о томъ, что не все зависитъ отъ помѣщичьяго произвола, воспитать и у тѣхъ и другихъ чувство законности и привычку уважать чужія права и исполнять свои обязательства.

Такъ какъ проектъ Унгернъ-Штернберга такъ и остался проектомъ, было бы безполезно останавли-

ваться на его дальнѣйшихъ подробностяхъ; мы хотѣли только охарактеризовать господствовавшія воззрѣнія того времени, а также отношеніе лицъ, стоявшихъ у власти, и депутатовъ комиссіи къ различнымъ проектамъ реформъ, которые тогда возникали и ставились на очередь. Все блестящее и показное немедленно одобрялось; всего, что требовало терпѣливой и долгой работы, опасливо избѣгали, хотя бы отъ этой работы и должны были получиться несомнѣнно полезные результаты.

Мы далеки отъ мысли, будто проектъ Унгернъ-Штернберга представлялъ единственно возможный способъ улучшенія крестьянскаго быта. Мы утверждаемъ только, что предлагаемыя имъ ограниченія крѣпостного права были не только возможны, но и необходимы. Его проектъ можно было бы дополнить многими новыми постановленіями, нѣкоторыя статьи проекта могли вызвать весьма серьезныя возраженія. Таковъ въ особенности § 2. Если толковать его согласно общему духу проекта и смыслу другихъ параграфовъ, то очевидно, что въ немъ говорится о безусловномъ повиновеніи крѣпостныхъ помѣщику только въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны закономъ; но нельзя не сознаться, что, взятый отдѣльно, этотъ параграфъ могъ подать поводъ своею формулировкою къ разнообразнымъ превышеніямъ помѣщичьей власти. Недостатки проекта могли бы быть исправлены депутатами при разсмотрѣніи его въ главной комиссіи и ея спеціальныхъ отдѣленіяхъ или, наконецъ, самой законодательницей, но въ дѣйствительности произошло нѣчто совершенно обратное. Какъ отнеслись бы къ проекту главная комиссія и императрица, мы не зна-

емъ, но намъ извѣстно, что русскіе товарищи Унгернъ-Штернберга по специальной комиссіи исказили его проектъ до неузнаваемости и замѣнили все его содержаніе нѣсколькими ничего незначащими постановленіями. Съ открытою критикою проекта выступили, опираясь на сочувствіе всѣхъ остальныхъ, три депутата. Дорогобужскій депутатъ Рыдванскій исходилъ въ своей рѣчи изъ того положенія, что при изданіи всякаго рода законовъ о крѣпостныхъ подъ помѣщиками надлежитъ разумѣть только такихъ, которые являются отцами своихъ подданныхъ, такъ какъ тѣ, которые разоряютъ крестьянъ, должны быть отдаваемы подъ опеку. Власть помѣщика, говорилъ онъ, отличается такими свойствами, что никто не можетъ указать ея границъ. Параграфъ второй проекта подтверждаетъ неограниченность помѣщичьей власти, но онъ находится въ противорѣчіи съ совершенно безполезнымъ первымъ параграфомъ. Непримѣнимость этого послѣдняго очевидна, такъ какъ установленіе выборовъ крестьянскихъ старостъ должно привести лишь къ бунтамъ и волненіямъ среди крѣпостныхъ крестьянъ. Дѣйствіе общихъ законовъ всегда распространялось и на крестьянъ, и помѣщикъ являлся отвѣтственнымъ за ихъ точное примѣненіе. Учрежденіе земскихъ судовъ потребуетъ новыхъ расходовъ и увеличенія податей, тогда какъ помѣщики управляютъ своими имѣніями именемъ государя и исполняютъ судебныя обязанности ничуть не хуже другихъ судей. Земскіе суды могутъ оказаться полезными лишь для разбора дѣлъ, возникающихъ между крѣпостными различныхъ помѣщиковъ. Только по уголовнымъ дѣламъ крестьяне должны подлежать вѣдѣнію общихъ

судовъ, но по такимъ дѣламъ ихъ никогда и не судили помѣщики. Законодательное ограниченіе права помѣщика подвергать своихъ крѣпостныхъ домашнему наказанію немыслимо. Это право можно отвергать или признавать въ полномъ объемѣ, но ограничивать его нельзя: помѣщикъ опредѣляетъ размѣръ наказанія по совѣсти, а за слишкомъ суровое отношеніе къ крестьянамъ онъ отвѣтитъ передъ судомъ Божіимъ. Еще Петръ Великій принялъ мѣры противъ жестокости отдѣльныхъ помѣщиковъ и велѣлъ отдавать ихъ подъ опеку. Разъ крестьяне обязываются къ безусловному подчиненію волѣ помѣщика, то для нихъ становятся совершенно безполезными опредѣленія права наслѣдованія, права собственности на движимое имущество и т. п. Являясь ограниченіемъ помѣщичьей власти, всѣ эти права только дадутъ крестьянину возможность проматывать и пропивать свое добро. „А кто же удержитъ его отъ пьянства, кромѣ помѣщика?“ У хорошаго крестьянина помѣщикъ не станетъ отнимать его имущества, наоборотъ, онъ постарается принудить его къ дальнѣйшему накопленію. Будетъ ли помѣщикъ давать крѣпостному слугѣ, кромѣ содержанія, еще жалованье, это должно зависѣть исключительно отъ его великодушія. Точно такъ же безполезны правила о взысканіи недоимокъ и долговъ. Такъ какъ помѣщикъ имѣетъ право наказывать крестьянъ, то онъ всегда будетъ въ состояніи, пользуясь этимъ правомъ, принудить крестьянина, къ чему захочетъ, несмотря ни на какія правила. Мысль объ отмѣнѣ права наказывать крѣпостныхъ, какъ объ естественномъ выходѣ изъ подобнаго положенія, повидимому, даже и не приходила въ голову дорогобужскому депутату; такъ какъ

помѣщикъ можетъ нарушать нѣкоторыя права крестьянъ, разсуждаетъ онъ, то лучше не давать крестьянамъ никакихъ правъ. Къ чему устанавливать инвентарныя правила?—спрашиваетъ далѣе критикъ. Если въ Лифляндіи, Эстляндіи, на островѣ Эзелѣ и въ Финляндіи повинности будутъ опредѣлены разъ навсегда, то это можетъ оказаться невыгоднымъ для самихъ крестьянъ въ случаѣ неурожая. Только тѣ статьи проекта и были одобрены Рыдванскимъ, въ которыхъ содержалось ясное и опредѣленное подтвержденіе помѣщичьей власти, какъ, напр., статьи 20, 26, 30, 31, 33, 34, 44; онъ не возражалъ также противъ той статьи, которою покупка крѣпостныхъ разрѣшалась только дворянамъ-землевладѣльцамъ и запрещалось отнимать у проданнаго крестьянина его личное имущество. Позволеніе крѣпостнымъ вступать въ бракъ по собственному выбору должно повести, по его мнѣнію, къ тому, что вдовцы съ дѣтьми и бѣдные крестьяне не найдутъ себѣ женъ; гораздо лучше существующій порядокъ, при которомъ помѣщикъ заботится о томъ, чтобы всѣ были женаты. Рыдванскій находилъ неудобнымъ даже упоминаніе о „согласіи помѣщика": помѣщику не зачѣмъ соглашаться съ крестьянами, когда онъ долженъ имъ приказывать. Въ заключеніе онъ рѣшительно возсталъ противъ предоставленія крѣпостнымъ права жаловаться на своихъ владѣльцевъ.

Вся критика Рыдванскаго сводилась, собственно говоря, къ защитѣ привычнаго помѣщичьяго произвола,—защитѣ весьма нелогичной и переполненной противорѣчіями; по его мнѣнію, единственной и вполнѣ достаточной мѣрой противъ возможныхъ злоупотреб-

леній помѣщичьею властью являлась отдача жестокихъ помѣщиковъ подъ опеку.

Второй критикъ, воронежскій депутатъ Титовъ, отнесся къ проекту гораздо умѣреннѣе и предлагалъ выключить изъ него лишь нѣсколько статей. Онъ готовъ былъ даже предоставить крестьянамъ право жаловаться на помѣщиковъ съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы жалобы приносились не самими потерпѣвшими, а выборными старостами. По вопросу объ отдачѣ помѣщиковъ подъ опеку за жестокое обращеніе съ крѣпостными и чрезмѣрное отягощеніе ихъ поборами и работой Титовъ отнюдь не выступилъ въ роли защитника этой системы; вмѣсто нея онъ предложилъ новый способъ воздѣйствія на владѣльцевъ, настолько сложный и неудобный, что принятіе его равнялось полному отказу отъ вмѣшательства въ эти отношенія. Такимъ образомъ послѣднее средство защиты крѣпостныхъ противъ помѣщичьяго произвола, которое пощадилъ даже Рыдванскій, должно было исчезнуть благодаря предложенію Титова.

Третій критикъ ограничился нѣсколькими незначительными замѣчаніями, разъяснявшими отдѣльныя мѣста проекта, выработаннаго комиссіей.

Въ этомъ послѣднемъ проектѣ, составленномъ общими силами членовъ комиссіи, подтверждалась неограниченная власть помѣщика, но зато въ него не вошли статьи о включеніи помѣщичьяго суда въ общую систему судебныхъ учрежденій и о правѣ крестьянъ жаловаться на владѣльцевъ и вообще всѣ тѣ предложенія Унгернъ-Штернберга, которыми крестьянамъ предоставлялись извѣстныя самостоятельныя права. Вмѣсто 50-ти, новый проектъ содержалъ всего 16

статей. Изъ нихъ серьезное значеніе могли имѣть только—одно примѣчаніе, которымъ подтверждалось, что по уголовнымъ дѣламъ крестьяне подлежатъ вѣдѣнію коронныхъ судовъ, и двѣ статьи: одна запрещала помѣщикамъ подвергать своихъ крѣпостныхъ наказаніямъ, отъ которыхъ можетъ послѣдовать смерть или членовредительство (въ проектѣ Унгернъ-Штернберга запрещались всѣ наказанія, соединенныя съ опасностью для здоровья наказываемыхъ), другая предоставляла различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ право оказывать защиту крестьянамъ, въ случаѣ если помѣщикъ будетъ обращаться съ ними съ чрезмѣрною жестокостью или станетъ отбирать ихъ благопріобрѣтенное имущество. Какъ мы упоминали, сами крестьяне не имѣли права жаловаться на своихъ владѣльцевъ.

Проектъ этотъ остался совершенно безплоднымъ, подобно всѣмъ остальнымъ проектамъ екатерининской комиссіи, и былъ забытъ вмѣстѣ съ нею. Но если бы даже онъ сталъ закономъ, значеніе его было бы совершенно ничтожно. Въ немъ нѣтъ ни одного ограниченія помѣщичьяго произвола, которое давнымъ-давно не признавалось бы желательнымъ въ теоріи, оставаясь въ то же время неисполнимымъ на практикѣ въ виду законодательной санкціи этого произвола.

Послѣ того, какъ попытка составить проектъ новаго уложенія съ помощью депутатовъ отъ различныхъ сословій и учрежденій окончилась неудачею, одинъ Сиверсъ [1]) продолжалъ неизмѣнно въ теченіе

---

[1]) О Сиверсѣ: см. Blum „Ein russicher Staatsmann“. Leipzig und Heidelberg. 1857 г. 4 тома. *Ред.*

всего времени, пока оставался на службѣ, предлагать новыя мѣры въ пользу крестьянъ. Такъ, по случаю турецкой войны онъ поспѣшилъ воспользоваться фактами, обнаруженными во время рекрутскихъ наборовъ, чтобы ходатайствовать передъ императрицей объ отмѣнѣ или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи права владѣльцевъ ссылать своихъ людей въ Сибирь по произволу. Онъ доказывалъ, что примѣненіе этого права въ соединеніи съ выдачей владѣльцамъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за каждаго ссыльнаго вредно не только для народа, но и для арміи. Ходатайство его было оставлено безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1770 г. были изданы два указа, содержаніе которыхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что императрица въ то время еще не отказалась отъ своихъ взглядовъ, получившихъ такое краснорѣчивое, хотя и неопредѣленное выраженіе въ Наказѣ, а, можетъ быть, также и о томъ, что мнѣнія Сиверса оказывали на нее нѣкоторое вліяніе. Въ одномъ изъ этихъ указовъ [1]) предписывалось обращать въ свободное состояніе плѣнныхъ турокъ и татаръ, которые примутъ православную вѣру, тогда какъ раньше, несмотря на отдѣльныя запрещенія, ихъ раздавали обыкновенно въ крѣпостные. Судя по неоднократному повторенію этого указа, выраженныя въ немъ требованія постоянно нарушались. Другой указъ [2]) отъ 18 октября 1770 г., изданный по поводу одного дѣла о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными и написанный императрицею собственноручно, гласитъ

[1]) № 13450. [2]) № 13516.

слѣдующее: „Вдова Эттингерша сама на себя показываетъ, что она человѣка своего сѣкла за такія дѣла, кои изслѣдовать не ей, но городской юстиціи подлежатъ, и тако присвоивала себя судейской власти, ибо побѣги, воровство и подобное не подлежитъ домашнему слѣдствію и наказанію, чего примѣтить дать надлежитъ Сенатскому департаменту, дабы, сходственно законамъ, власть судейская была охраняема отъ особыхъ вступленій въ оной". Указъ этотъ весьма характеренъ для отношенія Екатерины къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Согласно тогдашнимъ понятіямъ, онъ не заключалъ въ себѣ никакихъ противорѣчій съ предшествующимъ законодательствомъ. Ни указъ отъ 13 декабря 1760 г., ни другой указъ отъ 17 января 1765 г. не давали помѣщикамъ права судить за уголовныя преступленія, подлежавшія вѣдѣнію коронныхъ судовъ; они предоставили имъ лишь право назначать для своихъ крѣпостныхъ такія тяжелыя наказанія, какъ ссылку въ Сибирь на поселеніе и даже на каторжныя работы, при чемъ рѣшенія помѣщика не подлежали ни пересмотру, ни отмѣнѣ со стороны правительственныхъ учрежденій, которыя были обязаны безпрекословно приводить ихъ въ исполненіе и не принимать никакихъ жалобъ отъ отправляемыхъ въ ссылку крестьянъ. Но на практикѣ дѣло обстояло совершенно иначе, чѣмъ въ теоріи: правительство не имѣло возможности помѣшать помѣщикамъ ссылать крѣпостныхъ, которые должны были бы судиться въ общихъ судахъ, а сами помѣщики никакъ не могли согласиться съ тѣмъ, что они не имѣютъ права наказывать крестьянъ за воровство и побѣгъ, когда указъ Петра III отъ 19 іюня

1762 г., подтвержденный императрицею, предоставлялъ имъ назначать наказанія за бунтъ и сопротивленія властямъ, а на правительственныхъ агентовъ возлагалъ обязанность немедленно приводить въ исполненіе эти наказанія. Возможно, что императрица не ясно представляла себѣ значеніе этихъ указовъ и, подписывая ихъ, полагала, что дѣло идетъ только о поддержаніи помѣщичьей власти, сохранять которую приходилось въ интересахъ общественной тишины и порядка. Но какъ бы то ни было указъ 1770 г. остался безъ всякихъ слѣдствій: императрица ограничилась преподаніемъ одного общаго правила, что же касается до его осуществленія и примѣненія въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, то въ этомъ направленіи не было сдѣлано даже ни одной попытки. Сенатъ принялъ указъ къ свѣдѣнію, но попрежнему воздерживался отъ вмѣшательства въ дѣла крестьянъ, ссылаемыхъ помѣщиками, такъ какъ законъ 1765 г. оставался неотмѣненнымъ.

Возраставшія злоупотребленія помѣщичьею властью вызвали рядъ крестьянскихъ волненій. Постоянно увеличиваясь, волненія эти, наконецъ, разразились въ 1773 г. кровавымъ пугачевскимъ бунтомъ. Послѣ не менѣе кровавой расправы съ бунтовщиками наступилъ періодъ глубокой апатіи. Въ царствованіе императрицы Екатерины не было принято ни одной мѣры, которая могла бы принести дѣйствительное облегченіе участи крестьянъ. Въ 1773 г., правда, было отмѣнено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію въ Сибирь на поселеніе и на каторгу, но не надолго: мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что уже въ 80-хъ годахъ по-

мѣщики опять пользовались этимъ правомъ, и съ тѣхъ поръ законъ 1765 г. примѣнялся безъ всякихъ ограниченій. Въ 1787 г. [1]) послѣдовало напоминаніе о томъ, что въ ссылку запрещено принимать престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду, но и послѣ того нарушенія закона продолжались попрежнему. Императоръ Павелъ открыто подтвердилъ право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ [2]). Когда же въ 1773 г. [3]) за воровство на сумму меньше 20 р. вмѣсто прежняго наказанія кнутомъ и ссылки въ Сибирь было назначено наказаніе плетью съ отдачею въ солдаты, помѣщикамъ было предоставлено опредѣлять мѣру наказанія по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ: они могли по произволу ограничивать наказаніе плетьми или еще послѣ плетей отдавать наказанныхъ въ солдаты.

Въ царствованіе императрицы Анны, по случаю всеобщаго неурожая, помѣщикамъ и старостамъ дворцовыхъ деревень было вмѣнено въ обязанность кормить крестьянъ и не допускать ихъ до нищенства [4]). Въ 1772 г. Екатерина II подтвердила этотъ указъ и требовала его исполненія подъ страхомъ строгой кары [5]). Немного позднѣе обнаружилось, что помѣщики пользуются правомъ отпускать на волю своихъ крѣпостныхъ, чтобы такимъ способомъ избавляться отъ обязанности содержать ихъ и платить за нихъ подати. Въ 1782 г. [6]) послѣдовалъ указъ, въ ко-

[1]) № 16602. [2]) № 19157. [3]) № 13951. [4]) 1734 года, № 6570.

[5]) Подтвержденіе этой обязанности въ цѣломъ рядѣ указовъ: №№ 6653, 6682, 9709, 9992 отъ 1752 г.; № 11203 отъ 1761 г. и, наконецъ, екатерининскій указъ отъ 1772 г. за № 13767.

[6]) № 15603.

торомъ это возмутительное злоупотребленіе порицалось въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, при чемъ, однако, самое право, являвшееся источникомъ злоупотребленій, признавалось попрежнему несомнѣннымъ и неподлежащимъ никакимъ ограниченіямъ; помѣщикамъ объявлялось только, что они должны платить подати за вольноотпущенныхъ до ближайшей ревизіи и отпускать крѣпостныхъ не иначе, какъ по ихъ собственному желанію. Правительство оглашало во всеобщее свѣдѣніе поступки помѣщиковъ, несогласные не только съ законами, но и съ требованіями христіанской любви къ ближнему, въ надеждѣ, что впредь помѣщики будутъ воздерживаться отъ такихъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ, говорилось въ указѣ, сенатъ окажется вынужденнымъ принять противъ нихъ особыя мѣры. Дальше этого обращенія къ гуманнымъ чувствамъ дѣло не пошло и никакихъ особыхъ мѣръ не было принято.

Другое злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ представляла торговля рекрутами, которая не только оказывала деморализующее вліяніе на общество, но и приносила существенный ущербъ экономическимъ интересамъ казны и народа. При императрицѣ Аннѣ право торговли рекрутами (т.-е. право продажи крѣпостныхъ по одному) было до нѣкоторой степени ограничено, но въ царствованіе Елизаветы въ 1747 г. [1]) оно было признано безъ всякихъ ограниченій. При Екатеринѣ это право было объявлено одною изъ неотъемлемыхъ привилегій россійскаго дворянства. Случай, по поводу котораго произошло это объявленіе,

---

[1]) 9456.

весьма характеренъ для тогдашней правительственной практики.

Послѣ того какъ Бѣлоруссія была отдѣлена отъ Польши и вошла въ составъ Русской имперіи, во вновь присоединенныхъ областяхъ продолжало дѣйствовать прежнее польское законодательство, но въ то же время на новыхъ подданныхъ были распространены всѣ тѣ права, вольности и привилегіи, которыми пользовались жители коренныхъ русскихъ мѣстностей. Согласно Литовскому Статуту, заключавшему мѣстное дѣйствующее право бѣлорусскихъ губерній, крѣпостное право было болѣе или менѣе опредѣленнымъ юридическимъ институтомъ, который предоставлялъ извѣстныя опредѣленныя закономъ права помѣщику и возлагалъ столь же опредѣленныя обязанности на крестьянъ. Конечно, при томъ порядкѣ вещей, какой господствовалъ въ Польшѣ, магнаты, а по ихъ примѣру и простая шляхта, обращали очень мало вниманія на какія бы то ни было права и обязанности, но во всякомъ случаѣ помѣщичій произволъ, имѣвшій слѣдствіемъ неограниченное порабощеніе крестьянъ, являлся въ Польшѣ злоупотребленіемъ и нарушеніемъ закона, тогда какъ въ Россіи безусловная власть помѣщика съ одной стороны и „безмолвное повиновеніе“ крестьянъ съ другой — были явленіями нормальными и признанными закономъ (самое выраженіе „безмолвное повиновеніе“ крестьянъ взято нами изъ екатерининскихъ указовъ). Какъ только бѣлорусскіе помѣщики ознакомились съ неограниченною властью своихъ русскихъ сосѣдей, они тотчасъ поспѣшили воспользоваться предоставленными послѣднимъ привилегіями и начали практиковать торговлю рекрутами

и продажу крѣпостныхъ по одиночкѣ, раньше недозволенную и неслыханную въ тѣхъ краяхъ. Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ сдѣлалъ попытку положить предѣлъ распространенію этого безобразнаго и безнравственнаго обычая и писалъ въ сенатъ по этому поводу: „Бѣлорусское шляхетство издавна не имѣло себѣ въ обыкновеніе, чтобъ продавать крестьянъ безъ земли; а если нѣкоторые изъ шляхетства, а особливо живущіе близъ старой русской границы, и продавали крестьянъ для вывоза въ Россію, то единственно, какъ извѣстно бѣжавшихъ изъ Россіи, не касаясь къ своимъ старожиламъ“. Ходатайство генералъ-губернатора о недопущеніи въ Бѣлоруссіи продажи крѣпостныхъ безъ земли основывалось на законѣ, вмѣнявшемъ ему въ обязанность охранять права мѣстныхъ жителей, подтвержденныя императрицей, въ томъ числѣ и права крестьянъ, которыхъ, вопреки этому подтвержденію, пытались обратить въ безправныхъ рабовъ; въ защиту своего мнѣнія онъ могъ бы сослаться также на требованія гуманности и на соображенія государственной пользы; это ходатайство могло бы послужить исходнымъ пунктомъ для повсемѣстнаго прекращенія аналогичныхъ злоупотребленій, чего желалъ еще Петръ Великій и о чемъ неоднократно говорила сама Екатерина II. Но ходатайство это имѣло одинъ недостатокъ: оно опиралось на спеціальное мѣстное право, а для всемогущей и всевѣдущей бюрократіи не могло быть ничего неудобнѣе особыхъ мѣстныхъ правъ. Исходя изъ общаго положенія, гласившаго, что новые подданные императрицы должны пользоваться всѣми правами, вольностями и привилегіями старыхъ, сенатъ постановилъ слѣдующее:

„ ... какъ по публикованному въ Бѣлоруссіи плакату жители тѣхъ губерній и владѣльцы, какого бы роду и званія ни были, приняты въ подданство Ея Императорскаго Величества и дано имъ право пользоваться тѣми же привилегіями, какими и все россійское дворянство пользуется; то засимъ и не можно отнимать у нихъ свободы въ продажѣ людей безъ земли“ [1]). Выводъ этотъ представлялся сенату вполнѣ естественнымъ, какъ будто о правахъ крестьянъ не могло быть и рѣчи. Во все царствованіе Екатерины II торговля рекрутами продолжалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и безъ всякихъ ограниченій [2]). Правда, въ 1766 г. было запрещено продавать рекрутъ во время самыхъ наборовъ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ передъ ними, но этимъ не вносилось никакихъ перемѣнъ въ самую сущность дѣла, а устранялась лишь слишкомъ откровенная и наглая форма этихъ злоупотребленій. То же самое надо сказать и о запрещеніи продавать людей съ молотка и на ярмаркахъ: торговля людьми продолжалась попрежнему, были устранены только внѣшніе пріемы этой торговли, поражавшіе пріѣзжихъ иностранцевъ и возбуждавшіе негодованіе за границей. Въ своихъ указахъ императрица часто клеймила жестокое обращеніе съ крѣпостными, по ея инціативѣ принимались мѣры противъ лицъ, замѣченныхъ въ особой жестокости, и такія лица подвергались наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, но въ то же время не было предпринято ни

[1]) 1775 г., № 14376.

[2]) Фактическія данныя и примѣры у Гомановича-Славатинскаго: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права“. С.-Пб., 1870 г., стр. 338—342.

одной серьезной попытки улучшить положеніе крестьянъ законодательнымъ путемъ. Когда же иностранцы, которыхъ больше всего поражалъ безпримѣрный фактъ полной безправности крѣпостныхъ, описывали дѣйствительность, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ, тогда императрица выступала въ роли защитницы и даже хвалительницы крѣпостныхъ порядковъ и заговаривала объ идилліи патріархальныхъ отношеній. Всякій разъ, когда вещи называли ихъ собственными именами, это оскорбляло ее: фактически рабство оставалось неотмѣненнымъ, но слово „рабъ“ было изгнано изъ русскаго языка! Когда же одинъ изъ подданныхъ вскорѣ послѣ начала французской революціи осмѣлился высказать тѣ самыя мысли о правахъ человѣка, которыя раньше развивала императрица, и въ то же время изобразилъ картину общаго произвола и охарактеризовалъ положеніе крѣпостныхъ чертами, взятыми изъ дѣйствительной жизни, тогда, несмотря на его раскаяніе, несмотря на то, что онъ самъ горько сожалѣлъ о своемъ поступкѣ и называлъ его глупостью, его, больного, приговорили къ смертной казни и въ видѣ милости замѣнили этотъ приговоръ ссылкою въ Сибирь. Даже высокій покровитель провинившагося писателя, графъ Воронцовъ, могъ добиться нѣкотораго облегченія его участи лишь негласно и частнымъ путемъ. А между тѣмъ этотъ писатель, Радищевъ, былъ лично извѣстенъ императрицѣ, ѣздилъ за границу изучать естественное право въ качествѣ ея стипендіата и сотрудничалъ въ томъ же журналѣ, въ которомъ печатала нѣкоторыя изъ своихъ произведеній сама Екатерина. Онъ открыто говорилъ, что если бы его книга вышла нѣсколькими

годами раньше, то, по всей вѣроятности, императрица назначила бы ея автору награду.

При томъ положеніи дѣлъ, какое существовало въ то время, уже одно то обстоятельство, что крѣпостное право подвергалось критикѣ и осуждалось въ теоріи, представляло нѣкоторый шагъ впередъ. Благодаря существованію этой критики, новые взгляды укоренялись въ руководящихъ кругахъ и распространялись, хотя и очень медленно, во всей массѣ общества. Ихъ вліяніе можно прослѣдить и въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ и указахъ правительства. Такъ, было запрещено отдавать сиротъ въ крѣпостные, лицамъ, воспитавшимъ ихъ; вновь назначаемымъ губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать защиту крестьянамъ противъ жестокихъ помѣщиковъ; далѣе, состоялся указъ, обезпечивавшій свободу питомцамъ воспитательныхъ домовъ даже въ томъ случаѣ, когда они вступали въ бракъ съ крѣпостными. Въ 1775 г. [1]) отпущеннымъ на волю было дозволено не записываться въ крѣпостные. Текстъ манифеста, которымъ объявлялось объ этомъ, составленъ такъ, что въ немъ нельзя не видѣть общаго запрещенія обращать свободныхъ людей въ крѣпостное состояніе. Въ 1781 г. это запрещеніе было повторено, въ 1783 году подтверждено въ третій разъ. Позднѣе указъ отъ 28 іюля 1781 года считался первымъ закономъ, положившимъ начало неотъемлемости личной свободы. Со времени изданія этого указа крѣпостное состояніе могло распространяться только на дѣтей крѣпостныхъ, но отнюдь не на свободныхъ лицъ, хотя бы даже

---

1) №№ 14275 и 14294.

они сами желали поступить въ крѣпостные. Какъ мы увидимъ ниже, законъ этотъ исполнялся лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не приходилъ въ столкновеніе съ намѣреніями правительства. Въ 1780 г. было отмѣнено старинное право, въ силу котораго вступленіе въ бракъ свободнаго лица съ крѣпостнымъ или крѣпостною влекло за собою закрѣпощеніе этого лица.

Запрещеніе обращать въ крѣпостное состояніе вольныхъ людей могло бы быть отмѣчено, какъ поворотный пунктъ въ исторіи крѣпостного права, если бы въ силу цѣлаго ряда обстоятельствъ оно не оказалось лишеннымъ почти всякаго практическаго значенія. Несмотря на существованіе этого запрещенія, тысячи и десятки тысячъ людей дарились въ собственность различнымъ лицамъ и крѣпостное право вводилось въ тѣхъ областяхъ, гдѣ раньше его не было.

Когда Малороссія присоединялась къ Московскому царству, вновь присоединеннымъ областямъ было обѣщано на вѣчныя времена сохраненіе ихъ мѣстнаго законодательства и мѣстнаго самоуправленія. За время польскаго владычества въ Малороссіи образовался классъ землевладѣльческой аристократіи, но тѣмъ не менѣе и простые казаки пользовались тамъ личною свободой и правомъ владѣть земельною собственностью, а крестьяне не утратили права свободнаго перехода. Послѣ присоединенія къ Россіи вліяніе великорусскихъ крѣпостныхъ порядковъ не замедлило отразиться на соотвѣтственныхъ отношеніяхъ въ Малороссіи. Великорусскіе помѣщики стали пріобрѣтать земли въ Малороссіи (съ 1728 г.) и начали хлопотать о распространеніи въ ней крѣпостного права

въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало на ихъ родинѣ; они пытались обратить въ крѣпостное состояніе малорусскихъ крестьянъ и въ то же время заселяли свои новыя земли крѣпостными, выведенными изъ Великороссіи. Представители казацкой аристократіи, въ рукахъ которой сосредоточивалась какъ военная, такъ и административная власть, также были не прочь присвоить себѣ право на личный трудъ крестьянъ и казаковъ. Правительство нѣсколько разъ высказывалось противъ этихъ поползновеній; одинъ указъ (отъ 10-го іюля 1728 г.) гласитъ по этому поводу слѣдующее [1]): „Милосердуя о тѣхъ Нашихъ подданныхъ о козакахъ и о посполитомъ народѣ, отечески повелѣваемъ и накрѣпко симъ Нашимъ указомъ запрещаемъ, дабы съ сего Нашего указа, въ Малой Россіи Полковники, Старшина Генеральная и Полковая, Сотники и прочіе всѣ рядовымъ козакамъ и посполъству (т. е. простому народу) налогъ, обидъ и тягостей отнюдь не чинили... и ни на какія свои приватныя работы ихъ не наряжали и не посылали... и сверхъ того, что указами повелѣно ничего не брали... А особливо у козаковъ грунтовъ, земель и прочаго недвижимаго не отнимали и тѣмъ ихъ въ подданство себѣ не привлекали“. Несмотря на этотъ указъ, обезземеленіе казаковъ и закрѣпощеніе крестьянъ совершалось во многихъ мѣстахъ благодаря злоупотребленіямъ администраціи и это вызывало нѣсколько разъ суровыя порицанія со стороны высшей правительственной власти [2]). Въ концѣ концовъ малорусская старшина добилась запрещенія крестьянскихъ пере-

---

[1]) № 5305 (Петра II). [2]) См. №№ 6289, 7528, 8129, 8823.

ходовъ подъ страхомъ смертной казни, но при Елизаветѣ это запрещеніе было отмѣнено по отношенію къ крестьянамъ, за которыми право перехода было подтверждено въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ; только казаки, какъ подлежащіе воинской повинности, были прикрѣплены къ мѣсту. Въ то же время было положительно запрещено обращать малороссіянъ въ крѣпостное состояніе; даже въ томъ случаѣ, если малороссъ женился на крѣпостной, онъ не только самъ не становился крѣпостнымъ, но еще могъ требовать, чтобы его женѣ дали вольную. Всякаго рода документы, которыми обусловливалось поступленіе малороссійскаго казака или крестьянина въ крѣпостное состояніе, были объявлены недѣйствительными [1]).

Вольность малороссійскаго крестьянства основывалась на существованіи особаго малороссійскаго права, и потому противники этой вольности направили свои усилія противъ мѣстнаго права и мѣстнаго законодательства; на этотъ разъ ихъ расчетъ оказался совершенно вѣрнымъ. Русское правительство еще со временъ московскихъ царей относилось крайне враждебно ко всякаго рода мѣстнымъ правовымъ особенностямъ; оно не терпѣло ихъ, такъ какъ онѣ доставляли много хлопотъ. Въ своемъ стремленіи уничтожить особыя права, предоставленныя Малороссіи, правительство нашло поддержку со стороны всѣхъ, кому была ненавистна свобода крестьянъ. Въ знаменитой комиссіи, составлявшей проектъ новаго уложенія, депутаты великорусскаго дворянства требовали отмѣны малороссійскихъ вольностей и уравненія мало-

---

1) № 8555, № 8578, № 8836 п. 14.

россіянъ со всѣми остальными подданными Имперіи. другими словами требовали распространенія на нихъ крѣпостного права [1]). Много лѣтъ спустя послѣ того какъ комиссія прекратила свои засѣданія, не оставивъ никакихъ непосредственныхъ результатовъ своей дѣятельности, малороссійскія вольности, особыя права и учрежденія были уничтожены. Въ городахъ были поставлены предварительно сильные гарнизоны, а затѣмъ весь малороссійскій край раздѣленъ на три губерніи и управленіе каждою изъ нихъ поручено особому намѣстнику. Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе, надо было прежде всего раздѣлить народъ на взаимно-враждебныя партіи и привлечь на свою сторону дворянство. Самымъ простымъ средствомъ для привлеченія дворянъ было дать имъ крѣпостныхъ и средство это оказалось настолько дѣйствительнымъ, что всякая связь между дворянами и народною массой исчезла и дворяне безповоротно стали на сторону правительства. Въ тотъ самый годъ, когда въ третій разъ была подтверждена неотъемлемость личной свободы, 3-го мая 1783 г. [2]) состоялся указъ о распространеніи крѣпостного права на малороссійскія губерніи. Въ указѣ говорится только о податяхъ, объ обезпеченіи ихъ своевременной и правильной уплаты и о нежеланіи обременять помѣщиковъ и крестьянъ платежами за бѣглыхъ: „Для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ

---

[1]) Авторъ напрасно не отвѣтилъ, что въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ требованія великорусскихъ депутатовъ вполнѣ сходились съ желаніями, заявленными въ наказахъ самого малороссійскаго шляхетства. *Ред.*

[2]) № 15724.

въ намѣстничествахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородсѣверскомъ и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего Нашего указа. Въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ". Повторилось въ точности то самое, что имѣло мѣсто 200 лѣтъ тому назадъ при изданіи указа 1597 г. Крестьяне, пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода, были признаны безъ дальнѣйшихъ околичностей бѣглыми, а ревизскія сказки 1782 г., составленныя совсѣмъ не для этой цѣли, получили значеніе документовъ, которыми опредѣлялось, за кѣмъ слѣдуетъ записывать въ крѣпостные тѣхъ или другихъ крестьянъ. Буквально то же самое происходило двумя столѣтіями раньше: тѣ же причины—неудобство существующаго порядка для администраціи—и тѣ же мѣры для ихъ устраненія, точно такъ же и почти въ одинаковыхъ словахъ мотивированныя; такое же пренебреженіе къ признанному праву и въ концѣ концовъ тѣ же самыя слѣдствія. Названіе крѣпостного права ни разу не упоминается въ текстѣ указа, въ силу котораго дѣйствіе его распространялось на огромную область: малороссійскіе крестьяне лишились свободы вслѣдствіе простого фискально-полицейскаго распоряженія, изданнаго отчасти ради удобствъ администраціи, отчасти изъ политическихъ соображеній, ради уничтоженія стѣснительнаго для правительства сепаратнаго права. Государственная власть, которая только что запретила въ самыхъ

рѣшительныхъ выраженіяхъ обращать свободныхъ людей въ крѣпостное состояніе, въ то же семое время однимъ почеркомъ пера сдѣлала сотни тысячъ свободныхъ крестьянъ крѣпостными. Случилось нѣчто гораздо худшее, чѣмъ событіе 1597 г.: тогда были прикрѣплены къ землѣ люди въ теченіе цѣлаго столѣтія постепенно подпадавшіе подъ власть землевладѣльцевъ; въ концѣ XVIII вѣка сотни тысячъ свободныхъ людей были сразу отданы въ самую тяжелую и неограниченную зависимость.

То, что Екатерина II сдѣлала по отношенію къ Малороссіи изъ политическихъ расчетовъ, то самое было сдѣлано въ Новороссіи по волѣ императора Павла безъ всякихъ тайныхъ соображеній, исключительно ради фискально-полицейскихъ цѣлей. Именной указъ отъ 12-го декабря 1796 г. [1]) гласитъ по этому поводу слѣдующее: „Извѣстно Намъ, что въ полуденномъ краю государства Нашего, заключающемъ въ себѣ губерніи Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и область Таврическую, своевольные переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто наносили многимъ изъ тамошнихъ обитателей великія въ заведеніяхъ ихъ разстройства и даже разоренія, и что вкоренившемуся сему злу, поколику оно сдѣлалось тамо общимъ, до приведенія въ извѣстность всѣхъ жителей тѣхъ губерній, воспрепятствовать не было средства безъ самыхъ крайнихъ мѣръ. А между тѣмъ подавало сіе поводъ корыстолюбцамъ, забывшимъ присягу, отваживаться на подговоры туда къ побѣгу крестьянъ и изъ самыхъ внутреннихъ губер-

[1]) № 17638.

ній, въ которыхъ многіе помѣщики лишились своихъ крестьянъ. Для прекращенія того и дабы однножды навсегда водворить въ помянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ и утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца, за благо Мы признали постановить. 1) Чтобы въ губерніяхъ. . . . (перечисленныхъ выше) каждый изъ поселянъ остался въ томъ мѣстѣ и званіи, какъ онъ по нынѣшней ревизіи написанъ будетъ, а также на Дону и островѣ Таманѣ, съ состоянія сего указа Нашего“. Въ данномъ случаѣ опять повторилось все то же, что было и при Екатеринѣ: въ силу тѣхъ же причинъ были приняты одинаковыя мѣры, оказавшія одинаковое дѣйствіе, и точно также, какъ при введеніи крѣпостного права въ Малороссіи, во всемъ текстѣ указа не было упомянуто ни однимъ словомъ о крѣпостномъ правѣ. Указъ 1796 г. явился послѣднимъ штрихомъ въ мрачной картинѣ развитія крѣпостного права.

Вслѣдъ за его изданіемъ начинается болѣе свѣтлая эпоха. 5-го апрѣля 1797 г. императоръ Павелъ подписалъ первый указъ, направленный въ пользу крестьянъ и предоставлявшій крѣпостнымъ нѣкоторыя опредѣленныя права [1]). Указъ этотъ, подписанный императоромъ вмѣстѣ съ законами о престолонаслѣдіи и о самодержавной власти, подтверждалъ старое запрещеніе принуждать крестьянъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ и вводилъ новое правило, въ силу котораго крѣпостные обязывались работать на помѣщика только три дня въ недѣлю, а остальное время могли употреблять на обработку своихъ полей.

[1]) № 17909.

ГЛАВА VI.

Проекты отмѣны крѣпостного права въ царствованіе Александра I.

Къ концу XVIII столѣтія крѣпостное право достигло полнаго развитія. Помѣщикъ пользовался почти неограниченною властью надъ крѣпостными, являясь по отношенію къ нимъ представителемъ самодержавнаго государства. Государство дало ему эту власть и снабдило его средствами для ея примѣненія; вмѣстѣ съ правомъ неограниченной власти надъ крѣпостными оно передало помѣщику и обязанность заботиться о нихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣмъ не менѣе не существовало ни одного закона, въ которомъ были бы точно формулированы права помѣщика и соотвѣтственныя имъ обязанности.

Постараемся представить себѣ объемъ помѣщичьей власти того времени.

Забота о церкви (о школѣ въ то время не могло быть и рѣчи: ученіе считалось пагубой для крѣпостныхъ, если ихъ учили не для будущей службы помѣщику), въ особенности забота о церковномъ строительствѣ, о назначеніи и содержаніи причта лежала, само собою понятно, на обязанности помѣщика. Помѣщики никогда не уклонялись отъ исполненія этой обязанности, и это повело къ тому, что духовенство находилось въ полной зависимости отъ нихъ; часто случалось, что духовныя лица происходили изъ крѣпостного состоянія, и въ такомъ случаѣ ихъ даже записывали въ ревизскія сказки того имѣнія, при церкви котораго они служили.

Помѣщикъ имѣлъ право надзора за семейными отношеніями крестьянъ: вступленіе въ бракъ и семейные раздѣлы были возможны только съ его согласія. Такимъ образомъ онъ пользовался до нѣкоторой степени прерогативами родительской власти.

Точно такъ же отъ его согласія зависѣло пользованіе имущественными правами. Крѣпостные могли вступать въ гражданскія сдѣлки съ посторонними лицами не иначе, какъ въ силу дѣйствительнаго или предполагаемаго уполномочія отъ помѣщика; такой порядокъ соблюдался, напр., при заключеніи подрядовъ и иныхъ договоровъ. Вознагражденія за ущербъ, причиненный крестьянами, можно было требовать съ помѣщика, если только дѣло не носило уголовнаго характера; самъ помѣщикъ, если хотѣлъ, имѣлъ возможность обратить потомъ взысканіе на крестьянъ. Отвѣтственность помѣщика въ данномъ случаѣ основывалась отчасти на томъ, что крѣпостныхъ считали принадлежащими къ составу его имущества, отчасти на томъ же, на чемъ основывается отвѣтственность родителей за ущербъ, причиняемый дѣтьми,—на обязанности имѣть надзоръ за ними. Только въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ давалъ крестьянину дозволеніе заниматься торговлей, послѣдній получалъ право на самостоятельное веденіе дѣлъ за свой собственный счетъ, и разъ такое дозволеніе было дано, никто не могъ лишить крестьянина этого права; но за соблюденіемъ закона въ этомъ отношеніи не было никакого контроля.

По гражданскимъ дѣламъ крестьяне были подсудны своему помѣщику и рѣшеніе этихъ дѣлъ всецѣло зависѣло отъ воли послѣдняго: онъ соединялъ въ

своемъ лицѣ функціи законодателя и судьи. Выборъ тѣхъ или другихъ правилъ, которыми онъ руководился при разборѣ крестьянскихъ тяжбъ, опредѣлялся его усмотрѣніемъ, и не существовало такого закона, который предписывалъ бы ему принимать во вниманіе дѣйствующее гражданское право; да во многихъ случаяхъ его и нельзя было примѣнить ко взаимнымъ отношеніямъ крестьянъ. Когда крѣпостному предстоялъ судебный процессъ съ постороннимъ лицомъ, онъ могъ выступить въ качествѣ истца по собственному дѣлу только послѣ предъявленія довѣренности отъ помѣщика; когда же его вызывали въ судъ какъ отвѣтчика, за него всегда могъ явиться помѣщикъ въ качествѣ законнаго представителя его интересовъ.

По уголовнымъ дѣламъ судебная власть помѣщика была ограничена извѣстными предѣлами: онъ не имѣлъ права судить крѣпостныхъ за тяжкія преступленія; по закону, дѣла, возникавшія по поводу такихъ преступленій, подлежали вѣдѣнію общихъ судовъ, но законъ не опредѣлялъ, что слѣдуетъ считать тяжкими преступленіями, и потому вопросъ о подсудности крѣпостныхъ рѣшался всякій разъ по произволу. Въ отдѣльныхъ указахъ законодатель напоминалъ, что помѣщики не должны судить крѣпостныхъ за тяжкія преступленія, но въ то же время онъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе такія суровыя мѣры наказанія, которыя можно было примѣнять только въ случаѣ очень важной вины. Помѣщикъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію или поручать это дѣло полиціи; могъ посадить ихъ въ заключеніе или требовать, чтобы они

были посажены мѣстными властями; могъ сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе и даже на каторгу. Апелляціи на рѣшенія помѣщика не существовало. Ни одно учрежденіе не имѣло права принимать жалобы отъ крѣпостныхъ на владѣльцевъ, и за одинъ фактъ подачи подобной жалобы, независимо отъ того, была ли она справедлива или нѣтъ, крѣпостныхъ жестоко наказывали. Принося жалобу на своего владѣльца, крестьянинъ уже тѣмъ самымъ становился виновнымъ въ оскорбленіи власти, такъ какъ онъ не могъ обвинять помѣщика ни въ нарушеніи своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, ни въ назначеніи несправедливаго наказанія. Помѣщикъ не могъ быть виновнымъ въ нарушеніи гражданскихъ правъ крестьянина, потому что являлся по отношенію къ послѣднему одновременно неограниченнымъ законодателемъ и судьею; онъ не могъ притти въ столкновеніе съ крестьяниномъ по поводу его политическихъ правъ и обязанностей, потому что эти права осуществлялись законнымъ образомъ только черезъ его посредство, а обязанности исполнялись подъ его наблюденіемъ и по его усмотрѣнію (напр., отбываніе рекрутской повинности, уплата податей отдѣльными домохозяевами). Только право наказывать крѣпостныхъ было поставлено въ извѣстные предѣлы, преступая которые, помѣщикъ самъ могъ подвергнуться наказанію точно такъ же, какъ и за нѣкоторыя преступленія противъ личности крѣпостныхъ. Помѣщикъ не могъ оказаться виновнымъ въ нарушеніи права собственности крестьянина: все имущество послѣдняго такъ же, какъ и онъ самъ, принадлежало помѣщику. Онъ не могъ обвиняться въ оскорбленіи крестьянина, потому что поль-

зовался по отношенію къ нему своего рода родительскою властью; побои и лишеніе свободы относились къ категоріи наказаній, которыя онъ имѣлъ право назначать по усмотрѣнію, даже будучи въ состояніи запальчивости и раздраженія. Преступными со стороны помѣщика по отношенію къ крѣпостнымъ считались лишь такія дѣянія, которыя влекли за собою лишеніе жизни или здоровья или же были направлены противъ нравственности, супружеской и женской чести. Но даже и въ этихъ немногихъ случаяхъ, когда законъ становился на защиту личности крѣпостного, крестьяне сами не могли жаловаться на его нарушеніе. Полиція, обязанная охранять каждаго въ его правахъ, должна была наблюдать за помѣщиками и въ случаѣ одного изъ перечисленныхъ преступленій оказывать защиту крестьянамъ и предавать суду виновнаго. Только въ одномъ случаѣ крестьяне имѣли право самостоятельной жалобы, при чемъ подача ея вмѣнялась имъ даже въ обязанность,—въ случаѣ преступленій, направленныхъ противъ непосредственныхъ интересовъ государства: жалобы и доносы крестьянъ на помѣщиковъ по поводу государственной измѣны и сокрытія душъ при ревизіи принимались во всякое время, даже и въ томъ случаѣ, когда доносъ былъ направленъ крестьянами на ихъ собственнаго господина. Такъ какъ источникомъ всякаго права являлся глава государства, то право помѣщика надъ крестьяниномъ прекращалось, лишь только помѣщикъ направлялъ это право противъ самого государства, и, наоборотъ, гдѣ крестьянинъ возставалъ на господина въ защиту интересовъ государственной власти, тамъ начиналось право крестьянина. Во всѣхъ остальныхъ

случаяхъ помѣщичья власть не только поддерживалась и охранялась, но даже выдвигалась на первый планъ, такъ какъ въ безусловномъ сохраненіи ея было заинтересовано само государство. По своему происхожденію и по общему мнѣнію того времени она являлась одною изъ основъ государственнаго строя. Взглядъ на крѣпостное право, какъ на необходимое условіе общественной тишины и порядка, проходитъ красною нитью по всему тогдашнему законодательству; масса общества вполнѣ раздѣляла этотъ взглядъ, а государственные люди временъ Екатерины были убѣждены, что отъ правительства, разъ оно будетъ продолжать политику великой государыни, нельзя требовать ничего большаго, что положеніе народа и состояніе государства превосходно, и всякія мѣры въ пользу крестьянъ не только совершенно излишни, но даже нежелательны и небезопасны. Изучая исторію крестьянскаго вопроса, надо постоянно помнить о существованіи подобныхъ взглядовъ, находившихъ себѣ оправданіе прежде всего въ наличности самаго современнаго имъ жизненнаго строя. Разъ крѣпостное право вошло въ жизнь и было признано одною изъ основъ государственнаго порядка, имъ долженъ былъ обусловиться весь складъ государства и общества. Крѣпостное право создавало тяжелую, но зато крѣпкую взаимную связь между землевладѣльцами и крестьянами, оно являлось для крестьянина суровой школой производительнаго труда. Крестьянинъ, близкій къ номадному состоянію, пріучался мало-по-малу къ прочной осѣдлости, къ порядку и точному выполненію обязанностей. Все это обусловливало возможность извѣстнаго усовершенствованія сельскаго хозяйства,

хотя бы и въ самой грубой, примитивной формѣ. Насколько извѣстно, поставщиками хлѣба и прочихъ продуктовъ сельскаго хозяйства на внутренніе и внѣшніе рынки являлись не свободные государственные крестьяне, а именно помѣщики, пользовавшіеся работой своихъ крѣпостныхъ. Далѣе, крѣпостное право доставляло правительству надежныя средства для взиманія податей и повинностей. И въ этомъ случаѣ порядокъ былъ суровъ, и бремя, ложившееся на народъ, было тяжко, но все же въ теченіе тѣхъ полутора столѣтій, когда существовалъ этотъ порядокъ, Россія была велика и сильна, и лишь въ позднѣйшее время начали измѣняться отношенія, возникшія на почвѣ этого порядка.

Во всѣ времена были въ Россіи и такіе помѣщики, которые руководились лучшими чувствами и дѣйствительно патріархально заботились о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ, стараясь защищать ихъ отъ различныхъ притѣсненій, которымъ они могли подвергнуться безъ ихъ покровительства. Этимъ объясняется то противодѣйствіе, которое крестьяне оказывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ продажѣ помѣщичьихъ имѣній: они не хотѣли и слышать о возможности перемѣны владѣльца; этимъ объясняются, далѣе, отдѣльные случаи сопротивленія со стороны крестьянъ нѣкоторымъ особымъ видамъ отпуска на волю. Крестьяне, принадлежавшіе хорошимъ господамъ, прекрасно понимали, отъ какихъ притѣсненій со стороны чиновниковъ спасаетъ ихъ власть помѣщика. Вотъ почему ихъ не могъ привлекать переходъ отъ наслѣдственнаго и хорошо имъ извѣстнаго

владѣльца подъ власть чиновниковъ, съ которыми у нихъ не было ничего общаго.

Мы отмѣтили тѣ благія послѣдствія, которыя могли получаться отъ крѣпостного права не столько *потому*, сколько *несмотря на то*, что оно было крѣпостнымъ правомъ, т.-е. отрицаніемъ всякаго права. Что же касается того зла, которое проистекало изъ крѣпостныхъ отношеній, то оно достаточно выясняется изъ всего предшествующаго и послѣдующаго изложенія и можетъ быть все сведено къ одной главной основѣ: къ тому, что крестьяне были отданы во власть произвола частныхъ лицъ.

Императоръ Александръ I въ манифестѣ отъ 12-го марта 1801 г. объявилъ, что онъ будетъ царствовать по законамъ и по духу своей бабки Екатерины, и выражалъ надежду осчастливить всѣхъ своихъ подданныхъ, слѣдуя ея примѣру. По отношенію къ крестьянскому вопросу эти слова должны были означать, что гуманныя идеи, которыя при Екатеринѣ развивались только въ теоріи, теперь будутъ осуществлены на дѣлѣ. Екатерина изгнала изъ языка слово „рабъ“, ея внукъ долженъ былъ изгнать изъ жизни самый фактъ рабства. Что императоръ Александръ именно такъ понималъ свою задачу, ясно изъ его многочисленныхъ заявленій о необходимости прекратить произволъ и водворить законность.

Начало его царствованія ознаменовалось цѣлымъ рядомъ милостей: отправленные въ ссылку и удаленные отъ двора были возвращены; содержавшіеся въ тюрьмахъ безъ суда и слѣдствія получили свободу; исключенные изъ службы возстановлены въ прежнихъ правахъ; возобновлено дѣйствіе жалованныхъ грамотъ

Екатерины дворянству и городамъ; объявлена свобода духовенства отъ тѣлеснаго наказанія и пр., и пр. Къ этому же времени относятся первыя мѣропріятія, касающіяся положенія крѣпостныхъ. 6 мая 1801 г. во вновь учрежденномъ государственномъ совѣтѣ по повелѣнію императора обсуждался вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли, но обсужденіе это не привело ни къ какимъ результатамъ; 28-го мая 1801 г. генералъ-прокуроръ сообщилъ президенту академіи наукъ волю императора, чтобы впредь въ Вѣдомостяхъ не печаталось объявленій о продажѣ крѣпостныхъ безъ земли. До того времени почти въ каждомъ номерѣ столичныхъ газетъ, на ряду съ объявленіями о лошадяхъ, коровахъ, свиньяхъ и попугаяхъ, можно было видѣть также объявленія о продажѣ лакеевъ, поваровъ, кучеровъ представительной внѣшности. Такимъ образомъ, хотя продажа крѣпостныхъ безъ земли и по одиночкѣ и не была запрещена немедленно, она продолжалась уже не въ такой безстыдной и открытой формѣ. Въ другихъ указахъ говорилось, что подати, лежащія на земледѣльческомъ классѣ, должны быть облегчены; что установленіе новыхъ сборовъ не должно имѣть мѣста, помимо случаевъ крайней необходимости; что должны быть приняты мѣры къ наименѣе обременительному взиманію существующихъ податей и налоговъ.

Содержаніе этихъ указовъ, а также принятое императоромъ рѣшеніе не раздавать больше казенныхъ крестьянъ въ крѣпостные частнымъ лицамъ, характеризуютъ съ достаточною опредѣленностью отношеніе Александра къ крѣпостному праву.

Непосредственное знакомство со взглядами и пред-

положеніями Александра, относящимися къ началу его царствованія, даютъ протоколы засѣданій такъ называемаго неоффиціальнаго комитета [1]). На этихъ засѣданіяхъ въ теченіе первыхъ лѣтъ своего правленія (1801—1803) императоръ обсуждалъ въ непринужденной бесѣдѣ съ близкими лицами (графъ Кочубей, графъ П. Строгановъ, Новосильцевъ и кн. Адамъ Чарторыйскій) планы предстоящихъ реформъ. Въ первыхъ заявленіяхъ императора о необходимости сдѣлать что-нибудь для крѣпостныхъ крестьянъ замѣтно вліяніе Лагарпа и Мордвинова, которые говорили, что положеніе крѣпостныхъ такъ плохо именно потому, что они лишены всякихъ гражданскихъ правъ и находятся въ полной зависимости отъ помѣщичьяго произвола, но въ то же время совѣтовали дѣйствовать въ ихъ пользу съ большою осторожностью. Исходя изъ этихъ указаній, императоръ выражалъ желаніе, чтобы права помѣщиковъ были регулированы закономъ; онъ надѣялся подойти къ этой цѣли косвеннымъ путемъ, распространяя на всѣ сословія право владѣть населенною землей, составлявшее до того времени исключительную привилегію дворянства, съ тѣмъ однако, чтобы права новыхъ помѣщиковъ не дворянскаго происхожденія по отношенію къ ихъ крѣпостнымъ были строго опредѣлены закономъ. Когда такимъ образомъ возникнетъ разрядъ крѣпостныхъ, относительно которыхъ помѣщики будутъ пользоваться только вполнѣ опредѣленными правами, тогда, по мнѣнію императора, можно будетъ

---

[1]) Выдержки изъ нихъ въ переводѣ съ французскаго напечатаны у Богдановича: „Исторія царствованія Александра I", т. I Приложенія, стр. 38—91.

безъ труда перейти къ ограниченію правъ душевладѣльцевъ-дворянъ. Члены комитета возражали императору, и не безъ основанія, указывая на непрактичность проекта, предостерегали противъ полумѣръ, которыя поведутъ только къ ослабленію помѣщичьей власти, но не подвинутъ впередъ самаго дѣла освобожденія.

Одновременно съ этимъ обсуждался проектъ графа Зубова, который предлагалъ запретить продажу крестьянъ безъ земли, выкупить на государственный счетъ и приписать къ ремесленнымъ цехамъ безземельныхъ дворовыхъ. Когда въ комитетѣ было указано на финансовыя трудности, которыя должны возникнуть при выкупѣ дворовыхъ, Александръ пришелъ къ заключенію, что на первое время надо ограничиться запрещеніемъ продажи крѣпостныхъ въ одиночку и распространеніемъ права пріобрѣтать земельную собственность на купцовъ и не состоящихъ въ крѣпостной зависимости крестьянъ. Но скоро и это показалось слишкомъ опаснымъ, и онъ высказалъ мнѣніе, что обѣ изложенныя мѣры должны быть приняты отдѣльно, и хотя ему говорили, что эти мѣры только вызовутъ недовольство у приверженцевъ старины, что гораздо лучше покончить все дѣло сразу, онъ тотчасъ утратилъ свою рѣшимость, какъ только зашла рѣчь объ осуществленіи его плановъ на практикѣ. Послѣ того какъ и Лагарпъ, и Мордвиновъ съ своей стороны еще разъ высказались въ пользу осторожности, а послѣдній замѣтилъ, что распространеніе права земельной собственности на всѣ сословія поведетъ къ тому, что крѣпостные сами постепенно выкупятся на волю, Новосильцевъ также

присоединился къ мнѣнію императора, мотивируя перемѣну своихъ взглядовъ тѣмъ, что выкупъ дворовыхъ можетъ возбудить среди помѣщиковъ опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ и безъ того уже въ обществѣ циркулируютъ на этотъ счетъ различные слухи, которые представляются тѣмъ болѣе опасными, что императора считаютъ черезчуръ горячо преданнымъ интересамъ свободы. Тогда императоръ предложилъ совсѣмъ отказаться отъ выкупа дворовыхъ, но другіе члены комитета не согласились съ нимъ и остались при особомъ мнѣніи. Графъ Кочубей говорилъ, что было бы несправедливо и неразумно давать новыя преимущества лицамъ свободныхъ сословій и въ томъ числѣ государственнымъ крестьянамъ, не сдѣлавъ ничего для крѣпостныхъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ эти послѣдніе еще сильнѣе почувствуютъ тяжесть своего положенія. Недовольство среди дворянъ возрастетъ еще болѣе отъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣропріятій, очевидно направленныхъ къ постепенному освобожденію крестьянъ, дворяне будутъ постоянно и со страхомъ ожидать новыхъ рѣшеній правительства, а потому гораздо лучше покончить все дѣло сразу. Что касается до запрещенія продажи крѣпостныхъ по одиночкѣ, то оно отнюдь не представляетъ какого-либо новшества: это запрещеніе уже существовало съ давнихъ временъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Имперіи, а слѣдовательно въ данномъ случаѣ можно говорить только о его распространеніи на всю Россію. Кн. Чарторыйскій находилъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ такъ ужасно, что ради уничтоженія его не слѣдуетъ останавливаться ни предъ какими пре-

пятствіями; сверхъ того, опасенія, о которыхъ говорили другіе, казались ему совершенно неосновательными. Графъ Строгановъ подробно разобралъ все, что было высказано по этому поводу, и доказывалъ, что проектируемыя мѣры не представляютъ ничего опаснаго; если ужъ говорить объ опасности, то она заключается единственно въ дальнѣйшемъ сохраненіи крѣпостного права. „Таково было мое мнѣніе,—пишетъ Строгановъ,—но эти господа остались при своемъ и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія перешли къ другому предмету. Мнѣ показалось, что императоръ уже принялъ рѣшеніе относительно того, что обѣ мѣры въ пользу крестьянъ должны быть отдѣлены одна отъ другой“.

Такъ и случилось въ дѣйствительности. Императоръ ограничился изданіемъ указа отъ 12 декабря 1801 г. слѣдующаго содержанія [1]): „Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной . . . признали Мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами земель безъ крестьянъ . . . . распространить на всѣхъ кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе сего предоставляемъ не только купечеству и мѣщанству и прочимъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ крестьянамъ къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли“. Характерно, что въ текстѣ этого указа не только не встрѣчается слово рабъ, „изгнанное изъ языка“ еще Екатериной, но даже тер-

[1]) № 20075.

минъ „крѣпостной“ замѣненъ перефразой. Какое значеніе придавалъ этому указу самъ императоръ, видно изъ того, что указъ былъ подписанъ въ день его рожденія—12 декабря.

Съ своей стороны приверженцы старины встрѣтили новый законъ съ большимъ неудовольствіемъ, хотя онъ нисколько не касался ихъ правъ. Въ обществѣ чувствовали, что императоръ хочетъ посредствомъ этого указа предоставить казеннымъ крестьянамъ и отпущеннымъ на волю крѣпостнымъ возможность дѣлаться свободными землевладѣльцами, а это именно и считалось опаснымъ. Въ то время ничего не имѣли противъ выхода на волю отдѣльныхъ лицъ крѣпостного состоянія, но отпускали большею частью не крестьянъ, а дворовыхъ изъ числа домашней и личной прислуги помѣщика; послѣ полученія вольной они или оставались попрежнему на службѣ у своихъ бывшихъ господъ, или уходили въ городъ; что же касается до крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ, то они всегда были крѣпостными, и отсюда выработалось такое представленіе, будто крѣпостное право вытекаетъ изъ самой сущности земледѣльческаго быта и земледѣльческой работы, будто послѣдняя невозможна безъ крѣпостного права. Новый законъ разрушалъ это представленіе: на будущее время долженъ былъ возникнуть разрядъ свободныхъ крестьянъ, занятыхъ обработкою собственной земли.

Практическіе результаты этой попытки создать сословіе свободныхъ земледѣльцевъ выразились слѣдующими цифрами. До 1858 года, когда дѣйствіе изложеннаго указа было прекращено, около 240.000 государственныхъ крестьянъ прикупили къ казенной

землѣ, состоявшей въ ихъ пользованіи, еще 727.000 дес., а 29.101 крестьянъ перешли со всѣмъ хозяйствомъ на собственную землю, пріобрѣтенную покупкой у частныхъ лицъ въ количествѣ 386.000 дес. Такимъ образомъ воспользовались закономъ всего 269.101 душъ крестьянъ мужескаго пола, которыми пріобрѣтено 1.113.000 дес. Въ теченіе 56 лѣтъ менѣе 3% общаго числа государственныхъ крестьянъ совершили покупки земли на основаніи этого указа [1]). Сравнительно съ надеждами, которыя возлагались на законъ 1801 г., результатъ этотъ былъ совершенно ничтоженъ и можно смѣло сказать, что цѣль, поставленная при изданіи указа, осталась недостигнутой. Неизбѣжную безплодность указа вполнѣ правильно предвидѣлъ еще графъ Строгановъ, заканчивающій свой разсказъ о его изданіи словами: „на этомъ кончилось все великое дѣло".

И въ обществѣ, и въ правящихъ кругахъ взгляды императора встрѣчали всеобщую оппозицію, и эта оппозиція въ связи съ практическими трудностями, возникшими при первой попыткѣ проведенія въ жизнь его плановъ, заставила его отложить ихъ осуществленіе до болѣе удобнаго случая. Такой случай однако представился очень скоро. Въ 1802 г. графъ Сергѣй Румянцевъ обратился къ императору съ проектомъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ. Изложеніе проекта начинается съ оцѣнки великаго значенія, которое долженъ имѣть указъ отъ 12 дек. 1801 г., даровавшій всѣмъ лицамъ свободнаго состоянія право

---

[1]) Вешняковъ: Крестьяне-собственники въ Россіи. СПб., 1858 г., стр. 1—13.

пріобрѣтать земельную собственность. На основаніи этого указа можно, говоритъ Румянцевъ, не возбуждая никакихъ опасеній, приступить къ отмѣнѣ существующаго въ Россіи рабства, которое онъ считаетъ величайшимъ зломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя Румянцевъ и рѣшился назвать вещи ихъ настоящими именами, но мѣры, предлагаемыя, имъ были проникнуты духомъ величайшей осторожности. Понимая, что ему предстоитъ защитить свой проектъ противъ всей системы господствующихъ взглядовъ, онъ спѣшилъ прежде всего выяснить выгоды, которыми могутъ воспользоваться сами помѣщики въ случаѣ осуществленія проекта. Онъ предлагалъ предоставить помѣщикамъ право отпускать за деньги своихъ крѣпостныхъ цѣлыми деревнями и съ надѣленіемъ землею, подобно тому, какъ ихъ отпускали и раньше за деньги же, но по одиночкѣ; помѣщики станутъ пользоваться этимъ правомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда убѣдятся, что такимъ путемъ можно выручить больше, чѣмъ отъ продажи имѣнія. Пусть только императоръ предоставитъ каждому то, о чемъ Румянцевъ проситъ лично для себя: право вступать съ крестьянами въ соглашеніе относительно продажи всей земли цѣлому обществу или отдѣльныхъ участковъ каждому домохозяину.

Соглашеніе должно быть совершенно свободно и правительству надлежитъ только наблюдать за точнымъ исполненіемъ заключенныхъ договаривающимися сторонами условій: если крестьяне перестали бы вносить условленные платежи, то ихъ самихъ надо отдать въ солдаты, при чемъ рекрутскія квитанціи получитъ помѣщикъ, семьи неисправныхъ плательщиковъ бу-

дутъ возвращены въ крѣпостное состоянiе, а земля поступитъ въ собственность прежнему владѣльцу.

Таковы были мѣры, посредствомъ которыхъ авторъ проекта старался устранить возможныя опасенiя съ помѣщичьей стороны и ослабить доводы противниковъ освобожденiя. Но и у крестьянъ могли возникнуть свои сомнѣнiя, которымъ также надо было пойти навстрѣчу. Такъ какъ до того времени не существовало класса свободныхъ земледѣльцевъ, то у крестьянъ, которые задумали бы выкупиться на волю и заключили бы съ владѣльцами соотвѣтственный договоръ, легко могли явиться опасенiя за прочность будущаго благосостоянiя. Особенно важно было предупредить всякую мысль о томъ, что ихъ могутъ раздать или раздарить въ собственность частнымъ лицамъ. Въ виду этого Румянцевъ предлагалъ образовать изъ крестьянъ, которые заключатъ съ помѣщиками договоры о выходѣ изъ крѣпостного состоянiя, особое сословiе вольныхъ хлѣбопашцевъ и дать этому сословiю соотвѣтственную грамоту.

Прошенiе Румянцева по волѣ императора было передано на разсмотрѣнiе государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ нашелъ, что проектъ графа Румянцева совершенно согласенъ съ законами и во многихъ случаяхъ можетъ оказаться полезнымъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Только рекомендуемый авторомъ способъ осуществленiя проекта путемъ изданiя общаго закона былъ признанъ государственнымъ совѣтомъ неудобнымъ, такъ какъ мысль о свободѣ до такой степени укоренилась въ головахъ крестьянъ, что малѣйшiй толчокъ можетъ подать поводъ къ возникновенiю опасныхъ заблужде-

ній. Примѣры неповиновенія, которые крестьяне иногда обнаруживали по предлогамъ гораздо менѣе основательнымъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ легко увлекается народъ новшествами подобнаго рода. Изданіе общаго закона относительно выхода крестьянъ изъ крѣпостного состоянія легко можетъ возбудить превратныя толкованія; вмѣсто того, чтобы усмотрѣть въ немъ мѣру, основанную на законахъ уже существующихъ и на взаимной пользѣ, многіе помѣщики подъ вліяніемъ этихъ толкованій увидятъ въ новомъ указѣ первую попытку поколебать право собственности, а крестьяне по этому поводу предадутся мечтаніямъ о совершенной вольности. Генералъ-прокуроръ сената, знаменитый поэтъ Державинъ, выступилъ съ критикою проекта съ другой точки зрѣнія. Хотя въ древнихъ законахъ, говорилъ онъ, и не упоминается о зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, но послѣ того, какъ крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, эта зависимость вошла въ обычай въ силу причинъ политическихъ; съ тѣхъ поръ обычай получилъ характеръ установленія, освященнаго давностью, и всякую попытку, направленную къ его измѣненію, надо предпринимать во избѣжаніе печальныхъ слѣдствій съ большою осторожностью. Многіе помѣщики могутъ воспользоваться общимъ узаконеніемъ о выходѣ крѣпостныхъ на волю для своихъ корыстныхъ цѣлей и станутъ эксплоатировать стремленіе крестьянъ къ свободѣ, предлагая имъ выкупъ на обременительныхъ условіяхъ. Крестьяне, увлекаемые мечтами о вольности, не сумѣютъ оцѣнить всю тяжесть предлагаемыхъ имъ условій и недостаточность своихъ платежныхъ силъ и начнутъ заключать съ помѣщиками

договоры, которые должны привести ихъ къ полному разоренію. Конецъ всего дѣла будетъ состоять въ томъ, что неисправныхъ плательщиковъ отдадутъ въ солдаты и вернутъ въ крѣпостное состояніе, а исправные получатъ свободу, но обратятся къ бродяжничеству. Какъ мы говорили выше, несмотря на возраженія Державина, проектъ Румянцева по существу былъ признанъ полезнымъ, и государственный совѣтъ полагалъ, что указъ о разрѣшеніи отпускать крестьянъ по договорамъ съ надѣленіемъ ихъ землею слѣдуетъ издать, но не въ общей формѣ, а въ видѣ рескрипта на имя графа Румянцева [1]). Указъ этотъ былъ подписанъ императоромъ 20-го февраля 1803 г.

Раньше, чѣмъ указъ былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, Державинъ, горячій поборникъ екатерининскаго режима, еще разъ пытался остановить все дѣло. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ, и сообщаемыя имъ подробности такъ характерны и даютъ такую яркую картину людей и общественныхъ отношеній того времени, что мы приводимъ подлинный текстъ соотвѣтственнаго мѣста воспоминаній [2]): „Касательно вольныхъ хлѣбопашцевъ сіе такимъ образомъ случилось. Румянцевъ выдумалъ, смѣю сказать, изъ подлой трусости Государю угодить, средства, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Какъ это любимая была мысль государя, внушенная при воспитаніи нѣкоторымъ его учителемъ Лагарпомъ, то Ру-

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей при моск. ун. 1860. I. Смѣсь, стр. 65—67.

[2]) Сочиненія Державина съ объясн. примѣчаніями Я. Грота, изд. Имп. акад. наукъ, т. VI, Спб., 1871 г., стр. 811—817.

мянцовъ, чтобы подольститься къ государю, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою—Черторыйскимъ, Новосильцевымъ и прочими—подалъ проэктъ, чтобъ дать свободу крестьянамъ отъ господъ своихъ откупаться, хотя сего никогда запрещено не было, и на семъ основаніи отпустилъ своихъ крестьянъ до 200 душъ, которые, какъ послѣ слышно стало, никогда не были его крѣпостными людьми, но вольные отцомъ его, покойнымъ фельдмаршаломъ,—съ условіемъ какого платежа или изъ милости на его земляхъ вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ поселенные. Государь проэктъ сей, одобренный его молодыми тайными совѣтниками, принялъ весьма милостиво или, лучше сказать, съ радостью, что нашлося средство привести его любимѣйшую мысль къ исполненію, передалъ оный Государственному Совѣту на разсмотрѣніе или, лучше сказать, на исполненіе. Всѣ господа члены совѣта, хотя находили сей проэктъ неполезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ заготовленный о томъ апробовали. Державинъ только одинъ далъ свой голосъ, что всѣмъ владѣльцамъ по манифесту 1775 года отпущать людей и крестьянъ своихъ позволено, а по указу царствующаго Государя 1801 году и снабжать отпущенныхъ людей землями можно, слѣдовательно, никакой нужды нѣтъ въ новомъ законѣ. Румянцовъ можетъ освободить хотя всѣхъ своихъ людей и крестьянъ по тѣмъ указамъ (однакожъ онъ того ни тогда, ни послѣ не сдѣлалъ), а новымъ особымъ указомъ растверживать о мнимой вольности и свободѣ простому, еще довольно непросвѣщенному народу опасно, и только

такое учрежденіе надѣлаетъ много шуму, а пользы никакой ни крестьянамъ, ни дворянамъ. Это мнѣніе его записано въ журналѣ Совѣта, но несмотря на то, Государь далъ указъ извѣстный о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Когда къ генералъ прокурору онъ присланъ былъ, то не посылая онаго въ Сенатъ, поѣхалъ во дворецъ и представилъ Государю со всею откровенностію и чистосердечіемъ о неудобности указа. Онъ вопросилъ: „Почему же онъ безполезенъ?“— „Не говоря о политическихъ видахъ, что нашей непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности, которой она въ прямомъ смыслѣ не понимаетъ и понять не можетъ“, отвѣтствовалъ Державинъ, „но и по самому своему содержанію онъ неудобоисполнителенъ“.—„Почему?“—„Потому, что условливаться рабу съ господиномъ въ цѣнѣ о свободѣ почти невозможно; это такая вещь, которая цѣны не имѣетъ, требуя со стороны господъ только всего великодушія, а со стороны раба благодарности, а иначе всякія условія будутъ тщетны. Натурально, рабъ за свою свободу будетъ обѣщать все, что отъ него ни потребуютъ, а помѣщикъ, лишаясь крестьянъ и съ ними своего дохода или, лучше сказать, своего существованія, захочетъ имѣть такой капиталъ за сію свободу, чтобы не токмо (не) разстроить, но и улучшить свое благосостояніе. Изъ сего выдутъ неустойки въ платежѣ условленныхъ суммъ, изъ неустоекъ дѣла и тяжбы, которыхъ такое великое множество по долгамъ. Сверхъ того, какъ правосудіе въ Россійской Имперіи большею частью въ рукахъ дворянства, то дворянинъ, судя дѣло своего собрата, будетъ осуждать самъ себя; изъ того другаго ничего не выдетъ,

какъ подготовленное беззаконіе: будутъ обвинены крестьяне и обращены по этому указу въ прежнее ихъ крѣпостное состояніе или тягчайшее рабство, потому что помѣщикъ за причиненные ему хлопоты и убытки будетъ мстить. Сверхъ того и государственное хозяйство потерпитъ неминуемо отъ сего учрежденія какъ въ сборѣ рекрутъ, такъ и денежныхъ повинностей, ибо крестьяне, продавъ взятую ими у помѣщиковъ землю, могутъ переселиться на другія—въ отдаленнѣйшія страны Имперіи, гдѣ ихъ сыскать скоро не можно, или по своевольству своему и лѣности разбредутся, куда глаза глядятъ, чтобы только не ставить рекрутъ и не платить никакой повинности, въ чемъ они единственно свободу свою (полагаютъ). Нижніе земскіе суды или сельская полиція, по пространству въ Имперіи мѣстъ нежилыхъ и пустыхъ, удержать ихъ отъ разброду не могутъ безъ помѣщиковъ, которые суть наилучшіе блюстители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ въ ихъ селеніяхъ. Ежели же по доходящимъ иногда къ Государю жалобамъ на тиранскіе помѣщиковъ ихъ поступки, на угнетеніе поборами и разныя насилія, какъ милосердному отцу, невозможно не обратить вниманія своего и не оказать правосудія, то къ предупрежденію таковыхъ жалобъ совѣтовалъ Державинъ Государю пригласить не вдругъ изъ всей Имперіи, а по частямъ изъ нѣскольких губерній губернскихъ предводителей дворянства, которымъ дать милостивые рескрипты, похваляя съ одной стороны древнюю и новую службу дворянъ, а съ другой изобразить дурные поступки со своими подданными нѣкоторыхъ помѣщиковъ, до-

ходящіе до престола, приложа онымъ экстрактъ изъ дѣлъ, имѣющихся въ Сенатѣ, приказавъ имъ найти средство и положить ихъ мнѣніе, какія въ которыхъ губерніяхъ и уѣздахъ могутъ собираемы быть денежныя или продуктами подати или отправляемы работы, потому что онѣ не могутъ быть по положенію различныхъ мѣстъ одинаковы, а также и наказанія тѣлесныя, какія дома чинить и для какихъ отсылать въ градскія и сельскія полиціи. Предводители сіе должны непремѣнно будутъ сдѣлать, слѣдовательно они сами на себя сдѣлаютъ постановленіе, а на Государя ропоту не будетъ. Такимъ образомъ и крестьяне облегчатся въ ихъ участи, и правительство не будетъ имѣть опасности, отъ которой либо стороны ропоту или неудовольствія".

Государь, выслушавъ сіе представленіе отъ Державина, казался довольнымъ, приказалъ отдать указъ свой въ совѣтъ, дабы вновь былъ пересмотрѣнъ. Касательно же созыва дворянскихъ предводителей, то сказалъ, что онъ о семъ подумаетъ, а изъ всѣхъ вдругъ губерній сдѣлать многолюдный вызовъ онъ находитъ неудобнымъ и небезопаснымъ.

Державинъ едва отъ государя возвратился домой, располагаясь на другой день представить указъ въ государственный совѣтъ, какъ является къ нему г. Новосильцевъ съ повелѣніемъ отъ Государя, чтобъ указа не отдавать въ Совѣтъ, а отослать въ Сенатъ для непремѣннаго исполненія. Державинъ крайне симъ огорчился и не зналъ, какъ тому помочь: то пришло ему въ голову, что въ правахъ Сената, напечатанныхъ при министерскомъ манифестѣ, и по кореннымъ Петра Великаго и Екатерины II законамъ позволено

сему правительству входить съ докладомъ къ Императорскому Величеству, когда какой-либо новоизданный законъ покажется теменъ или неудобо-исполнителенъ или вреденъ государству: то и желалъ пріятельски о томъ сдѣлать внушеніе кому-либо изъ господъ сенаторовъ, чтобъ онъ, при запискѣ того указа Сената въ общемъ собраніи, подалъ мысли прочимъ сенаторамъ войти въ докладъ къ Государю представя ему неполезность того указа. Обращаясь мысленно на того и на другого сенаторовъ, показался ему всѣхъ способнѣе, по престарѣлымъ лѣтамъ своимъ и знанію законовъ и пользъ государственныхъ, Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ, котораго онъ тотъ же день, пригласивъ къ себѣ на вечеръ, сообщилъ наединѣ свои мысли. Тотъ, понявъ всю важность предложенія, охотно согласился оное исполнить. Державинъ успокоился, уповая, что въ понедѣльникъ, при объявленіи указа въ общемъ собраніи, положатъ войти съ докладомъ о неудобности сего новаго закона. Въ сихъ мысляхъ, во вторникъ, яко въ докладный день, бывъ у Государя, поѣхалъ въ Сенатъ въ полномъ удостовѣреніи, что г. Колокольцовъ поступилъ, какъ обѣщалъ. Вмѣсто того на вопросъ отвѣтствуютъ ему, что указъ въ общемъ собраніи принятъ, записанъ и отосланъ въ первый департаментъ для исполненія. Весьма онъ сему удивился. Подходитъ къ Колокольцову, спрашиваетъ его потихоньку: „Какъ, указъ принятъ?“ — „Такъ, отвѣчаетъ онъ, пересѣменивая, къ несчастью я сдѣлался болѣнъ вчерась и не могъ въ Сенатѣ быть“. Поговоря, положили, что будто по разнорѣчію въ исполненіи, внести паки въ общее собраніе. Какъ разсужденіе было о томъ при оберъ-

прокурорѣ князѣ Голицынѣ, посаженномъ въ сіе мѣсто, можно сказать, болѣе не для соблюденія законовъ и настоящаго дѣла, а для тайнаго увѣдомленія Государя, что въ Сенатѣ дѣлается, и какъ онъ вѣрно отправлялъ возложенную на него должность, обѣдая всякій день во дворцѣ, то разсужденія Державина о семъ указѣ—въ которыхъ онъ говорилъ о безполезности и неудобности сего указа, сожалѣя о Государѣ, что онъ приведенъ на такое дѣло, которое не принесетъ ему ни пользы, ни славы,—натурально, что Голицынымъ слушанныя, поѣхавъ обѣдать во дворецъ, пересказалъ Императору; а какъ по вторникамъ всякую недѣлю, послѣ обѣда часу въ 7-мъ, былъ во дворцѣ въ присутствіи Императора министерскій комитетъ, то Государь, посидѣвъ въ немъ не болѣе часа, не очень весело кончилъ присутствіе, и лишь только начали министры разъѣзжаться, то одинъ изъ камердинеровъ Государя, подошедъ къ Державину, сказалъ тихо, что Императоръ зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ. Вошедъ въ оный, нашелъ его одного. Онъ тотчасъ началъ говорить: „Какъ вы, Гаврила Романычъ, противъ моихъ указовъ идете въ Сенатѣ и критикуете ихъ? Вмѣсто того ваша должность подкрѣплять ихъ и настоять о непремѣнномъ исполненіи". Державинъ отвѣчалъ, что не критиковалъ указовъ, а признается, что при разсужденіи объ исполненіи, какъ и Его Величеству докладывалъ, сумнѣвался о удобности и пользѣ, что и теперь по присягѣ своей подтверждаетъ, удостовѣряя, что Его Величество симъ способомъ не достигнетъ своего намѣренія, чтобъ сдѣлать сводобными владѣльческихъ крестьянъ, да ежелибъ и достигъ, то въ нынѣшнемъ

состоянiи народнаго просвѣщенiя не выдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ. Но, какъ Государь учителемъ своимъ французомъ Лагарпомъ упоенъ былъ и прочими его окружавшими ласкателями, сею мыслiю, по ихъ мнѣнiю, великодушною и благородною, чтобъ освободить отъ рабства народъ, то остался непоколебимымъ въ своемъ предразсудкѣ и приказалъ объявить именное свое повелѣнiе, чтобъ по разногласiю въ первомъ департаментѣ не обращать того указа въ общее собранiе, а исполнить бы его непремѣнно, что онъ безпрекословно уже и исполнилъ, негодуя въ размышленiи на подлую душу и трусость г. Колокольцова, каковы почти и всѣ были господа сенаторы его времени..."

Извѣстно, что вскорѣ послѣ того императоръ предложилъ Державину выйти въ отставку. Въ цитированномъ выше разсказѣ Державинъ является упрямымъ защитникомъ старины, нетерпимымъ ко всему новому, встрѣчавшимъ съ предвзятою враждобностью все, что не согласовалось съ привычнами и, по его мнѣнiю, идеально совершенными порядками и взглядами прежнихъ временъ. При такой односторонности онъ, конечно, былъ готовъ приписывать дурные мотивы иницiаторамъ нововведенiй и относился лично къ нимъ съ нерасположенiемъ. Убѣжденный въ полномъ совершенствѣ существующаго порядка, онъ самъ не замѣчалъ, какъ слабы были всѣ аргументы, приводимые въ его защиту. Но если оставить въ сторонѣ эту часть его разсужденiй, основанную на глубоко вкоренившемся предразсудкѣ, то нельзя не при-

знать, что онъ вѣрно оцѣнилъ практическія слѣдствія новаго закона, и что предложенныя имъ самимъ мѣры вытекали изъ непосредственнаго знакомства съ дѣйствительностью, вѣрнаго пониманія того, что было возможно и что невозможно. Для общаго положенія крѣпостныхъ можно было сдѣлать несомнѣнно больше, слѣдуя пути, указанному Державинымъ, чѣмъ посредствомъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, такъ какъ широкіе планы и намѣренія императора такъ и остались не осуществленными.

Державинъ взялъ на себя неблагодарную роль принципіальнаго защитника крѣпостного права, и вслѣдствіе этого вошло въ обычай отзываться очень сурово о немъ и о его личномъ характерѣ; такъ, говорили, что онъ не останавливается даже передъ клеветой и прибѣгаетъ ко лжи, чтобы очернить благородную память графа Сергѣя Румянцева [1]). Мы согласны, что его сужденія грубы и несправедливы, но, по нашему мнѣнію, до сихъ поръ не доказано, чтобы Державинъ самъ не былъ убѣжденъ въ справедливости того, что говорилъ; во всякомъ случаѣ никто не имѣетъ права забывать, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, рѣшавшихся открыто высказывать свои мнѣнія и отстаивать свои убѣжденія. На основаніи имѣющихся въ настоящее время источниковъ нельзя сказать, насколько вѣрны тѣ подозрѣнія, которыя Державинъ выражалъ по адресу гр. Румянцева, но уже теперь извѣстно, что у него былъ для этого по крайней мѣрѣ нѣкоторый поводъ. Отецъ гр. Сергѣя Румянцева, ека-

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій: Дворянство въ Россіи. С-Пб. 1870 г., стр. 382.

терининскій фельдмаршалъ, встрѣтилъ въ 1770 г., во время турецкой войны, общину моравскихъ братьевъ, которыхъ онъ и поселилъ въ своемъ черниговскомъ имѣніи, заключивъ съ ними арендный договоръ. Извѣстно, что позднѣе къ этой общинѣ моравскихъ братьевъ были предъявлены требованія, несогласныя съ договоромъ, что послѣ смерти фельдмаршала эти требованія все возрастали, такъ что, наконецъ, среди членовъ общины явилось убѣжденіе, будто гр. Сергѣй Румянцевъ притѣсняетъ ихъ, потому что надѣется сдѣлать своими крѣпостными. Когда они обратились въ судъ, оказалось, что текстъ договора кѣмъ-то уничтоженъ. Въ такомъ безвыходномъ положеніи община отправила двухъ депутатовъ въ Петербургъ. Депутатамъ удалось добиться императорскаго указа (22 мая 1801 г.) [1], которымъ разрѣшалось моравскимъ братьямъ переселиться на казенныя земли и жить тамъ на правахъ, предоставленныхъ меннонитамъ [2]. Въ указѣ говорится, что переселяются они съ согласія графа Румянцева. Мы не знаемъ, какую роль игралъ во всемъ дѣлѣ гр. Румянцевъ; согласіе его могло быть добровольнымъ или вынужденнымъ, притѣсненія могли производиться по его волѣ, но они могли также исходить отъ его приказчиковъ безъ его вѣдома.

Проетъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ представленъ Румянцевымъ уже послѣ того, какъ состоялся вышеупомянутый указъ о переселеніи моравскихъ братьевъ изъ его имѣнія на казенныя земли. Это

---

1) № 19887.

2) Клаусъ: Наши колоніи. С-Пб., 1869 г, стр. 32—34.

обстоятельство само по себѣ, конечно, еще не доказываетъ, что онъ подавалъ проектъ въ надеждѣ изгладить непріятное впечатлѣніе, которое могла произвести на императора исторія съ моравскими братьями, но у насъ нѣтъ также никакихъ данныхъ, исключающихъ возможность подобнаго предположенія. Державинъ, конечно, съ жадностью ловилъ всякіе слухи, подтверждавшіе его неодобрительный отзывъ, и 200 моравскихъ братьевъ слились въ его представленіи съ 199 крестьянами, отпущенными на волю Румянцевымъ. Обвиненія, высказываемыя Державинымъ по адресу послѣдняго, весьма вѣроятно несправедливы, но не доказано также обвиненіе самого Державина въ преднамѣренной лжи и клеветѣ. Державинъ говорилъ, что Румянцевъ не захочетъ отпустить на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, и это оказалось совершенно вѣрнымъ. Ясно, что Румянцевъ самъ не вѣрилъ справедливости своихъ словъ, когда утверждалъ, что для помѣщиковъ будетъ выгодно освободить крѣпостныхъ на указанныхъ имъ основаніяхъ. Извѣстно, что Румянцевъ былъ честолюбивый, неуживчивый человѣкъ, что онъ нѣсколько разъ поступалъ на службу, но скоро уходилъ въ отставку, а впослѣдствіи никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что ему не пришлось играть выдающейся роли. Назначенный членомъ государственнаго совѣта 16 января 1802 г., онъ вышелъ въ отставку 1 ноября того же года и вслѣдъ затѣмъ подалъ императору свой проектъ; при обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ онъ присутствовалъ на засѣданіи уже въ качествѣ частнаго лица. Любопытно, какимъ способомъ онъ старался обратить

вниманіе императора на то, что онъ отпускаетъ своихъ крестьянъ на волю и даетъ имъ землю безплатно. Послѣ того, какъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ вступилъ въ силу, онъ не воспользовался для освобожденія своихъ крѣпостныхъ порядкомъ, имъ же самимъ предложеннымъ, при чемъ отъ него всецѣло зависѣло не требовать денегъ съ выходящихъ на волю крестьянъ, но обратился къ императору съ новымъ прошеніемъ. Въ этомъ прошеніи говорилось, что онъ не хочетъ заключать какого бы то ни было договора съ крестьянами, но разсчитываетъ воспользоваться новымъ закономъ, изданнымъ его величествомъ для счастія его подданныхъ, не требуя ничего въ свою пользу. Онъ намѣренъ отпустить на волю 199 душъ крѣпостныхъ изъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній въ губерніяхъ Вологодской, Ярославской и Рязанской съ тѣмъ, чтобы вся земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ, поступила въ ихъ собственность безъ всякаго платежа единовременнаго или срочнаго. Единственное желаніе съ его стороны—остаться попечителемъ тѣхъ крестьянъ, для которыхъ раньше онъ былъ помѣщикомъ. Его денежныя обстоятельства не позволяютъ ему пожертвовать болѣе, чѣмъ двумя тысячами рублей годового дохода, но онъ спѣшитъ сдѣлать, что возможно, и проситъ императора высказать свое одобреніе его плану. Графъ Растопчинъ острилъ по этому поводу, что Румянцевъ надѣялся получить за свой проектъ два аршина голубой (Андреевской) ленты, но долженъ былъ удовольствоваться одной табакеркой [1]).

---

[1]) Благодарность императора Александра Румянцеву была

Текстъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ гласитъ слѣдующее [1]): „Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Сергѣй Румянцовъ изъявивъ желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ, чтобы условія таковыя, добровольно заключаемыя, имѣли тоже законное дѣйствіе и силу какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоено и чтобъ крестьяне, такимъ образомъ уволенные, могли оставаться въ состояніи свободныхъ земледѣльцевъ, не обязываясь входить въ другой родъ жизни.

„Находя съ одной стороны, что по силѣ существующихъ законовъ, какъ-то по манифесту 1775 г. и по указу 12 декабря 1801 года увольненіе крестьянъ и владѣніе уволеннымъ землею въ собственность дозволено; а съ другой, что утвержденіе таковое земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства, мы считаемъ справедливымъ и полезнымъ, какъ ему, графу Румянцову, такъ и всѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ, распоряженіе таковое дозволить, а дабы имѣло оно законную свою силу, находимъ нужнымъ постановить слѣдующее:

„1) Если кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ отпустить благопріобрѣтенныхъ или родовыхъ крестьянъ

выражена въ рескриптѣ, вмѣстѣ съ которымъ графу была отослана табакерка.

[1]) № 20620.

своихъ по одиночкѣ или цѣлымъ селеніемъ на волю и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить имъ участокъ земли или и цѣлую дачу; то сдѣлавъ съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, имѣетъ предоставить ихъ при прошеніи своемъ чрезъ Губернскаго Дворянскаго Предводителя къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для разсмотрѣнія и представленія Намъ; и если послѣдуетъ отъ Насъ рѣшеніе желанію его согласное: тогда предъявятся сіи условія въ Гражданской Палатѣ и запишутся у крѣпостныхъ дѣлъ со взносомъ узаконенныхъ пошлинъ......

„4) Крестьяне и селенія отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые, если не пожелаютъ войти въ другія состоянія могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

„5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселѣ отпущаемы были лично на волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцевъ, если пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ пріемля на себя и всѣ обязанности онаго.

„6) Крестьяне отпущенные отъ помѣщиковъ на волю, владѣющіе землею въ собственность, внесутъ подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправляютъ рекрутскую повинность натурою и исправляя наравнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности, оброчныхъ денегъ въ казну не платятъ.

„7) Они вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ и казенные крестьяне; по владѣніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, какъ владѣльцы недвижимой собственности.

„8) Какъ скоро исполненіемъ условій крестьяне таковые получатъ землю въ собственность: они будутъ имѣть право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однакожъ участковъ менѣе 8 десятинъ; равно имѣютъ они право вновь покупать земли, а потому и переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе, какъ съ вѣдома Казенной Палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности.

„9) Поелику крестьяне таковые имѣютъ недвижимую собственность: то и могутъ они входить во всякія обязательства; и указы 1761 и 1765 годовъ, запрещающіе крестьянамъ безъ дозволенія ихъ начальствъ вступать въ условіи безъ дозволенія ихъ начальствъ на нихъ не простираются.

„3) Въ случаѣ неустойки той или другой стороны въ сихъ условіяхъ Присутственныя мѣста по жалобамъ разбираютъ и чинятъ взысканія по общимъ узаконеніямъ о контрактахъ и крѣпостяхъ съ таковымъ при томъ наблюденіемъ, что если крестьянинъ или и цѣлое селеніе не исполнитъ своихъ обязательствъ: то возвращается помѣщику съ землею и семействомъ его во владѣніе по прежнему“.

Правила о порядкѣ заключенія условій съ крестьянами были опубликованы въ указѣ отъ 21 февр. 1803 г. [1]).

Согласно этимъ правиламъ условія, заключаемыя

---

[1]) № 20625.

между помѣщиками и крѣпостными о выходѣ послѣднихъ на волю, должны содержать слѣдующее: поименный списокъ крестьянъ, вступающихъ въ договоръ; точное перечисленіе земельныхъ участковъ, пріобрѣтаемыхъ въ собственность каждымъ крестьяниномъ, съ указаніемъ ихъ величины и размѣровъ денежной суммы, которую крестьяне обязаны уплатить за землю и освобожденіе отъ нѣкоторыхъ или всякихъ повинностей въ пользу помѣщика; срокъ платежей, которые по условію могутъ быть разложены на опредѣленное число лѣтъ или на вѣчныя времена; доказательство, что имѣніе состоитъ въ безспорномъ владѣніи помѣщика, заключающаго условія; свѣдѣнія о томъ, заложено оно или нѣтъ. На договорѣ должны были расписываться помѣщикъ, уполномоченный отъ крестьянъ. уѣздный предводитель дворянства и уѣздный исправникъ; двое послѣднихъ давали удостовѣреніе, что крестьяне принимаютъ изложенныя условія по доброй волѣ и безъ всякаго принужденія. Губернскій предводитель дворянства представлялъ договоръ министру внутр. дѣлъ. а послѣдній долженъ былъ убѣдиться, что въ немъ нѣтъ ничего противозаконнаго, что крестьяне дали свое согласіе по доброй волѣ, и что вслѣдствіе выхода на свободу части крестьянъ остающіеся крѣпостные того же помѣщика не будутъ лишены необходимаго земельнаго надѣла. Каждый крестьянинъ получалъ по договору особый опредѣленный участокъ, и потому требовалось изготовить на всѣ эти участки землемѣрный планъ. (До 1861 г. правительство держалось принципа личной земельной собственности, когда дѣло шло о пріобрѣтеніи земли крестьянами, и никогда не отдавало

ее въ собственность цѣлой общинѣ.) Послѣ того какъ договоръ получалъ высочайшее утвержденіе, сенатъ сообщалъ объ этомъ мѣстной гражданской палатѣ для изготовленія крѣпостныхъ документовъ.

Такъ какъ совѣтники императора исходили изъ предположенія, что освобожденіе крестьянъ должно принести помѣщикамъ непосредственныя выгоды, и старались заранѣе опровергнуть мнѣніе, будто новый законъ посягаетъ на право собственности и ведетъ къ потрясенію основъ государственнаго строя, то для выясненія смысла и цѣли закона губернаторамъ былъ разосланъ циркуляръ отъ министра внутреннихъ дѣлъ 27 февр. 1803 г. слѣдующаго содержанія [1]): „На сихъ дняхъ Губернское Правленіе получитъ изъ Правительствующаго Сената указъ, содержащій въ себѣ дозволеніе помѣщикамъ, кто пожелаетъ дѣлать съ крестьянами ихъ условія какія найдутъ они лучшими для устроенія своего хозяйства. Сей указъ изданный по поводу всеподданнѣйшей просьбы дѣйствит. тайн. совѣтника Графа С. П. Румянцова, о подобной сдѣлкѣ съ крестьянами его, Государь Императоръ за благо признать изволилъ распространить и на всѣхъ помѣщиковъ.

„По непрерывнымъ моимъ съ Вашимъ Превосходительствомъ сношеніямъ, я счелъ нужнымъ предварить Васъ, какъ хозяина ввѣренной Вамъ губерніи, о содержаніи сего Высочайшаго указа, дабы, зная силу онаго, Вы тѣмъ удобнѣе могли опровергнуть неправыя о немъ толкованія, еслибы сверхъ чаянія, гдѣ либо онѣ встрѣтиться могли.

[1]) Вешняковъ: Крестьяне-собственники, стр. 31 и 32.

„Намѣреніе сего установленія состоитъ въ томъ, чтобъ доставить помѣщикамъ способъ отдавать земли свои въ наемъ, или и обращать въ продажу за выгоднѣйшія цѣны не въ однѣ чужія руки, но и собственнымъ крестьянамъ, если господинъ найдетъ въ томъ свою выгоду и пожелаетъ доставить имъ прочную пользу.

„Посему заключеніе условій съ крестьянами зависитъ отъ расчета и доброй воли ихъ помѣщиковъ, и какъ право собственности дворянамъ данное, оно не можетъ имѣть никакого дѣйствія, если сами они не найдутъ въ томъ своей пользы.

„Никакъ не предполагается при семъ ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами, и ни малѣйшей перемѣны не вводится въ образѣ укрѣпленія сихъ послѣднихъ. Они должны остаться въ той же самой зависимости и безмолвномъ повиновеніи къ своимъ господамъ въ каковомъ доселѣ были. Ваше Пр-ство не упустите, при малѣйшемъ нарушеніи онаго, дѣйствовать силою ввѣренной Вамъ власти, по всей строгости закона".

Многіе смотрѣли на изданіе указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, какъ на начало новой эры; надѣялись, что починъ императора побудитъ помѣщиковъ приступить самостоятельно къ улучшенію быта своихъ крѣпостныхъ.

Законъ 1803 г. оставался въ дѣйствіи вплоть до 1858 г. Что касается до результатовъ его примѣненія, то о нихъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1857 г. число крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и получившихъ земельный надѣлъ путемъ добровольнаго соглашенія съ помѣ-

щиками, опредѣлялось въ 151.895 душъ мужскаго пола. Многіе изъ нихъ вышли на волю и пріобрѣли землю безплатно и безъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ своимъ бывшимъ владѣльцамъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда освобожденіе совершалось за плату, средній размѣръ выкупа съ одной души равнялся 70 руб. Точныя свѣдѣнія о количествѣ земли, перешедшей въ собственность крестьянъ, извѣстны для 65.000 душъ мужскаго пола. Всего они пріобрѣли 406.000 дес., въ среднемъ по 6 дес. на душу. Такимъ образомъ въ теченіе 55 лѣтъ только $1^1/_2\%$ общаго числа крѣпостныхъ получили свободу на основаніи указа 20 февраля 1803 г. [1]). Если сопоставить этотъ результатъ съ надеждами, которыя возлагались на указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ современиками, предполагавшими, что изданіе его послужитъ началомъ освобожденія для всего крестьянства, то окажется, что цѣль его осталась недостигнутой. Въ чемъ же лежитъ причина этой неудачи?

Причину слѣдуетъ искать въ особыхъ условіяхъ русской жизни и русской исторіи. Организація и укрѣпленіе государственнаго строя явилось въ Россіи всецѣло дѣломъ князей. Всякая перемѣна, всякій шагъ въ его дальнѣйшемъ развитіи совершались по инициативѣ и при личномъ воздѣйствіи государей и часто только благодаря ихъ личному участію перемѣна и становилась возможной. Какъ только дѣятельность

[1]) Вешняковъ, стр. 61 — 66. Авторъ, близко знакомый съ условіями жизни этихъ крестьянъ, оттѣняетъ съ особенною силой, насколько благопріятно отразилось на ихъ положеніи полученіе въ собственность опредѣленнаго, хотя бы и небольшого, земельнаго участка.

главы государства ослабѣвала, движеніе тотчасъ останавливалось или принимало новое направленіе. Корректива въ видѣ самостоятельнаго народнаго почина не существовало. Для того, чтобы убѣдиться въ правильности этого мнѣнія, стоитъ вспомнить Грознаго, его широкія преобразованія и его неистовства, и пассивное отношеніе къ нимъ народа, стоитъ вспомнить дѣятельность царя Алексѣя Михайловича и въ особенности Петра Великаго и его преемниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ реформы исходили отъ самого монарха и имѣли успѣхъ только при условіи его личной неутомимой работы.

Въ нашемъ случаѣ императоръ Александръ, какъ мы видѣли выше, самъ стремился улучшить бытъ крѣпостныхъ и подготовить ихъ освобожденіе путемъ постепеннаго ограниченія помѣщичьихъ правъ. Проектъ Румянцева встрѣтилъ поэтому полное сочувствіе съ его стороны, но вслѣдъ затѣмъ коренная перестройка системы центральныхъ государственныхъ учрежденій и вопросы внѣшней политики до такой степени поглотили вниманіе императора, что онъ выпустилъ крестьянское дѣло изъ своихъ рукъ и пересталъ наблюдать за его ходомъ. Взгляды Лагарпа, полагавшаго, что необходима величайшая осторожность при постепенномъ проведеніи реформъ въ пользу крестьянъ, также, повидимому, оказали сильное вліяніе на императора, по крайней мѣрѣ указы 1801 г. и 1803 годовъ содержатъ только то, что Лагарпъ считалъ въ то время настоятельно необходимымъ. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ большихъ перемѣнъ, все дѣло свелось къ сравнительно ничтожнымъ результатамъ. Отдѣльныя лица по собственной инціативѣ

приступили къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, но въ общемъ все оставалось по старому. Система внутренняго управленія ни въ чемъ не перемѣнилась, а вмѣстѣ съ нею продолжала существовать и помѣщичья власть.

Въ духѣ этой старой административной системы, основанной на сохраненіи помѣщичьей власти, но отнюдь не въ духѣ новаго закона 1803 г., принимались мѣры по частнымъ вопросамъ того же крестьянскаго дѣла. Такимъ образомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о примѣненіи на практикѣ законовъ, направленныхъ въ пользу крестьянъ, на ряду съ изданіемъ правилъ о выходѣ крѣпостныхъ на свободу накоплялись новыя препятствія къ ихъ окончательному и общему освобожденію.

На первое время результаты примѣненія новаго закона казались весьма многообѣщающими: въ теченіе одного года 8.000 крѣпостныхъ получили свободу. Чтобы побудить большее число лицъ къ примѣненію закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, былъ изданъ указъ отъ 14 октября 1804 г. [1]), въ силу котораго купцамъ, имѣющимъ чинъ одного изъ первыхъ восьми классовъ по табели о рангахъ, предоставлялось право покупать населенныя имѣнія съ тѣмъ однако, чтобы приписанные къ этимъ имѣніямъ крестьяне не оставались крѣпостными новыхъ владѣльцевъ, а заключали бы съ ними договоры о выходѣ на свободу согласно указу 20 февраля 1803 г. На эту послѣднюю мѣру, несмотря на то, что она могла лишь косвеннымъ образомъ содѣйствовать освобожденію крестьянъ,

---

1) № 21481.

возлагались, повидимому, большія надежды, но, насколько извѣстно, она не принесла никакихъ результатовъ. Купцовъ, которые получали высшіе чины, было очень немного, а если и были такіе, то они умѣли при покупкѣ имѣній получать дворянство. Уже начиная со слѣдующаго года правительство само стало издавать указы, которыми, въ сущности говоря, создавались различныя препятствія къ практическому осуществленію цѣлей, поставленныхъ при изданіи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Такъ, нѣкоторые помѣщики ходатайствовали о разрѣшеніи перевести крестьянъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ въ состояніе вольныхъ хлѣбопашцевъ съ такимъ условіемъ, чтобы они оставались крѣпостными, пока будетъ живъ владѣлецъ, и получали свободу послѣ его смерти. Государственный совѣтъ объявилъ, что дарованіе крѣпостнымъ свободы на такомъ условіи равносильно дарованію имъ свободы по завѣщанію, а такъ какъ завѣщатель по закону не имѣетъ права распоряжаться родовымъ имуществомъ, то всякія сдѣлки относительно перехода крѣпостныхъ въ вольные хлѣбопашцы должны совершаться только на точномъ основаніи закона 1803 г. [1]). Мнѣніе государственнаго совѣта основывалось на дѣйствительно существовавшемъ въ то время законѣ о родовыхъ имѣніяхъ, но содержаніе закона было истолковано съ чисто формальной точки зрѣнія; на самомъ дѣлѣ законъ этотъ отнюдь не имѣлъ въ виду сохраненія наслѣдственныхъ имуществъ во владѣніи одного рода, но былъ созданъ исключительно ради фискальныхъ цѣлей. Охрана ро-

---

[1]) 1804 г., 19 дек. № 21562.

довыхъ правъ такъ мало входила въ расчеты законодателя, что за владѣльцемъ признавалось полное право продать въ любое время наслѣдственное имѣніе и распоряжаться вырученной суммой по произволу при жизни и въ завѣщаніи. Въ то же время приведенное мнѣніе государственнаго совѣта по существу стояло въ полномъ противорѣчіи со смысломъ указа 1802 г. Односторонность принятой мѣры слишкомъ ясно бросалась въ глаза, и ее пытались оправдать тѣмъ соображеніемъ, что отпускъ на волю крѣпостныхъ по завѣщанію можетъ быть сопряженъ съ очень отяготительными для крестьянъ условіями. Въ виду этого 25 января 1805 г. была опубликована Высочайше утвержденная меморія, гласившая, что присутственныя мѣста не должны утверждать сдѣлокъ о выходѣ крестьянъ на свободу по завѣщаніямъ.

Если бы государственный совѣтъ серьезно заботился о полномъ проведеніи въ жизнь закона 1803 г. и если бы дѣло шло только о защитѣ крестьянъ отъ притѣсненій, возможныхъ путемъ заключенія черезчуръ обременительныхъ сдѣлокъ, то въ такомъ случаѣ было бы вполнѣ достаточно установить разъ навсегда высшій предѣлъ крестьянскихъ платежей при переходѣ ихъ въ вольные хлѣбопашцы по духовнымъ завѣщаніямъ или назначить особую комиссію для разсмотрѣнія заключаемыхъ крестьянами условій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. На практикѣ приведенное выше постановленіе госуд. совѣта послужило однимъ изъ многихъ препятствій къ широкому примѣненію закона 1803 г. Въ то время было, повидимому, довольно много такихъ помѣщиковъ, которые сами не рѣшались при жизни приступить къ ломкѣ привыч-

ныхъ отношеній съ крестьянами и къ организаціи хозяйства на новыхъ основаніяхъ, но въ то же время ничего не имѣли противъ того, чтобы перемѣна произошла послѣ ихъ смерти, и чтобы ихъ наслѣдники начинали свое хозяйство при иныхъ условіяхъ и сами приспособлялись къ нимъ. Этотъ путь къ освобожденію крестьянъ, которымъ вѣроятно воспользовались бы весьма многіе, былъ закрытъ новымъ закономъ. Однако судебныя учрежденія не получали особаго предписанія слѣдить за тѣмъ, чтобы въ текстъ завѣщаній не включалось ничего о выходѣ крестьянъ на волю съ надѣленіемъ ихъ землею, а помѣщики издавна привыкли пользоваться правомъ отпускать своихъ людей по завѣщаніямъ; въ то же время не существовало прямого запрещенія надѣлять отпускаемыхъ на волю всякаго рода матеріальнымъ обезпеченіемъ.

Въ результатѣ судьи попрежнему продолжали принимать къ утвержденію такія завѣщанія, въ которыхъ воля завѣщателя по отношенію къ крѣпостнымъ выражалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и, согласно этимъ завѣщаніямъ, крестьянъ объявляли свободными и надѣляли землей. Если наслѣдники въ такихъ случаяхъ возбуждали искъ о возстановленіи своихъ правъ, дѣло всегда рѣшалось въ высшей инстанціи, согласно новому закону, въ пользу наслѣдниковъ и противъ крестьянъ. Но тогда вступалось министерство внутреннихъ дѣлъ, строго соблюдавшее правило никогда не возвращать въ крѣпостное состояніе крестьянъ, однажды вышедшихъ на волю, хотя бы даже ихъ освобожденіе состоялось вопреки закону и хотя бы завѣщаніе, въ силу котораго низшее судебное учрежденіе выдало имъ вольныя, было при-

знано недѣйствительнымъ. Крестьяне оставались вольными, а помѣщикъ получалъ денежное вознагражденіе отъ казны. Въ 1821 г. это правило было утверждено сенатскимъ указомъ [1]), при чемъ оно было мотивировано весьма страннымъ образомъ. Въ 1807 г. послѣдовало подтвержденіе, чтобы крѣпостные отпускались на волю цѣлыми деревнями не иначе, какъ согласно закону 1803 г.; дѣйствіе этого закона было распространено при этомъ и на тѣ губерніи, гдѣ оставался въ силѣ Литовскій Статутъ, такъ какъ названный законъ ни въ чемъ не противорѣчилъ этому послѣднему [2]). Но несмотря на это и послѣ того были случаи выхода на волю крестьянъ цѣлыми деревнями и безъ земли. Въ видахъ поощренія желающихъ вступить въ договоръ съ крестьянами о выходѣ послѣднихъ въ вольные хлѣбопашцы было объявлено въ 1808 г., что при заключеніи подобныхъ договоровъ казна не будетъ взимать обычныхъ пошлинъ съ договаривающихся сторонъ.

Провинціальныя учрежденія никакъ не могли привыкнуть къ новому сословію вольныхъ хлѣбопашцевъ. Такъ, хотя въ законѣ 1803 г. прямо было сказано, что бывшіе крѣпостные, отпущенные на волю, могутъ записываться въ это сословіе, соотвѣтственныя просьбы отклонялись въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, и правительство было вынуждено нѣсколько разъ подтверждать [3]) это право за лицами, отпущенными на волю помѣщиками или объявленными свободными по рѣше-

---

[1]) № 28823.

[2]) № 22714.

[3] № 23964 отъ 9 ноября 1809 г. и № 25893 отъ 30 іюня 1815 г.

нію суда. Точно такъ же правительственныя учрежденія никакъ не могли освоиться съ мыслью о томъ, что вмѣстѣ со свободой вольные хлѣбопашцы должны получить всѣ права, присвоенныя лицамъ свободнаго состоянія и не составляющія особой привилегіи извѣстнаго сословія, но являющіяся логическимъ слѣдствіемъ понятія о свободѣ. Обычная практика въ этомъ отношеніи отличалась такою узостью взглядовъ, что присутственныя мѣста соглашались признавать за вольными хлѣбопашцами только тѣ права, которыя были прямо перечислены въ указахъ, или же такія, признаніе которыхъ считалось соотвѣтственными учрежденіями выгоднымъ съ точки зрѣнія интересовъ казны. Даже нѣкоторые изъ сенатскихъ указовъ поддерживали и укрѣпляли подобное воззрѣніе; таковъ, напр., указъ сената, которымъ мѣстнымъ палатамъ предоставлялось право отказывать въ запискѣ въ купечество казеннымъ крестьянамъ, получившимъ увольненіе отъ своего крестьянскаго общества, въ томъ случаѣ, если, по мнѣнію палаты, уменьшеніе числа крестьянъ поведетъ къ упадку земледѣлія [1]); между тѣмъ по существовавшимъ законамъ записка въ купечество была несомнѣннымъ правомъ такихъ крестьянъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вольнымъ хлѣбопашцамъ приходилось добиваться признанія своихъ правъ путемъ долгихъ и настойчивыхъ усилій, какъ это было, напримѣръ, по отношенію къ праву устраивать фабрики и заводы и заниматься торговлей [2]), брать на себя казенные подряды [3]), покупать рекрут-

---

1) № 21484 отъ 24 октября 1804 г.

2) № 27600—1818 г.

3) № 4007—1830 г. 17 окт., № 21419—1847 г.

скія квитанціи [1]), приписываться къ городскимъ обществамъ [2]) (въ теоріи это послѣднее право уже давно признавалось за всѣми вышедшими на волю), право не платить въ городахъ двойныхъ податей, которыя взимались съ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ [3]), право быть исключенными изъ ревизскихъ сказокъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ и не платить недоимокъ, накопившихся вслѣдствіе несвоевременности такого исключенія [4]).

Кромѣ дарованія свободы крестьянамъ по завѣщанію, бывали и такіе случаи, когда помѣщикъ еще при жизни вступалъ въ сдѣлку со своими крѣпостными относительно ихъ освобожденія, но умиралъ, не успѣвъ выполнить всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ; первоначально правительство различало эти два рода случаевъ перехода крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы и въ случаяхъ второго рода безпрепятственно утверждало договоры, какъ, напр., это было въ 1805 г. [5]). Еще въ 1813 году одно изъ подобныхъ дѣлъ было рѣшено въ смыслѣ благопріятномъ для крестьянъ. Крестьяне, заключившіе съ помѣщикомъ договоръ о выкупѣ въ 1808 и 1810 г., не успѣли выйти на свободу при его жизни; умирая, помѣщикъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ подтверждалъ свое намѣреніе отпустить крестьянъ на условіяхъ, нѣсколько измѣненныхъ сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ договора. Въ 1813 году былъ образованъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго канцлера для разсмо-

[1]) № 28909 — 1822 г. [2]) № 29715 — 1831 г., № 4816. [3]) № 3513—1830 г. [4]) № 3545—1830 г. [5]) № 21993.

тренія подобныхъ дѣлъ и, согласно рѣшенію этого комитета крестьяне, поименованные въ упомянутомъ завѣщаніи, были перечислены въ разрядъ вольныхъ хлѣбопашцевъ [1]). Однако въ послѣдующее время всѣ подобные случаи стали приравниваться къ освобожденію по завѣщаніямъ. Въ 1827 г.[2]) судамъ было запрещено утверждать завѣщанія объ отпускѣ крестьянъ на волю. Въ виду постоянныхъ нарушеній запрещеніе это было повторено еще въ 1830 г.[3]).

Согласно закону 1803 г., каждый крестьянинъ долженъ былъ получить въ собственность отдѣльный участокъ земли. Правительство твердо держалось этого принципа до самаго уничтоженія крѣпостного права и требовало первоначально, чтобы каждому крестьянину выдавался на его участокъ особый планъ за подписью помѣщика и землемѣра. Но землемѣровъ было такъ мало, что многіе помѣщики, проявлявшіе желаніе отдать землю крестьянамъ даромъ, не успѣвали при жизни изготовить нужные планы, и такимъ образомъ правила, изданныя, повидимому, ради огражденія интересовъ крестьянъ, во многихъ случаяхъ становились препятствіемъ къ ихъ освобожденію, такъ какъ правительство не позаботилось облегчить практическое примѣненіе этого правила и создать необходимое количество землемѣровъ. Между тѣмъ по буквѣ закона крестьяне были лишены возможности получить землю по смерти господина черезъ завѣщаніе. Только въ 1838 г. правительство убѣдилось, что число землемѣровъ слишкомъ недо-

1) № 27449.

2) 2-е Полн. Собран. Закон. № 1474.

3) № 4846.

статочно, и разрѣшило представлять при договорахъ о выкупѣ лишь общій планъ всей отводимой крестьянамъ земли, отлагая составленіе спеціальныхъ плановъ для каждаго участка на время послѣ окончательнаго перечисленія крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы [1]).

Въ 1807 г. въ государственномъ совѣтѣ вновь обсуждался вопросъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ по одиночкѣ, и Богдановичъ въ своей „Исторіи Александра I“ утверждаетъ [2]), что запрещеніе это было опубликовано 14 іюля 1808 г., но на самомъ дѣлѣ приводимый Богдановичемъ указъ содержитъ лишь повтореніе еще задолго до того объявленнаго запрещенія продавать людей на ярмаркахъ [3]).

Новый толчокъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса объ отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи крѣпостного права данъ былъ, казалось, появленіемъ въ печати трактата, принадлежавшаго перу крупнаго познанскаго землевладѣльца и извѣстнаго писателя по экономическимъ вопросамъ графа В. Стройновскаго. Въ 1809 г. въ Вильнѣ появился русскій переводъ его сочиненія о договорахъ между помѣщиками и крестьянами и случилось это, какъ мы увидимъ ниже, какъ разъ въ промежутокъ между опубликованіемъ двухъ указовъ, налагавшихъ весьма важныя ограниченія на право помѣщиковъ наказывать своихъ крѣпостныхъ. Авторъ пытался доказать, что указъ 1803 г. и другіе аналогичные ему законы даютъ широкую возможность для подъема благосостоя-

---

1) № 11287.

2) Томъ III, стр. 28.

3) № 23157.

нія крестьянъ и развитія земледѣлія и промышленности. Необычный для того времени фактъ публичнаго печатнаго обсужденія подобныхъ вопросовъ и притомъ съ точки зрѣнія, благопріятной освобожденію крестьянъ, не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія, и результаты его не замедлили обнаружиться въ появленіи цѣлаго ряда произведеній, написанныхъ защитниками крѣпостного права и циркулировавшихъ въ рукописяхъ среди общества. Въ этихъ произведеніяхъ логическіе доводы замѣнялись страстностью полемическаго тона [1]) и даже статсъ-секретарь Поповъ въ запискѣ, поданной императору, называлъ опубликованіе книги Стройновскаго актомъ государственной измѣны [2]). Императоръ въ довольно рѣзкой формѣ отклонилъ эту записку, но всеобщая оппозиція освободительнымъ стремленіямъ, направленнымъ ко благу крестьянства, въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ того времени, достигла своей цѣли: крестьянскій вопросъ и на этотъ разъ не подвинулся ни на шагъ. Императоръ стремился вызвать въ средѣ дворянъ самостоятельную инициативу въ улучшеніи быта крѣпостныхъ и старался избѣгать принудительныхъ мѣропріятій, но починъ дворянства обнаружился лишь въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ мѣстные ландтаги самостоятельно подняли вопросъ о совершенной отмѣнѣ крѣпостного права, въ то время какъ правительство

[1]) Напр., „Русскій Архивъ“, 1880, II, стр. 222—27.

[2]) Чтенія моск. общ. исторіи и древност. 1860, II, стр. 133—217; 1861, III. „Русскій Архивъ“, 1864, 782—784. Къ рѣшительнымъ противникамъ всякихъ мѣропріятій по ограниченію крѣпостнаго права принадлежалъ также Карамзинъ.

настаивало лишь на устраненіи злоупотребленій и улучшеніи быта крестьянъ.

Отмѣна крѣпостного права въ прибалтійскихъ губерніяхъ вызвала нѣкоторое умственное движеніе въ Россіи, гдѣ высказывались мнѣнія за и противъ этой мѣры. Въ одномъ изъ донесеній петербургской тайной полиціи говорится, что хотя отмѣна крѣпостного права въ прибалтійскихъ губерніяхъ не могла произвести особенно сильнаго впечатлѣнія на русское общество, такъ какъ лишь немногіе знаютъ мѣстныя условія этого края и могутъ судить о совершившейся перемѣнѣ, но тѣмъ не менѣе по поводу самаго событія возникло много толковъ. Первоначально, продолжаетъ составитель донесенія, въ письмахъ помѣщиковъ изъ внутреннихъ губерній высказывались живѣйшія опасенія, но постепенно эти опасенія улеглись и утвердилось мнѣніе, что реформа крестьянскаго быта отложена на неопредѣленный срокъ; тѣмъ не менѣе, въ общемъ господствуетъ убѣжденіе, что отмѣна крѣпостного права рано ли, поздно ли, но должна состояться и у насъ въ Россіи. Лица средняго состоянія благословляютъ императора за то, что онъ не останавливается передъ различными предразсудками и устарѣлыми привилегіями, которыя нельзя согласить съ образованіемъ нынѣшняго вѣка, но нельзя сказать, чтобы того же мнѣнія держались всѣ представители другихъ классовъ[1]).

Общій тонъ этого полицейскаго доклада, въ которомъ проглядываетъ до нѣкоторой степени сочувствіе къ болѣе либеральнымъ теченіямъ, показываетъ, что

---

[1]) „Русск. Старина" 1881 г., т. XXXII, стр. 669.

тотъ, кто писалъ его, зналъ или по крайней мѣрѣ предполагалъ, что симпатіи императора находятся на сторонѣ именно этихъ теченій. Кромѣ того, есть и другія данныя, свидѣтельствующія, что императоръ снова былъ занятъ планомъ законодательнаго ограниченія и регулированія крѣпостного права, и что эти новыя попытки возбудили общее недовольство въ высшихъ слояхъ всего русскаго и въ особенности московскаго общества [1]).

Въ отвѣтъ на возраженія крѣпостниковъ и въ дополненіе къ планамъ императора тогдашній генералъ-интендантъ арміи и будущій министръ финансовъ гр. Канкринъ представилъ въ 1818 г. проектъ постепенной отмѣны крѣпостного права, согласно которому окончательная цѣль реформы — созданіе класса земледѣльцевъ-собственниковъ—должна была осуществиться черезъ 60 лѣтъ. Проектъ Канкрина является первой попыткой обстоятельной разработки вопроса и ясной формулировки тѣхъ цѣлей, которыя должны быть поставлены при проведеніи реформы [2]). Одновременно съ Канкринымъ подали составленныя ими предложенія адмиралъ Мордвиновъ и нѣсколько другихъ лицъ. Въ томъ же самомъ году появилось сочиненіе Николая Тургенева — „Теоріи налоговъ“; говоря о подушной подати, авторъ доказывалъ невыгодность крѣпостного права для государства и общества. Съ своей стороны императоръ Александръ по-

[1]) Correspondance de Christin avec la princesse Tourkestanoff, Moscou, 1883 г., стр. 496—498.

[2]) Русскій переводъ проекта, первоначально написаннаго по-французски, напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1865 годъ, стр. 542—552.

ручилъ заняться составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ графу Аракчееву, при чемъ проектъ этотъ не долженъ былъ содержать мѣръ невыгодныхъ для помѣщиковъ, такъ чтобы вся перемѣна произошла отнюдь не по принужденію со стороны власти, но скорѣе по добровольному желанію владѣльцевъ и вслѣдствіе сознанія ими собственныхъ выгодъ, совпадающихъ съ намѣреніями правительства. Аракчеевъ предложилъ выкупать на средства государства помѣщичьихъ крестьянъ съ частью обрабатываемой ими земли и ассигновать на это по 5 мил. рублей серебромъ ежегодно. Этотъ проектъ былъ одобренъ императоромъ, но не получилъ осуществленія, такъ какъ вниманіе государя вновь была отвлечено политическими событіями. Въ 1819 г. Николай Тургеневъ вручилъ императору свою записку по крестьянскому вопросу, а въ слѣдующемъ году имъ былъ представленъ проектъ организаціи общества для улучшенія быта крестьянъ и постепеннаго освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Сначала императоръ отнесся сочувственно къ мысли объ учрежденіи подобнаго общества, но вслѣдъ затѣмъ начавшееся на югѣ Европы революціонное движеніе и бунтъ въ семеновскомъ полку заставили его забыть объ освободительныхъ планахъ.

Перемѣна въ настроеніи императора не замедлила отразиться на судьбѣ всѣхъ обсуждавшихся въ то время вопросовъ. Незадолго до того витебскій генералъ-губернаторъ, герцогъ Вюртембергскій, доложилъ, что дворянство Динабурскаго уѣзда готово даровать своимъ крестьянамъ личную свободу, и въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ отъ

3 февр. 1819 г., которымъ разработка соотвѣтственнаго проекта на началахъ, принятыхъ въ крестьянскихъ положеніяхъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи была возложена на комиссію изъ мѣстныхъ дворянъ. Составленный комиссіей проектъ разсматривался въ уѣздномъ дворянскомъ собраніи, и хотя меньшинство соглашалось съ нимъ, но большинство и слышать не хотѣло о какомъ бы то ни было ограниченіи своихъ правъ въ пользу крестьянъ. Въ 1830 г. уже по волѣ императора Николая вопросъ этотъ снова возбуждался въ Динабургскомъ уѣздѣ, и снова обсужденіе его не привело ни къ какимъ результатамъ.

Въ 1820 г. вновь началось обсужденіе вопроса о запрещеніи розничной продажи крѣпостныхъ, но на первыхъ же засѣданіяхъ государственнаго совѣта стало ясно, что партія противниковъ освобожденія стала сильнѣе. Хотя гр. Кочубей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, обнаружилъ случаи самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій при продажѣ крѣпостныхъ по одиночкѣ, и комиссія законовъ съ своей стороны предлагала запретить какъ этотъ видъ продажи, такъ и продажу членовъ одной семьи разнымъ владѣльцамъ и вообще продажу крестьянъ безъ земли, государственный совѣтъ высказался въ самой рѣзкой формѣ противъ всѣхъ этихъ предложеній, какъ противъ опасныхъ новшествъ, и присоединился къ мнѣнію Шишкова, который полагалъ, что причина революціонныхъ движеній въ западной Европѣ заключается въ отмѣнѣ крѣпостного права и въ устройствѣ народныхъ школъ [1]). Россія, говорилъ

[1]) Архивъ госуд. сов., т. IV, отдѣлъ 2, стр. 323—347.

онъ, одна среди всѣхъ государствъ пользуется спокойствіемъ, довольствомъ и счастіемъ, а потому всякія перемѣны въ ней совершенно излишни и точно такъ же излишне запрещеніе отдѣльной продажи крестьянъ, потому что такая продажа можетъ даже содѣйствовать улучшенію судьбы крестьянина.

Подобныя воззрѣнія не замедлили отразиться въ практической жизни: крестьянамъ и помѣщикамъ, желавшимъ вступить въ договоръ о выкупѣ, начали ставить разнаго рода препятствія, при чемъ съ этими препятствіями пришлось считаться даже государственнымъ крестьянамъ при покупкѣ земли въ собственность [1]). Познакомившись съ попытками общихъ мѣръ, направленныхъ противъ крѣпостного права во всемъ его объемѣ или по крайней мѣрѣ противъ одной его формы—противъ владѣнія людьми безъ земли, перейдемъ къ тѣмъ ограниченіямъ, которыми пытались смягчить лишь наиболѣе грубыя проявленія крѣпостныхъ порядковъ. И здѣсь мы встрѣтимъ уже знакомое намъ явленіе. Принимались разнообразныя мѣры ограничительнаго характера, но само правительство на ряду съ подобными попытками продолжало въ другихъ своихъ дѣйствіяхъ исходить изъ представленія о неограниченной власти помѣщика, пока, наконецъ, общее теченіе, благопріятное старинѣ, не взяло верхъ, и нѣкоторыя изъ установленныхъ и уже осуществленныхъ ограниченій не были снова отмѣнены.

Мысль о неприкосновенности помѣщичьей власти проглядываетъ даже въ тѣхъ распоряженіяхъ правительства, которыя относятся къ самому началу цар-

---

[1]) Иконниковъ: Графъ Мордвиновъ, стр. 274—280.

ствованія Александра. Такъ одинъ изъ указовъ 1803 г. подверждаетъ право помѣщика получить зачетную рекрутскую квитанцію за крестьянъ, сосланныхъ въ Сибирь по обвиненію въ сопротивленіи помѣщичьей власти [1]). Въ 1809 г. были изданы подробныя правила для руководства въ дѣлахъ подобнаго рода [2]). Въ 1803 г. [3]) императоръ запретилъ отдавать крѣпостныхъ въ работу за долги помѣщика, такъ какъ „никто не долженъ подвергаться наказанію за чужую вину“. Въ данномъ случаѣ осуждалось то, что было санкціонировано закономъ въ XVII столѣтіи, когда самая личность крѣпостного считалась составною частью имущества помѣщика. Этотъ указъ не признавалъ различія между гражданскою и уголовною отвѣтственностью; поводомъ къ его изданію послужилъ одинъ судебный приговоръ, основанный на законодательныхъ постановленіяхъ и поразившій Александра своею очевидною жестокостью. Однако въ 1805 г. государь утвердилъ постановленіе сената, которымъ подтверждалось право помѣщика выбирать взамѣнъ убитаго крѣпостного любого изъ людей того владѣльца, которому принадлежалъ виновный въ убійствѣ [4]). На этотъ разъ то обстоятельство, что взятый такимъ образомъ крестьянинъ можетъ оказаться отвѣтчикомъ за чужую вину, было оставлено безъ вниманія.

Какъ въ царствованіе Павла, такъ и при Александрѣ жалобы на жестокое обращеніе помѣщиковъ доволь-

[1]) 1803 г., № 20964.

[2]) № 23668; повторены въ 1813 г., № 25391.

[3]) № 20966.

[4]) № 21961.

но часто подавались губернаторамъ, министру внутреннихъ дѣлъ и даже самому императору, несмотря на строгое запрещеніе. Запрещеніе это оставалось въ силѣ попрежнему [1]), но жалобамъ давали ходъ, назначались разслѣдованія и результаты ихъ часто обсуждались въ комитетѣ министровъ. Виновныхъ въ злоупотребленіи помѣщичьею властью отдавали подъ опеку, лишали ихъ права управлять собственными имѣніями и иногда даже запрещали жить въ этихъ имѣніяхъ. Если помѣщикъ обвинялся въ преступленіяхъ, которыя можно было подвести подъ дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ, то дѣло передавалось вѣдѣнію обыкновенныхъ судовъ, но суды оказывались въ этихъ случаяхъ очень снисходительными; въ силу господствовавшаго взгляда на характеръ помѣщичьей власти считалось неудобнымъ подводить дѣйствія помѣщика по отношенію къ крестьянамъ подъ мѣрку обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій и, въ ожиданіи пока на этотъ счетъ будутъ изданы спеціальные законы, помѣщиковъ судили лишь за превышеніе власти. Въ виду этого императоръ часто передавалъ подобныя дѣла на рѣшеніе дворянскихъ собраній, которыя всегда произносили чрезвычайно суровые приговоры, такъ что самъ императоръ находилъ иногда нужнымъ смягчать ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе опредѣлялось по особому Высочайшему повелѣнію, въ другихъ — приговоръ постановлялся государственнымъ совѣтомъ, что, такъ же какъ и рѣшеніе дѣла въ дворянскихъ собраніяхъ,

[1]) Только въ 1819 г. указомъ отъ 2-го января (№ 27618) полиціи было запрещено останавливать подачу жалобъ императору во время его поѣздокъ.

влекло за собой весьма тяжелыя слѣдствія для обвиняемаго [1]). Иногда, наконецъ, все дѣло ограничивалось простымъ запрещеніемъ допущенныхъ злодѣяній на будущее время, хотя бы даже помѣщичьи насилія оканчивались не преднамѣренною смертью крестьянина [2]). Такъ какъ до свѣдѣнія императора дошло, что благія намѣренія правительства о заселеніи южной Сибири приводятъ „благодаря небрежности исполнителей“ къ полному разоренію и гибели ссылаемыхъ, то въ виду этого 23 января 1803 г. состоялся указъ, которымъ предписывалось „впредь до подробнаго изслѣдованія дѣла“ находящихся въ пути преступниковъ направлять въ другія мѣста и прекратить до дальнѣйшаго распоряженія пріемъ крѣпостныхъ, отправляемыхъ въ ссылку помѣщиками [3]). Но такъ какъ дальнѣйшихъ распоряженій не послѣдовало, а только что цитированный указъ не содержалъ прямого отрицанія права помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе и на каторгу, то помѣщики продолжали пользоваться этимъ правомъ, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны мѣстныхъ властей. Съ давнихъ поръ администрація привыкла выбирать изъ множества взаимно-противорѣчивыхъ и другъ друга ограничивающихъ указовъ только то, что соотвѣтствовало въ данный моментъ ея видамъ, игнорируя все остальное. Очень часто такой образъ дѣйствія вполнѣ удавался, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда на этомъ особенно настаивалъ самъ

[1]) № 20217 и № 20576 отъ 1808 г. и Архивъ госуд. сов., т. III и IV, № 26603 и 26781 отъ 1817 г.

[2]) № 23708.

[3]) № 20119.

императоръ или кто-нибудь изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, при выработкѣ новыхъ указовъ принимались къ руководству такъ же и другія прежнія постановленія, не совпадавшія съ основными идеями новаго законопроекта. Даже при изложеніи мотивовъ къ новымъ узаконеніямъ заботились лишь о томъ, чтобы какъ-нибудь съ чисто-формальной стороны обосновать ихъ содержаніе, и ради этой цѣли одни изъ существующихъ постановленій обходили молчаніемъ, а другимъ приписывали черезчуръ широкое значеніе. Тотъ же самый методъ былъ примѣненъ и при рѣшеніи вопроса объ ограниченіи карательной власти помѣщиковъ. Въ 1807 г. новгородское губернское правленіе передало въ распоряженіе адмиралтейской коллегіи, на основаніи указа Екатерины отъ 8-го января 1765 г., крѣпостного человѣка одной помѣщицы съ тѣмъ, чтобы его, согласно желанію помѣщицы, сослали на 20 лѣтъ въ каторжныя работы для удержанія отъ дерзостныхъ поступковъ. Адмиралтейская коллегія запросила сенатъ, сохраняетъ ли названный указъ свою силу въ настоящее время, и сенатъ предписалъ „поступить въ точности согласно указу“. Но государственный совѣтъ, разсматривая въ свою очередь это дѣло, не согласился съ мнѣніемъ сената и нашелъ, что указъ 1765 г. не можетъ имѣть никакого значенія, послѣ того какъ были изданы „учрежденіе о губерніяхъ“ и другіе соотвѣтственные законы; съ тѣхъ поръ для исправленія людей дурного поведенія были учреждены смирительные дома и иныя мѣста заключенія; каторжныя работы были оставлены лишь для тяжкихъ преступниковъ вродѣ убійцъ, а за меньшія преступ-

ленія установлена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговорамъ судовъ; въ виду всего этого государственный совѣтъ находилъ необходимымъ отмѣнить постановленіе сената и рѣшать впредь подобныя дѣла сообразно новѣйшимъ законамъ [1]).

Разсужденіе о томъ, что право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ на каторгу и на поселеніе было уничтожено „учрежденіемъ о губерніяхъ", врядъ ли можно признать основательнымъ, такъ какъ извѣстны документально засвидѣтельствованные случаи ссылки крестьянъ въ Сибирь по требованію ихъ владѣльцевъ и послѣ введенія губернскихъ учрежденій 1775 г.; наконецъ, въ 1799 г. помѣщикамъ опредѣленно было предоставлено это право на извѣстныхъ условіяхъ. Скорѣе право ссылать крѣпостныхъ на каторгу было отмѣнено, и притомъ навсегда, именно на основаніи изложеннаго постановленія государственнаго совѣта; что же касается до права ссылать своихъ людей на поселеніе, то оно оставалось въ силѣ и въ послѣдующее время, какъ показываетъ слѣдующій примѣръ. Тверской генералъ-губернаторъ, принцъ Георгъ Ольденбургскій, пріостановилъ дѣло о ссылкѣ одного крѣпостного по желанію помѣщицы и передалъ его на благоусмотрѣніе императора. По этому поводу въ указѣ отъ 5-го іюля 1811 г. [3]) послѣдовало подробное разъясненіе, въ какихъ предѣлахъ должно быть признаваемо за помѣщиками право наказывать крѣпостныхъ. Содержаніе указа сводится къ слѣдующему. Ссылка крѣпостныхъ по желанію

---

1) № 23530 отъ 1808 г.

2) № 19157.

3) № 24707.

помѣщиковъ должна быть отличаема отъ принимаемой въ видѣ мѣры наказанія ссылки на поселеніе. Послѣдняя, равно какъ и ссылка на каторгу, изъята изъ вѣдѣнія помѣщиковъ „учрежденіемъ о губерніяхъ" и можетъ примѣняться только къ лицамъ обвиненнымъ въ уголовныхъ преступленіяхъ по приговорамъ судовъ, и притомъ помимо всякаго участія помѣщиковъ, не иначе, какъ на точномъ основаніи законовъ. За меньшія преступленія власти могутъ безъ судебнаго разбирательства, по просьбѣ помѣщика, подвергать крѣпостныхъ легкому тѣлесному наказанію или заключенію въ арестномъ или рабочемъ домѣ, но отнюдь не ссылать въ Сибирь, при чемъ даже въ этихъ случаяхъ помѣщикъ долженъ всегда указывать причину наказанія. Ссылка, какъ наказаніе по суду, должна быть отличаема отъ поселенія въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ по волѣ правительства; примѣромъ послѣдняго можетъ служить заселеніе южной Сибири людьми, которые не виновны ни въ какихъ преступленіяхъ. Указами отъ 11-го мая 1765 г. и отъ 17-го октября 1799 г. было дозволено принимать для поселенія помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ зачетомъ ихъ въ рекруты только на этомъ послѣднемъ основаніи.

Какъ ни почтенна сама по себѣ та цѣль, которую имѣли въ виду при изданіи изложеннаго указа, но все-таки нельзя не замѣтить, что этотъ указъ находился въ полномъ противорѣчіи съ не отмѣненными законами. Какъ мы уже упоминали выше, то положеніе, что помѣщики никогда не пользовались правомъ назначать своимъ крѣпостнымъ высшія степени наказаній, лишено всякихъ основаній. Оно опровер-

гается самымъ текстомъ указа, гласящимъ, что помѣщики имѣли право ссылать „порочныхъ и злонамѣренныхъ людей, которые не могутъ быть терпимы въ гражданскомъ обществѣ“. Эти самыя слова свидѣтельствуютъ о существованіи у помѣщиковъ карающей власти съ весьма широкими предѣлами, доходившей до степени полнаго произвола въ опредѣленіи того, что надо считать порочнымъ и нетерпимымъ въ средѣ гражданскаго общества. Утвержденіе, будто южная Сибирь заселялась людьми, не обвиненными ни въ какихъ преступленіяхъ, противорѣчитъ указамъ прежнихъ государей и указу самого Александра отъ 1802 г., которымъ ссылка помѣщичьихъ крестьянъ была прекращена, при чемъ въ текстѣ этого указа говорилось именно о ссылаемыхъ преступникахъ. Несмотря на тѣ мотивы, которые были приведены въ указѣ 5 іюля 1811 года, право помѣщиковъ наказывать ссылкою своихъ крѣпостныхъ никогда не подвергалось сомнѣнію ни на практикѣ, ни въ позднѣйшемъ законодательствѣ, и существованіе этого указа съ его мотивировкою ничуть не помѣшало предоставить 30 сент. 1812 г. [1]) управляющимъ удѣльныхъ имѣній право отправлять въ Сибирь на поселеніе „безъ судебнаго приговора“ крестьянъ, виновныхъ въ дурномъ поведеніи и не годящихся для военной службы. Прошло еще немного времени, и то самое право, существованіе котораго отрицалось изъ принципіальныхъ соображеній даже въ прошломъ, было снова возстановлено: теченіе въ пользу старины было еще такъ сильно, связь адми-

[1]) 28954.

нистративнаго и правительственнаго строя съ крѣпкою помѣщичьею властью оставалась еще настолько прочной, что старыя правила, казалось, только-что навсегда погребенныя, воскресли снова и заняли свое мѣсто въ правительственныхъ указахъ. Черезъ 11 лѣтъ, 3 марта 1822 г. [1]), право ссылать своихъ людей въ Сибирь на поселеніе было снова предоставлено помѣщикамъ, правда, безъ зачета ссылаемыхъ въ рекруты. Поводомъ къ этому новому распоряженію послужилъ случай, словно нарочно разсчитанный на то, чтобы возбудить сомнѣніе въ пригодности подобной мѣры. Двое дворовыхъ были ***заподозрѣны въ намѣреніи*** отравить свою помѣщицу. За полнымъ отсутствіемъ уликъ дѣло передали совѣстному суду; послѣдній въ виду того, что сами обвиняемые не сознавались, и вина ихъ не могла быть доказана инымъ путемъ, а на основаніи опроса всей дворни по повальному обыску о нихъ получены были лишь благопріятные отзывы, постановилъ ***зачесть имъ въ наказаніе*** состояніе подъ судомъ и слѣдствіемъ. Помѣщикъ, желая избавиться отъ этихъ „неблагонамѣренныхъ" людей, передалъ ихъ въ распоряженіе уѣзднаго суда, изъявляя готовность отдать ихъ даже безъ зачета въ рекруты. Уѣздный судъ постановилъ, на основаніи указовъ отъ 13 дек. 1760 г., отъ 10 февр. 1763 г. и 30 сент. 1812 г., сослать ихъ въ Сибирь. Но губернское правленіе нашло, что такое рѣшеніе суда противорѣчитъ указу отъ 5 іюля 1811 года, и приказало вернуть дворовыхъ помѣщику, предоставивъ ему сдать ихъ въ рекруты. Одинъ

[1]) 28954.

изъ нихъ дѣйствительно былъ принятъ на службу, но другой оказался негоднымъ по старости. Тогда помѣщикъ подалъ прошеніе въ сенатъ и, ссылаясь на заботу о личной безопасности, ходатайствовалъ, чтобы казна взяла у него заподозрѣннаго двороваго, при чемъ онъ съ своей стороны отказывался отъ права на полученіе зачетной рекрутской квитанціи. Въ виду прямого противорѣчія этой просьбы указу 1811 г. въ первомъ департаментѣ сената при разсмотрѣніи ея не состоялось единогласнаго рѣшенія, и дѣло было перенесено въ общее собраніе сената, „которое, по соображеніи обстоятельствъ дѣла сего съ законами, признало справедливымъ: на Родіонова (двороваго, о ссылкѣ котораго просилъ помѣщикъ) равно и на прочихъ ему подобныхъ, коихъ помѣщики за пьянство и другіе продерзостные поступки, причиняющіе имъ безпокойства, имѣть при себѣ не пожелаютъ и кои къ воинской службѣ окажутся неспособными, распространить силу указовъ 10 февр. 1765 г. и 30 сент. 1812 г.“. Указъ 30 сентября 1812 г. дѣйствительно подходилъ къ данному случаю, потому что онъ давалъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія удѣльными имѣніями, право ссылать крестьянъ въ Сибирь. Что же касается до указа 10 февр. 1763 г., то въ немъ говорится о совершенно иныхъ вопросахъ. Согласно этому послѣднему указу, могли быть отправляемы въ ссылку тѣ изъ лицъ простого званія, которыя, будучи обвинены въ какомъ-либо преступленіи, останутся въ сильномъ подозрѣніи по повальному обыску, при условіи, что никто не захочетъ поручиться за нихъ. Въ настоящемъ случаѣ всѣ свидѣтельства, полученныя при повальномъ обыскѣ, ока-

зались въ пользу обвиняемаго, и сверхъ того совѣстный судъ зачелъ ему въ наказаніе (хотя и неизвѣстно за что) пребываніе подъ судомъ и слѣдствіемъ, и все дѣло сводилось къ тому, что помѣщикъ хотѣлъ избавиться отъ заподозрѣннаго лица. Та мѣра, которая устанавливалась указомъ 1763 г. на случай, если обвиняемый останется въ подозрѣніи по показаніямъ всѣхъ знающихъ его лицъ, была распространена безъ дальнѣйшихъ разсужденій на всѣхъ крестьянъ, дурное поведеніе которыхъ удостовѣрено лишь мнѣніемъ одного помѣщика. Государственный совѣтъ утвердилъ рѣшеніе сената и прибавилъ только, согласно заявленію самого владѣльца, что впредь за принимаемыхъ въ ссылку крестьянъ не слѣдуетъ выдавать зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій. Мнѣніе государственнаго совѣта было утверждено императоромъ.

Со времени „учрежденія о губерніяхъ" ссылка крѣпостныхъ на поселеніе происходила слѣдующимъ порядкомъ: помѣщикъ обращался съ соотвѣтственной просьбой въ судъ или въ полицейское управленіе и рѣшеніе, постановленное однимъ изъ этихъ двухъ учрежденій, утверждалось губернаторомъ, при чемъ послѣдній могъ пересмотрѣть дѣло и вступиться въ пользу ссылаемаго. Такъ какъ въ указѣ отъ 3-го марта 1822 г., которымъ было возстановлено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ, не было сказано, что по дѣламъ о ссылкѣ крестьянъ согласно указанію владѣльцевъ долженъ постановляться судебный приговоръ или должно производиться слѣдствіе, то сенатъ въ слѣдующемъ 1823 г. [1]) предписалъ, чтобы

---

[1]) № 29507.

всѣ подобныя просьбы направлялись впредь въ губернское правленіе, которое обязано немедленно приводить ихъ въ исполненіе. Такимъ образомъ провѣрка основательности прошеній, предъявляемыхъ владѣльцами, была прямо запрещена, и вмѣсто ограниченія помѣщичьяго произвола для него былъ открытъ еще болѣе широкій просторъ. Теперь ссылка крестьянъ окончательно получила характеръ наказанія, не признававшійся болѣе ранними указами. Раньше старались сохранить по крайней мѣрѣ внѣшній видъ заботы о колонизаціи Сибири и принимали для поселенія людей не старше 45 лѣтъ. Теперь это ограниченіе по возрасту было признано лишнимъ, и его происхожденіе стали объяснять существовавшимъ раньше порядкомъ зачета ссылаемыхъ въ рекруты; такъ какъ этотъ порядокъ былъ уничтоженъ, то и оказалось возможнымъ принимать въ ссылку людей всякаго возраста [1]); на помѣщиковъ была возложена единственная обязанность, которая, впрочемъ, признавалась за ними и прежде,—обязанность обезпечить содержаніе ссылаемыхъ во время пути къ мѣстамъ будущаго жительства [2]).

Отъ помѣщичьяго гнета, когда онъ становился невыносимымъ, крестьяне попрежнему спасались обычнымъ средствомъ—побѣгами; они бѣжали въ Астрахань, въ Новороссію, позднѣе въ Бессарабію, однимъ словомъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и гдѣ они находили радушный пріемъ и готовое убѣжище отъ полицейскихъ

---

1) № 29824 отъ 29 февр. 1824 г

2) № 29930.

преслѣдованій. Указы о бѣглыхъ повторялись снова, заботы о ихъ поимкѣ были возложены на министерство полиціи, и снова устанавливались наказанія за укрывательство и назначались сроки для добровольной выдачи бѣглыхъ подъ условіемъ безнаказанности выдающихъ. Временами количество бѣглыхъ въ Астраханской губерніи, въ Новороссіи и Бессарабіи оказывалось настолько значительнымъ, что правительство, въ интерасахъ колонизаціи края, бывало вынуждено разрѣшать тѣмъ изъ бѣглыхъ, которые прожили на новыхъ мѣстахъ въ теченіе опредѣленнаго срока, оставаться тамъ и на будущее время и требовало возвращенія только болѣе позднихъ пришельцевъ; за оставшихся ихъ прежнимъ владѣльцамъ выдавались отъ правительства рекрутскія зачетныя квитанціи или денежное вознагражденіе отъ частныхъ лицъ, на чьихъ земляхъ были поселены бѣглые. Число бѣглыхъ постоянно колебалось въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ; иногда распространялись безъ всякаго основанія слухи о какой-то раздачѣ земель, и тогда побѣги становились особенно частыми. Крупныхъ крестьянскихъ волненій въ царствованіе Александра не было, хотя участь крѣпостныхъ и не стала лучше несмотря на многочисленныя попытки реформъ; оппозиція противъ существующаго порядка выражалась только правильно повторявшимися случаями неповиновенія и насилія противъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, убійствами и поджогами дворянскихъ усадебъ. Болѣе значительные безпорядки относятся къ промежутку 1812—1820 г., когда слухи о готовящемся освобожденіи проникли даже въ крестьянскую среду.

ГЛАВА VII.

Ограниченіе крѣпостного права при Николаѣ I.

Въ самомъ началѣ царствованія императора Николая I между крестьянами стали снова распространяться слухи о томъ, что они получатъ землю и свободу отъ податей и повинностей. Вслѣдствіе этихъ слуховъ возникли значительныя волненія, и черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ вступленія на престолъ новаго государя былъ опубликованъ манифестъ 12 мая 1826 года[1]), которымъ возвѣщалось, что всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей и помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ отъ власти господъ измышлены злонамѣренными людьми, что всѣ крестьяне должны безпрекословно исполнять возложенныя на нихъ закономъ обязанности и повиноваться установленнымъ властямъ, что всякое дальнѣйшее неповиновеніе будетъ наказано самымъ строгимъ образомъ, и такъ какъ императору, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, были поданы неосновательныя прошенія, то составители и переписчики подобныхъ прошеній будутъ подвергаться самому суровому наказанію. Въ то же самое время однако двумя рескриптами, данными на имя министра внутреннихъ дѣлъ (19 іюня и 6 сентября того же года), дворянамъ предписывалось „христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами“, такъ какъ до свѣдѣнія государя дошли примѣры нарушенія помѣщиками обя-

[1]) II Полное Собраніе Законовъ № 330.

занностей христіанина и вѣрноподданнаго. Предводителямъ дворянства вмѣнялось въ обязанность заботиться о предупрежденіи подобныхъ проступковъ со стороны дворянъ, и въ то же время были изданы вошедшія впослѣдствіи въ сводъ законовъ правила о возбужденіи преслѣдованія противъ помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крѣпостными.

Въ томъ же 1826 г., 6 декабря, былъ учрежденъ секретный комитетъ для пересмотра законовъ, касающихся различныхъ отраслей государственнаго управленія, и предсѣдателемъ его назначенъ графъ Кочубей [1]). Сперанскій, вошедшій въ составъ комитета, представилъ обширную и написанную съ большимъ знаніемъ дѣла записку о положеніи крестьянъ, о причинахъ крѣпостного права и его значеніи въ современной жизни государства и о мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты сначала для улучшенія быта крестьянъ, а потомъ для постепенной отмѣны крѣпостного права. Первый шагъ въ этомъ направленіи долженъ состоять, по мнѣнію автора записки, въ болѣе правильномъ и прочномъ устройствѣ быта казенныхъ крестьянъ. При существующихъ условіяхъ, говорилъ Сперанскій, они бѣднѣютъ и разоряются. Лежащія на нихъ повинности точно не установлены и распредѣлены неравномѣрно. Земскіе исправники фактически являются господами государственныхъ крестьянъ, и если съ одной стороны ихъ власть и не такъ безпредѣльна, какъ власть настоящихъ помѣщиковъ, потому что крестьяне имѣютъ право жало-

---

[1]) Бумаги, относящіяся до дѣятельности этого комитета, напечатаны въ 74-мъ и 90-мъ томахъ Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества. *Ред.*

ваться на нихъ, то съ другой стороны у нихъ нѣтъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ и заботиться о нихъ. Когда положеніе государственныхъ крестьянъ будетъ урегулировано, тогда явится возможность установленные по отношенію къ нимъ законы распространить съ нѣкоторыми измѣненіями на крестьянъ крѣпостныхъ. Но прежде всего слѣдуетъ заняться реорганизацій земской полиціи: при томъ состояніи исполнительныхъ органовъ, въ какомъ они находились въ то время, изданіе новыхъ законовъ было бы безполезнымъ. Приступая къ осуществленію этихъ широкихъ реформъ, надо упростить порядокъ выхода на волю крѣпостныхъ крестьянъ. Комитетъ отнесся очень холодно ко всѣмъ предложеніямъ, направленнымъ въ пользу крестьянъ, и настаивалъ главнымъ образомъ на необходимости торжественно провозгласить неприкосновенность права собственности помѣщиковъ на владѣемую ими землю, а также незыблемость крѣпостного права, хотя бы его и пришлось подвергнуть нѣкоторому урегулированію. Такъ, комитетъ отклонилъ записку маркиза Паулуччи объ ограниченіи ссылки помѣщичьихъ людей и другое предложеніе—о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли. По мнѣнію комитета, всѣ мѣропріятія подобнаго рода не слѣдовало издавать особо, а надлежало включить въ составъ общаго закона „о состояніяхъ", въ которомъ предстояло затронуть права всѣхъ вообще сословій, не касаясь въ отдѣльности крѣпостныхъ крестьянъ; напротивъ, переустройство быта государственныхъ крестьянъ, по мнѣнію комитета, слѣдовало поставить на первую очередь въ ближайшее время. Выработанный комитетомъ проектъ закона „о состоя-

ніяхъ" былъ представленъ въ государственный совѣтъ и послѣ подробнаго обсужденія одобренъ большинствомъ совѣта. Первоначальное предложеніе Сперанскаго о законодательномъ регулированіи быта крѣпостныхъ такимъ образомъ отступило на второй планъ и разсматривалось лишь какъ часть болѣе общаго законопроекта. По волѣ императора этотъ проектъ былъ отосланъ на разсмотрѣніе великому князю Константину Павловичу [1]). Великій князь высказался въ пользу болѣе зрѣлаго обсужденія проектируемыхъ мѣръ и замѣтилъ, что лучшая охрана для основныхъ законовъ страны—ихъ древность, что всякаго рода нововведенія надо принимать съ большою осторожностью, особенно въ тѣхъ случаяхъ какъ настоящій, когда предлагаемый проектъ касается сразу весьма многихъ предметовъ, вслѣдствіе чего оцѣнка пользы и значенія новаго закона становится особенно затруднительной. По мнѣнію великаго князя такая оцѣнка была бы значительно легче, если бы различныя мѣры, вошедшія въ проектъ общаго закона, принимались каждая въ отдѣльности. По поводу этихъ замѣчаній императоръ прибавилъ отъ себя, что выраженная въ нихъ мысль была также и его мыслью, но что представленныя ему причины оказались столь уважительными, что онъ долженъ былъ уступить общему мнѣнію. Государственный совѣтъ выработалъ новыя подробныя объясненія къ проекту, и они были представлены императору, но въ это время разразилась іюльская революція, а вслѣдъ за ней—возстаніе въ Польшѣ.

---

[1]) Въ Варшаву, гдѣ въ то время жилъ вел. кн. Константинъ въ качествѣ главнаго начальника польскихъ войскъ. *Ред.*

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно вслѣдствіе этихъ событій остановилось осуществленіе проекта, составленнаго комитетомъ 6-го декабря. Нѣкоторыя части его, въ измѣненномъ видѣ, были изданы позднѣе отдѣльными законами, но всѣ предложенія въ пользу крѣпостныхъ, въ томъ числѣ и запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли и упрощеніе процедуры выхода на волю, оказались отложенными на неопредѣленный срокъ.

Изданіе свода законовъ имѣло весьма важное значеніе для положенія крѣпостныхъ крестьянъ: въ первый разъ всѣ постановленія закона, которыми опредѣлялась сущность крѣпостного права, были собраны вмѣстѣ и сопоставлены, и въ то же время впервые точно формулированы ограниченія, налагаемыя дѣйствующимъ правомъ на помѣщичью власть. Крѣпостное право оставалось по существу неизмѣннымъ, помѣщичья власть и по содержанію и по объему не отличалась отъ прежней, и помѣщикъ по-старому являлся по отношенію къ крестьянамъ представителемъ верховной власти, облеченнымъ всѣми прерогативами патріархальнаго начальника, и тѣмъ не менѣе, благодаря простому перечню существующихъ ограниченій помѣщичьяго произвола, эти ограниченія получали болѣе опредѣленное значеніе и становились болѣе замѣтными, такъ что исчезала возможность игнорировать или отрицать ихъ существованіе. Сверхъ того, въ сводѣ были сдѣланы нѣкоторые новые выводы изъ существовавшихъ раньше ограничительныхъ законовъ, и такимъ образомъ прежній произволъ становился болѣе невозможнымъ.

Во главѣ законодательныхъ опредѣленій, посвящен-

ныхъ крѣпостнымъ крестьянамъ, было поставлено требованіе „безпрекословнаго повиновенія“ крестьянъ помѣщику. Однако при этомъ категорически было выражено, что это повиновеніе должно простираться лишь до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ не станетъ принуждать крестьянъ къ какимъ-либо противозаконнымъ поступкамъ; за исполненіе подобныхъ приказаній крѣпостной подлежалъ отвѣтственности, какъ за участіе въ преступленіи. Право помѣщиковъ подвергать наказанію крѣпостныхъ было ограничено оговоркою, что наказаніе не должно сопровождаться увѣчьемъ или угрожать жизни наказываемаго. Далѣе, нѣкоторому ограниченію подверглось право владѣльцевъ ссылать своихъ людей въ Сибирь. Правительственныя учрежденія попрежнему не должны были заниматься изслѣдованіемъ или провѣркою обвиненія, за которое ссылали крѣпостныхъ, но помѣщичій произволъ умѣрялся до нѣкоторой степени новыми требованіями, предъявлявшимися къ владѣльцамъ ссылаемыхъ крестьянъ: было объявлено, что помѣщикъ долженъ передавать въ распоряженіе губернскаго правленія, вмѣстѣ съ назначеннымъ въ ссылку крѣпостнымъ, также его жену и дѣтей и вносить извѣстную сумму на ихъ содержаніе въ пути; подати за отправленныхъ въ ссылку платилъ до ближайшей ревизіи самъ помѣщикъ, а выдача зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій на будущее время прекращалась. Отъ губернскаго правленія зависѣла дальнѣйшая участь крѣпостныхъ, переданныхъ въ его распоряженіе, послѣдніе могли быть зачислены и въ военную службу. Въ случаѣ убійства крѣпостного чужимъ крестьяниномъ помѣщикъ имѣлъ право лишь на ма-

теріальное вознагражденіе, а отнюдь не на выдачу ему самого убійцы или другого крестьянина, принадлежавшаго господину убійцы. Включая это постановленіе въ сводъ законовъ, составители его разъ навсегда покончили со старымъ воззрѣніемъ на крѣпостного, какъ на неодушевленный предметъ. Другая статья свода, гласившая, что по уголовнымъ дѣламъ крѣпостные имѣютъ право давать свидѣтельскія показанія подъ присягой, положила начало признанію за ними правъ юридической личности. По уголовнымъ дѣламъ они подлежали вѣдѣнію общихъ судовъ, по дѣламъ о сопротивленіи помѣщичьей власти — вѣдѣнію военныхъ судовъ. Нѣкоторыя постановленія свода благопріятныя крѣпостнымъ, какъ напримѣръ запрещеніе принуждать ихъ къ вступленію въ бракъ, остались мертвою буквой; въ другихъ такъ же рѣзко, какъ и въ прежнее время, проглядывало старое воззрѣніе на неограниченный характеръ помѣщичьей власти. Такъ, напримѣръ, всякая жалоба на помѣщика, въ особенности если ее приносили на имя императора, разсматривалась какъ возмущеніе противъ законной власти, и за подачу ея грозило суровое наказаніе. Только доносы о сокрытіи душъ при ревизіи и о государственной измѣнѣ принимались во всякое время, и если доносъ оказывался вѣрнымъ, крѣпостной, который подалъ его, получалъ свободу.

Характеръ и размѣръ крестьянскихъ повинностей опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по произволу помѣщика, и нѣкоторый предѣлъ этому произволу существовалъ лишь въ извѣстномъ законѣ о трехдневной барщинѣ и о соблюденіи большихъ праздниковъ. Праздники дѣйствительно соблюдались самими

помѣщиками, что же касается до трехдневной барщины, то контроль полиціи надъ выполненіемъ этого постановленія закона оставался попрежнему совершенно фиктивнымъ, а крестьяне не имѣли права жаловаться на его нарушеніе. Помѣщикъ могъ взять любого крестьянина отъ земли, перечислить его въ дворовые и употреблять для своихъ личныхъ услугъ или же отдать въ услуженіе къ кому-нибудь другому подъ условіемъ уплаты оброка. Печатаніе газетныхъ объявленій о продажѣ крѣпостныхъ по одиночкѣ, продажа ихъ съ молотка или на ярмаркахъ были строго воспрещены, но внѣ этихъ формъ розничная продажа крѣпостныхъ косвеннымъ образомъ разрѣшалась. До нѣкоторой степени она ограничивалась запрещеніемъ раздѣлять при продажѣ семьи крѣпостныхъ, но тѣмъ не менѣе отдѣльные случаи подобной торговли людьми повторялись почти до самой отмѣны крѣпостного права. Владѣніе крѣпостными составляло привилегію потомственныхъ дворянъ. Если крѣпостные доставались по наслѣдству лицамъ другихъ сословій, то имъ давали вольныя, а казна назначала денежное вознагражденіе владѣльцамъ; если же переходъ крѣпостныхъ во владѣніе лицъ не дворянскаго происхожденія совершался незаконнымъ путемъ, то крѣпостныхъ отпускали на волю безъ всякаго вознагражденія хозяевамъ имѣній. Случаи, подобные указаннымъ, подали поводъ къ появленію массы спеціальныхъ разъясненій относительно примѣненія соотвѣтственныхъ статей закона, и во всѣхъ этихъ разъясненіяхъ проглядываетъ стремленіе законодателя по возможности ограничить отдѣльную продажу крѣпостныхъ и облегчить имъ выходъ на волю; это же

стремленіе сказывается и въ постепенномъ ограниченіи права владѣть крѣпостными. Въ 1841 г. [1]) покупка крѣпостныхъ была совершенно запрещена потомственнымъ дворянамъ, не владѣющимъ землею, но тѣмъ не менѣе до самой отмѣны крѣпостного права встрѣчались крестьяне, приписанные не къ землѣ, а къ домамъ своихъ владѣльцевъ и даже такіе, которые вовсе не были приписаны къ какому-либо недвижимому имуществу.

Въ 1842 г. [2]) бывшимъ крѣпостнымъ, получившимъ дворянство, запрещена покупка тѣхъ имѣній, къ которымъ они сами были приписаны въ качествѣ крѣпостныхъ. Фактическій надзоръ за примѣненіемъ наказаній, назначаемыхъ помѣщиками, былъ усиленъ, а въ 1845 г. [3]) съ изданіемъ новаго уложенія о наказаніяхъ права владѣльцевъ въ этомъ отношеніи подверглись нѣкоторому законодательному ограниченію вслѣдствіе установленія максимальныхъ размѣровъ тѣлеснаго наказанія и продолжительности ареста. Отдѣльныя постановленія направленныя къ ограниченію помѣщичьяго произвола, дѣлались все многочисленнѣе, но единственная надежная гарантія противъ всяческихъ правонарушеній — право судебной жалобы—попрежнему не давалась крестьянамъ. Взамѣнъ ея подтверждалась обязанность полиціи оказывать крестьянамъ защиту противъ владѣльцевъ, когда это окажется нужнымъ, и обязанность предводителей отдавать подъ опеку дворянъ, виновныхъ въ истя-

1) № 14152.
2) № 15657.
3) № 19640 ст. 1680.

занія или разоренія своихъ крѣпостныхъ. Крѣпостные не имѣли права владѣть недвижимою собственностью, но имъ предоставлялось съ согласія помѣщика устраивать фабрики и заводы, вести торговлю и брать на себя казенные подряды; сдѣлки съ частными лицами они могли заключать даже не спрашиваясь предварительно у помѣщика. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крѣпостнымъ разрѣшалось подавать жалобы по своимъ дѣламъ. Жалобы принимались отъ нихъ также по дѣламъ о возстановленіи правъ свободнаго состоянія. Право доказывать свое происхожденіе отъ свободныхъ людей и требовать на этомъ основаніи выдачи себѣ вольной не подлежало дѣйствію законовъ о давности. Но страннымъ образомъ и вопреки общей тенденціи законодательства въ одномъ изъ сенатскихъ толкованій отъ 1832 г. было установлено, что и право владѣльца на крѣпостного человѣка не можетъ быть уничтожено въ силу давности. Это была новая попытка защиты старой помѣщичьей власти со стороны ея приверженцевъ противъ мѣропріятій правительства и, такъ же какъ и раньше, въ интересахъ такой защиты прибѣгли къ интерпретаціи закона.

Въ XVII столѣтіи крѣпостное право было введено, какъ средство понужденія крестьянъ къ отбыванію государственныхъ повинностей, и тогда же, въ виду государственно-правового характера этого учрежденія, крѣпостное состояніе было признано незыблемымъ и неподлежащимъ уничтоженію въ зависимости отъ времени; въ концѣ XVIII столѣтія была провозглашена неуничтожаемость и неотъемлемость правъ свободнаго состоянія, послѣ того какъ государственная власть увидѣла въ этомъ необходимое условіе выполненія

обязанностей гражданина передъ государствомъ. Крѣпостное право еще не было отмѣнено, но уже утратило свое прежнее политическое значенiе и сдѣлалось институтомъ частнаго права, и въ виду этого къ нему можно было съ полною справедливостью примѣнить законы о давности. И дѣйствительно, это воззрѣнiе господствовало въ судебной практикѣ въ теченiе почти полустолѣтiя, пока не состоялся указъ сената 14 ноября 1832 г.[1]), который устанавливалъ путемъ интерпретацiи одного прежняго закона, что права владѣльца на крѣпостного человѣка не могутъ считаться уничтоженными за силою давности. Основанiемъ для сенатскаго указа послужило Высочайше утвержденное мнѣнiе государственнаго совѣта отъ 14 iюля 1810 г.[2]), гласившее, что въ виду трудностей, съ которыми сопряжено разыскиванiе бѣглыхъ, принятыхъ въ военную службу, помѣщики и крестьянскiя общества, независимо отъ сроковъ давности, имѣютъ права на полученiе рекрутскихъ квитанцiй за такихъ бѣглыхъ, если только о побѣгѣ было заявлено своевременно. Отсюда сенатъ сдѣлалъ общiй выводъ, что права владѣльцевъ на крѣпостныхъ не могутъ прекращаться за истеченiемъ срока давности. Какъ ни невѣроятно подобное толкованiе, оно было признано основательнымъ, и, благодаря ему, въ законодательство былъ проведенъ новый взглядъ на характеръ крѣпостной зависимости, какъ учрежденiя, не подлежащаго дѣйствiю общихъ законовъ о давности.

1) № 5748.

2) № 24296.

Въ тридцатыхъ годахъ началась реорганизація быта государственныхъ крестьянъ, предложенная еще Сперанскимъ и такъ настойчиво рекомендованная комитетомъ 6-го декабря. Въ лицѣ генерала (позднѣе графа) Киселева, занимавшагося уже переустройствомъ Дунайскихъ княжествъ и въ частности регулированіемъ отношеній между тамошними землевладѣльцами и крестьянами, императоръ Николай нашелъ человѣка, взгляды котораго въ крестьянскомъ вопросѣ совершенно совпадали съ его собственными, и который готовъ былъ не переступать въ этомъ дѣлѣ однажды указанныхъ ему границъ. Въ 1834 г. государь сообщилъ Киселеву, что онъ занятъ разработкой труднѣйшихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ достаться на долю наслѣдника престола, и что онъ считаетъ „должнымъ передать ихъ сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи“. Дѣло шло о подготовкѣ общей отмѣны крѣпостного права, и въ этомъ-то дѣлѣ государь пожелалъ воспользоваться помощью Киселева. Въ 1835 г. былъ учрежденъ второй, секретный комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій и наименованій. Въ этотъ комитетъ, членами котораго были кн. Васильчиковъ, гр. Сперанскій, министръ финансовъ гр. Канкринъ, мин. юстиціи Дашковъ и Киселевъ, Канкринъ внесъ проектъ устройства государственныхъ крестьянъ, разработанный въ министерствѣ финансовъ. Проектъ этотъ значительно отличается отъ первоначальныхъ плановъ Канкрина по тому же предмету. О постепенномъ выкупѣ казенными крестьянами владѣемой ими земли въ полную собственность въ новомъ проектѣ уже не было рѣчи,

и самъ Канкринъ говорилъ, что подобная мѣра не поведетъ ни къ чему. Занятія комитета не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ. Императоръ Николай усвоилъ мысль Сперанскаго, высказанную послѣднимъ еще въ комитетѣ 6-го декабря, о томъ, что необходимо заняться сначала переустройствомъ быта казенныхъ крестьянъ и потомъ уже испробованныя по отношенію къ нимъ нововведенія примѣнять къ помѣщичьимъ крѣпостнымъ. Своимъ главнымъ помощникомъ, своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части“ онъ избралъ Киселева. Въ 1837 г. было учреждено министерство госуд. имуществъ и въ большей части Россіи введено новое управленіе казенными крестьянами. Для реформаторской дѣятельности Киселева открывался широкій просторъ. Его министерство было до нѣкоторой степени государствомъ въ государствѣ со своей особой администраціей, своими судами, своими школами, но та основная цѣль, которая была поставлена при его учрежденіи — постепенно привести государственныхъ крестьянъ къ свободѣ и независимости,—осталась недостигнутой. Съ юридической точки зрѣнія положеніе крестьянъ оставалось неизмѣннымъ, и вся разница состояла въ нѣкоторомъ улучшеніи управленія государственными крестьянами. Они не зависѣли больше отъ произвола чиновъ земской полиціи, совершенно чуждыхъ крестьянамъ и безпощадно ихъ грабившихъ; управленіе государственными крестьянами было ввѣрено теперь окружнымъ начальникамъ, людямъ болѣе или менѣе образованнымъ и отвѣтственнымъ за благосостояніе крестьянъ, а также цѣлой системѣ попечительныхъ учрежденій. Киселевъ имѣлъ самыя лучшія намѣре-

нія, но онъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ полномъ совершенствѣ вводимыхъ имъ учрежденій, и благодаря этому созданное имъ министерство сдѣлалось для него мало-по-малу самодовлѣющею цѣлью. Экономическое положеніе казенныхъ крестьянъ несомнѣнно стало гораздо лучше, но эта цѣль была достигнута путемъ примѣненія такой сложной системы бюрократической опеки, что при отмѣнѣ крѣпостного права не только пришлось отказаться отъ всякой мысли о примѣненіи къ освобожденнымъ помѣщичьимъ крестьянамъ порядковъ управленія государственными крестьянами, но наоборотъ, оказалось необходимымъ распространить на послѣднихъ устройство, предоставленное бывшимъ крѣпостнымъ.

На ряду съ улучшеніемъ быта государственныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая Павловича несомнѣнно улучшилось и положеніе помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ смыслѣ большей обезпеченности противъ владѣльческаго произвола, но положеніе это оставалось все еще далеко неудовлетворительнымъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ крестьянскихъ волненій. Волненія эти повторились съ большою силою въ концѣ 30-хъ годовъ, но особенно широкіе размѣры они начали принимать въ сороковыхъ годахъ.

Когда устройство государственныхъ крестьянъ было въ общемъ закончено, началась кампанія противъ крѣпостного права, или вѣрнѣе въ пользу нѣкоторыхъ улучшеній быта крѣпостныхъ. Одинъ за другимъ учреждались секретные комитеты, въ которыхъ Киселевъ или предлагалъ отъ своего имени или дѣятельно защищалъ различные проекты общихъ и частныхъ

мѣръ въ пользу помѣщичьихъ крестьянъ. Первый изъ этихъ комитетовъ (третій въ царствованіе Николая) былъ учрежденъ въ 1839 году. Проектъ, составленный на этотъ разъ Киселевымъ, исходилъ изъ разбора закона 1803 г. (о вольныхъ хлѣбопашцахъ) и содержалъ въ себѣ предложеніе устраивать освобождаемыхъ крестьянъ на положеніи обязанныхъ съемщиковъ помѣщичьей земли. Проектъ этотъ получилъ осуществленіе въ законѣ 2 апрѣля 1842 г. [1]) объ обязанныхъ крестьянахъ, и хотя самъ Киселевъ возлагалъ на него большія надежды, а во враждебно настроенномъ обществѣ ожидали его опубликованія съ величайшей тревогой, тревога эта сразу улеглась, когда стало ясно, что новый законъ не содержитъ никакихъ обязательныхъ требованій. Практическіе результаты его примѣненія оказались ничтожными и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь искренно желалъ воспользоваться возможностью отпустить своихъ крѣпостныхъ, ему ставились разнообразныя препятствія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же 1839 г. былъ учрежденъ четвертый секретный комитетъ для обсужденія вопросовъ объ уменьшеніи числа дворовыхъ; но 1839 годъ былъ годомъ неурожая и голода, когда правительству было не до реформъ, и потому дѣятельность комитета ограничилась изданіемъ уже упомянутаго закона 1841 г. о запрещеніи лицамъ, не владѣющимъ населенными имѣніями, покупать крестьянъ безъ земли. Въ 1844 г. пятый комитетъ занимался вопросомъ объ ограниченіи числа дворовыхъ, но всѣ представленные ему

---

[1]) № 15462.

проекты подверглись такимъ урѣзкамъ, которыя равнялись ихъ полному отклоненію. Шестой комитетъ былъ образованъ въ 1846 г. для разсмотрѣнія проекта „уничтоженія крѣпостного состоянія въ Россіи", составленнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ. Согласно этому проекту освобожденія крѣпостныхъ предполагалось достигнуть „незамѣтнымъ образомъ"—путемъ постепеннаго улучшенія всѣхъ отраслей внутренняго управленія и въ особенности путемъ точнаго опредѣленія помѣщичьей власти и обязанностей крестьянъ. По мнѣнію комитета, всѣ эти улучшенія можно было осуществить при изданіи новаго гражданскаго уложенія. Въ 1847 г. императоръ Николай попытался вызвать болѣе широкое примѣненіе закона объ обязанныхъ крестьянахъ путемъ личнаго обращенія къ депутатамъ смоленскаго дворянства. Но въ отвѣтъ на вызовъ императора тогдашній смоленскій предводитель дворянства (кн. Друцкой-Соколинскій), собравъ свѣдѣнія о настроеніи наиболѣе вліятельной части петербургскихъ правящихъ сферъ, подалъ записку, въ которой доказывалъ, что всѣ попытки, направленныя противъ крѣпостного права, являются шатаніемъ авторитета государственной власти. Киселевъ написалъ опроверженіе на эту записку, но ни это опроверженіе, ни его проектъ открытаго и яснаго заявленія со стороны правительства о необходимости приступить къ измѣненію быта крѣпостныхъ, повидимому, вовсе не были представлены императору.

Восьмого ноября 1847 г. состоялся именной Высочайшій указъ, предоставлявшій крѣпостнымъ право выступать въ качествѣ покупателей при аукціонной

продажѣ имѣній, къ которымъ они были приписаны, и такимъ образомъ пріобрѣтать себѣ свободу и земли. Крестьяне тотчасъ воспользовались этимъ правомъ въ довольно значительномъ числѣ случаевъ. Новый законъ открывалъ для нихъ, повидимому, болѣе быстрый, чѣмъ прежніе, способъ выхода на свободу съ землею, такъ какъ въ теченіе короткаго промежутка, пока дѣйствіе указа 1847 г. продолжалось, 964 души мужескаго пола выкупились сами и пріобрѣли болѣе 5000 десятинъ за 100,000 р. Еще ранѣе того подобное же право покупки населенныхъ имѣній съ аукціона было предоставлено управленію государственныхъ имуществъ. Оба эта распоряженія вызвали противъ себя горячую агитацію крѣпостниковъ, въ результатѣ которой въ 1848 г. былъ образованъ седьмой секретный комитетъ, высказавшійся за отмѣну закона о правѣ крѣпостныхъ выкупаться при аукціонной продажѣ имѣній. Было издано новое положеніе о продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ [1]), и такимъ образомъ дѣйствіе закона 1847 г. прекратилось само собой.

Императоръ Николай Павловичъ нѣсколько разъ въ теченіе своего царствованія возбуждалъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ; многочисленные законы и указы издавались съ цѣлью ограниченія помѣщичьяго произвола, и императоръ никогда не забывалъ своихъ словъ, сказанныхъ въ самомъ началѣ царствованія о томъ, что упорядоченіе взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами составляетъ предметъ его особой заботы.

---

[1]) 1849 г. № 23405 § 186.

Императоръ очевидно считалъ необходимымъ, чтобы иниціатива во всякаго рода мѣрахъ, направленныхъ противъ крѣпостного права, исходила отъ самихъ дворянъ, и находилъ несвоевременнымъ осуществленіе реформы путемъ общихъ принудительныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Этотъ взглядъ укрѣпился въ немъ въ особенности подъ вліяніемъ общихъ политическихъ условій того времени. Предпринятыя императоромъ попытки положить начало улучшенію быта крестьянъ кончались неудачей частью въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, частью и главнымъ образомъ въ силу отрицательнаго отношенія ближайшихъ совѣтниковъ императора не только къ его освободительнымъ планамъ, но даже и ко всякому измѣненію существующаго порядка. Существующій порядокъ казался имъ если и не абсолютно совершеннымъ, то во всякомъ случаѣ наиболѣе отвѣчающимъ условіямъ русской жизни. Кто желаетъ сохранить этотъ порядокъ, говорили они, тотъ не долженъ подкапываться подъ одну изъ его основъ—подъ существованіе сильной помѣщичьей власти. Своею принципіальною оппозиціей они ослабляли иниціативу императора. Ко всему этому присоединялся еще страхъ императора передъ гласностью. Во всякомъ сужденіи о дѣйствіяхъ правительства или о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ въ печати или на дворянскихъ собраніяхъ онъ готовъ былъ видѣть революціонное вторженіе въ сферу своихъ правъ. Благодаря такому своеобразному взгляду онъ лишался существенной поддержки, необходимой для выполненія его собственныхъ проектовъ. Желанія тѣхъ, кто дѣйствительно былъ заинтересованъ въ рѣшеніи подни-

маемыхъ вопросовъ, не находили себѣ открытаго выраженія; все зависѣло отъ небольшой группы ближайшихъ совѣтниковъ государя, и въ рукахъ сторонниковъ застоя всегда было вѣрное средство для отклоненія императора отъ всякой мысли о реформахъ. Когда началось движеніе 1848 г., мѣры въ пользу крестьянъ были совершенно оставлены; самая мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ приводилась въ связь съ революціонными идеями, и противники освобожденія сумѣли воспользоваться этою связью для безпощаднаго осужденія всякой попытки реформъ.

Какъ относился въ это время самъ императоръ къ крестьянскому вопросу, видно лучше всего изъ одной рѣчи, сказанной имъ въ декабрѣ 1848 г. депутатамъ петербургскаго дворянства. Депутаты явились отъ имени дворянъ своей губерніи съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности ко всякимъ жертвамъ въ случаѣ войны, которую можно было ожидать въ виду революціоннаго движенія на Западѣ. Императоръ отвѣчалъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Господа! Внѣшніе враги намъ неопасны: всѣ мѣры приняты, и на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевленныя чувствомъ преданности къ престолу и отечеству, готовы съ восторгомъ встрѣтить мечомъ нарушителей спокойствія. Изъ внутреннихъ губерній я получилъ донесенія самыя удовлетворительныя. Не далѣе какъ сегодня возвратились посланные мною туда два адъютанта мои, которые также свидѣтельствуютъ объ искренней преданности и усердіи къ престолу и отечеству. Но въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ я

вас прошу, господа, действовать единодушно, забудемъ всѣ неудовольствія, всѣ непріятности одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы,— какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ.

„Въ учебныхъ заведеніяхъ духъ вообще хорошъ, но прошу васъ, родителей, братьевъ и родственниковъ, наблюдать за мыслями и нравственностью молодыхъ людей. Служите имъ сами примѣромъ благочестія и любви къ царю и отечеству, направляйте ихъ мысли къ добру и, если замѣтите въ нихъ дурныя наклонности, старайтесь мѣрами кротости и убѣжденіемъ наставить ихъ на прямую дорогу. По неопытности они могутъ быть вовлечены неблагонадежными людьми къ вреднымъ для общества и пагубнымъ для нихъ самихъ послѣдствіямъ. Вашъ долгъ, господа, слѣдить за ними.

„У насъ существуетъ классъ весьма дурной, на который я прошу васъ обратить особенное вниманіе,— это дворовые люди. Будучи взяты изъ крестьянъ, они отстали отъ нихъ, не имѣя осѣдлости и не получивъ ни малѣйшаго образованія. Люди эти вообще развратны и опасны какъ для общества, такъ и для господъ своихъ. Я васъ прошу быть крайне осторожными съ ними. Часто за столомъ или въ вечерней бесѣдѣ вы разсуждаете о дѣлахъ правительственныхъ, политическихъ и другихъ, забывая, что люди эти васъ слушаютъ и по необразованности своей и глупости толкуютъ сужденія ваши по-своему, т.-е. превратно. Кромѣ того разговоры эти, невинные между

образованными людьми, часто вселяютъ вашимъ людямъ такія мысли, о которыхъ безъ того они не имѣли бы и понятія. Это очень вредно!

„Переходя къ быту крестьянъ, скажу вамъ, что необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ благосостояніе. Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ. Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику. Эти вещь святая и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я долженъ сказать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ, а при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе. Ежели окажется среди васъ помѣщикъ безнравственный или жестокій, вы обязаны предать его силѣ закона. Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ.

„Господа! У меня полиціи нѣтъ, я не люблю ее: вы моя полиція. Каждый изъ васъ мой управляющій и долженъ для спокойствія государства доводить до моего свѣдѣнія всѣ дурныя дѣйствія и поступки, какіе онъ замѣтитъ. Если и въ моихъ имѣніяхъ вы усмотрите притѣсненія и безпорядки, то убѣдительно прошу васъ, не жалѣя никого, немедленно мнѣ о

томъ доносить. Будемъ идти дружною стопою, будемъ дѣйствовать единодушно, и мы будемъ непобѣдимы.

„Правило души моей—откровенность; я хочу, чтобы не только дѣйствія, но намѣренія и мысли мои были бы всѣмъ открыты и извѣстны, а потому я прошу васъ передать все мною сказанное всему с.-петербургскому дворянству, къ составу котораго я и жена моя принадлежимъ, какъ здѣшніе помѣщики, а кромѣ того всѣмъ и каждому“ [1]).

3-го марта 1848 г. [2]) состоялась еще одна мѣра, благопріятная крестьянамъ: крѣпостнымъ было предоставлено право пріобрѣтать недвижимость на свое имя. Въ томъ же году 15 іюля [3]) „свободные хлѣбопашцы“ были переименованы въ „государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ“. Наконецъ, 4-го августа 1853 г. [4]) опубликованы новыя правила о порядкѣ утвержденія договоровъ крестьянъ съ помѣщиками при увольненіи первыхъ по закону 1803 года. Правила эти, изданныя, повидимому, въ интересахъ крестьянъ, устанавливали еще болѣе строгій контроль надъ такими договорами для наблюденія надъ тѣмъ, не являются ли принимаемыя крестьянами обязательства слишкомъ для нихъ обременительными. Въ дѣйствительности эти правила были выраженіемъ торжества бюрократическихъ теченій, неблагопріятныхъ крестьянскому освобожденію. Всевозможныя учрежденія привлекались къ участію въ

---

1) Текстъ этой рѣчи, дошедшей до насъ въ записи по памяти одного изъ депутатовъ, напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., т. 38. Варіантъ см. въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія“, I, с. 76—77. *Ред.*

2) 22042. 3) № 22444. 4) № 27491.

провѣркѣ и утвержденіи договоровъ. Прошеніе объ утвержденіи договоровъ, согласно новымъ правиламъ, подавалось губернатору, губернаторъ вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства и управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ разсматривали договоръ и въ случаѣ необходимости дѣлали въ немъ соотвѣтственныя поправки. Затѣмъ текстъ договора подписывался крестьянами и помѣщикомъ въ присутствіи уѣзднаго исправника и уѣзднаго предводителя дворянства, отсылался въ гражданскую палату для сличенія съ существующими узаконеніями и опять возвращался губернатору. Отъ послѣдняго зависѣло назначить новое изслѣдованіе на мѣстѣ и новыя совѣщанія съ губернскимъ предводителемъ дворянства и управляющимъ госуд. имущ. Въ результатѣ этихъ совѣщаній договоръ могъ оказаться неудовлетворительнымъ, и тогда вся описанная процедура начиналась сызнова. Когда, наконецъ, проектъ договора получалъ одобреніе губернскихъ властей, его отсылали министру внутреннихъ дѣлъ, который вступалъ въ переговоры съ министромъ государственныхъ имуществъ, и оба они могли вернуть проектъ для новаго исправленія. Очевидно, что такое обиліе утверждающихъ инстанцій не могло не оказаться невыгоднымъ для основной цѣли закона.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Николая крымская война до такой степени поглотила его вниманіе, что о какихъ-либо мѣрахъ въ пользу крестьянъ уже не было и рѣчи.

Война заставила правительство забыть на время о внутреннихъ реформахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горькій опытъ цѣлаго ряда событій, непосредственно связан-

ныхъ съ войною, послужилъ главною причиной благополучнаго рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права. Прежде всего для правительства стало ясно, что крестьяне глубоко убѣждены въ томъ, что помѣщичья власть имѣетъ лишь временный характеръ, что царь хочетъ дать волю крестьянамъ, и только помѣщики мѣшаютъ ему. Когда былъ объявленъ созывъ ополченія, повсюду распространился слухъ, что всякій, кто поступитъ въ ополченцы, становится вольнымъ, и этотъ слухъ упорно держался, несмотря на его опроверженіе въ Высочайшемъ манифестѣ и цѣломъ рядѣ правительственныхъ указовъ. Въ народѣ говорили, что помѣщики скрываютъ настоящій манифестъ, и въ результатѣ этихъ толковъ во многихъ мѣстахъ начались волненія, которыя пришлось усмирять военною силой.

Но еще гораздо важнѣе были слѣдствія крымской войны въ томъ отношеніи, что благодаря ей обнаружились на практикѣ всѣ недостатки и слабыя стороны старой административной системы, и такимъ образомъ потерялъ свое значеніе главный аргументъ, который съ такимъ успѣхомъ противопоставляли всякимъ попыткамъ реформъ въ царствованіе Николая Павловича. Если прежде не рѣшались касаться крѣпостного права, потому что оно было основою существующей административной системы и потому что всякая перемѣна въ положеніи крестьянъ должна была неминуемо повести къ измѣненію или даже полному крушенію этой системы, то теперь вопросъ о ея полной непригодности былъ рѣшенъ на опытѣ: ея видимая устойчивость и связанный съ нею образцовый порядокъ оказались пустыми призраками, не отвѣ-

чающими дѣйствительности. Необходимость реформъ и полнаго переустройства была твердо установлена. Но стоило только взяться за пересмотръ старой системы, стоило только приступить къ ея видоизмѣненію въ смыслѣ большей практичности и цѣлесообразности, чтобы убѣдиться, что на пути всѣхъ начинаній стоитъ неизбѣжнымъ препятствіемъ основа прежняго строя — крѣпостное право, и что созданіе чего-либо новаго на этой основѣ совершенно невозможно. При всякихъ попыткахъ и планахъ реорганизаціи, въ чемъ бы они ни состояли и какой бы стороны государственной жизни ни касались, всегда крѣпостное право оказывалось самымъ важнымъ препятствіемъ къ ихъ осуществленію. Если вообще реформы представлялись необходимыми, то начинать ихъ надо было съ отмѣны крѣпостного права [1]). И

---

[1]) Различные проекты отмѣны крѣпостного права отъ 1809 до 1850 г. собраны въ запискѣ Левшина, напечатанной въ книгѣ Бартенева „Девятнадцатый вѣкъ“, М. 1872 г., II, стр. 145—208. Въ этой запискѣ совсѣмъ не упомянутъ проектъ графа Канкрина. Другіе матеріалы, послужившіе для предыдущаго и дальнѣйшаго изложенія, можно найти въ книгахъ: „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи въ царствованіе императора Александра II“, т. I—III, Берлинъ, 1860 — 62 г. Заблоцкій-Десятовскій: „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“. „Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая и Александра II“, т. II, С.-Пб., 1882 г. Критическій разборъ автора настоящей книги въ отчетѣ о XXV присужденіи наградъ графа Уварова.

(Самое подробное изложеніе правительственныхъ мѣропріятій, относящихся къ крѣпостному праву, въ связи съ исторіей крестьянскаго вопроса въ литературѣ и общественномъ мнѣніи, читатель найдетъ у г. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX в.“. *Прим. перевод.*).

на этотъ разъ государственное преобразованіе Россіи было предпринято по личной иниціативѣ императора.

— — —

ГЛАВА VIII.

Отмѣна крѣпостного права при Александрѣ II.

1. Инициатива императора.

Съ тѣхъ поръ какъ Павелъ I подписалъ въ день своего коронованія вмѣстѣ съ основными государственными законами указъ, впервые нѣсколько улучшавшій положеніе крѣпостныхъ, вошло въ обычай, чтобы каждый новый императоръ, вступая на престолъ, принималъ какія-нибудь мѣры въ пользу крестьянъ. Такъ было при вступленіи на престолъ Александра I и Николая I. Александръ I тотчасъ по восшествіи на престолъ поставилъ на обсужденіе вопросъ объ общей реформѣ крестьянскаго быта. Николай въ одномъ изъ первыхъ своихъ манифестовъ напоминалъ помѣщикамъ, что по отношенію къ крѣпостнымъ они обладаютъ не только правами, но и обязанностями, и что за исполненіемъ этихъ обязанностей онъ будетъ наблюдать самолично. Съ теченіемъ времени совершенно измѣнилось положеніе, занимаемое крестьянскимъ вопросомъ въ ряду другихъ государственныхъ дѣлъ. При Екатеринѣ II было начато теоретическое обсужденіе вопроса о вредѣ и пользѣ крѣпостного права; при Александрѣ I дѣлались безуспѣшныя попытки рѣшить крестьянскій вопросъ въ его полномъ объемѣ; при Николаѣ всѣ старанія

были направлены на ограниченіе помѣщичьяго произвола путемъ административнаго надзора. Мало-помалу крестьянскій вопросъ естественнымъ ходомъ событій оказался выдвинутымъ на первую очередь. Императоръ Николай хорошо понималъ это и посвоему пытался рѣшить крестьянскій вопросъ, опасаясь, что на этой почвѣ послѣ его смерти могутъ возникнуть серьезныя осложненія. Что онъ именно такъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ, ясно изъ его словъ, сказанныхъ передъ смертью наслѣднику (Александру II): „Сдаю тебѣ команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ бы желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ. Тебѣ будетъ тяжело!“ [1]). Эти слова относились прежде всего къ войнѣ, а потомъ и къ крестьянскому вопросу. Въ концѣ царствованія Николая Павловича общее положеніе дѣлъ стало совершенно невыносимымъ, благодаря той путаницѣ отношеній, которая являлась слѣдствіемъ крѣпостного права. Губернаторы всюду находились въ открытой борьбѣ съ предводителями дворянства. Въ качествѣ представителей императора губернаторы были обязаны оказывать защиту крѣпостнымъ въ случаяхъ чрезмѣрнаго отягощенія ихъ поборами или работами или въ случаяхъ жестокаго обращенія владѣльцевъ; предводители всегда принимали сторону помѣщиковъ, являясь представителями дворянскихъ интересовъ. Сенатъ, дѣйствія котораго всегда были отраженіемъ взглядовъ наиболѣе вліятельныхъ петербургскихъ круговъ, рѣшалъ доходившія до него крестьянскія дѣла не въ пользу крѣпостныхъ: изъ

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1897 г., стр. 452.

того факта, что самъ императоръ считалъ необходимымъ подготовлять рѣшеніе крестьянскаго вопроса и отмѣну крѣпостного права въ тайнѣ, дѣлали выводъ, что многія весьма важныя особы и самая вліятельная часть общества настроены противъ этой реформы. Если же дѣла крѣпостныхъ попадали въ комиссію прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя, то и тогда они рѣшались въ пользу крестьянъ и вопреки мнѣнію сената лишь въ случаѣ личнаго вмѣшательства императора и каждый разъ по его особому повелѣнію.

Когда на престолъ вступилъ Александръ II, въ обществѣ знали, что молодой императоръ еще наслѣдникомъ высказывался за отмѣну крѣпостного права, и съ первыхъ же дней ожидали, что онъ заявитъ о своихъ взглядахъ какимъ-либо всенароднымъ актомъ; но время шло, и никакихъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ не принималось. Образъ дѣйствій императора не трудно объяснить съ одной стороны его личнымъ желаніемъ приступать къ рѣшенію крестьянскаго вопроса не иначе, какъ вполнѣ серьезно, избѣгая всякихъ поспѣшныхъ и преждевременныхъ мѣропріятій, съ другой стороны — общимъ положеніемъ государственныхъ дѣлъ, требовавшимъ особенной осторожности. Россія вела войну, конца которой никто не могъ предвидѣть; правительство было занято прежде всего заботою во что бы то ни стало отстоять Севастополь; ради этой цѣли было необходимо всячески избѣгать внутреннихъ осложненій, а между тѣмъ уже обнаруживались признаки народнаго движенія. Черезчуръ усердныя толкованія манифеста о созывѣ ополченія нѣкоторыми священниками въ

связи съ общимъ безпокойнымъ настроеніемъ вызвали волненія крѣпостныхъ на пространствѣ цѣлыхъ губерній и породили среди крестьянъ надежду на немедленную отмѣну помѣщичьей власти.

Во многихъ мѣстахъ безпорядки приняли такіе размѣры, что ихъ удалось усмирить только военною силой. Неудивительно, что при подобныхъ условіяхъ правительству отнюдь не приходилось думать о мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, что, наоборотъ, оно было больше всего озабочено повсемѣстнымъ поддержаніемъ авторитета всѣхъ властей вообще и въ томъ числѣ, разумѣется, и авторитета помѣщичьей власти. Образъ дѣйствій правительства отнюдь не давалъ права заключать, что и впредь оно будетъ противъ отмѣны крѣпостныхъ порядковъ, но тѣмъ не менѣе — черта любопытная для характеристики настроенія и взглядовъ того времени—въ массѣ общества совсѣмъ не отдавали себѣ отчета въ истинномъ значеніи всѣхъ совершавшихся событій и если и находили, что неудачный исходъ крымской войны долженъ обнаружить нѣкоторые недостатки государственнаго строя и указать на необходимость реформъ, если и ожидали соотвѣтственныхъ перемѣнъ, то все-таки среди большинства господствовала увѣренность, что взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ останутся безъ измѣненія, и что объ отмѣнѣ крѣпостного права не можетъ быть даже рѣчи. Эта увѣренность находила себѣ поддержку въ цѣломъ рядѣ фактовъ, которые, впрочемъ, при нѣкоторой проницательности не трудно было бы объяснить совсѣмъ иначе. Къ числу этихъ фактовъ относили и то обстоятельство, что новый императоръ въ быт-

ность наслѣдникомъ престола предсѣдательствовалъ въ одномъ изъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, причемъ этотъ комитетъ высказался за отмѣну прежняго закона, благопріятнаго крѣпостнымъ [1]). Далѣе было извѣстно, что Александръ Николаевичъ отказался однажды передать своему отцу проектъ подготовительныхъ мѣръ къ отмѣнѣ крѣпостного права.

Факты эти были въ свое время отмѣчены въ высшемъ обществѣ и въ помѣщичьей средѣ, и о нихъ говорили съ большимъ удовольствіемъ. Наконецъ, указывали еще на то, что въ 1855 г. впалъ въ немилость и вышелъ въ отставку министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ. Бибиковъ пользовался репутаціей противника дворянскихъ интересовъ и защитника крестьянъ главнымъ образомъ потому, что, будучи генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, онъ провелъ цѣлый рядъ мѣръ, разсчитанныхъ, впрочемъ, не столько на улучшеніе быта крѣпостныхъ, сколько на ослабленіе польскаго дворянства. Эпизодъ съ отставкой Бибикова состоялъ въ слѣдующемъ.

Въ литовскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ, входившихъ прежде въ составъ Польскаго государства, примѣнялся вплоть до 1840 г. Литовскій Статутъ.

Возникшій изъ обычнаго права западной Россіи, этотъ кодексъ вобралъ въ себя много элементовъ,

---

[1]) Рѣчь идетъ объ отмѣнѣ указа 8-го ноября 1847 г., предоставлявшаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю при продажѣ именій съ аукціона. За отмѣну закона высказались пять членовъ и въ томъ числѣ наслѣдникъ и принцъ Ольденбургскій. *Примѣч. переводч.*

заимствованныхъ изъ польскаго, римскаго и германскаго права, и, благодаря этимъ заимствованіямъ, различныя правовыя отношенія въ названномъ краѣ были болѣе подробно разработаны, точнѣе разграничены и поставлены въ бо́льшую зависимость отъ писанаго закона, чѣмъ въ восточно-русскомъ законодательствѣ. Въ числѣ прочихъ правовыхъ институтовъ сравнительно подробной разработкѣ и точной формулировкѣ подверглись также институты, регулировавшіе экономическія отношенія. Когда въ этомъ краѣ возникло крѣпостное право, взаимныя отношенія крѣпостныхъ и ихъ владѣльцевъ подверглись законодательному опредѣленію и нормировкѣ. Для каждаго имѣнія нормы повинностей приписанныхъ къ нему крестьянъ устанавливались такъ называемымъ „инвентаремъ". Съ теченіемъ времени, особенно послѣ того, какъ королевская власть начала ослабѣвать, владѣльцы перестали стѣсняться инвентарями. Дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось все управленіе государствомъ, или прямо нарушало инвентарныя правила, или толковало ихъ въ свою пользу и сообразно со своими желаніями. Когда же, наконецъ, литовскія области были присоединены къ Россіи, инвентари потеряли всякое значеніе, потому что въ Россіи господствовало неограниченное крѣпостное право, и сенатъ, какъ мы видѣли выше, призналъ, что дворяне вновь присоединенныхъ областей должны пользоваться всѣми преимуществами коренного русскаго дворянства. Но тѣмъ не менѣе, благодаря болѣе развитому характеру экономической жизни въ западныхъ губерніяхъ, польскіе помѣщики оказывались вынужденными въ

собственныхъ интересахъ относиться бережливѣе къ труду своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ русскіе дворяне. Юрій Самаринъ, котораго уже никакимъ образомъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ полякамъ, пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Безпечность, безпорядочность управленія и произволъ (полтавскихъ помѣщиковъ) доходятъ до послѣднихъ предѣловъ. У поляковъ, какъ бы мало они ни сочувствовали народу, издавна существовалъ порядокъ въ управленіи; въ Малороссіи этого нѣтъ; посемейные списки и подворныя описи тамъ рѣдкость“ [1]).

Когда въ 1840 г. дѣйствіе Литовскаго Статута было прекращено, и онъ былъ замѣненъ Сводомъ Законовъ, инвентари потеряли всякое юридическое значеніе, но именно съ этого времени правительство принялось за ихъ возстановленіе и стало придавать имъ принудительную силу въ расчетѣ ослабить такимъ образомъ вліяніе польскаго дворянства на литовскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Начиная съ 1840 г. вопросъ объ инвентарныхъ правилахъ нѣсколько разъ обсуждался въ такъ называемомъ западномъ комитетѣ, т.-е. комитетѣ по дѣламъ западныхъ губерній.

Въ 1844 г. Бибиковъ, генералъ-губернаторъ кіевскій, волынскій и подольскій, добился того, что составленіе инвентарей было поручено мѣстному комитету этихъ губерній. Комитетъ понятно принялъ за основаніе своей работы существовавшія въ то время дѣйствительныя нормы повинностей, а такъ какъ эти нормы не вездѣ были одинаковы,

---

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. II, стр. 5. Москва, 1878 г.

то и составляемые комитетомъ инвентари оказались различными для различныхъ мѣстъ. Въ 1846 г. Бибиковъ доложилъ государю, что выработанные мѣстнымъ комитетомъ инвентари такъ разнообразны, что не представляется возможности утвердить ихъ, и вмѣсто этихъ инвентарей предлагалъ ввести другіе, составленные имъ самимъ и насильственно уничтожавшіе все разнообразіе мѣстныхъ условій. Хотя министры государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ и высказались оба противъ проекта инвентарныхъ правилъ Бибикова, проектъ былъ утвержденъ государемъ въ 1848 году, и Бибиковъ началъ приводить его въ исполненіе съ большою настойчивостью, не щадя помѣщичьихъ интересовъ и не стѣсняясь неудовольствіемъ и жалобами мѣстныхъ владѣльцевъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти жалобы имѣли вполнѣ законныя основанія. Крестьянамъ новыя правила принесли значительную пользу, такъ какъ повинности сдѣлались гораздо легче. Въ то же самое время для бѣлорусскихъ губерній составлялся особый проектъ инвентарей мѣстнымъ комитетомъ. Въ 1853 г. Игнатьевъ, тогдашній генералъ-губернаторъ могилевскій и витебскій, представилъ императору докладную записку о несчастномъ положеніи крѣпостныхъ въ этихъ губерніяхъ. Государь былъ возмущенъ фактами, сообщенными въ запискѣ, и велѣлъ передать ее въ комитетъ министровъ, „чтобы господа министры сами могли убѣдиться, въ какомъ несчастномъ положеніи находятся эти губерніи, а равно и въ томъ, что положеніе ихъ не можетъ быть исправлено обычными мѣрами, предусмотрѣнными закономъ; населенію губерній грозитъ полное разореніе, и предотвратить

его можно только посредствомъ чрезвычайныхъ мѣръ, проектъ которыхъ долженъ составить министръ внутр. дѣлъ, не стѣсняясь законными формами; какъ только проектъ будетъ готовъ, министръ вн. дѣлъ долженъ представить его на разсмотрѣніе комитета министровъ". Бибиковъ, занимавшій начиная съ 1852 г. постъ министра вн. дѣлъ, выступилъ немедленно съ тѣми же правилами, которыя уже были примѣнены съ успѣхомъ въ Кіевской губерніи; по его мнѣнію, разъ они оказались полезными въ одномъ мѣстѣ, они должны были оказаться въ такой же степени полезными и для Витебской и Могилевской губерній. Бибиковъ зналъ, что комитетъ министровъ отнесется къ его предложенію несочувственно и можетъ выставить противъ него вѣскіе аргументы, такъ какъ инвентари, составленные для черноземныхъ губерній, очевидно, не соотвѣтствовали условіямъ хозяйства на песчаной и болотистой почвѣ Бѣлоруссіи; въ виду этого онъ представилъ свой проектъ, минуя комитетъ министровъ, непосредственно самому государю, вопреки его собственному приказанію. Бибиковъ увѣрилъ государя, что эти инвентари вполнѣ оградятъ крестьянъ отъ помѣщичьяго произвола, и что государю остается только утвердить введеніе ихъ въ Бѣлоруссіи и *Литвѣ*. Сначала рѣчь шла только о Бѣлоруссіи, но Бибиковъ воспользовался случаемъ, чтобы распространить дѣйствіе своихъ интентарей и на собственно литовскія губерніи. Получивъ согласіе императора, онъ немедленно отмѣнилъ всѣ мѣры, проектированныя западнымъ комитетомъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ отчасти уже были приведены въ исполненіе, и предписалъ приступить къ повсемѣстному примѣненію

кіевскихъ инвентарей. Примѣненіе ихъ на практикѣ оказалось невозможнымъ въ силу различія мѣстныхъ условій, но тѣмъ не менѣе министръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи. Въ губерніяхъ, которыхъ касалось это требованіе, общее недовольство расло, отовсюду отправлялись депутаціи въ Петербургъ съ жалобами на стѣснительность новыхъ правилъ. Депутаты обращались обыкновенно къ наслѣднику, который ходатайствовалъ отъ ихъ имени передъ императоромъ и добился, наконецъ, того, что всѣ жалобы были переданы въ западный комитетъ, состоявшій подъ его предсѣдательствомъ. Претензіи польскихъ и бѣлорусскихъ помѣщиковъ были удовлетворены уже послѣ восшествія на престолъ Александра II: 14-го мая 1855 г. Бибикову былъ объявленъ Высочайшій указъ взять обратно составленный имъ проектъ инвентарей и передать составленіе новаго проекта комитетамъ, избраннымъ мѣстнымъ дворянствомъ. Въ этомъ случаѣ императоръ Александръ выступилъ, въ сущности говоря, въ защиту дворянскихъ правъ и интересовъ противъ министерскаго произвола и въ защиту правъ иноплеменнаго меньшинства противъ исключительныхъ мѣръ, но въ обществѣ указъ 14-го мая разсматривали какъ признакъ направленія, благопріятнаго дворянскимъ интересамъ вообще.

Первый намекъ на реформы, которыя должны быть предприняты при участіи самого дворянства, былъ сдѣланъ Александромъ II уже вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, но намекъ этотъ остался совершенно незамѣченнымъ благодаря своей общности и неопредѣленности. Принимая депутацію петербург-

скихъ дворянъ, государь сказалъ. „Я убѣжденъ, что дворянство оправдаетъ свое названіе благороднаго сословія въ истинномъ смыслѣ этого слова и будетъ стоять впереди во всякомъ добромъ дѣлѣ“.

Двадцатаго августа 1855 года Ланской смѣнилъ Бибикова въ должности министра вн. дѣлъ. Въ первомъ же циркулярѣ новаго министра къ предводителямъ дворянства говорилось между прочимъ, что „всемилостивѣйшій государь повелѣлъ ему ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Въ обществѣ знали, что эта фраза относится къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права, и хотя, по своей общности, слова министра не давали основаній для какихъ бы то ни было опредѣленныхъ надеждъ, тѣмъ болѣе, что министерскій циркуляръ не могъ имѣть законодательнаго значенія, въ этомъ циркулярѣ все-таки увидѣли залогъ сохраненія за дворянами ихъ главной привилегіи. Въ Петербургѣ, въ англійскомъ клубѣ циркуляръ читали и покупали такъ усердно, что понадобилось второе изданіе его. Въ видѣ параллели къ этому эпизоду любопытно отмѣтить другой, подобный ему, но происшедшій годъ спустя, когда раскупали также усердно ничѣмъ не замѣчательный указъ о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ на основаніи закона 1803 г. На этотъ разъ покупателями явились мастеровые и рабочіе изъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на оброкъ; они толпами стояли передъ сенатской типографіей, чтобы получить указъ, въ которомъ ожидали найти вѣсть объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Въ мартѣ 1856 г. крымская война окончилась парижскимъ миромъ. Высочайшій манифестъ, изда-

гавшій условія мирнаго трактата, содержалъ между прочимъ замѣчаніе о томъ, что незначительныя сравнительно невыгоды этого трактата должны съ избыткомъ окупиться тѣми выгодами, которыя явятся слѣдствіемъ внутренняго преуспѣванія страны, благопріятствуемаго миромъ. Въ поясненіе этихъ словъ манифеста министръ вн. дѣлъ издалъ циркуляръ отъ 1-го апрѣля 1856 г., гласившій, что слова государя заключаютъ въ себѣ указаніе на необходимость внутреннихъ реформъ и выражаютъ надежду на будущее развитіе благосостоянія страны. Въ чемъ именно должны состоять эти реформы и каковъ будетъ ихъ характеръ, министръ обходилъ молчаніемъ, но въ то же время подчеркивалъ, что необходимымъ условіемъ всякаго благоденственнаго развитія является твердая охрана правительственнаго авторитета. Въ двухъ мѣстахъ циркуляра упоминалось о необходимости сохраненія помѣщичьей власти, и, наконецъ, циркуляръ возлагалъ на помѣщиковъ заботу объ обезпеченіи отставленныхъ отъ службы солдатъ.

Въ промежуткѣ между обнародованіемъ парижскаго мира и изданіемъ изложеннаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ произошло событіе, послужившее рѣшительнымъ толчкомъ для постановки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права; толчкомъ этимъ было совершенно неожиданное проявленіе непосредственной иниціативы императора.

Неудачи крымской войны раскрыли главные недостатки и темныя стороны государственной жизни и съ очевидностью доказали необходимость реформъ. Люди, способные вдумываться въ положеніе вещей, говорили, что началомъ всѣхъ реформъ должна быть

отмѣна крѣпостного права, и мало-по-малу объ освобожденіи крестьянъ начали говорить и въ городахъ, и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, и въ деревенскихъ избахъ. Большая часть помѣщиковъ съ тревогой прислушивались къ этимъ толкамъ. Когда въ концѣ марта, тотчасъ послѣ объявленія парижскаго мира, государь пріѣхалъ въ Москву, московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, рѣшительный защитникъ старины и крѣпостничества, доложилъ ему, что въ народѣ распространяются слухи объ освобожденіи крестьянъ, и просилъ государя при пріемѣ депутатовъ московскаго дворянства успокоить ихъ на этотъ счетъ. Государь согласился принять депутатовъ, но, принимая ихъ, сказалъ достопамятную рѣчь, послужившую исходнымъ пунктомъ всей реформы.

„Я узналъ, господа,—говорилъ государь,—что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній“.

Хотя слова эти и не были нигдѣ напечатаны, они немедленно стали извѣстными въ самыхъ широкихъ кругахъ общества. Все пришло въ движеніе. Заволновались вліятельные защитники старины и обществен-

наго застоя, заволновались и сторонники прогресса, въ то время еще лишенные почти всякаго влiянiя. Надежды однихъ и опасенiя другихъ были возбуждены въ одинаковой степени рѣчью императора.

Немедленно по возвращенiи государя въ Петербургъ былъ разосланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ упомянутый выше циркуляръ отъ 1-го апрѣля съ разъясненiями по поводу манифестра о заключенiи мира. Текстъ этотъ былъ одобренъ государемъ, повидимому, еще раньше московской рѣчи, и при изданiи его имѣлось въ виду съ одной стороны положить предѣлъ крестьянскимъ волненiямъ, съ другой—внушить дворянамъ убѣжденiе, что намѣренiя правительства стоятъ внѣ всякой связи съ этими волненiями. Но, несмотря на это, можно сказать съ увѣренностью, что крестьянское движенiе не осталось безъ влiянiя на настроенiе правительства. Оно должно было показать правительству, что въ массѣ крѣпостного крестьянства распространена непоколебимая вѣра въ сочувствiе молодого императора положенiю народа и въ его добрыя намѣренiя, что, наоборотъ, все существующее зло приписывается помѣщикамъ и чиновникамъ, и по отношенiю къ нимъ господствуетъ столь же трудно искоренимое недовѣрiе. Для молодого государя то обстоятельство, что весь народъ съ довѣрiемъ и надеждою ждалъ его личной инициативы, могло послужить только лишнимъ мотивомъ для скорѣйшаго разрѣшенiя крестьянскаго вопроса.

Рѣшенiе отмѣнить крѣпостное право было принято императоромъ, насколько извѣстно, совершенно самостоятельно и безъ всякихъ постороннихъ влiянiй. Что̀ именно послужило ближайшимъ поводомъ для этого

рѣшенія, до сихъ поръ нельзя сказать съ полною точностью. Но, повидимому, мотивы къ нему надо искать въ тѣхъ тяжкихъ впечатлѣніяхъ, которыя вызывали у Александра Николаевича злоупотребленія, неизбѣжныя при крѣпостномъ правѣ, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ, а также въ сознаніи общей увѣренности всего народа, что именно отъ него крестьяне получатъ свободу. Такъ какъ намѣренія императора стали извѣстными немедленно вслѣдъ за заключеніемъ парижскаго мира, то это дало поводъ къ возникновенію странной легенды, будто отмѣна крѣпостного права была включена въ число не опубликованныхъ, тайныхъ условій мирнаго трактата. Легенда эта, упорно державшаяся въ обществѣ, несмотря на всю свою неосновательность, распространялась даже въ сравнительно образованныхъ кругахъ.

До того времени государь говорилъ о своихъ планахъ лишь съ весьма немногими лицами, и первымъ изъ нихъ былъ, повидимому, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, за нимъ слѣдовали генералъ-адъютантъ Ростовцевъ и вновь назначенный министръ путей сообщенія Чевкинъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начали готовится къ предстоящей работѣ. Ланской выбралъ себѣ въ товарищи тайнаго совѣтника Левшина, крупнаго землевладѣльца, извѣстнаго своими либеральными взглядами и занимавшаго раньше должность директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; ему было поручено спеціально завѣдываніе всѣми дѣлами, возникавшими по крестьянскому вопросу. Уже 7-го апрѣля министръ представилъ докладную записку о ходѣ крестьянскаго дѣла, составленную Левшинымъ. Записка гла-

сила между прочимъ слѣдующее: „Въ теченіе настоящаго мирнаго и спокойнаго времени можно съ удобствомъ заняться этимъ важнымъ дѣломъ и составить планъ послѣдовательныхъ работъ. Когда будетъ приступлено къ работѣ, то надлежитъ не тормозить ее, но и не торопиться съ нею, а дѣйствовать осторожно и послѣдовательно, не смущаясь ни криками любителей новизны, ни ропотомъ защитниковъ стараго. Прежде всего слѣдуетъ составить планъ дѣйствій правительства“. Въ заключеніе въ запискѣ высказывалось мнѣніе, что всѣ дѣла, имѣющія отношенія къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, должны быть собраны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Мнѣніе это было одобрено государемъ, но даже такая простая мѣра, какъ сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ по крестьянскому вопросу въ одномъ министерствѣ, вызвала противъ себя оппозицію. Одни, какъ наприм. князь Орловъ, возражали противъ нея изъ боязни, что это поведетъ къ быстрому рѣшенію крестьянскаго вопроса, другіе (статсъ-секретарь Бутковъ) — изъ своего рода канцелярской зависти. Различныя учрежденія и канцеляріи, въ которыхъ раньше вѣдались, или вѣрнѣе хранились, эти дѣла, привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность, и увидѣли въ новомъ распоряженіи вторженіе чужого вѣдомства въ предѣлы своей компетенціи. Интриги противъ Ланского, порожденныя обѣими указанными причинами, продолжались вплоть до окончательнаго рѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Для той обстановки, въ которой рѣшался крестьянскій вопросъ, весьма характерно, что лица, поставленныя во главѣ всего дѣла — Ланской и Левшинъ —

сами не имѣли твердыхъ взглядовъ ни на сущность вопроса, ни на способы его рѣшенія, и даже тогда, когда началось составленіе плана предстоящихъ работъ, они не стали руководиться какою-либо опредѣленною общею точкою зрѣнія, а дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ соображеній. Реформа начиналась такъ, какъ дѣлались всѣ дѣла въ канцеляріяхъ того времени: только послѣ того какъ приступили къ самой работѣ, начали выяснять себѣ общіе принципы, которыми предстояло руководиться. При такихъ условіяхъ тактика противниковъ реформы, состоявшая въ совершенно пассивномъ отношеніи къ самому дѣлу и въ подчеркиваніи препятствій, на которыя должно было натолкнуться правительство при осуществленіи своихъ плановъ, легко могла увѣнчаться успѣхомъ. Она осталась безплодной вслѣдствіе твердаго рѣшенія императора Александра провести реформу во что бы то ни стало и вслѣдствіе его личнаго вмѣшательства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло почему-либо останавливалось.

На первое время государственный совѣтъ занялся обсужденіемъ нѣсколькихъ вопросовъ, внесенныхъ на его разсмотрѣніе еще раньше описанныхъ событій, но имѣвшихъ то или другое отношеніе къ крестьянскому дѣлу. Въ числѣ этихъ вопросовъ были проектъ закона о недѣлимости дворянскихъ имѣній во избѣжаніе чрезмѣрнаго отягощенія крѣпостныхъ и проектъ урегулированія отношеній къ крѣпостнымъ мелкихъ владѣльцевъ (т.-е. такихъ, за которыми числилось менѣе 20 душъ мужского пола). Затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ разрѣшеніе государя внести въ совѣтъ проектъ отмѣны стараго запрета

отпускать крѣпостныхъ на волю по завѣщаніямъ. Очевидно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ то время еще совсѣмъ не представляли себѣ, какое направленіе должно принять крестьянское дѣло, и заботились только о томъ, чтобы устранить различныя препятствія формально-канцелярскаго свойства къ добровольному освобожденію крѣпостныхъ самими помѣщиками. Товарищъ министра Левшинъ былъ занятъ составленіемъ исторической записки о крѣпостномъ правѣ въ Россіи и о мѣрахъ къ его ограниченію, принимавшихся со временъ Петра Перваго. Послѣ того какъ императоръ въ своей рѣчи къ депутатамъ московскихъ дворянъ старался возбудить само дворянство взять на себя починъ въ крестьянской реформѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ во время коронаціи сдѣлалъ съ своей стороны попытку вступить въ переговоры по этому поводу съ дворянскими предводителями различныхъ губерній. Попытки такого же рода, продолжавшіяся и послѣ коронаціи, дѣлалъ также и Левшинъ. Но въ крѣпостнически настроенномъ обществѣ первое впечатлѣніе, произведенное рѣчью государя, уже улеглось; говорили, что и покойный императоръ нѣсколько разъ подымалъ крестьянскій вопросъ, но изъ этого ничего не вышло; какъ только дѣло передадутъ въ секретный комитетъ, молодой государь увидитъ самъ, какія трудности стоятъ на пути къ его рѣшенію. До сихъ поръ пассивная оппозиція всегда увѣнчивалась успѣхомъ, она и теперь сослужитъ свою службу. Такъ думали дворяне. И вотъ пассивная оппозиція реформамъ стала лозунгомъ всѣхъ приверженцевъ старины и сторонниковъ сохраненія помѣщичьей власти. Во время перегово-

ровъ въ Москвѣ предводители дворянства русскихъ губерній постарались занять уклончивое положеніе: имъ неизвѣстно, говорили они, на какихъ основаніяхъ предполагаетъ правительство приступить къ реформѣ, а сами они не въ состояніи придумать ничего подходящаго.

Иначе отнеслись къ предложенію министра представители польско-литовскаго дворянства: они изъявили готовность заняться этимъ вопросомъ на своихъ собраніяхъ и принять на себя инипціативу въ дѣлѣ улучшенія быта крѣпостныхъ и въ частности въ отмѣнѣ крѣпостного права. Какъ мы уже видѣли выше, въ литовскихъ губерніяхъ была учреждена комиссія изъ мѣстныхъ дворянъ для составленія новыхъ инвентарей, взамѣнъ проектированныхъ Бибиковымъ и взятыхъ обратно правительствомъ. Бибиковскій проектъ возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе, а сравнительно развитое въ общественномъ смыслѣ польское дворянство тотчасъ увидѣло, что правительство, предлагая дворянамъ принять на себя иниціативу въ крестьянскомъ вопросѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ возможность обезпечить свои интересы и укрѣпить свое положеніе: дворяне литовскихъ губерній съ готовностью приняли предложеніе заняться крестьянскимъ вопросомъ, потому что надѣялись взять его рѣшеніе въ свои руки. Виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ былъ уполномоченъ правительствомъ вступить въ дальнѣйшіе переговоры по этому предмету съ мѣстнымъ дворянствомъ; въ качествѣ человѣка, близкаго къ императору Александру, Назимовъ приложилъ всѣ старанія, чтобы побудить дворянство пойти навстрѣчу желаніямъ го-

сударя. Такимъ образомъ, пассивная оппозиція русскаго дворянства съ одной стороны, готовность польскихъ помѣщиковъ пойти навстрѣчу видамъ правительства съ другой—все это въ связи съ рѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ и его товарища приступать къ реформѣ на всемъ пространствѣ Имперіи привело къ тому, что было рѣшено начать реформу съ западныхъ губерній и постепенно распространять ее къ востоку. Русское дворянство продолжало оказывать пассивное сопротивленіе планамъ правительства, хотя не только министръ, но и самъ императоръ обращали вниманіе представителей дворянства на то, что пришло время серьезно заняться крестьянскимъ вопросомъ.

Въ іюнѣ 1856 года былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ графъ Киселевъ, бывшій до того министромъ государственныхъ имуществъ. Нѣкогда онъ занимался въ Дунайскихъ княжествахъ, въ качествѣ русскаго комиссара, урегулированіемъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами; затѣмъ въ 1836 г. ему были поручены организація министерства государственныхъ имуществъ и устройство быта государственныхъ крестьянъ. Хотя созданная имъ организація и отличалась сильной бюрократической окраской, все-таки положеніе государственныхъ крестьянъ при немъ нѣсколько улучшилось. Въ обществѣ графа Киселева считали рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что участвуя въ различныхъ секретныхъ комитетахъ въ царствованіе императора Николая, онъ или самъ вносилъ, или являлся защитникомъ предложеній, клонившихся къ ограниченію крѣпостного права. На замѣну Киселева въ министер-

ствѣ государственныхъ имуществъ сначала Шереметевымъ, а затѣмъ генераломъ Михаиломъ Муравьевымъ, будущимъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, смотрѣли какъ на признакъ благопріятный сохраненію крѣпостного права. Муравьевъ, еще до своего назначенія на постъ министра, уже пріобрѣлъ репутацію крѣпостника. Посредствомъ этихъ назначеній, состоявшихся подъ вліяніемъ князей Орлова и Долгорукова, партія старины хотѣла косвеннымъ путемъ противодѣйствовать освобожденію крестьянъ. Въ обществѣ говорили про новыхъ министровъ, что имъ предстоитъ заняться устройствомъ новаго крестьянскаго управленія—менѣе филантропическаго, но зато и болѣе хозяйственнаго, чѣмъ та система, которую завелъ гр. Киселевъ, и что необходимо увеличить доходы съ государственныхъ имуществъ (Муравьевъ, говорятъ, обѣщалъ даже удвоить ихъ).

Послѣ коронаціи начались переговоры Назимова съ представителями дворянства въ Вильнѣ, но переговоры эти происходили не на дворянскихъ собраніяхъ, а въ комиссіяхъ, хотя и имѣвшихъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу, но избранныхъ ради одной спеціальной задачи—именно для составленія инвентарей. Въ то же время была представлена государю и одобрена имъ историческая записка Левшина. Записка эта не содержала никакихъ опредѣленныхъ предложеній и въ видѣ заключенія ставила рядъ вопросовъ:

„a) Останется ли вся земля попрежнему во владѣніи помѣщика?

„b) Если останется право владѣнія, то должно ли быть ограничено право пользованія крестьянъ зе-

млею, имъ отведенною, то-есть можетъ ли помѣщикъ безусловно удалить съ своей земли освобожденныхъ поселянъ или долженъ подчиняться законнымъ ограниченіямъ?

„c) Можетъ ли помѣщикъ ожидать отъ правительства какого-либо вознагражденія за личность крестьянина и за землю, если законъ обяжетъ его надѣлять оною освобожденныхъ крестьянъ?“ [1])

Уже по тому, какъ были формулированы эти вопросы, не трудно замѣтить, что у составителя ихъ отсутствовало представленіе даже объ общемъ направленіи реформы; что же касается до твердо установленнаго и подробнаго плана предстоящаго дѣла, то о такомъ планѣ не было и рѣчи, а между тѣмъ дѣло уже началось. Авторъ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного права въ Россіи“ говоритъ: „Нельзя не выразить изумленія по поводу того обстоятельства, что правительство, приступая къ столь важнымъ мѣропріятіямъ, совершенно не было къ нимъ подготовлено и не имѣло даже заранѣе составленнаго плана дѣйствій“.

Отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ у правительства по крестьянскому вопросу выступаетъ еще явственнѣе въ одной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 декабря 1856 года, гдѣ онъ говоритъ, что операція выкупа крестьянскихъ земель поведетъ къ полному разстройству государственныхъ финансовъ, и что вообще представляется болѣе желательнымъ дать возможность людямъ пріобрѣтать собственность личнымъ трудомъ, чѣмъ дѣлать имъ подарки

[1]) Достопамятныя минуты въ моей жизни. Записка А. И. Левшина. „Рус. Арх.“ 85 г., кн. 2, стр. 502.

на государственный счетъ и тѣмъ самымъ еще болѣе пріучать ихъ къ безпечности, къ которой они и безъ того привыкли въ крѣпостной зависимости. Министръ, конечно, ошибался, полагая, будто выкупъ земель при участіи казны, который былъ необходимъ, потому что правительство очевидно не могло распорядиться въ пользу крестьянъ чужою собственностью, непремѣнно долженъ былъ быть соединенъ съ даровою раздачей этихъ земель крестьянамъ. Вѣрнаго во всей запискѣ было лишь то, что даровая раздача не можетъ послужить обезпеченіемъ экономической независимости выходящихъ на свободу крѣпостныхъ, и что вообще эта независимость должна явиться лишь какъ результатъ упорнаго труда самихъ освобожденныхъ.

Такъ какъ дворянство не взяло на себя инціативы въ дѣлѣ освобожденія, и такъ какъ ни самъ министръ, ни его товарищъ не имѣли никакого плана предстоящей реформы, то Ланской предложилъ учредить для составленія этого плана особый комитетъ изъ довѣренныхъ Его Величества особъ.

3 января 1857 года государь созвалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ секретный комитетъ для обсужденія мѣропріятій, касающихся крѣпостного права. Въ этотъ комитетъ были приглашены: предсѣдатель государственнаго совѣта князь Орловъ—онъ долженъ былъ въ отсутствіе государя предсѣдательствовать въ комитетѣ; главноуправляющій законодательнымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, графъ Блудовъ; шефъ жандармовъ князь В. Долгоруковъ; министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, финансовъ—Брокъ, двора—графъ Адлер-

бергъ, путей сообщенія—Чевкинъ и члены государственнаго совѣта—кн. П. Гагаринъ, баронъ М. Корфъ и Я. И. Ростовцевъ. Въ отсутствіе кн. Долгорукова его замѣнялъ Тимашевъ, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ кн. Орлова, былъ приглашенъ и вновь назначенный министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ.

Засѣданіе 3 января 1857 года было открыто государемъ, который заявилъ, что уже въ теченіе долгаго времени принимаются мѣры къ улучшенію быта крѣпостныхъ, что однако мѣры эти не достигаютъ своей цѣли, что вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права занимаетъ его съ самаго дня восшествія на престолъ. Затѣмъ государь поставилъ вопросъ, наступило ли, по мнѣнію присутствующихъ, время принять рѣшительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ. Всѣ присутствующіе отвѣтили на вопросъ утвердительно, хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно необходимой въ предстоящемъ дѣлѣ осторожности и постепенности. Послѣ этого государь приказалъ прочесть составленную Левшинымъ историческую записку и замѣтилъ, что въ послѣднее время ему подано много записокъ, касающихся крестьянскаго вопроса. Одну изъ нихъ, составленную полтавскимъ помѣщикомъ, статсъ-секретаремъ Позеномъ, онъ также велѣлъ прочесть и затѣмъ объявилъ секретный комитетъ открытымъ. Дѣлопроизводство комитета было, по настоянію кн. Орлова, поручено государственному секретарю Буткову. Съ самаго начала обнаружились, съ одной стороны—перевѣсъ сторонниковъ старины,—особенно сильно было вліяніе кн. Орлова во всѣхъ вопросахъ, касавшихся выбора лицъ,—а съ

другой — нерѣшимость и недостатокъ твердости министра внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ Левшинъ былъ оставленъ въ сторонѣ. Вскорѣ однако выяснилось, что его устраненіе было ошибкой со стороны кн. Орлова и другихъ сановныхъ противниковъ реформы, такъ какъ направленіе, которое дѣло приняло уже въ теченіе этого года, пошло гораздо далѣе, чѣмъ это предполагалось въ Левшинскомъ проектѣ. Левшинъ по своему настроенію и по своимъ взглядамъ былъ крупнымъ помѣщикомъ, но отнюдь не чиновникомъ, и желалъ, чтобы реформы проводились постепенно и не иначе, какъ при участіи дворянства и согласно съ мнѣніемъ дворянства. Но сторонники старины, повидимому, прежде всего слѣпо добивались одной цѣли: вырвать дѣло реформы изъ рукъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы затѣмъ похоронить его въ комитетѣ. Ради этой цѣли комитетъ потребовалъ отъ министерства передачи ему всѣхъ дѣлъ, касающихся крестьянскаго вопроса. Въ числѣ ихъ было собраніе многочисленныхъ рукописныхъ проектовъ; сдѣлать сводку этихъ матеріаловъ было поручено комиссіи, состоявшей изъ кн. Гагарина, барона Корфа и генералъ-адъютанта Ростовцева. Взгляды, изъ которыхъ исходили три члена комиссіи, были такъ различны, что совмѣстная работа не могла состояться, и каждый представилъ свою работу отдѣльно. Комитетъ постановилъ, чтобы и остальные члены его прежде всего ознакомились съ этими записками; что касается до членовъ комиссіи, то изъ нихъ только про Ростовцева извѣстно, что онъ желалъ серьезно изучить вопросъ. Какъ упорно старался комитетъ оставаться

въ почти полной бездѣятельности, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: дворянство уѣздовъ Ямбургскаго, Петербургскаго и Царскосельскаго еще при императорѣ Николаѣ предложило ввести инвентари, т.-е. нормировать повинности крѣпостныхъ. Хотя это ходатайство и было подписано многими вліятельными лицами, какъ, напримѣръ, государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде, министромъ двора Адлербергомъ, сенаторомъ Безобразовымъ, барономъ Фредериксомъ, Веймарномъ, Роткирхомъ, Платоновымъ и др., тѣмъ не менѣе тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій совершенно отказался обсуждать это предложеніе. Теперь петербургское дворянство вновь подняло вопросъ и добивалось соизволенія составить сначала инвентари для всей Петербургской губерніи, чтобы затѣмъ имѣть возможность постепенно перейти къ дарованію крѣпостнымъ личной свободы. Это ходатайство, въ которомъ впервые обнаружилась положительная готовность дворянства пойти навстрѣчу намѣреніямъ правительства, было передано министромъ внутреннихъ дѣлъ въ секретный комитетъ, но здѣсь дѣло просто-напросто было положено подъ сукно: ни предсѣдательствующій, ни дѣлопроизводитель комитета не дали ходатайству никакого хода.

Между тѣмъ Левшинъ продолжалъ работать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и трудился надъ составленіемъ отвѣтовъ на вопросы, которыми онъ заключилъ свою первую записку. Эта новая записка, помѣченная 26 іюля 1857 года, послужила основаніемъ для позднѣйшихъ рескриптовъ и для созыва губернскихъ комитетовъ,

Существенное содержаніе ея было слѣдующее: съ юридической точки зрѣнія „право собственности на землю, пріобрѣтенное пожалованіемъ отъ верховной власти или покупкой на точномъ основаніи законовъ,— неотъемлемо; но при полномъ неограниченномъ развитіи сего права изъ него истекаетъ правомѣрная возможность для каждаго владѣльца земли удалить съ нея всѣхъ поселенныхъ на ней, но не принадлежащихъ ему крестьянъ“.

„Здѣсь проявляется столкновеніе юридическихъ правъ владѣльцевъ съ политическими обязанностями правительства пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ...“ „Что же дѣлать при такомъ противодѣйствіи частныхъ интересовъ общему? Какъ сохранить ненарушимость права собственности, не потрясая общаго спокойствія? Поступить такъ, какъ было поступлено въ другихъ государствахъ при подобныхъ же обстоятельствахъ; сдѣлать то же, или почти то же, что сдѣлало и наше правительство въ одной части Имперіи, а именно въ Остзейскомъ краѣ, послѣ постепенныхъ испытаній, то-есть сохранить *право собственности на землю за помѣщикомъ, а за крестьянами право пользоваться землею, подъ непремѣннымъ условіемъ платы за нее деньгами или работою...*“ „право собственности помѣщика на личность крестьянъ не подлежитъ спору; но вознагражденіе за потерю сей собственности какъ для правительства, такъ и для крестьянъ невозможно. Всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ, которые были для сего предмета придуманы и приняты, поздно или рано лопнули бы какъ

мыльные пузыри. оставивъ за собою послѣдствія самыя губительныя для государства вообще, а для помѣщиковъ въ особенности. Гораздо удобнѣе ни той, ни другой сторонѣ не обманывать себя, и теперь же прямо и рѣшительно взглянуть на предметъ, представляющійся въ чудовищномъ образѣ, вспомнивъ, что ни въ одной странѣ рабство не было выкупаемо правительствомъ". (Авторъ забылъ примѣръ англійскихъ колоній.) „Остзейскіе дворяне также добровольно и безвозмездно отказались отъ крѣпостного права на крестьянъ..." Русское дворянство сдѣлаетъ то же".

„Итакъ, слѣдуетъ искать другого общаго для всей Имперіи способа, который, по тягучести своей, далъ бы возможность помочь этому затрудненію".

„Есть предметъ, который для поселянина важнѣе нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его отъ непогодъ и сосредоточивающее въ себѣ всѣ домашніе его интересы. Дать ему свободу безъ нивы можно; дать ее безъ жилища, безъ гнѣзда, безъ увѣренности, что оно будетъ согрѣвать его и семью, пока они живы, и между тѣмъ оставить его привязаннымъ къ одному мѣсту, было бы не совсѣмъ человѣколюбиво. Принявъ это за истину, надо идти къ тому, чтобы съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ дать имъ право собственности на осѣдлость или усадьбу, то-есть на жилище съ принадлежащими къ нему строеніями, съ огородомъ и хотя небольшимъ выгономъ для мелкаго скота. Величина такого участка зависитъ отъ многихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Эту собственность, этотъ участокъ со всѣмъ на немъ находящимся, крестьяне должны пріобрѣсти

не иначе какъ покупкою". Уплата эта можетъ быть разсрочена, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, на сроки отъ 10 до 15 лѣтъ. „До истеченія этого перваго періода не должно и объявлять крестьянина освобожденнымъ по имени; но на самомъ дѣлѣ надо между тѣмъ перевести его мѣрами законодательными изъ раба въ человѣка, только крѣпкаго землѣ, дабы потомъ окончательно его освободить".

Вопросъ „о вознагражденіи за землю, послѣ всего вышесказаннаго, можетъ считаться разрѣшеннымъ. Земли, которыми крестьяне будутъ только пользоваться, не владѣя ими вполнѣ, и за это платить помѣщику деньгами или работою, не могутъ считаться отчужденными, а потому не вызываютъ никакого и ни съ чьей стороны денежнаго вознагражденія. За земли, уступленныя дворянствомъ съ усадьбами освобожденнымъ крестьянамъ, сіи послѣдніе выплатятъ, какъ объяснено, въ сроки, всю опредѣленную сумму".

„Слѣдовательно, ни одна часть этого переворота не требуетъ со стороны правительства прямыхъ денежныхъ расходовъ или выпуска какихъ-либо особаго рода бумагъ".

„Излишнимъ считаю входить здѣсь въ разсмотрѣніе подробныхъ правилъ для устройства будущей участи помѣщичьихъ крестьянъ; скажу только одно, что предъ нами въ этомъ отношеніи есть собственные наши опыты и факты для подражанія или по крайней мѣрѣ для примѣненія; а потому мы можемъ дѣло постепенно устроивать, не прибѣгая ни къ новымъ теоріямъ, ни къ примѣрамъ чужихъ государствъ, гдѣ окончательное разрѣшеніе этого вопроса большею частью совершалось насиліемъ и непредвидѣнными

политическими переворотами. У насъ, напротивъ того, въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ исполнено тихо, послѣдовательно въ теченіе полувѣка, при содѣйствіи какъ правительства, такъ и дворянства. Въ началѣ были сдѣланы ошибки, приняты мѣры неудобныя; но онѣ исправлялись, законоположенія измѣнялись и, наконецъ, въ минувшемъ 1856 году для Эстляндской губерніи издано третье и окончательное положеніе о крестьянахъ..."

„Въ заключеніе я долженъ высказать мнѣніе мое о томъ, что дѣло, нами начинаемое, такъ огромно, важно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всѣхъ концахъ Россіи: не достанетъ на то ни времени, ни силъ однихъ и тѣхъ же лицъ. А потому я полагалъ бы производить введеніе новаго порядка постепенно по губерніямъ, или по районамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, которыя по сосѣдству со странами, гдѣ крѣпостное состояніе уже уничтожено, болѣе подготовлены къ принятію свободы какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ. Для перваго опыта на изложенномъ мною основаніи могутъ быть взяты губерніи: Ковенская, Гродненская и Виленская, подчиненныя одному генералъ-губернатору, который по высочайшей волѣ уже приготовляетъ все къ необходимому измѣненію..."

Наивное легкомысліе, съ которымъ въ этой запискѣ не столько обсуждаются и рѣшаются, сколько мимоходомъ затрогиваются труднѣйшіе вопросы, можетъ быть названо прямо-таки удивительнымъ: въ

сущности въ ней не сдѣлано ничего для рѣшенія этихъ вопросовъ. Отмѣна крѣпостного права и какая бы то ни было финансовая операція съ этою цѣлью (а слѣдовательно и съ цѣлью выкупа земли) признаются въ запискѣ химерами. Покончивъ такимъ образомъ съ финансовой стороной вопроса, авторъ записки успокаиваетъ себя сантиментальной фразой о „гнѣздѣ" и заявляетъ, что весь вопросъ можетъ быть разрѣшенъ безъ всякихъ затратъ: дѣло пойдетъ само собой, стоитъ только пустить его въ ходъ. То, что сказано въ запискѣ объ остзейскихъ губерніяхъ и о послѣдовательности, съ какою была проведена въ этомъ краѣ крестьянская реформа, въ общемъ правильно, хотя скорѣе по отношенію къ настоящему, чѣмъ къ прошлому. Упраздненіе крѣпостного права въ остзейскихъ губерніяхъ дѣйствительно ничего не стоило государству, потому что оно исходило отъ дворянства, но во всякомъ случаѣ оно потребовало много труда и многихъ усилій и только благодаря имъ и было выполнено удовлетворительно.

Результатомъ его было образованіе въ средѣ крестьянства крѣпкаго ядра домохозяевъ, дѣйствительно занимающихся земледѣліемъ, дѣйствительно живущихъ на счетъ земледѣлія и достигающихъ благосостоянія благодаря земледѣлію. Если не гнаться за утопіями, большаго достигнуть нельзя, а къ утопіямъ надо отнести стремленіе сохранить за каждымъ безъ исключенія селяниномъ его полевой участокъ, послѣдствіемъ чего бываетъ такой порядокъ, при которомъ никто не можетъ обезпечить себѣ благосостоянія. Отказавшись отъ утопій и ограничившись рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса согласно началамъ, вытекаю-

щимъ изъ общихъ условій успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства, можно создать положеніе, при которомъ каждому способному и трудолюбивому будетъ открыта дорога къ преуспѣянію, хотя у лѣниваго и нерадиваго останется, конечно, поводъ кричать о неравномъ распредѣленіи имуществъ. Такое именно устройство крестьянскаго быта и было достигнуто въ остзейскихъ губерніяхъ. Если составитель записки хотѣлъ того же, то онъ долженъ былъ выяснить себѣ средство достиженія этой цѣли, долженъ былъ войти въ подробности будущаго положенія крестьянъ, а не говорить, что разсмотрѣніе этихъ подробностей является излишнимъ. Все, что авторъ записки говоритъ объ устройствѣ быта остзейскихъ крестьянъ, показываетъ, что онъ былъ вовсе незнакомъ съ сущностью крестьянской реформы въ этомъ краѣ; все, что онъ говоритъ о подробностяхъ ея осуществленія, совершенно невѣрно.

Императоръ Александръ въ теченіе 1857 г. два раза былъ за границей, сначала въ Киссингенѣ, затѣмъ въ Штутгартѣ, гдѣ состоялось его свиданіе съ Наполеономъ III. Записки трехъ членовъ секретнаго комитета—Корфа, Ростовцева и Гагарина, были посланы государю въ Киссингенъ, а записка Левшина отъ 26 іюля—въ Штутгартъ. Государь сообщилъ мнѣнія трехъ членовъ графу Киселеву, вызванному въ Киссингенъ изъ Парижа. Киселевъ разсказываетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „Крестьянскій вопросъ,—сказалъ государь,—меня постоянно занимаетъ, надо довести его до конца; *я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился* и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ...“

„Вообще мнѣ показалось, что государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя ему препятствія и опасенія. Да поможетъ ему Провидѣніе и да озаритъ Оно его! мирная реформа будетъ великимъ и прекраснымъ дѣломъ“ [1]). Тогда же государь разговаривалъ объ освобожденіи крестьянъ и съ другими лицами, между прочимъ съ барономъ Гакстгаузеномъ. По возвращеніи изъ-за границы государь остался очень недоволенъ бездѣйствіемъ секретнаго комитета.

Записка отъ 26 іюля 1857 г. привела только къ безплоднымъ преніямъ, изъ которыхъ выяснилось, что большинство комитета рѣшительно противъ всякой уступки земли крестьянамъ. Чтобы оживить дѣятельность комитета, государь назначилъ членомъ его великаго князя Константина Николаевича. Такъ какъ часть членовъ была въ отсутствіи (князь Долгоруковъ находился за границей при императрицѣ, графъ Блудовъ купался въ Ревелѣ, Муравьевъ объѣзжалъ государственныя имѣнія), то у великаго князя начались отдѣльныя совѣщанія съ остальными членами комитета. Между тѣмъ Муравьевъ повсюду увѣрялъ предводителей дворянства, что дѣло кончится ничѣмъ. При этомъ объѣздѣ онъ убѣдился между прочимъ, что предположенное имъ увеличеніе доходовъ отъ государственныхъ имуществъ не осуществимо; равнымъ образомъ, какъ кажется, онъ отказался и отъ намѣ-

---

[1]) Цитировано по „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, т. III, гл. XLV, стр. 31.

Примѣч. переводч.

ренія измѣнить организацію мѣстного управленія государственныхъ крестьянъ.

18 августа комитетъ по обсужденіи обѣихъ записокъ Левшина пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: улучшеніе быта крестьянъ должно быть совершено съ большою осторожностью и постепенностью. Съ этою цѣлью осуществленіе реформы необходимо раздѣлить на три періода. Въ продолженіе перваго періода министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ собрать весь потребный для разрѣшенія крестьянскаго вопроса статистическій матеріалъ. Въ это же время слѣдуетъ предоставить помѣщикамъ право отпускать на волю крестьянъ на основаніи свободныхъ договоровъ, невзирая на существующія правила. Наконецъ, слѣдуетъ ограничить нѣкоторыя права помѣщиковъ. Въ продолженіе второго періода вырабатывается, на основаніи собранныхъ министромъ вн. дѣлъ данныхъ, положеніе о крестьянахъ, которое окончательно вводится въ теченіе третьяго періода. Продолжительность перваго періода не была ограничена никакимъ срокомъ, такъ какъ опредѣленный срокъ могъ бы стѣснять министра въ его дѣйствіяхъ; для второго былъ назначенъ десятилѣтній срокъ. Заключенія комитета получили утвержденіе государя. Было ясно, что большинство секретнаго комитета отнюдь не желало ускорять ходъ дѣла и что, предоставляя укорачивать или удлинять продолжительность перваго періода министру внутреннихъ дѣлъ, который являлся горячимъ сторонникомъ реформы, оно заботилось только о томъ, чтобы можно было свалить на министра отвѣтственность за всѣ промедленія. Съ другой стороны, комитетъ не опредѣлилъ, въ какомъ объемѣ и какого рода мате-

ріалы должны быть собраны министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и отъ комитета зависѣло потребовать дополненій, если бы въ министерствѣ стали работать слишкомъ быстро. Заключенія комитета были посланы Муравьеву, и онъ по своемъ возвращеніи заявилъ, что все дѣло поднято совершенно напрасно. Реформа совсѣмъ не такъ настоятельна, положеніе крестьянъ не такъ плохо, какъ объ этомъ говорятъ, и съ реформой можно ждать еще цѣлые годы.

Либеральное меньшинство комитета не имѣло еще никакого плана дѣйствій, поэтому сопротивленіе, которое оказывалъ кн. Орловъ рѣшенію крестьянскаго вопроса, встрѣчало лишь слабый отпоръ. Кн. Орловъ заявилъ, что скорѣе онъ дастъ отрубить себѣ руку, чѣмъ подпишетъ освобожденіе крестьянъ съ землей, и что онъ не хочетъ на старости ссориться съ дворянами. У великаго князя Константина Николаевича вслѣдствіе его либеральнаго образа мыслей было много враговъ. и онъ только что начиналъ пріобрѣтать вліяніе. Ланской и Блудовъ были стары и мало способны энергично взяться за дѣло. Ростовцевъ и Чевкинъ еще не выяснили сущности крестьянскаго вопроса самимъ себѣ. Первый, серьезно изучавшій вопросъ, говорилъ, впрочемъ, уже тогда: „Усадьба для мужика — конфета, а ему нуженъ и хлѣбъ“. Чевкинъ изъ финансовыхъ соображеній былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ выкупа крестьянской земли. Вообще мнѣніе о громадности необходимыхъ для этого средствъ и заблужденіе, въ которомъ находилось правительство относительно невозможности достать ихъ, имѣли съ самаго начала весьма неблагопріятное вліяніе на судьбу вопроса о выкупѣ крестьянской земли;

послѣ того какъ одинъ разъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно изъ принципіальныхъ соображеній, его больше уже не разсматривали въ полномъ его объемѣ. Тогдашнихъ государственныхъ людей Россіи можно упрекнуть въ томъ, что никто изъ нихъ непосредственно и серьезно не изучалъ этого вопроса.

Всякое сколько-нибудь серьезное изученіе его съ государственной точки зрѣнія должно было повести къ заключенію, что государство обязано принести обусловленныя реформой жертвы: 1) потому, что крѣпостное право было введено въ интересахъ государства; 2) потому, что государство на ряду съ сословіемъ крестьянъ должно было извлечь для себя непосредственныя выгоды отъ уничтоженія крѣпостного права, и 3) потому, что благопріятныя послѣдствія этой реформы могли сказаться лишь въ будущемъ. Послѣднее обстоятельство давало полное основаніе путемъ долгосрочнаго займа привлечь это будущее къ работѣ надъ уничтоженіемъ крѣпостного права. Внимательное изученіе вопроса доказало бы выполнимость такого производительнаго займа, и цѣлый рядъ обнаружившихся позднѣе горькихъ послѣдствій реформы былъ бы предотвращенъ. Вмѣсто этого успокоились на фразѣ о невозможности достать огромныя средства и съ гордымъ сознаніемъ своей правоты занимались охраненіемъ интересовъ казны. Въ основаніи такого принципіальнаго отклоненія всякой мысли о выкупѣ крестьянской земли при помощи финансовой операціи съ участіемъ государства лежало убѣжденіе, что государство не въ состояніи вынести тѣ жертвы, которыхъ могла бы потребовать реформа.

Такъ какъ дворяне инстинктивно понимали, что реформа все-таки не можетъ быть выполнена безъ большихъ жертвъ, то они естественно должны были придти къ выводу, что эти жертвы выпадутъ на ихъ долю. И тогда они прибѣгли для защиты своихъ матеріальныхъ интересовъ къ пассивной оппозиціи. Конечно, это было близоруко, но дворянству не хватало инициативы для чего-нибудь другого. Частью его не допускали до проявленія такой инициативы, частью оно само было не въ силахъ взять дѣло въ свои руки. Если бы дворянство прониклось убѣжденіемъ, что реформа въ пользу крестьянъ не потребуетъ дворянскаго разоренія, что его матеріальные интересы будутъ нарушены не болѣе того, сколько это необходимо нужно, оно скоро прекратило бы свою оппозицію.

Послѣ того какъ было принято упомянутое рѣшеніе, секретный комитетъ перешелъ къ обсужденію вопроса, какія права помѣщика должны подвергнуться ограниченію.

Между тѣмъ намѣреніе государя освободить крестьянъ все болѣе и болѣе крѣпло. Зная апатію и безмолвное противодѣйствіе дворянства, онъ рѣшилъ приступить къ энергичнымъ мѣрамъ. Случай высказать свою волю ясно и убѣдительно скоро представился государю. Въ концѣ октября въ Петербургъ пріѣхалъ Назимовъ съ проектами, составленными инвентарными комиссіями Виленской, Гродненской и Ковенской губерній. Проектъ этотъ основывался на началахъ крестьянской реформы въ остзейскихъ губерніяхъ и заключалъ въ себѣ предложеніе дать личную свободу крѣпостнымъ; интересы крѣпостныхъ были, однако, приняты во вниманіе въ гораздо меньшей степени,

чѣмъ въ остзейскихъ губерніяхъ. Предполагалось начать съ введенія инвентарей и затѣмъ перейти къ уничтоженію крѣпостной зависимости. Ковенское и виленское дворянство рѣшило командировать за границу комиссію для изученія административнаго и поземельнаго устройства крестьянъ.

Проектъ инвентарныхъ комиссій виленской, гродненской и ковенской, представленный въ качествѣ предложеній дворянства трехъ названныхъ губерній, далъ поводъ къ изданію достопамятнаго рескрипта отъ 20 ноября 1857 г. Предложеніе петербургскаго дворянства, поданное нѣсколько ранѣе и совершенно независимо отъ предложеній дворянства западныхъ губерній, осталось не разсмотрѣннымъ. Появленіе рескрипта 20 ноября составитель „Матеріаловъ къ исторіи уничтоженія крѣпостного права“ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Секретный комитетъ хотѣлъ утвердить это предложеніе, но государь остался недоволенъ, потребовалъ, чтобы были указаны новыя основанія, и велѣлъ представить немедленно иное постановленіе. Тогда постановленіе 18 августа было забыто. Какая-то таинственная сила повернула все дѣло въ другую сторону, на новый путь. Секретный комитетъ сообща съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приступилъ къ торопливой работѣ, хотя въ сущности работавшіе сами не знали, чего хотѣли. Проекты составлялись, передѣлывались, пересоставлялись заново. Говорятъ, 18 человѣкъ было занято этимъ дѣломъ. Въ результатѣ всей этой суматохи и явился рескриптъ 20 ноября 1857 г.“ Рескриптъ этотъ возвращался къ запискѣ 26 іюля и заимствовалъ изъ нея ея основныя положенія: пріобрѣтеніе крестьянами въ

собственность посредствомъ выкупа усадебной осѣдлости (усадьбы и огорода) и пріобрѣтеніе права пользованія на полевую землю за опредѣленныя повинности. Таково происхожденіе этого знаменитаго рескрипта, который послужилъ исходнымъ пунктомъ для офиціальной постановки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права.

2. Рескриптъ 20 ноября 1857 г.

Текстъ рескрипта, подписаннаго императоромъ Александромъ II, гласитъ слѣдующее:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

„Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ этими комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ трехъ губерній.

„Одобряя вполнѣ намѣренія этихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

„Для сего повелѣваю:

„1. Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской,

Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету и потомъ для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ одну общую комиссію въ г. Вильнѣ.

„2. Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерній, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

„3. Общей комиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ трехъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію, и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству.

„Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

„1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и

для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

„3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

„Развитіе этихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

„Комитеты эти, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую комиссію. Комиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

„Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе этого важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Гродненской, Виленской и Ковенской губерніяхъ, Я

---

[1]) Цитировано по „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ". Т. I. Введеніе, стр. I—III

предоставляю вамъ дать какъ губернскимъ комитетамъ этихъ трехъ губерній, такъ и общей комиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи этой обязанности. Составленный общей комиссіей проектъ вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

„Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое этому сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло это будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

„Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Въ разъясненіе рескрипта министръ внутр. дѣлъ отъ 21 ноября препроводилъ Назимову секретную бумагу слѣдующаго содержанія:

„Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Государю Императору доставленныя вашимъ превосходительствомъ свѣдѣнія объ изъявленномъ комитетами, учрежденными въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской изъ предводителей дворянства и помѣщиковъ для разсмотрѣнія инвентарныхъ правилъ, желаніи, въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ

крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости.

„Его Величество, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о такомъ благородномъ желаніи представителей дворянскаго сословія означенныхъ трехъ губерній, Высочайшимъ рескриптомъ, вамъ даннымъ, изволилъ разрѣшить дворянству оныхъ приступить, посредствомъ особо учреждаемыхъ въ каждой губерніи комитета и для всѣхъ трехъ губерній одной общей комиссіи, къ составленію проектовъ надлежащихъ по этому предмету положеній, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ этихъ работъ, такъ и главныя основанія, на которыхъ дѣло это можетъ быть приведено въ исполеніе.

„Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ этомъ рескриптѣ относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемыхъ по настоящему предмету комитетовъ и комиссіи, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ...“:

Пункты 1, 2, 3, 4 содержатъ правила о выборахъ членовъ, кандидатовъ къ нимъ, отпускѣ имъ содержанія.

„5. Начальники губерній, имѣя постоянное наблюденіе за занятіями губернскихъ комитетовъ, могутъ требовать сообщенія имъ журналовъ оныхъ“.

„6. Общая комиссія обязана свои журналы представлять вашему превосходительству. Если вы будете несогласны съ комиссіею, то предлагаете ей ваши замѣчанія. Когда эти замѣчанія будутъ приняты, то комиссія перемѣняетъ свое заключеніе, не стѣсняясь прежнимъ. Если же комиссія съ вами не согласится, то вы имѣете сообщить объ этомъ мнѣ

тогда, когда вся работа комиссіи будетъ кончена, или же немедленно, смотря по важности случая".

„7. Губернскимъ комитетамъ кончить порученныя имъ работы въ 6-мѣсячный срокъ со дня ихъ открытія". Такой же срокъ поставленъ и общей комиссіи для ея проектовъ, считая со дня поступленія въ нее всѣхъ составленныхъ губернскими комитетами проектовъ.

„8. Если который-либо изъ губернскихъ комитетовъ или общая комиссія уклонится отъ своего назначенія и войдетъ въ разсмотрѣніе предметовъ, не подлежащихъ ихъ сужденію, то предоставляется вашему превосходительству немедленно закрыть ихъ и о такомъ случаѣ сообщить мнѣ, для доклада Его Императорскому Величеству".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить вашему превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ губернскимъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

„Во исполненіе таковой Высочайшей воли сообразивъ подробно какъ тѣ правила, которыя были приняты для освобожденія крѣпостного сословія въ остзейскихъ губерніяхъ, такъ и тѣ мысли и предположенія, которыя изложены въ сообщенныхъ мнѣ вами мнѣніяхъ инвентарныхъ комитетовъ, бывшихъ въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я съ своей стороны нахожу, что вновь учреждаемымъ въ этихъ губерніяхъ, для составленія проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостного сословія, комитетамъ необходимо при этой работѣ имѣть въ виду, сообразить и разсмотрѣть въ подробности, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ каждой губерніи слѣдующія правила и сооображенія:

„I. Уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ должно быть совершено не вдругъ, а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки къ землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ, когда правительство разрѣшитъ имъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ, по усмотрѣнію губернскихъ комитетовъ, не свыше 12 лѣтъ.

„II. На основаніи началъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими, въ теченіе опредѣленнаго срока, въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи этихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

„1. Усадебную осѣдлость крестьянина составляютъ изба или хата, въ которой онъ живетъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородомъ и землею подъ оными.

„2. Право свободнаго состоянія и право собствен-

ности на эту осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами не иначе, какъ по взносѣ ими, въ продолженіе переходнаго срока, выкупа, сумма котораго не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность осѣдлости.

„3. Уплата эта можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать за земли, имъ отводимыя въ пользованіе, на основаніи пар. 5 этой статьи.

„4. Вся остальная затѣмъ земля должна быть раздѣлена, по способу пользованія оной, на господскую и на отведенную въ пользованіе крестьянамъ.

„5. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянамъ, не можетъ быть присоединяема къ господскимъ полямъ, но должна постоянно оставаться въ пользованіи крестьянъ вообще, или за отбываніе ими для помѣщика натуральныхъ повинностей и работъ, или же за плату помѣщику оброка деньгами или произведеніями.

„6. Количество земли, предоставляемой на этомъ основаніи въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, слѣдуетъ опредѣлить по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ.

„7. Порядокъ пользованія этой землей установляется также сооообразно мѣстнымъ обычаямъ. Тамъ, гдѣ существуетъ общинное устройство, слѣдуетъ, не нарушая онаго, сохранить каждому семейству право на надѣлъ землею, стараясь не допускать частаго дробленія или передѣла полей. Тамъ, гдѣ существуетъ подворное пользованіе землею и гдѣ земля, отве-

ценная въ пользованіе крестьянамъ, раздѣлена на поселки или фермы съ хозяевами и батраками, надо принять мѣры къ возможному обезпеченію осѣдлости батраковъ и къ положительному опредѣленію отношеній ихъ къ хозяевамъ.

„8. Отправленію натуральныхъ повинностей и работъ или платѣ оброка въ пользу помѣщика могутъ подлежать только тѣ крестьяне, которые надѣлены землею; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и батраковъ или безземельныхъ работниковъ, эти послѣдніе не могутъ быть требуемы на работу иначе, какъ за вознагражденіе.

„9. Размѣръ какъ оброка, такъ и натуральныхъ повинностей и работъ долженъ быть положительно опредѣленъ соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянъ земли.

„10. Натуральныя повинности и работы отправляются на основаніи особыхъ урочныхъ положеній, которыя должны быть составлены губернскими комитетами на основаніяхъ сколь возможно простыхъ и несложныхъ, и

„11. Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка помѣщику предоставляется право обращать неисправнаго плательщика на работы натурою; при неисправности же крестьянина въ исполненіи работъ натурою помѣщикъ можетъ лишить его того участка, которымъ этотъ крестьянинъ пользуется.

„III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику; крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами каждаго общества и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ или составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ

судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

„IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя въ каждомъ уѣздѣ присутствія. Для этого было бы полезно примѣнить, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, постановленія, существующія въ остзейскихъ губерніяхъ, сколько примѣненіе ихъ окажется возможнымъ и удобнымъ по мѣстнымъ особенностямъ, составу управленія и порядку судопроизводства вообще въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской.

„V. Со введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено:

„1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно и переселеніе крестьянъ противъ воли ихъ въ другія имѣнія, должны быть прекращены; а съ другой стороны, крестьянамъ, до окончательнаго вступленія ихъ въ свободное состояніе, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ котораго они водворены.

„2. Обращеніе крестьянъ въ дворовые слѣдуетъ прекратить и вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ постепенному сначала уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ съ надѣломъ землею, или перечисленія ихъ въ свободное состояніе съ согласія помѣщиковъ. Подробности по этому предмету требуютъ особаго на мѣстѣ развитія и разсмотрѣнія, и

„3. Во все время переходнаго состоянія помѣщи-

камъ предоставляется право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты, или отдавать въ распоряженіе правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, которыя будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

„и VI. Въ составляемыхъ губернскими комитетами проектахъ должны быть опредѣлены и указаны:

„1. Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена самимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщика.

„2. Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для этого, можетъ быть, было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ; и

„3. Мѣры, необходимыя для распространенія между крестьянами грамотности и полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ и т. п.

„Сообщая обо всемъ этомъ ген. ад. Назимову, министръ просилъ его всѣ изложенныя выше соображенія его передать въ свое время губернскимъ комитетамъ. Если комитеты, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаютъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ этихъ соображеній, то поручалось комитетамъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ".

(Цитировано по „Крестьянское дѣло", А. Скребицкій, т. I, стр. III—IX).

При сопоставленіи этихъ двухъ офиціальныхъ документовъ прежде всего бросается въ глаза чрезмѣрная осторожность правительства. Инвентарныя комиссіи предлагали уничтожить крѣпостную зависимость, между тѣмъ въ рескриптѣ говорится только объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, хотя несомнѣнно имѣется въ виду та же самая цѣль — уничтоженіе крѣпостного права. Въ руки дворянства передаются и починъ реформы и самая реформа; правительство ограничивается установленіемъ лишь самыхъ общихъ основаній реформы и предоставляетъ дворянству разработку проекта соотвѣтственнаго закона. Разъясненіе министра идетъ еще далѣе и допускаетъ, что нѣтъ необходимости держаться неизмѣнно указанныхъ правительствомъ основаній, нужно только мотивировать всякія отступленія отъ нихъ. За правительствомъ остается только право окончательнаго рѣшенія и руководительство работами. Комитеты, учреждаемые для выработки проекта положенія о крестьянахъ, составляются исключительно изъ помѣщиковъ, главнымъ образомъ—по выбору дворянства, отчасти — по назначенію отъ правительства. Губернаторы не имѣютъ права голоса въ комитетахъ и не могутъ присутствовать на ихъ засѣданіяхъ, хотя имъ поручены высшее руководство дѣятельностью комитетовъ и наблюденіе за ея направленіемъ.

Помѣщикамъ обѣщано сохраненіе ихъ права собственности на землю, при чемъ лишь усадьбы и огороды должны перейти въ собственность крестьянъ путемъ выкупа, а полевая земля должна быть раздѣлена на господскую и крестьянскую; послѣдняя должна состоять не въ собственности, а только въ

пользованіи крестьянъ за денежный оброкъ или за натуральныя повинности. Пока крестьянинъ не выкупитъ усадьбы, онъ остается прикрѣпленнымъ къ землѣ; только сдѣлавшись собственникомъ, онъ становится свободнымъ и получаетъ право продавать или переносить свой дворъ. Относительно права передачи полевыхъ надѣловъ не сказано нигдѣ ничего, но говорится, что надѣлъ этотъ можетъ состоять въ пользованіи исключительно у членовъ крестьянскаго общества.

Права отдѣльныхъ домохозяевъ по отношенію къ ихъ полевымъ надѣламъ остаются совершенно не выясненными. Если какой-нибудь домохозяинъ окажется неисправнымъ въ уплатѣ денежнаго оброка, то помѣщикъ можетъ перевести его съ оброка на барщину; если онъ также неисправно будетъ выполнять и барщину, то помѣщикъ можетъ отобрать у него надѣлъ. Такъ какъ это послѣднее правило относилось только къ переходному періоду, то отсюда можно было сдѣлать косвенный выводъ, что по окончаніи этого періода такого права у помѣщика не будетъ, что онъ будетъ лишенъ возможности сгонять крестьянъ съ земли или возвышать оброкъ, и что крестьянское общество сохранитъ за собой право безсрочнаго пользованія надѣлами за неизмѣнные платежи. Однако прямо этого не было сказано и такимъ образомъ въ высшей степени важный вопросъ оставался не выясненнымъ. Можно было толковать это умолчаніе и такъ, что крестьяне имѣютъ право на отведенную имъ землю лишь въ теченіе переходнаго періода, а по окончаніи его сдача полевой земли въ пользованіе крестьянамъ будетъ зависѣть отъ

усмотрѣнія помѣщика. Впрочемъ, въ дѣйствительности подобное толкованіе врядъ ли имѣли въ виду составители рескрипта и циркуляра.

Право вотчинной полиціи и наблюденіе за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ оставлялись помѣщику; мірской судъ и мірская расправа были поставлены подъ его надзоръ.

Проектъ реформы, намѣченный въ рескриптѣ 20 ноября 1857 г., очевидно отличается весьма существенно отъ того проекта, который впослѣдствіи былъ составленъ редакціонными комиссіями и который затѣмъ получилъ практическое осуществленіе.

Опубликовывать рескриптъ 20 ноября первоначально вовсе не предполагали, а разъясненія министра вн. дѣлъ къ рескрипту были сначала прямо помѣчены, какъ секретныя. Говорятъ, великій князь Константинъ Николаевичъ первый высказалъ мысль, что слѣдовало бы опубликовать оба эти документа, но его предложеніе встрѣтило рядъ возраженій. Оба документа были изготовлены для Назимова 21 ноября. На другой день, принимая новаго воронежскаго губернатора Синельникова, государь упомянулъ о рескриптѣ на имя Назимова и затѣмъ сказалъ: „Я рѣшилъ довести дѣло до конца и надѣюсь, что вы уговорите дворянъ ввѣренной вамъ губерніи оказать мнѣ въ этомъ содѣйствіе“. Эти слова дали новый, неожиданный толчокъ дѣлу. Когда пораженный губернаторъ отправился къ министру вн. дѣлъ за разъясненіями и спрашивалъ, получитъ ли онъ соотвѣтственное предписаніе, Ланской поспѣшилъ воспользоваться обстоятельствами. По его предложенію застигнутый врасплохъ секретный комитетъ постано-

вилъ разослать текстъ рескрипта всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства къ свѣдѣнію и руководству на тотъ случай, если мѣстное дворянство изъявитъ желаніе, сходное съ желаніемъ дворянства западныхъ губерній. Ланской велѣлъ отпечатать всѣ бумаги въ одну ночь и разослать ихъ на другой же день [1]). Циркуляръ министра съ текстомъ Высочайшаго рескрипта и разъясненіями къ нему былъ помѣченъ 24 ноября. Левшинъ, считавшій эту мѣру преждевременною, отказался поставить свою подпись подъ циркуляромъ. Едва успѣли разослать циркуляръ, какъ князь Орловъ и другіе противники реформы сдѣлали попытку остановить разсылку, но было уже поздно: шагъ, послѣ котораго нельзя было отступить, былъ сдѣланъ. Никто, конечно, не зналъ, къ чему все это должно повести, но было ясно, что дѣло пущено въ ходъ.

Уже послѣ того, какъ былъ опубликованъ этотъ рескриптъ, вспомнили про то, что еще раньше дворянъ западныхъ губерній аналогичное предложеніе было сдѣлано дворянами Петербургской губерніи. Было рѣшено принять это предложеніе и дать особый рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора. Составленіе рескрипта поручили Левшину и Муравьеву. Они оставили безъ измѣненій самый текстъ Высочайшаго рескрипта, составленный и безъ того въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но зато постарались путемъ измѣненія нѣкоторыхъ выраженій ослабить тонъ министерскаго разъясненія къ рескрипту

---

[1]) Въ этомъ дѣлѣ вдохновителемъ Ланского явился Н. Милютинъ. *Ред.*

въ надеждѣ воздѣйствовать такимъ способомъ на направленіе реформы въ смыслѣ благопріятномъ для помѣщичьихъ интересовъ. Инвентарные комитеты западныхъ губерній и петербургскіе предводители дворянства въ своихъ проектахъ предлагали „отмѣну крѣпостного права"; въ Высочайшемъ рескриптѣ 20 ноября говорилось уже только „объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ", но въ разъясненіи къ рескрипту отъ 21 ноября и въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 24 ноября было употреблено выраженіе „уничтоженіе крѣпостной зависимости"; теперь въ новой редакціи это выраженіе выпущено и вмѣсто него сказано объ „устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Вмѣсто словъ „окончательное состояніе свободы" поставлено просто „окончательное состояніе". Согласно первой редакціи разъясненія размѣръ выкупа за усадьбу и оброка за землю опредѣлялся дѣйствительною цѣной земли; напротивъ, въ послѣдней редакціи „размѣръ выкупа опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ". О примѣненіи незадолго передъ тѣмъ испробованныхъ въ остзейскихъ губерніяхъ особыхъ присутствій для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ правилъ не было больше и рѣчи. Правило о безусловномъ разграниченіи господскихъ и крестьянскихъ земель и запрещеніе когда бы то ни было переводить земли изъ разряда крестьянскихъ въ разрядъ господскихъ выражены во второй редакціи далеко не такъ опредѣленно, какъ въ первой; по этому поводу сказано лишь слѣдующее: „Земля, однажды отведенная крестьянамъ, должна

постоянно оставаться въ распоряженіи міра". Впослѣдствіи, когда дѣло реформы перешло въ редакціонныя комиссіи, тѣ члены комиссій, которые видѣли въ великорусской общинѣ идеалъ поземельнаго строя, истолковывали этотъ пунктъ въ томъ смыслѣ, будто имъ устанавливается право общины распоряжаться крестьянской землей и исключается личная поземельная собственность отдѣльныхъ домохозяевъ. Любопытно, что въ своемъ увлеченіи общиннымъ землевладѣніемъ защитники его совсѣмъ позабыли, что въ этомъ же самомъ пунктѣ циркуляра содержалось запрещеніе землю, однажды отданную въ пользованіе крестьянамъ, присоединять къ господскимъ землямъ, и такимъ образомъ крестьянамъ великорусскихъ губерній не пришлось получить того полнаго обезпеченія землею, какимъ воспользовались крестьяне западныхъ губерній. При составленіи проекта крестьянскихъ положеній для великорусскихъ губерній вниманіе составителей было въ такой степени поглощено мыслями объ общинномъ землевладѣніи, какъ о всеобщей панацеѣ, что они совсѣмъ позабыли о болѣе существенныхъ гарантіяхъ сохраненія независимаго крестьянства. Люди, проникнутые національнымъ тщеславіемъ, въ своемъ излишнемъ усердіи постарались осчастливить великорусское крестьянство общиннымъ землевладѣніемъ—подаркомъ весьма сомнительной цѣнности, но не позаботились о томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ переходъ всей совокупности общинныхъ земель въ руки одного лица. Изъ текста этого втораго рескрипта ясно, что составители его понимали, что узаконеніе общиннаго землевладѣнія потребуетъ также охраненія и прочихъ патріархаль-

ныхъ отношеній и условій крестьянскаго хозяйства. Именно въ виду этого въ рескриптѣ говорится, что права домохозяевъ, порядокъ наслѣдованія усадебной и надѣльной земли, условія семейныхъ раздѣловъ—все это должно быть нормировано закономъ. Защитники общины обошли всѣ эти пункты молчаніемъ и оставили ихъ на усмотрѣніе или вѣрнѣе на произволъ общины. Говорили, что нельзя налагать оковы на народный духъ, и, прикрываясь этою фразою, забывали о необходимости пріучить народъ, освобождаемый изъ-подъ господства произвола, къ соблюденію права и законности, къ ограниченію произвола какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ. Послѣдствіемъ этого образа дѣйствій является въ настоящее время фактическое разложеніе патріархальнаго строя крестьянской общины и семьи.

Первоначальный текстъ циркуляра министра съ разъясненіями къ рескрипту 20 ноября все еще оставался не опубликованнымъ, но рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора и разъясненіе къ нему были немедленно обнародованы въ газетахъ и сообщены всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства при циркулярѣ отъ 8 декабря, въ которомъ между прочимъ говорилось, что „правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать улучшенію быта поселянъ“. Нѣкоторыя мѣстныя начальства, писалъ далѣе министръ, доводили до его свѣдѣнія о разныхъ неблагонамѣренныхъ толкованіяхъ, разсѣеваемыхъ между народомъ, относительно измѣненія существующаго порядка во

владѣніи помѣщичьими имѣніями. Министръ поручалъ начальникамъ губерній „отражать толки, несогласные съ видами правительства, и вразумлять недоумѣвающихъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалъ на нихъ обязанность бдительно слѣдить за распространителями ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушить общественное спокойствіе, и въ нужныхъ случахъ принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ. Затѣмъ онъ просилъ ихъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы крестьяне не выходили изъ должнаго повиновенія помѣщикамъ, а этимъ послѣднимъ внушать постоянно, что отъ взаимнаго лишь исполненія обязанностей зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ и общаго спокойствія (Скребицкій, т. I, стр. XIV - XV). Первыя цитированныя строки этого циркуляра интересно сопоставить съ тѣмъ фактомъ, что всего двумя недѣлями ранѣе циркуляръ министра отъ 24 ноября былъ помѣченъ „секретнымъ“ и разосланъ губернаторамъ и предводителямъ вмѣстѣ съ текстомъ Высочайшаго рескрипта Назимову „конфиденціально“.

Девятаго декабря государю представлялись предводители дворянства Петербургской губерніи, и государь благодарилъ ихъ за починъ въ дѣлѣ реформы и еще разъ высказалъ свое твердое рѣшеніе довести ее до конца и увѣренность въ содѣйствіи дворянства. Установленныя имъ основанія, говорилъ государь, не обременительны для обѣихъ сторонъ; необходимыя дополненія и разъясненія должны быть сдѣланы комитетами, составленными изъ представителей самихъ дворянъ. Государь ожидалъ, что и московское дворянство отвѣтитъ на опубликованіе рескрипта соот-

вѣтственнымъ адресомъ и увлечетъ своимъ примѣромъ другія дворянскія собранія. Дѣйствительно, московскій губернскій предводитель дворянства, немедленно по полученіи Высочайшаго рескрипта 20 ноября, хотѣлъ созвать дворянское собраніе для составленія ходатайства соотвѣтственно волѣ государя, но московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій воспротивился созыву собранія и даже воспретилъ объ этомъ говорить: въ Петербургѣ, говорилъ онъ, взгляды перемѣнятся, и все останется попрежнему. Впослѣдствіи поведеніе московскаго дворянства, воздержавшагося отъ отвѣта на призывъ государя, вызвало со стороны послѣдняго заслуженную горькую укоризну.

Десятаго декабря министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ новый циркуляръ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, въ которомъ спрашивалъ, какое впечатлѣніе произвели въ разныхъ губерніяхъ распоряженія объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ литовскихъ и Петербургской, и просилъ ихъ самымъ откровеннымъ образомъ сообщить ему о томъ частными письмами въ собственныя его руки, но присовокуплялъ, что для того, чтобы быть безпристрастными зрителями и наблюдателями за ходомъ этого дѣла, лица эти не должны употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, которыя положительно имъ указаны (Скребицкій, т. I, стр. XV).

Ото всѣхъ этихъ циркуляровъ у дворянства получилось такое впечатлѣніе, будто правительство хочетъ только сдѣлать опытъ въ западныхъ губерніяхъ и Петербургской губерніи, но еще отнюдь не думаетъ начинать общую реформу на всемъ пространствѣ

имперіи. Взглядъ этотъ совпадалъ со взглядомъ большинства секретнаго комитета. Противниками всякихъ проволочекъ были лишь самъ государь и великій князь Константинъ Николаевичъ, которыхъ поддерживалъ въ этомъ министръ вн. дѣлъ Ланской.

Когда Ланской передалъ своему товарищу Левшину вмѣстѣ съ высшимъ руководствомъ статистическими работами по крестьянскому вопросу также завѣдываніе всѣми крестьянскими дѣлами, поступавшими въ министерство, Левшинъ предложилъ организовать особое присутствіе. Оно должно было распадаться на два отдѣла: земскій и статистическій (названіе „отдѣлъ“ было употреблено вмѣсто обычнаго „отдѣленіе“). Оба отдѣла должны были находиться подъ однимъ общимъ управленіемъ. Въ земскомъ отдѣлѣ должны были подвергаться предварительному обсужденію всѣ дѣла по устройству крестьянъ; статистическій отдѣлъ долженъ былъ собирать и обрабатывать необходимый статистическій матеріалъ. Проектъ Левшина былъ представленъ въ государственный совѣтъ, но государственный секретарь считалъ излишнимъ торопиться съ этимъ дѣломъ. Только 27 марта 1858 послѣдовало обсужденіе проекта и утвержденіе его, но лишь въ той его части, которая касалась земскаго отдѣла; о присоединеніи къ нему статистическаго отдѣла не было даже и рѣчи. Такимъ образомъ земскій отдѣлъ со своимъ особеннымъ названіемъ остался единственнымъ. Такъ какъ работа началась еще до утвержденія проекта, и такъ какъ для нея были нужны исполнители, то ихъ начали набирать заранѣе. Въ числѣ ихъ былъ приглашенъ въ качествѣ непремѣннаго члена присутствія чиновникъ кадастроваго отдѣленія министерства

государственныхъ имуществъ, впослѣдствіи сенаторъ, Соловьевъ, записки котораго составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи упраздненія крѣпостного права[1]). Соловьевъ вступилъ въ должность 15 декабря 1857 г. Первыя бумаги, полученныя имъ для обработки, были донесенія губернаторовъ и предводителей о впечатлѣніи, вызванномъ рескриптами въ дворянствѣ.

Только изъ западныхъ губерній и были получены донесенія о сочувственномъ отношеніи дворянства къ планамъ правительства. Польское дворянство было образованнѣе, а главное развитѣе въ политическомъ отношеніи, чѣмъ русское. Оно тотчасъ поняло, что въ своихъ собственныхъ интересахъ ему слѣдуетъ пойти навстрѣчу правительству, разъ правительство приступило къ реформѣ, и такимъ образомъ взять веденіе дѣла въ свои руки. Предводители и губернаторы губерній Подольской, Волынской, Ковенской, Минской могли сообщить министру, что дворянство горячо и съ твердою рѣшимостью принимаетъ взгляды правительства. Виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ увѣдомлялъ уже объ открытіи комитетовъ. Виленскій предводитель предлагалъ, для устраненія всякихъ недоразумѣній между крестьянами, дать полную гласность всѣмъ намѣреніямъ и мѣропріятіямъ правительства. Не надо забывать, что это предложеніе было сдѣлано въ то время, когда главный комитетъ и высшія правительственныя сферы видѣли въ обращеніи къ гласности чуть ли не рево-

[1]) Записки сенатора Я. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ. „Русская Старина" 1880 г. т. XXVII; 1881 г. т. XXX и XXXI; 1882, XXXIII, XXXIV, XXXVI, 1883; т. XXXVII; 1881, № 2.

люціонную мѣру. Дворянство Динабургскаго уѣзда (т. н. польской Лифляндіи) высказывало не только сочувствіе правительственнымъ мѣрамъ, но даже ходатайствовало о разрѣшеніи тотчасъ же приступить къ реформѣ. Въ виду всего этого министръ былъ въ правѣ доложить государю, что польское дворянство выказало умѣренность, осмотрительность и твердость при составленіи проекта и энергію при обсужденіи предположенной реформы—свойства, столь необходимыя въ виду важности предпринятаго дѣла. Соловьевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ благотворно и успокоительно подѣйствовали въ то время на правительство эти изъявленія сочувствія и согласія. Правда, онъ тотчасъ прибавляетъ, что возстаніе 1863 г. доказало неискренность этихъ заявленій; по его мнѣнію, польское дворянство въ дѣйствительности относилось къ освобожденію крестьянъ гораздо враждебнѣе, чѣмъ русское, и лишь ради Европы принимало на себя роль освободителя и кстати пользовалось случаемъ, чтобы усыпить вниманіе правительства. Это мнѣніе, высказанное съ такою увѣренностью, показываетъ только, какъ трудно даже вполнѣ порядочнымъ людямъ сохранять справедливость подъ вліяніемъ національныхъ антипатій и партійной односторонности, и какъ легко они могутъ игнорировать ошибки симпатичной имъ стороны и въ то же время предъявлять несимпатичному противнику всевозможныя и даже совершенно невозможныя обвиненія.

Въ противоположность благопріятнымъ донесеніямъ изъ западныхъ губерній, извѣстія изъ Великороссіи были удручающи. Соловьевъ пишетъ: „Нужно было много усилій воли, чтобы не поддаться вліянію того

страха и тѣхъ ужасовъ, которые очевидно овладѣли воображеніемъ губернскихъ предводителей дворянства и нѣкоторыхъ губернаторовъ". Изъ великорусскихъ губерній не поступило ни одного заявленія о полномъ согласіи съ высказанными въ рескриптѣ основаніями реформы и о желаніи отмѣны крѣпостного права на этихъ основаніяхъ. Со всѣхъ сторонъ поступали заявленія о возникающихъ трудностяхъ и препятствіяхъ, даже о полной невозможности осуществленія реформы и о непримѣнимости указанныхъ правительствомъ основныхъ положеній. Представители большинства дворянства писали, что офиціальное сообщеніе о мѣрахъ къ уничтоженію крѣпостного права въ трехъ западныхъ губерніяхъ вызвало общее смущеніе; что несмотря на давно уже распространяющіеся слухи, помѣщики не вѣрятъ, что вопросъ этотъ серьезно озабочиваетъ правительство. и что оно намѣрено приступить къ непосредственному его разрѣшенію; что предводители не могли усмотрѣть признаковъ сочувствія намѣреніямъ правительства. Изъ сѣверныхъ промышленныхъ губерній сообщали о всеобщихъ опасеніяхъ, что крестьяне покинутъ землю, что выкупъ усадебной и огородной земли дастъ помѣщикамъ недостаточное вознагражденіе за нее, что помѣщики разорятся и обнищаютъ. Крестьяне не подготовлены къ реформѣ, и она начата несвоевременно. Съ юга писали: если реформа будетъ произведена не настолько постепенно, чтобы дать помѣщикамъ время выполнить совершенное переустройство своего хозяйства, то она окончится полнымъ разореніемъ помѣщиковъ. Недостатокъ капиталовъ, отсутствіе образованія у крестьянъ, недостатки мѣстнаго управленія, черезполо-

сница крестьянской и господской земли, долги кредитнымъ учрежденіямъ—все это казалось дворянамъ непреодолимыми трудностями. То же самое писали и губернаторы: опасенія за будущее раздѣляются всѣми, дворянство будетъ разорено, крестьяне не станутъ выполнять повинностей, между ними распространяется убѣжденіе, что земля принадлежитъ имъ, и что всякія обязанности по отношенію къ помѣщикамъ должны сейчасъ же прекратиться; повсюду, по мнѣнію губернаторовъ, должна наступить въ большей или меньшей степени анархія. Изъ Вологды писали даже, что крестьяне ждутъ лишь опубликованія реформы, чтобы насильственно завладѣть землею. Особенно серьезными казались извѣстія о распространеніи слуховъ среди крестьянъ, будто указъ о волѣ уже выпущенъ, но скрытъ помѣщиками и чиновниками. Многіе предводители и даже нѣкоторые губернаторы прямо заявляли, что реформа примѣнима только въ западныхъ губерніяхъ, а въ остальныхъ невозможна, и что такъ какъ дворянство не желаетъ реформы, то они приняли циркуляръ министра лишь къ свѣдѣнію. Нѣсколько благопріятнѣе намѣреніямъ правительства были донесенія изъ двухъ малорусскихъ губерніи—Черниговской и Полтавской; хотя реформа въ этихъ губерніяхъ представляла особенныя трудности вслѣдствіе раздробленности помѣстій и ихъ неразмежёванности, все-таки мѣстное дворянство сознало необходимость перемѣны въ положеніи крестьянъ.

Такимъ образомъ большинство дворянъ высказалось противъ самой реформы, но на ряду съ этими принципіальными противниками реформы уже въ то время существовало меньшинство образованныхъ по-

мѣщиковъ, желавшихъ ея. Это меньшинство, однако, отнюдь не выражало полнаго согласія съ предположеніями правительства. Такъ, тверской губернскій предводитель дворянства Унковскій писалъ слѣдующее: помѣщики сознаютъ необходимость отмѣны крѣпостного права, но онъ не можетъ не замѣтить, что выставленныя въ рескриптахъ основныя положенія реформы совершенно не примѣнимы къ условіямъ великорусскихъ губерній, гдѣ никогда не было состоянія промежуточнаго между крѣпостнымъ и свободнымъ; поэтому для отмѣны крѣпостного права представляется лишь одна возможность: освобожденіе съ выкупомъ части земли. Другіе формулировали свои взгляды такъ: обязательныя повинности крестьянъ должны быть уничтожены или выкуплены; кромѣ усадебной осѣдлости, крестьяне должны получить въ собственность также полевую землю и луга, и во всякомъ случаѣ всѣ личныя и полицейскія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ должны быть прекращены. Эти взгляды, позднѣе усвоенные правительствомъ, тогда еще считались революціонными, и открытое заявленіе ихъ должно было усилить у правительства впечатлѣніе, будто общее настроеніе неблагопріятно для реформы, тѣмъ болѣе, что лица, являвшіяся въ то время совѣтниками государя, не хотѣли видѣть, что оппозиціей меньшинства легко можно воспользоваться въ интересахъ реформы, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ впослѣдствіи.

Характерно для условій того времени убѣжденіе, высказанное прогрессивнымъ меньшинствомъ, что дворянству, т.-е. помѣщикамъ, отнюдь не слѣдуетъ предоставлять права надзора или опеки надъ крѣпост-

ными, выходящими на свободу и впервые испытывающими положеніе полной самостоятельности юридической, экономической и соціальной. Этотъ принципъ былъ послѣдовательно проведенъ въ дальнѣйшемъ развитіи крестьянской реформы и усвоенъ правительствомъ. Юридически крестьяне получили полную личную свободу; фактически, какъ извѣстно, они попали въ полнѣйшую административную зависимость отъ чиновниковъ (въ томъ числѣ и своихъ выборныхъ) и въ экономическую кабалу кулаковъ.

Одновременно съ присылкой упомянутыхъ донесеній, въ Петербургъ пріѣхали нѣкоторые дворянскіе предводители и другіе вліятельные помѣщики, чтобы освѣдомиться о положеніи дѣлъ. Въ Петербургѣ, въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ они не только не замѣтили сочувственнаго отношенія къ реформѣ, но скорѣе убѣдились, что въ этихъ кругахъ смотрятъ на будущее мрачно и боязливо и обвиняютъ правительство въ неблагодарности къ дворянству, которое было дотолѣ опорою трона и не щадило живота на службѣ царю и отечеству. Все это содѣйствовало усиленію пассивной оппозиціи.

Подъ вліяніемъ этого настроенія нѣкоторые губернаторы и предводители стали исполнять буквально циркуляръ министра отъ 10 декабря и, оставаясь въ роли безпристрастныхъ зрителей и наблюдателей, воздерживались отъ какихъ бы то ни было настояній или внушеній. Все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что правительство еще не рѣшилось итти дальше и думаетъ ограничиться опытомъ въ западныхъ губерніяхъ.

Нижегородскому губернатору А. Муравьеву уда-

лось первому провести въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи сочувственный реформѣ адресъ. А. Муравьевъ, братъ Михаила Муравьева и близкій другъ министра Ланского, былъ вмѣстѣ съ ними обоими членомъ тайнаго общества, подготовившаго заговоръ 1825 года; но Ланской вышелъ изъ общества прежде, чѣмъ оно стало на нелегальный путь. Михаилъ Муравьевъ, напротивъ, оставался членомъ общества до самаго роковаго исхода, который положилъ счастливое начало его быстрой служебной карьерѣ въ то самое время, какъ его братъ отбывалъ свое несравненно менѣе заслуженное наказаніе въ Сибири. Послѣ помилованія А. Муравьевъ, благодаря вліянію Ланского, былъ назначенъ губернаторомъ, и тогда старый либералъ началъ энергично поддерживать освободительныя стремленія своего друга. 17-го декабря нижегородскій адресъ былъ подписанъ. Въ немъ заключалось между прочимъ предложеніе предоставить крестьянамъ возможность пріобрѣтать путемъ покупки часть пахотной земли. Секретный комитетъ постановилъ отвѣтить на адресъ рескриптомъ, соотвѣтственно петербургскому рескрипту, но съ тѣмъ измѣненіемъ, чтобы, въ виду различія мѣстныхъ условій и потребностей въ разныхъ уѣздахъ губерніи, дворянству каждаго уѣзда было разрѣшено при выборѣ членовъ губернскаго комитета предварительно обсудить эти условія и потребности. Сенаторъ Соловьевъ полагаетъ, что дозволеніе это едва ли было дано въ цѣляхъ болѣе основательнаго и всесторонняго фактическаго обсужденія реформы. По его мнѣнію, оно несомнѣнно могло оказать лишь вредное, тормозящее вліяніе. Но и самое дозволеніе секретнаго ко-

митета и заключенія по поводу его довольно характерны для условій того времени. По жалованной грамотѣ Екатерины каждое дворянское собраніе имѣетъ право обсуждать всѣ вопросы, касающіеся его интересовъ, и дѣлать представленія о нихъ правительству.

Однако правительство съ самаго начала привыкло смотрѣть на это дѣло такъ, какъ будто ясно и убѣдительно формулированный законъ ничего не значилъ, и какъ будто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требовалось разрѣшеніе или предписаніе правительства.

Дворянство не протестовало противъ усвоенной правительствомъ практики. Вслѣдствіе такого установившагося порядка дворянство не могло проявлять своей иниціативы и дѣйствовало лишь тогда, когда получало позволеніе или приказаніе дѣлать то, на что оно было уполномочено закономъ. Сенаторъ Соловьевъ усматриваетъ въ данномъ дворянству позволеніи, воспользоваться безспорно принадлежащимъ ему правомъ, мѣру, направленную противъ реформы, и тѣмъ самымъ показываетъ, до какой степени, агенты правительственной власти привыкли видѣть въ каждомъ не вполнѣ согласномъ съ ихъ взглядами заявленіи чуть не возстаніе, а въ каждомъ самостоятельномъ обсужденіи, исходящемъ изъ иныхъ взглядовъ, чѣмъ взгляды правительства,—вредную и тормозящую дѣло оппозицію. Предложеніе нижегородскаго дворянства, касающееся пріобрѣтенія крестьянами пахотной земли, было отклонено; въ этомъ случаѣ секретный комитетъ исполнялъ повелѣніе государя, запрещавшее возбуждать, въ особенности среди крестьянъ, вопросъ о выкупѣ земли и обсуждать его въ печати. Послѣднее запрещіе иначе (въ случаѣ упоминанія о выкупѣ въ отвѣт-

номъ рескриптѣ) осталось бы не выполненнымъ. Удовольствіе. доставленное государю нижегородскимъ адресомъ выразилось въ особенно милостивой формѣ рескрипта. Дополнительное разъясненіе министра не было повторено, была сдѣлана лишь ссылка на прежній циркуляръ, при которомъ былъ разосланъ текстъ рескрипта дворянству Петербургской губерніи. Такъ же было сдѣлано и при послѣдующихъ рескриптахъ, даже при рескриптахъ дворянству малорусскихъ и западныхъ губерній: Черниговской, Полтавской, Кіевской, Подольской, Волынской, Минской. Это было тѣмъ болѣе странно, что въ петербургскомъ рескриптѣ общинное землевладѣніе выставлялось, какъ сама собою понятная форма крестьянскаго владѣнія, и даже не упоминалось о личной крестьянской собственности. Между тѣмъ въ названныхъ губерніяхъ во всѣхъ уѣздахъ, а въ Витебской—въ нѣкоторыхъ, существовало лишь личное владѣніе землею. Поэтому, разсуждая логически, слѣдовало бы для этихъ губерній сослаться на разъясненіе, приложенное къ рескрипту на имя Назимова, такъ какъ условія только что названныхъ губерній были почти во всемъ сходны съ условіями Виленской губерніи. Самъ Соловьевъ замѣчаетъ, что такимъ путемъ имѣлось въ виду вынудить повсемѣстное установленіе общиннаго землевладѣнія. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ сказалось, повидимому, вліяніе лицъ, вѣрившихъ въ общину, какъ въ панацею, и желавшихъ осчастливить ею, хотя бы и насильственнымъ путемъ, крестьянъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше никогда и не слыхали про общину. Какъ извѣстно, въ мартѣ былъ открытъ „земскій отдѣлъ“, и въ него вступилъ въ число

прочихъ членовъ Н. А. Милютинъ, занимавшій до того времени должность директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, министръ перешелъ къ энергическому наступленію. Семь предводителей и одинъ губернаторъ, относившіеся особенно холодно къ реформѣ и открыто объявившіе ее преждевременною, получили циркулярное предписаніе, въ которомъ имъ сообщалось, что правительство не отступитъ отъ своего намѣренія совершить реформу, что если оно и предоставило дворянству иниціативу, то лишь единственно въ его собственныхъ интересахъ; правительство, по словамъ этого циркуляра, держится того мнѣнія, что излюбленныя дворянствомъ проволочки опасны для его собственнаго благополучія. Этотъ шагъ не остался безъ результатовъ. Какъ только рѣшеніе правительства обозначилось яснѣе, чѣмъ прежде, открытая оппозиція умолкла. Губернаторы доносили, что дворянство начинаетъ понимать неизбѣжность отмѣны крѣпостного права, разъ это рѣшено государемъ, и признаетъ реформу, хотя и очень тягостной, но все-таки выполнимой. Орловскій предводитель писалъ, что онъ вступилъ въ сношенія съ предводителями сосѣднихъ губерній, въ виду того, что начатая правительствомъ реформа налагаетъ на предводителей священную обязанность склонять каждаго дворянина къ поддержкѣ намѣреній правительства, если не по убѣжденію, то по крайней мѣрѣ изъ чувства самосохраненія. Опубликованіе рескриптовъ произвело особенно сильное впечатлѣніе на дворянство великорусскихъ губерній и содѣйствовало перемѣнѣ его настроенія. Стало очевиднымъ, что правительство при-

няло безповоротное рѣшеніе довести реформу до конца, и что поэтому необходимо измѣнить прежнее отношеніе къ ней. Мало-по-малу дворянство пришло въ движеніе, и повсюду начались дворянскія совѣщанія. Прежде всего они начались въ Москвѣ. Московское дворянство попыталось обезпечить себѣ не только формальное, но и дѣйствительное участіе въ реформѣ. Въ своемъ ходатайствѣ оно просило „всемилостивѣйшаго соизволенія на открытіе комитета для составленія проекта правилъ, которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи“. Въ то же самое время графъ Закревскій увѣдомлялъ министра, что неблагопріятные слухи (которые распространялъ онъ самъ) прекратились, и что возбужденіе умовъ (имъ же вызванное) видимо успокаивается; по его словамъ, несомнѣнно можно надѣяться, что при благодѣтельномъ и просвѣщенномъ направленіи, принятомъ правительствомъ, московское дворянство разрѣшитъ удовлетворительно важный вопросъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Однако московское дворянство и его сановные совѣтники, какъ ни близко стояли они къ правительству, пропустили удобный моментъ, когда правительство находилось въ напряженномъ и тревожномъ ожиданіи и готово было съ радостью встрѣтить даже условное выраженіе сочувствія своимъ планамъ со стороны дворянства. Правительство убѣдилось, что стоитъ ему выступить съ рѣшительнымъ заявленіемъ своей воли, и оппозиція тотчасъ же начнетъ уступать. Московскій адресъ былъ встрѣченъ поэтому весьма немилостиво. Въ отвѣтномъ рескриптѣ были опущены обычныя изъявленія монаршаго благоволе-

нія, и дворянству просто указывалось, что проекты должны быть составлены „на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои уже указаны Мною (государемъ) дворянству другихъ губерній“. Тогда же было принято, наконецъ, рѣшеніе дать дѣлу возможно широкую гласность. Прежній секретный комитетъ былъ оффиціально преобразованъ (8 января 1858 г.) въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, и объ этомъ обнародовано 18 февраля. Онъ состоялъ, какъ и прежде, изъ 12 лицъ. Баронъ (позднѣе графъ) М. Корфъ снова подалъ въ отставку и на этотъ разъ получилъ ее, а вмѣсто него былъ приглашенъ министръ юстиціи гр. Панинъ; мѣсто Брока заступилъ новый министръ финансовъ Княжевичъ. Всѣ правительственныя мѣропріятія, рескрипты и нѣкоторые адресы дворянства было рѣшено печатать не только въ столичныхъ газетахъ, но и въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Повсемѣстное распространеніе, которое получили такимъ образомъ рескрипты, произвело благопріятное впечатлѣніе въ народѣ. До того времени о намѣреніяхъ правительства ходили лишь смутные слухи; не получая подтвержденія, они вызывали въ народѣ ненависть къ дворянству и недовѣріе къ органамъ правительства. Теперь же народъ могъ узнать доподлинно, чего желаетъ правительство и что̀ подготовляетъ дворянство. Возбужденіе, которое раньше отмѣчали въ своихъ донесеніяхъ губернаторы и тайная полиція и на которое они старались обратить вниманіе правительства, улеглось и уступило мѣсто сдержанному, хотя и не вполнѣ довѣрчивому ожиданію. Прекратились и слухи, будто дворяне задерживаютъ или утаиваютъ указъ объ освобожденіи. Если и воз-

никали кое-гдѣ крестьянскія волненія и бывали случаи неповиновенія властямъ, то они по большей части были направлены противъ управляющихъ имѣніями; причины ихъ часто заключались въ простомъ недоразумѣніи, и ихъ удавалось прекращать безъ труда. Изъ разныхъ мѣстъ стали вскорѣ поступать донесенія, что возбужденіе совершенно улеглось и что его больше нечего опасаться. Конечно, безотвѣтное повиновеніе крестьянъ ослабѣло, барщина отправлялась небрежно, уплата оброка просрочивалась, но прямыхъ отказовъ въ уплатѣ оброка и отбываніи барщины не было.

Заслуживаетъ вниманія, что въ то время какъ въ предшествовавшіе годы случалось среднимъ числомъ по 13 убійствъ помѣщиковъ ежегодно, въ 1858 году и слѣдующихъ годахъ едва приходилось по одному такому случаю на годъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ упомянутыхъ опасеній и тревогъ въ правительственныхъ сферахъ былъ выработанъ слѣдующій проектъ: предполагалось раздѣлить Имперію на генералъ-губернаторства и дать генералъ-губернаторамъ чрезвычайныя полномочія; далѣе, въ каждый уѣздъ предполагалось назначить воинскаго начальника также съ чрезвычайными полномочіями. Защитникомъ этого проекта выступилъ Я. И. Ростовцевъ, который едва ли не былъ также его авторомъ. Однако Н. А. Милютину удалось разстроить этотъ планъ. Ланской еженедѣльно докладывалъ государю донесенія губернаторовъ о настроеніи народа; донесенія эти предварительно обработывались въ земскомъ отдѣлѣ. Упомянутый проектъ былъ разосланъ для отзыва всѣмъ губернаторамъ. Послѣд-

ніе, зная, что министерство противъ проекта и что осуществленіе его поведетъ къ значительному ограниченію ихъ власти и значенія, высказались съ рѣдкимъ единодушіемъ безусловно противъ его принятія. Такимъ образомъ проектъ былъ отклоненъ, но государь остался недоволенъ этимъ, и только благодаря вліянію императрицы удалось возстановить его довѣріе къ Ланскому.

Съ марта адресы дворянскихъ собраній начали поступать въ большомъ количествѣ, и къ концу лѣта на большинство изъ нихъ послѣдовали отвѣтные рескрипты. Послѣдніе рескрипты были опубликованы 15 октября,—это были рескрипты сибирскимъ губерніямъ Здѣсь, такъ же какъ и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ не существовало дворянскихъ собраній, иниціатива исходила отъ губернаторовъ, во всѣхъ же остальныхъ мѣстностяхъ—отъ предводителей. Самый способъ составленія адресовъ былъ неодинаковъ въ различныхъ мѣстахъ. По закону лишь дворянское собраніе, являющееся представителемъ всего сословія, имѣло право подавать адресы съ отказомъ отъ существующихъ правъ дворянства; только оно могло возбуждать вопросъ о реформѣ, такъ глубоко затрогивавшей сословные интересы. Всѣ другіе способы составленія адресовъ стояли въ противорѣчіи съ закономъ и потому не должны были имѣть законной силы. Тѣмъ не менѣе лишь въ очень немногихъ мѣстахъ требованія закона были исполнены. Указанный закономъ путь казался особенно опаснымъ, его боялись. Два предводителя (ярославскій и смоленскій) дошли до того, что обратились съ запросомъ къ министру, имѣютъ ли они право созвать чрезвычайное

губернское дворянское собраніе для принятія резолюціи о составленіи адреса. Министръ отвѣтилъ имъ, конечно, что они исполнятъ только такимъ образомъ свою прямую обязанность. Многіе губернаторы и предводители знали, что министерство считаетъ болѣе удобнымъ вести дѣло путемъ письменныхъ сношеній съ дворянами, если же дѣло доходило до созыва собраній, то въ этомъ случаѣ предпочитаетъ уѣздныя собранія губернскимъ. Никто не задавался вопросомъ о законности всей этой процедуры; главное вниманіе было обращено на то, какъ быстрѣе и удобнѣе достигнуть намѣченной цѣли. Сенаторъ Соловьевъ въ своихъ запискахъ даже не касается вопроса о юридической правильности веденія дѣла, какъ будто этого вопроса вовсе не существовало. Онъ довольствуется регистраціей различныхъ способовъ обсужденія адресовъ и ссылкой на то, что ни въ рескриптѣ, ни въ циркулярахъ министра не предрѣшался вопросъ, кто имѣетъ право дѣлать соотвѣтственныя постановленія, какъ будто могло потребоваться особое разрѣшеніе вопроса, давно рѣшеннаго закономъ въ томъ смыслѣ, что только губернское дворянское собраніе имѣетъ право дѣлать постановленія по столь важнымъ вопросамъ, тогда какъ заключенія предводителей дворянства и уѣздныхъ собраній имѣютъ значеніе подготовительныхъ мѣръ. Губернаторы и предводители, желавшіе добиться возможно болѣе угодныхъ правительству адресовъ, избѣгали созыва губернскихъ собраній, опасаясь, что дебаты разожгутъ страсти, и оппозиціонное теченіе выступитъ въ острой формѣ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ адресы были составлены и подписаны только

предводителями, т.-е. лицами, отнюдь не уполномоченными на это закономъ. Въ другихъ губерніяхъ принимали участіе въ составленіи адресовъ и выборные депутаты отъ уѣздовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дворяне не рѣшились самостоятельно воспользоваться своимъ безспорнымъ правомъ и потребовалось особое дозволеніе, подобное тому, которое было дано нижегородскому дворянству, для обсужденія крестьянскаго вопроса на уѣздныхъ собраніяхъ. На этихъ собраніяхъ дѣлались постановленія объ адресѣ и его редакціи, при чемъ упускалось изъ виду, что по закону уѣздное собраніе имѣло право рѣшать лишь свои мѣстныя уѣздныя дѣла, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ могло дѣлать лишь подготовительные шаги. На основаніи того, что было рѣшено на уѣздныхъ собраніяхъ, предводители затѣмъ составляли адресы. Петербургскій предводитель обратился къ нѣкоторымъ, имѣвшимъ право голоса, дворянамъ и предлагалъ имъ выразить свое согласіе достойнымъ, по ихъ мнѣнію, образомъ. Въ печати извѣстенъ отвѣтъ кн. Орлова на это обращеніе [1]). Отвѣтъ отличается достоинствомъ. Князь гордо указываетъ на то, что въ Россіи правительство ввело крѣпостное право въ собственныхъ интересахъ; дворянство пріучило бродяжничавшихъ крестьянъ къ работѣ. Слѣдующая затѣмъ критика предложенныхъ мѣръ изображаетъ ихъ въ весьма мрачныхъ краскахъ. Отвѣтъ кончается слѣдующимъ образомъ: если пришло время уничтожить крѣпостное право, то слѣдуетъ вос-

[1]) Чтенія въ моск. общ. исторіи и древностей. 1872. IV. Смѣсь, стр. 186–191.

пользоваться въ отношеніи способовъ освобожденія опытомъ другихъ странъ, въ особенности же остзейскихъ губерній, и остерегаться производить пробы, не имѣющія за себя опыта другихъ мѣстностей. Прежде всего необходимо созвать чрезвычайное дворянское собраніе, которое одно только уполномочено закономъ на подобное рѣшеніе, но никоимъ образомъ не слѣдуетъ ограничиваться опросомъ нѣкоторыхъ дворянъ. Соблюденіе закона въ данномъ случаѣ послужитъ лучшей гарантіей законности вообще и соблюденія вновь издаваемыхъ законовъ въ частности. Только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ предводители добровольно или поневолѣ становились во главѣ оппозиціи, собирались губернскія собранія и въ нихъ, согласно закону, обсуждались и принимались адресы, хотя при этомъ и обнаруживалась болѣе или менѣе рѣзкая оппозиція противъ предложеній правительства.

По содержанію адресы были также весьма различны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ просто высказывалась готовность приступить къ обсужденію предположенной правительствомъ реформы; въ другихъ заявлялось согласіе допустить выкупъ не только усадебной осѣдлости, но и полевой земли, при чемъ одни предлагали также выкупъ личныхъ повинностей крѣпостныхъ; нѣкоторые (Нижегородскій уѣздъ и Сумскій уѣздъ Харьковской губерніи) предлагали выкупъ всей крестьянской земли; другіе склонялись на предложеніе правительства, но настаивали при этомъ, чтобы принципъ, положенный въ основу этого предложенія, былъ проведенъ со всею послѣдовательностью, т. е. чтобы и усадьбы, подобно полевой землѣ, перешли лишь въ пользованіе, а не въ собственность крестьянъ.

Всѣ уѣзды Харьковской губерніи, за исключеніемъ Сумского, высказались за введеніе крестьянскаго положенія остзейскихъ губерній. Воронежское дворянское собраніе предлагало дать личную свободу крѣпостнымъ. Польское дворянство отказывалось съ самаго начала отъ крѣпостного права, а въ остальномъ придерживалось рескриптовъ, пытаясь оспаривать лишь уступку крестьянамъ права собственности на усадебныя земли.

Въ русскомъ дворянствѣ, большею частью благодаря вліянію отдѣльныхъ личностей, обнаружились различныя теченія. Общее настроеніе было противъ реформы и противъ всякой уступки, но, въ виду опредѣленно заявленной воли правительства, на нее соглашались и апатично изъявляли готовность привести въ исполненіе все, что ни предложитъ правительство. Нѣкоторые, напротивъ, отмѣчали непрактичность предложеній правительства. Предложенныя основанія подверглись нападкамъ какъ со стороны тѣхъ, кто опирался на право собственности помѣщиковъ на землю и утверждалъ, что усадебная осѣдлость крестьянъ должна оставаться вмѣстѣ съ пахотною землей собственностью помѣщика, при чемъ крестьянамъ можетъ быть предоставлено лишь право аренды, такъ и со стороны тѣхъ, кто настаивалъ на выкупѣ не только усадьбы, но и всей полевой земли. Первый проектъ полнаго выкупа полевой земли путемъ выкупной операціи при участіи государства былъ представленъ тверскимъ предводителемъ дворянства. Министерство вн. дѣлъ, все болѣе подпадавшее подъ вліяніе Н. А. Милютина, также склонялось къ послѣднему взгляду. Но секретному комитету удалось

настоять на запрещеніи упоминать о выкупѣ пахотной земли, а министерство, какъ сообщаетъ Соловьевъ, не могло выходить изъ рамокъ общихъ положеній рескриптовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они были обнародованы правительствомъ. Съ этимъ мирились въ надеждѣ, что ходъ событій современемъ приведетъ самъ собою къ снятію запрещенія, и что задолженность помѣщиковъ кредитнымъ учрежденіямъ вынудитъ ихъ согласиться на выкупъ. Первый случай высказаться за пріобрѣтеніе крестьянами земли представился министерству, благодаря проекту гр. А. П. Бобринскаго, въ которомъ былъ предложенъ полный выкупъ крестьянской земли съ вознагражденіемъ помѣщиковъ изъ государственныхъ имуществъ.

Еще въ декабрѣ 1857 года было открыто 3 губернскихъ комитета, въ теченіе 1858 г. было открыто еще 40 и въ первые мѣсяцы 1859 г. начали дѣйствовать послѣдніе 5. Всего было учреждено 48 губернскихъ комитетовъ и двѣ общія комиссіи, одна—для юго-западныхъ губерній, другая—для сѣверо-западныхъ.

Соловьевъ въ своихъ запискахъ рисуетъ печальную картину всевозможныхъ интригъ при выборѣ членовъ губернскихъ комитетовъ: повсюду въ великорусскихъ губерніяхъ обнаружилось стремленіе воспользоваться этими выборами для достиженія разнообразныхъ личныхъ цѣлей. Соловьевъ упрекаетъ нѣкоторыхъ губернаторовъ въ томъ, что они изъ своихъ личныхъ соображеній представляли къ назначенію въ члены комитетовъ совершенно непригодныхъ для этого дѣла людей. Наоборотъ, одинъ изъ тогдаш-

нихъ губернаторовъ, графъ Д. Т. Знаменскій, разсказываетъ въ своихъ запискахъ[1]), что его секретное представленіе, адресованное на имя министра, оказалось напечатаннымъ въ Герценовскомъ „Колоколѣ", а предложенные имъ вполнѣ достойные кандидаты изъ помѣщиковъ были отвергнуты, и что вмѣсто нихъ министерство предписало ему сдѣлать представленіе отъ своего имени о лицахъ, указанныхъ министерствомъ, но ему (губернатору) совершенно неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ до насъ дошли взаимные упреки съ обѣихъ сторонъ. Во всѣхъ 48 губернскихъ комитетахъ было 1377 членовъ; большинство изъ нихъ было выбрано дворянствомъ, и лишь незначительное меньшинство (немного болѣе 100 человѣкъ) назначено правительствомъ. Въ губерніяхъ, гдѣ не существовало дворянскихъ собраній, какъ, напр., въ Сибири, въ губерніяхъ Архангельской, Вятской, Пермской, Олонецкой, всѣ члены назначались правительствомъ, и только въ видѣ исключенія допускались уполномоченные отъ помѣщиковъ. Ланской характеризуетъ дѣятельность комитетовъ въ своей запискѣ, поданной государю въ августѣ 1859 г., слѣдующимъ образомъ: изъ общаго числа членовъ „едва ли десятая часть занималась предложеннымъ имъ предметомъ; остальные безсознательно подчинялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ".

Согласно господствовавшей въ то время системѣ, цензура строго слѣдила за прессой и не допускала обсужденія вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ теку-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1881 г., стр. 163—176.

щей государственной жизни. Обнародованіе рескрипта 20 ноября 1857 г. было принято за дозволеніе прессѣ принять участіе въ обсужденіи способовъ отмѣны крѣпостного права. Появились даже два періодическихъ изданія, спеціально посвященныхъ вопросамъ, касающимся отмѣны крѣпостного права; это были — „Сельское Благоустройство“, которое редактировалось въ славянофильскомъ духѣ и защищало общинное землевладѣніе, и „Журналъ Землевладѣльцевъ“, защищавшій интересы крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Основанный въ 1856 г. „Русскій Вѣстникъ“ Каткова открылъ особый отдѣлъ для обсужденія крестьянскаго вопроса [1]). Для выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ реформой, въ особенности вопроса о пользѣ и возможности выкупа всей крестьянской земли при участіи государства въ этой операціи, гласное обсужденіе ихъ въ печати имѣло немаловажное значеніе. Но общественная критика государственныхъ дѣлъ стѣсняла наиболѣе вліятельные правящіе круги и вызывала опасенія, какъ бы имъ не пришлось поступиться слишкомъ многимъ. Въ концѣ концовъ имъ удалось настоять на всевозможныхъ ограниченіяхъ печати. Въ августѣ 1858 г. „Русскій Вѣстникъ“ былъ вынужденъ закрыть свой особый отдѣлъ по крестьянскому вопросу, хотя и продолжалъ касаться этой темы въ другихъ отдѣлахъ; другія два вышеназванныя изданія прекратились въ началѣ 1859 г.

По открытіи губернскихъ комитетовъ тотчасъ же возникъ вопросъ, насколько они связаны въ своей

---

[1]) Подобный же особый отдѣлъ появился и въ „Современникѣ“. *Ред.*

дѣятельности дополнительными разъясненіями министра къ рескриптамъ. По существу это былъ вопросъ праздный, такъ какъ онъ разрѣшался самимъ министерскимъ цикуляромъ, который оканчивался замѣчаніемъ, что могущія встрѣтиться отклоненія должны быть мотивированы: подобное требованіе по отношенію къ циркуляру министра, разъяснявшему Высочайшій рескриптъ, было вполнѣ понятно, но тѣмъ не менѣе самый циркуляръ не могъ имѣть иного значенія, кромѣ разъяснительнаго. Споръ возникъ изъ-за формальнаго толкованія этого вопроса чиновниками-сторонниками реформы, которые старались придать циркуляру ограничительное значеніе и не допускали уклоненій отъ него, чтобы такимъ способомъ упростить дѣло. Новый циркуляръ министра, еще подробнѣе излагавшій его взгляды и снова подтверждавшій, что мотивированныя отступленія отъ указанныхъ имъ основаній возможны, все-таки не положилъ конца этому спору.

По предложенію генерала Ростовцева главный комитетъ выпустилъ подробную программу для работъ губернскихъ комитетовъ въ видахъ объединенія ихъ дѣятельности. Сообразно этой программѣ центръ тяжести всего дѣла попрежнему долженъ былъ лежать въ работахъ губернскихъ комитетовъ. Задача ихъ была троякая:

1) Изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проекта положенія; работа эта должна была быть выполнена въ теченіе 6 мѣсяцевъ. Въ это короткое время надо было успѣть собрать необходимые матеріалы по каждому имѣнію, обсудить на уѣздныхъ собраніяхъ и, наконецъ, составить самый проектъ,

при чемъ для него заранѣе были подробно опредѣлены программа и самое содержаніе, хотя и допускались мотивированныя отступленія.

2) Приведеніе въ дѣйствіе положенія, комитетомъ составленнаго. Во время составленія этой программы еще предполагалось особое устройство крестьянъ для каждой губерніи. Позднѣе введеніе общаго крестьянскаго положенія было поручено назначенному правительствомъ комитету, и пунктъ этотъ остался безъ исполненія, какъ будто его и не существовало.

3) Начертаніе сельскаго устава (свода законовъ, касающихся крестьянъ). При удачномъ выполненіи эта работа имѣла бы несомнѣнно въ высшей степени важное и полезное значеніе, но ея совсѣмъ не начинали, и до сихъ поръ, десятки лѣтъ послѣ изданія крестьянскаго положенія, она все еще стоитъ на очереди. Благодаря отсутствію подобнаго устава, волостные суды до сихъ поръ руководятся въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ тѣмъ, что принято называть обычаемъ, но что въ дѣйствительности въ большинствѣ случаевъ означаетъ лишь личное усмотрѣніе или простой произволъ судей.

Лѣтомъ 1859 г. большинство высшихъ сановниковъ предприняли путешествія внутрь Россіи. Среди другихъ лицъ ѣздили также Бутковъ, Муравьевъ и Левшинъ; они вели разговоры съ представителями дворянства и высказывались вездѣ по поводу реформы въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Впослѣдствіи всѣмъ тремъ имъ пришлось давать объясненія государю по этому случаю. Вскорѣ послѣ того Левшинъ оставилъ свой постъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣсто былъ назначенъ въ качествѣ

„временнаго“ товарища министра Н. А. Милютинъ. Въ теченіе этого же лѣта предпринялъ поѣздку по Россіи и самъ государь—впервые послѣ своего восшествія на престолъ и послѣ заключенія мира. Государь желалъ вступить въ непосредственныя сношенія съ дворянствомъ. Всюду онъ принималъ дворянъ и въ своихъ обращеніяхъ къ нимъ говорилъ о предстоящей реформѣ. Въ Твери государь объявилъ, что онъ „уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано два депутата для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи общаго положенія всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ.“ Въ другихъ рѣчахъ (въ Костромѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ), государь объявилъ, что проектъ положенія будетъ разсматриваться въ главномъ комитетѣ, и онъ дозволитъ дворянству представить свои проекты черезъ 2 депутатовъ, которые будутъ давать необходимыя разъясненія. Въ Москвѣ онъ сдѣлалъ строгій выговоръ дворянству. Поѣздка продолжалась далѣе черезъ Смоленскъ и Вильну. Повсюду реформа служила темой для рѣчей, производившихъ желаемое воздѣйствіе. Поѣздка эта имѣла рѣшающее значеніе для послѣдующаго хода реформы. Благодаря непосредственнымъ заявленіямъ государя, великорусское дворянство пришло къ убѣжденію, что дальнѣйшія проволочки невозможны и что приходится серьезно приняться за реформу. Упомянутыя слова государя вызвали впослѣдствіи недоразумѣніе, такъ какъ дворянство считало себя въ правѣ толковать ихъ въ томъ смыслѣ, что депутаты будутъ участвовать въ обсужденіи самаго закона о реформѣ крестьянскаго быта. Между тѣмъ опубликованный 15 іюля

Высочайшій указъ гласилъ лишь, что для предварительнаго просмотра и доклада составленныхъ комитетами проектовъ будетъ учреждена особая комиссія изъ членовъ главнаго комитета: Ланского, гр. Панина, Муравьева и Ростовцева, и что губернскимъ комитетамъ предоставляется право послать въ Петербургъ по два депутата для представленія высшему правительству своихъ данныхъ и разъясненій при обсужденіи каждаго проекта. Съ этою цѣлью вновь учреждаемой комиссіи такъ же, какъ и главному комитету, будетъ предоставлено приглашать въ свои засѣданія присланныхъ губернскими комитетами членовъ и требовать отъ нихъ необходимыхъ разъясненій. Послѣ учрежденія редакціонныхъ комиссій депутаты приглашались лишь на ихъ засѣданія, о приглашеніи же ихъ въ главный комитетъ не было болѣе и рѣчи.

Я. И. Ростовцевъ провелъ лѣто этого года въ Германіи, и здѣсь на свободѣ отъ текущихъ занятій онъ могъ посвятить все свое время изученію крестьянскаго вопроса. Отсюда онъ послалъ четыре письма государю, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ реформы. По существу они не содержали ничего новаго, въ нихъ были только сведены вмѣстѣ въ простомъ изложеніи всѣ признанныя въ то время необходимыми основныя положенія реформы; но горячее чувство, которымъ проникнуты эти письма, чувство искренняго убѣжденія и преданности дѣлу произвело сильное впечатлѣніе на государя. Съ этого времени государь былъ убѣжденъ, что въ лицѣ Ростовцева онъ нашелъ человѣка, которому можетъ поручить выполненіе реформы.

3. Ростовцевъ и редакціонная коммиссія.

По своему происхожденію генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ былъ homo novus: дѣдъ его былъ слесаремъ, отецъ въ царствованіе Екатерины II сначала былъ купцомъ, затѣмъ поступилъ на службу и на службѣ возвысился. Самъ Ростовцевъ былъ младшимъ изъ пяти братьевъ; онъ родился въ 1803 году и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ; образованіе онъ получилъ поверхностное, а пополнять его чтеніемъ у него самого не было склонности. Будучи молодымъ офицеромъ, онъ занимался литературными работами и напечаталъ одну драму. Сближеніе его съ дворомъ и царской семьей началось послѣ того, какъ онъ въ письмѣ къ императору Николаю донесъ о готовившемся заговорѣ 14 декабря (въ письмѣ, впрочемъ, онъ не называлъ именъ): онъ выдвинулся и былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Въ этомъ званіи ему удалось снискать расположеніе, какъ великаго князя, такъ и самого императора Николая Павловича. Обладая острымъ природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, онъ умѣлъ пользоваться этими качествами въ своихъ и чужихъ видахъ и умѣлъ нравиться своимъ начальникамъ; поэтому онъ скоро и самъ перешелъ въ положеніе начальника. Въ 1835 г. онъ получилъ мѣсто начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, во главѣ которыхъ стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По смерти послѣдняго мѣсто это занялъ наслѣдникъ, и Ростовцевъ, сдѣлавшись его правою рукою, выказалъ себя способнымъ и надежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ. Создавъ себѣ поло-

женіе своею расторопностью и умѣніемъ приноровляться къ людямъ, онъ требовалъ тѣхъ же качествъ и отъ своихъ подчиненныхъ. Возраженій онъ не выносилъ; все, что было имъ сказано, должно было считаться умнымъ и справедливымъ. Какъ начальникъ, онъ требовалъ безусловнаго повиновенія; впрочемъ, онъ отличался добродушіемъ и выказывалъ расположеніе тѣмъ, кто умѣлъ попасть ему въ тонъ и ловко льстить, не унижаясь. Низкопоклонство онъ презиралъ. По смерти императора Николая онъ принялся вводить реформы въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, начальникомъ которыхъ былъ назначенъ. Реформы эти отличались гуманнымъ направленіемъ, и вообще онъ стремился смягчить жестокость и формализмъ, царившіе въ этихъ заведеніяхъ. По темпераменту онъ былъ сангвиникъ и легко воодушевлялся. Таковъ былъ человѣкъ, въ чьи руки въ скоромъ времени перешла руководящая роль въ дѣлѣ крестьянской реформы.

Приглашенный государемъ въ секретный комитетъ, онъ пытался сначала отклонить это назначеніе, не имѣя ни малѣйшаго знакомства съ крестьянскимъ вопросомъ; но послѣ настоятельнаго приглашенія остаться онъ усердно принялся за его изученіе.

Сначала, повидимому, онъ находился подъ вліяніемъ распространяемыхъ противниками реформы опасеній, что уничтоженіе помѣщичьей власти повлечетъ за собою всеобщую анархію. Подъ этимъ вліяніемъ онъ принялъ живое участіе въ проектѣ назначенія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ и генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайною дискреціонною властью. Спокойная, увѣренная рѣшимость, съ которой выска-

зались за отмѣну крѣпостного права, не обращая вниманія на преувеличенныя опасенія, императрица и въ особенности великая княгиня Елена Павловна, не могла не повліять на него благопріятно. Рѣшающимъ же моментомъ, опредѣлившимъ его положеніе въ этомъ дѣлѣ, было его пребываніе въ Германіи лѣтомъ 1858 г. Здѣсь онъ познакомился съ тѣмъ, какъ былъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ въ другихъ странахъ; здѣсь же онъ имѣлъ случай обмѣняться мыслями съ иностранными государственными людьми, учеными и практическими дѣятелями. По возвращеніи изъ-за границы онъ выступилъ въ качествѣ рѣшительнаго защитника реформы, хотя въ этой защитѣ онъ руководился главнымъ образомъ непосредственнымъ чувствомъ; про него нельзя сказать, что онъ усвоилъ основную идею реформы, чтобы дать ей дальнѣйшее логическое развитіе, скорѣе слѣдуетъ сказать, что эта идея захватила его и овладѣла имъ; что касается до ея дальнѣйшаго развитія, то оно выпало на долю его сотрудниковъ.

Лучшее знаніе предмета и болѣе хладнокровное отношеніе къ нему со стороны этихъ сотрудниковъ были несомнѣнно плодотворны для дѣла реформы. Самому Ростовцеву недоставало одного необходимаго для руководителя качества—способности ясно видѣть ошибки и слабости своихъ сотрудниковъ. Относясь къ дѣлу съ полною воодушевленія преданностью, онъ не могъ относиться и къ своимъ сотрудникамъ иначе, какъ съ безусловнымъ довѣріемъ. На свое назначеніе онъ смотрѣлъ какъ на обязанность, принятую имъ передъ Богомъ, царемъ и Россіей. Онъ отдался выполненію этой обязанности, насколько хватало силъ,

и сдѣлался жертвою своей неутомимой дѣятельности: до послѣдней своей минуты онъ занимался дѣломъ реформы. Самоотверженная преданность дѣлу, самоотреченіе, съ которымъ онъ шагъ за шагомъ признавалъ незрѣлость своихъ взглядовъ и подчинялся лучшему пониманію и болѣе зрѣлымъ взглядамъ своихъ сотрудниковъ, умѣніе и энергія, съ которыми онъ заступался за нихъ предъ государемъ, составляютъ его несомнѣнную заслугу. Условія времени сложились такъ, что реформу могъ провести только тотъ, кто обладалъ полнымъ и безусловнымъ довѣріемъ государя, относительно кого самъ государь былъ увѣренъ, что онъ будетъ проводить реформу въ его духѣ, согласно его основной точкѣ зрѣнія. Всѣ попытки враговъ реформы дискредитировать ее въ глазахъ государя разбивались о непоколебимое довѣріе государя къ Ростовцеву.

Вышеупомянутыя письма рисуютъ намъ какъ самого Ростовцева, такъ и то положеніе, въ которомъ находилось дѣло реформы. Въ нихъ не было ничего новаго, но именно послѣ этихъ писемъ реформа сдѣлалась неминуемой. Содержаніе ихъ наивно и обнаруживаетъ мѣстами слабость мысли, и тѣмъ не менѣе именно они вселили довѣріе къ реформѣ. Главные пункты въ нихъ очерчены ясно и формулированы общепонятно. Письма эти были отпечатаны для членовъ главнаго комитета и другихъ сановниковъ и такимъ образомъ получили извѣстность и среди широкой публики; они доставили Ростовцеву популярность въ кругу приверженцевъ реформы. Ростовцевъ разсматривалъ предметъ соотвѣтственно воззрѣніямъ своей публики и въ формѣ, доступной ея пониманію.

Поэтому назначеніе его впослѣдствіи предсѣдателемъ редакціонной комиссіи произвело на друзей реформы чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе.

Изъ его писемъ мы узнаемъ, съ одной стороны, что у него самого не было законченнаго плана реформы, съ другой стороны, что онъ былъ непоколебимо преданъ ея основной идеѣ; мы видимъ далѣе, какъ постепенно мѣнялись его воззрѣнія. Въ первомъ письмѣ онъ отвергаетъ выкупъ крестьянской земли при помощи государства, какъ вещь невозможную; въ четвертомъ—пріобрѣтеніе крестьянами земли въ собственность онъ ставитъ основною цѣлью реформы и требуетъ содѣйствія государства этой задачѣ.

Онъ убѣдительно доказываетъ, что необходимо удовольствоваться выработкой самыхъ общихъ законовъ, необходимо установить твердо лишь основныя положенія.

„И нравы, и обычаи, и мѣстныя условія,—говоритъ онъ,—чрезвычайно въ Россіи различны: для всѣхъ странъ нашего отечества общіе коренные законы могутъ быть равно пригодны и полезны; но постановленія подробныя и мелочныя по мѣркѣ всѣмъ не придутся и произведутъ замѣшательство вмѣсто порядка и вредъ вмѣсто пользы.

„И потому, смѣю повторить, надобно быть чрезвычайно осторожными въ изложеніи подробностей“.

Мысль эта, сама по себѣ вполнѣ похвальная, а въ Россіи имѣющая особенно важное значеніе, въ примѣненіи къ крестьянской общинѣ превратилась, однако, въ санкцію произвола.

„Осторожность эту надобно соблюсти и въ слѣдующихъ двухъ предметахъ: въ постановленіяхъ для

мірской общины, какъ ей въ совѣщательныхъ своихъ собраніяхъ дѣйствовать, и въ опредѣленіи рода и мѣры наказаній по приговору міра за каждый проступокъ виновнаго.

„И то и другое каждая мірская община обсудитъ и постановитъ практически, лучше всякихъ законодательныхъ теорій.

„Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что во всякомъ случаѣ о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было бы пятномъ настоящаго законодательства,—законодательства объ освобожденіи; во-вторыхъ, есть уже въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесное наказаніе, къ счастію, вовсе не употребляется.

„Нѣкоторые говорятъ, что русскій мужичокъ розгу любитъ. Точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли его отъ нея отучать?

„Каждая мірская община разберетъ это сама и, конечно, опредѣлитъ мѣры неправильнаго наказанія, соображаясь съ нравственными условіями своего общества“.

Такимъ образомъ только законодательное регулированіе и закрѣпленіе тѣлеснаго наказанія было сочтено гнуснымъ и безнравственнымъ, но въ то же время было признано возможнымъ допустить примѣненіе его въ зависимости отъ произвола многолюднаго сборища. Напротивъ, важнѣйшія крестьянскія отношенія Ростовцевъ предлагалъ подчинить всеобъемлющимъ и всеохватывающимъ правиламъ, и подчиненіе это должно было простираться такъ далеко, что утвержденіе этихъ правилъ въ законодательномъ по-

рядкѣ могло подвергнуть указанный произволъ существеннымъ ограниченіямъ.

Ростовцевъ полагалъ далѣе, что новое крестьянское положеніе должно быть таково, „чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился; чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены“.

Итакъ, реформу, по мнѣнію Ростовцева, слѣдовало оцѣнивать не объективнымъ масштабомъ, т. е. не по тому, насколько ею будутъ обезпечены за крестьяниномъ его права и возможность дѣйствительнаго улучшенія его быта, а по ея субъективнымъ результатамъ, т. е. по тому, насколько сами крестьяне почувствуютъ улучшеніе своего быта.

Больше того: „для предупрежденія волненій и бунтовъ полезно было бы обнародовать положенія со включеніемъ въ Высочайшій рескриптъ слѣдующей оговорки: „настоящее положеніе, какъ трудъ человѣческій, можетъ и должно имѣть свои несовершенства“, а потому, если бы состояніе крестьянина въ повинностяхъ его какъ личныхъ, такъ и денежныхъ не улучшилось противу прежняго, то мірской общинѣ предоставляется право обжалованія губернатору или начальнику уѣзда, какъ міръ пожелаетъ“. Это послѣднее обѣщаніе, грозившее сдѣлать всю реформу призрачною, не вошло въ текстъ законодательнаго акта о реформѣ, но достаточно было и перваго цитированнаго нами общаго положенія относительно оцѣнки достоинства реформы,- чтобы широко открыть двери для всевозможныхъ вожделѣній и надеждъ съ неизбѣжно сопровождающими ихъ разочарованіями.

Точно такъ же и помѣщикамъ были обѣщаны не

соблюденіе и охрана ихъ правъ и не законное вознагражденіе, въ случаѣ если бы нарушеніе этихъ правъ оказалось неизбѣжнымъ, но такіе законы, которые будутъ охранять ихъ интересы. Можно охранять то или другое право; что же касается охраны интересовъ, то они такъ разнообразны и такъ различно понимаются каждымъ, что едва ли найдется два человѣка одинаковаго мнѣнія о томъ, что могло бы подѣйствовать на нихъ въ этомъ отношеніи успокоительно. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ мѣриломъ для успѣха реформы признавалось субъективное мнѣніе, а не объективное право. Что касается до разсмотрѣнія губернскихъ положеній по проекту Ростовцева, то сначала они должны были подвергнуться повѣркѣ въ „земскомъ отдѣлѣ“: 1) нѣтъ ли въ немъ (въ положеніи) какихъ-либо отступленій отъ законоположеній, Высочайше утвержденныхъ собственно для крестьянскаго вопроса; 2) нѣтъ ли въ немъ отступленій вообще отъ духа государственныхъ узаконеній. Затѣмъ положенія подлежатъ провѣркѣ и обработкѣ комиссіи и, наконецъ, окончательному обсужденію главнаго комитета. Каждый проектъ провѣряется и обсуждается въ комиссіи въ отдѣльности, но утвержденіе и обнародованіе всѣхъ проектовъ должны послѣдовать одновременно для всей имперіи, чтобы соблюсти единство въ системѣ и въ основныхъ положеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться полезными мыслями каждаго проекта для всей имперіи. Отъ мнѣнія комиссіи и главнаго комитета будетъ зависѣть, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ проектовъ и ихъ окончательной сводки, либо принять одинъ общій законъ для всей имперіи, либо предпочесть необходимыя мѣстныя

видоизмѣненія и особые законы. Также и остальные необходимые для введенія новаго крестьянскаго устройства законы подлежатъ обсужденію комиссіи и главнаго комитета и потомъ уже представляются на утвержденіе государю. При обсужденіи всѣхъ этихъ законовъ принимаются въ соображеніе всѣ полезныя мысли губернскихъ комитетовъ. Въ противность послѣднему заявленію министерство внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ надъ проектами реформы мѣстнаго управленія работалъ Милютинъ, обратило вниманіе губернскихъ комитетовъ на то, что въ кругъ ихъ обязанностей не входитъ обсужденіе вопроса о реформѣ мѣстнаго крестьянскаго управленія, и что объ этомъ позаботится уже само правительство.

Ростовцевъ кончаетъ свои письма слѣдующими словами: „Молю Бога, чтобы вѣрованіе мое оправдалось; но если все вышеизложенное, обработанное и улучшенное, приведется въ исполненіе, то исходъ крестьянскаго вопроса представляется мнѣ въ радужномъ видѣ: крестьяне получатъ свободу полную, и даже не въ слишкомъ продолжительномъ времени они зачнутъ богатѣть; цѣнность помѣщичьихъ имѣній возрастетъ быстро, а при добросовѣстности и образованности мѣстной полиціи (наличность этого послѣдняго условія предполагается, но какъ и откуда оно появится, объ этомъ ничего не сказано) закоренѣлыя злоупотребленія зачнутъ исчезать, и правительство получитъ много кандидатовъ на высшія мѣста какъ губернскаго, такъ и государственнаго управленія“.

Государь сообщилъ главному комитету существенное содержаніе этихъ писемъ въ качествѣ руководящихъ началъ для дальнѣйшаго обсужденія кре-

стьянскаго вопроса. Поскольку начала эти касаются регулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами, они цѣликомъ взяты изъ рескриптовъ. Разница заключается лишь въ слѣдующемъ: „помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей; полицейская власть надъ отдѣльными крестьянами принадлежитъ міру, а не помѣщику; при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на IX главу программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ (§ III циркуляра министра отъ 21 ноября), сообразивъ можетъ ли эта глава оставаться въ прежнемъ видѣ".

„Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками. Для этого слѣдуетъ: а) сообразить, какіе именно способы могутъ быть предоставлены со стороны правительства для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу поземельныхъ ихъ угодій, и б) опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ". Оба эти положенія вносили существенныя перемѣны сравнительно съ первоначальной программой указанной губернскимъ комитетамъ. Согласно первоначальной программѣ помѣщикъ дѣлался начальникомъ общины, получалъ право утверждать или отвергать всѣ ея рѣшенія, получалъ полицейскую власть, и мірскіе старосты подчинялись ему; теперь же полицейская власть надъ личностью крестьянина уничтожалась, и вмѣсто этого помѣщикъ ставился въ неопредѣленныя отношенія къ цѣлому міру. Согласно первоначальной программѣ весь надзоръ надъ крестьянами передавался дворянству, вслѣдствіе чего власть и вліяніе послѣдняго должны были значительно возвыситься, такъ какъ мѣра эта

выражала бы собою довѣріе къ дворянству и недовѣріе къ чиновникамъ и бюрократіи. Теперь же выходило наоборотъ.

Что же касается до общественнаго и политическаго значенія дворянства, то второе изъ цитированныхъ предложеній Ростовцева затрогивало экономическое положеніе дворянства. Если бы крестьяне, получая свободу, не дѣлались собственниками, то они оказались бы въ полной экономической зависимости отъ помѣщика. Цѣнность и значеніе земельной собственности должны были бы возрасти, такъ какъ не было бы недостатка въ работникахъ. Теперь же всѣ условія коренным образомъ мѣнялись, и крестьянинъ дѣлался сравнительно самостоятельнымъ.

Итакъ, въ письмахъ Ростовцева были указаны задачи величайшей важности,—отъ способа ихъ разрѣшенія зависѣлъ весь характеръ реформы. Въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась въ то время, рѣшеніе могло быть намѣчено лишь въ общихъ чертахъ. Предметъ реформы, ея цѣли были установлены, средства и пути были еще неясны. Вопросъ сводился къ тому, въ какомъ духѣ будутъ примѣняться основныя положенія при дальнѣйшей выработкѣ деталей, въ чьи руки попадетъ дѣло. Въ то же время во взглядахъ правительства обнаружился значительный прогрессъ—основною цѣлью реформы правительство стало считать пріобрѣтеніе земельной собственности крестьянами.

Но параллельно съ этимъ прогрессомъ во взглядахъ правительства возникло нѣкоторое смѣшеніе понятій, и роковымъ слѣдствіемъ его были недоразумѣнія и ошибки, дѣйствіе которыхъ сказывается до сихъ

поръ. Съ самаго начала правительство было убѣждено, что отмѣну крѣпостного права невозможно связать съ выкупомъ земли посредствомъ общей финансовой операціи, и что крѣпостные могутъ получить только личную свободу. Опасаясь въ случаѣ внезапнаго освобожденія всеобщаго переселенія, которое могло бы поколебать весь государственный и общественный строй или по крайней мѣрѣ вызвать серьезное затрудненіе, правительство предполагало въ цѣляхъ пріученія крестьянъ къ осѣдлости установить продолжительный срокъ переходнаго времени, въ теченіе котораго крестьяне оставались бы прикрѣпленными къ землѣ и не имѣли бы права произвольно покидать ее. Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ продолженіе этого срока представлялись правительству въ формѣ отношеній арендаторовъ, подчиненныхъ полицейской власти помѣщика. Это называлось срочно-обязаннымъ состояніемъ; въ немъ обыкновенно видѣли только одну сторону — лишеніе свободы переселенія и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ—и забывали про другую—про то право, которое получали крестьяне вслѣдствіе того, что во все это время ихъ нельзя было удалить съ земли и нельзя было возвысить арендную плату. Полная свобода должна была наступить съ дозволеніемъ свободы передвиженія. При такихъ условіяхъ главная задача реформы состояла въ точномъ опредѣленіи правилъ переходнаго періода; о дальнѣйшемъ въ то время еще не думали. Первоначальные противники реформы, вынужденные противъ воли приступить къ ней, держались того взгляда, что урегулированіемъ переходнаго времени кончаются обязанности правительства: по

истеченіи этого времени крестьянинъ получаетъ полную личную свободу, а помѣщикъ становится неограниченнымъ хозяиномъ своей земли и можетъ сдавать ее на какихъ угодно условіяхъ. Между тѣмъ правительство отнюдь не имѣло въ виду подобнаго исхода реформы, хотя содержаніе правительственныхъ актовъ по крестьянскому вопросу и могло быть истолковано въ такомъ смыслѣ. Когда же правительство ясно поставило цѣлью реформы пріобрѣтеніе крестьянами поземельной собственности, то изъ этого признанія непосредственно вытекало, что временно-обязанное состояніе, въ теченіе котораго крестьяне должны оставаться арендаторами, прикрѣпленными къ землѣ, само по себѣ не могло быть конечной задачей реформы, что и на самомъ дѣлѣ это состояніе будетъ имѣть значеніе переходнаго, и что крестьяне еще до истеченія переходнаго времени могутъ получить полную свободу, пріобрѣтая землю въ собственность. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе земли въ собственность сдѣлалось синонимомъ свободы и устраненія всякой зависимости, и въ то же время прочно установилось то положеніе, что только собственникъ земли дѣлается свободнымъ, а что арендаторъ ея остается „обязаннымъ“, не свободнымъ. Отсюда, — чтобы всѣ могли сдѣлаться свободными, всѣ должны сдѣлаться земельными собственниками. Это именно и было то роковое заблужденіе, которое создало непреодолимыя препятствія для развитія жизнеспособнаго (tüchtig) крестьянства.

До того времени литература не имѣла возможности выступать открыто и прямо въ защиту пріобрѣтенія земли крестьянами; когда же само правительство при-

шло къ этой мысли, въ печати началось всестороннее обсужденіе ея. Въ печати доказывалась польза и возможность перехода земли въ собственность крестьянъ, и тѣмъ самымъ оказывалась существенная помощь распространенію правильныхъ взглядовъ на реформу. Но одновременно съ этимъ въ литературѣ доказывалось также и то, что развитіе Россіи идетъ совершенно особеннымъ путемъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго въ исторіи: грандіозность и своеобразіе этого развитія обезпечиваютъ возможность избѣжать ошибокъ, сдѣланныхъ въ западной Европѣ. Отдѣльныя лица много и горячо спорили о преимуществахъ и недостаткахъ общиннаго землевладѣнія, увлеченіе славянофиловъ этой формой владѣнія встрѣчало много противниковъ, однако всѣ были согласны въ одномъ — именно, что каждый крестьянинъ долженъ получить землю. Но осуществленіе этого требованія дѣлало необходимымъ такое раздробленіе земли, при которомъ занятіе земледѣліемъ должно было въ большинствѣ случаевъ стать для крестьянъ невыгоднымъ, а отсюда вытекала необходимость для всѣхъ крестьянъ искать побочныхъ заработковъ при невозможности найти ихъ, такъ какъ нужда повсюду должна была оказаться одинаковой. Никто не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что нельзя обезпечить благоденствіе народа иначе, какъ путемъ образованія въ его средѣ ядра крѣпкихъ хозяйственныхъ крестьянъ, вокругъ которыхъ могли бы сгруппироваться остальные въ качествѣ ремесленниковъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, что всегда будутъ существовать бѣдные и богатые, что всегда масса рабочихъ будетъ жить исключительно трудомъ рукъ своихъ, что необходимость постоянно работать

для поддержанія своего благосостоянія составляетъ могущественное побужденіе къ полезной дѣятельности, и что въ такомъ побужденіи особенно должно нуждаться крестьянство, освобождающееся отъ крѣпостной зависимости. Всѣ проекты реформы, считавшіеся съ неизбѣжнымъ возникновеніемъ подобныхъ различій или пытавшіеся указать основанія для ихъ возникновенія, отвергались, какъ предложенія, проникнутыя феодальнымъ и аристократическимъ духомъ, а защитники подобныхъ мнѣній подвергались подозрѣнію въ намѣреніи вернуться къ крѣпостному праву лишь въ иной формѣ. Общимъ лозунгомъ была демократическая организація крестьянства на началахъ равенства, хотя открыто этого и не говорили. Всякій надзоръ, всякое вліяніе со стороны помѣщика на получавшихъ свободу крѣпостныхъ, всякая попытка сохраненія его авторитета въ крестьянскихъ дѣлахъ безусловно отвергались. Причины такого отношенія къ крестьянскому вопросу ясны. Прошлое не давало никакихъ основаній для предположенія, что помѣщики въ качествѣ чиновъ надзора будутъ руководиться правомъ и закономъ. Тамъ, гдѣ произволъ до такой степени вошелъ въ плоть и кровь, что для крестьянскаго міра требовали неограниченнаго и безконтрольнаго права наказывать своихъ членовъ по усмотрѣнію, тамъ невольно чувствовалось, что и особые чины надзора будутъ дѣйствовать не иначе, какъ по своему произволу. Отдавать это право произвола въ руки помѣщиковъ не хотѣли, такъ какъ это повело бы къ усиленію сословнаго значенія и вліянія дворянства, а противъ этого энергично боролась бюрократія, въ лицѣ своихъ высшихъ и низшихъ орга-

новъ, возстававшая противъ всякой самостоятельной силы, опирающейся на предоставленныя ей закономъ правомочія.

Уклоненіе Россіи отъ общихъ законовъ развитія европейской цивилизаціи не обошлось ей даромъ. Если желали совершенно избѣжать долгаго переходнаго времени, если не хотѣли довѣрить дворянству воспитаніе крестьянина для веденія жизнеспособнаго сельскаго хозяйства, то слѣдовало рѣшиться на коренное измѣненіе всего экономическаго строя крестьянства въ смыслѣ образованія и округленія жизнеспособныхъ хозяйственныхъ единицъ, въ смыслѣ тщательнаго устройства положенія крестьянъ, которое потребовало бы массу работы, массу времени и громадныхъ издержекъ. Нѣкоторые высказывались откровенно, что такая работа желательна, но что нѣтъ возможности затратить на нее столько силъ: нѣтъ ни необходимаго времени, ни необходимыхъ средствъ. Работу необходимо кончать быстро, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ: можно быть увѣреннымъ лишь въ томъ, что взято сразу, все остальное сомнительно, такъ какъ условія могутъ измѣниться. Тѣ, которые говорили такъ, не знали, потому что не имѣли собственнаго опыта, что всякое правовое развитіе происходитъ лишь медленно и постепенно, что полученіе какого-либо новаго права требуетъ напряженнаго труда и усилій со стороны получающихъ его—прежде всего труда надъ самими собой,—и что трудъ этотъ бываетъ добровольнымъ или принудительнымъ, смотря по тому, хотятъ ли этого права получающіе его, или же оно даруется имъ свыше.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ губернскихъ коми-

тетовъ окончили составленіе своихъ проектовъ и они уже находились на разсмотрѣніи въ земскомъ отдѣлѣ, труды другихъ комитетовъ близились къ концу, въ большинствѣ же случаевъ работа была въ полномъ разгарѣ. Основательность этой работы едва ли могла выиграть отъ того, что время ея выполненія было ограничено шестимѣсячнымъ срокомъ. Министерство вн. дѣлъ черезъ посредство земскаго отдѣла постоянно подгоняло и торопило комитеты и побуждало ихъ къ энергичной работѣ, оказывая въ то же время вліяніе на ея направленіе посредствомъ циркуляровъ, разъяснявшихъ спорные пункты. Главнымъ образомъ старались поддержать и подкрѣпить либеральное меньшинство губернскихъ комитетовъ. Съ другой стороны, приходилось вести постоянную борьбу съ препятствіями, которыя ставились реформамъ въ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ кругахъ. Приходилось опровергать возобновлявшіяся время отъ времени опасенія и неблагопріятные толки о текущемъ положеніи дѣлъ, противопоставляя имъ сводку всевозможныхъ донесеній и тщательно сгруппированныхъ статистическихъ данныхъ.

Еще прежде, чѣмъ правительство усвоило себѣ мысль, что главною цѣлью реформы должно быть пріобрѣтеніе крестьянами земли, цѣль эта была уже принята въ соображеніе въ трудахъ многихъ комитетовъ. Раньше подобныя отступленія отъ программы строго запрещались (какъ было, напр., съ ковенскимъ комитетомъ), теперь же, послѣ перемѣны во взглядахъ правительства, тверскому комитету, въ которомъ участвовалъ Унковскій, и нѣкоторымъ другимъ было дозволено составить особые проекты пріобрѣ-

тенія крестьянами земли посредствомъ общей финансовой операціи. Тѣмъ не менѣе еще въ маѣ 1859 г. въ одномъ изъ министерскихъ циркуляровъ подтверждалось, что комитеты не имѣютъ права предлагать въ своихъ проектахъ такіе способы выкупа, которые потребовали бы какихъ бы то ни было жертвъ изъ средствъ государственнаго казначейства, такъ какъ правительство отнюдь не намѣрено принимать на себя финансовой гарантіи въ цѣляхъ выполненія выкупной операціи. Къ сожалѣнію, даже ограниченное такими рамками дозволеніе обсуждать вопросъ о выкупѣ земли пришло слишкомъ поздно для многихъ комитетовъ, въ которыхъ работа уже подвинулась далеко впередъ.

И въ личныхъ объясненіяхъ государя съ дворянами, и въ различныхъ правительственныхъ актахъ неоднократно выражалось желаніе государя, чтобы крестьянскую реформу, непосредственно затрогивавшую интересы дворянства и требовавшую отъ него значительныхъ жертвъ, начало и выполнило само дворянство, при чемъ для обсужденія составленныхъ дворянами проектовъ крестьянскаго положенія предполагалось даже созвать депутатовъ отъ дворянства. Дворянство должно было само отказаться отъ тѣхъ правъ, отмѣна которыхъ требовалась во имя государственнаго блага и блага крестьянства; такимъ образомъ какъ бы сохранялась неприкосновенность правъ дворянства. Я. Соловьевъ пытается поставить въ заслугу министерству вн. дѣлъ, что именно оно возбудило вопросъ о привлеченіи помѣщиковъ и свѣдущихъ лицъ къ работамъ правительственныхъ комиссій, которыя вскорѣ должны были возникнуть по проекту Ростовцева. Принимая во вниманіе однако, что

черезъ всѣ распоряженія министерства вн. дѣлъ красною нитью проходило стремленіе или совсѣмъ устранить инниціативу дворянства или же по возможности ее ограничить, мы едва ли можемъ усмотрѣть въ предложеніи министерства, о которомъ говоритъ Соловьевъ, что-либо иное, кромѣ попытки превратить дворянскихъ депутатовъ въ экспертовъ, лишивъ ихъ значенія представителей сословія. Извѣстно, что такъ и случилось на самомъ дѣлѣ при учрежденіи редакціонныхъ комиссій, до того же времени министерство прямо оспаривало право дворянства обсуждать на своихъ собраніяхъ крестьянскій вопросъ. Въ тульскомъ дворянскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ, подлежитъ ли проектъ губернскаго комитета утвержденію собранія. По закону право рѣшенія такого важнаго вопроса безспорно принадлежало собранію, тѣмъ болѣе, что дѣло шло объ отказѣ дворянства отъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ правъ и потому очевидно оно могло быть рѣшено только всей корпораціей, но отнюдь не нѣсколькими лицами, замѣщавшими ее. Къ тому же государь неоднократно заявлялъ, что реформа должна исходить отъ дворянства, и оно же должно выполнить ее. Характеренъ взглядъ либеральныхъ чиновниковъ на это безспорно принадлежавшее дворянству право. Соловьевъ пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Изъ случая въ Тульской губерніи правительство усмотрѣло, что между дворянами существовала мысль не ограничивать своего участія въ крестьянскомъ дѣлѣ предѣлами, указанными правительствомъ; въ упомянутомъ случаѣ обнаружилось стремленіе дворянъ присвоить право дворянскимъ собраніямъ обсуждать проекты положе-

ній, которые будутъ составлены комитетами. Это доказательство контроля надъ дѣйствіями комитетовъ выразилось въ другой губерніи въ иномъ видѣ: именно заявлено было требованіе, чтобы члены комитетовъ при обсужденіи мѣръ, относившихся къ устройству крестьянскаго быта, держались мнѣній, выраженныхъ ихъ дворянами на уѣздныхъ совѣщаніяхъ. Правительство, допустивъ составленіе первыхъ предположеній по устройству крестьянскаго быта комитетами, составленными почти исключительно изъ членовъ, избранныхъ дворянами-помѣщиками, далѣе этого не могло итти. Оно не могло стѣснить себя такимъ широкимъ участіемъ въ крестьянскомъ дѣлѣ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, котораго домогались дворяне, безъ опасенія ущерба для другой стороны— крестьянъ, которые не были и не могли быть призваны къ участію въ дѣлѣ".

Софизмъ, кроющійся въ этомъ разсужденіи, становится очевиднымъ, если принять во вниманіе дѣйствительныя обстоятельства того дѣла, по поводу котораго написаны цитированныя строки. По закону крѣпостные находились въ полномъ неограниченномъ подчиненіи помѣщикамъ, государство управляло ими единственно черезъ посредство помѣщиковъ, и это не было злоупотребленіе, но таковъ былъ законъ. Если правительство желало поступать законно, оно должно было выслушать, какъ и какимъ образомъ предлагаетъ дворянство отмѣнить это предоставленное ему закономъ право. Императоръ Александръ II выразилъ свою волю твердо и недвусмысленно. Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ дворянскихъ собраніяхъ и постановленія собраній по этому поводу

отнюдь не могли считаться вторженіемъ въ законодательную дѣятельность правительства: эти постановленія имѣли бы для правительства значеніе простыхъ предложеній, лишенныхъ обязательной силы. Никто не выказывалъ въ то время желанія ограничить законодательную или административную дѣятельность правительства, было лишь одно желаніе — обезпечить себя отъ административнаго произвола и воспользоваться предоставленнымъ дворянству правомъ непосредственнаго обращенія къ государю помимо администраціи. Но даже эти попытки сослаться на законъ, на ясно и опредѣленно выраженную волю государя, остались единичными и робкими, большинство же дворянства пребывало въ бездѣйствіи, занималось теоретическими разсужденіями и позволяло дѣлать съ собой, что угодно. Большинство главнаго комитета было противъ реформы и всѣми силами старалось помѣшать ей посредствомъ интригъ, личныхъ вліяній и распространенія неблагопріятныхъ слуховъ; однако комитетъ ни разу не рѣшился ясно и опредѣленно заявить о своихъ взглядахъ; отдѣльные члены его пытались вліять на дворянство и возбуждать его къ оппозиціи. Но самъ комитетъ ни разу не рѣшился выступить въ защиту правъ дворянства, наоборотъ, онъ сдѣлалъ постановленіе, которымъ дворянскимъ собраніямъ воспрещалось входить въ обсужденіе предметовъ, касавшихся крестьянскаго вопроса. Постановленіе это было утверждено государемъ 17 января 1859 г. Его разослали, однако, только тѣмъ губернаторамъ, въ губерніяхъ которыхъ предполагались въ то время дворянскія собранія. Соловьевъ съ чувствомъ удовлетворенія констатируетъ, что собранія

подчинились молча и безъ всякаго протеста, такъ что въ обществѣ даже не знали о существованіи этого запрета: онъ сдѣлался извѣстнымъ лишь впослѣдствіи, когда тверское собраніе пыталось защищать свои согласныя съ закономъ права, исходя изъ той точки зрѣнія, что всякое право заключаетъ въ себѣ и соотвѣтственную обязанность. Дворянскую оппозицію, поскольку она выражалась на дворянскихъ собраніяхъ и въ губернскихъ комитетахъ, надо отличать отъ оппозиціи въ средѣ приближенныхъ къ государю, исходившей отъ старыхъ сановниковъ имп. Николая I-го и отъ представителей высшихъ придворныхъ круговъ. Придворная оппозиція была направлена къ тому, чтобы помѣшать реформѣ, потому что лица, отъ которыхъ исходила эта оппозиція, хотѣли управлять и распоряжаться по старинѣ и не могли приспособиться къ новымъ условіямъ. Дворянская оппозиція сначала попала подъ руководство придворной оппозиціи, и благодаря этому дворянство выпустило изъ своихъ рукъ дѣло реформы. Когда же дворянство изъ словъ самого государя убѣдилось, что реформа есть дѣло безповоротно рѣшенное, то оно занялось ею и, съ своей стороны, старалось содѣйствовать ей. То обстоятельство, что при этомъ дворянство желало также выступить въ защиту своихъ интересовъ, не можетъ быть поставлено ему въ вину: защиту интересовъ крестьянъ взяло на себя еще ранѣе того правительство, да и въ средѣ самого дворянства было не мало лицъ, выступавшихъ защитниками крестьянскихъ интересовъ.

Учрежденіе редакціонныхъ комиссій совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ засѣданіи комиссіи глав-

наго комитета 26 января 1859 г. Ростовцевъ предложилъ учрежденіе „особыхъ комиссій для составленія сводовъ проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ“. Общей комиссіи, образованной изъ чиновниковъ различныхъ министерствъ, поручалось составить на основаніи упомянутаго матеріала общія законоположенія „о личныхъ правахъ крестьянъ, какъ срочно-обязанныхъ, такъ и свободныхъ; о поземельныхъ правахъ помѣщиковъ; о дворовыхъ людяхъ; объ образованіи сельскихъ обществъ“. Затѣмъ предполагалось образовать особую комиссію изъ экспертовъ, назначаемыхъ отъ тѣхъ же вѣдомствъ; она должна была заняться сводомъ мѣстныхъ законоположеній, „примѣняющихся къ различію мѣстныхъ условій, въ которыя войдутъ положенія: объ усадьбахъ, о надѣлѣ и вообще полевыхъ участкахъ; о повинностяхъ крестьянъ и о переходѣ крестьянъ изъ срочно-обязанныхъ въ свободное сельское сословіе посредствомъ выкупа или иными путями“. Наконецъ, проектировалась еще комиссія финансовая „изъ лицъ, спеціально изучавшихъ финансовыя науки и практически знающихъ Россію“. Комиссіямъ „для сбереженія времени должно было быть вмѣнено въ обязанность вмѣстѣ съ отчетливымъ и систематическимъ составленіемъ свода представлять и свои окончательныя заключенія“. Такъ какъ дѣло шло исключительно о предварительной работѣ, то въ предсѣдатели этихъ новыхъ комиссій предполагалось назначить дѣлопроизводителя комиссіи главнаго комитета [1]), назначеніе же членовъ предоставить главному комитету. Государь утвердилъ этотъ проектъ, но сдѣлалъ

[1]) С. М. Жуковскаго. *Ред.*

въ немъ весьма существенныя измѣненія. Редакціонныя комиссіи учреждались для „составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и *для начертанія общаго положенія о крестьянахъ и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся*". Предсѣдателемъ обѣихъ комиссій былъ назначенъ Ростовцевъ, и ему же былъ предоставленъ выборъ членовъ комиссій.

Расширеніе задачи комиссій имѣло огромное значеніе; оно явилось по личной иниціативѣ государя и совершенно неожиданно. Центръ тяжести всего дѣла переносился теперь изъ главнаго комитета въ редакціонныя комиссіи, и на нихъ возлагалось составленіе не только отдѣльныхъ крестьянскихъ положеній, но и общихъ законоположеній съ частными правилами для различныхъ мѣстностей. Далѣе, чрезвычайно важное значеніе имѣлъ выборъ предсѣдателя. Уже одно то обстоятельство, что то самое лицо, чьи совѣты государь предлагалъ главному комитету для руководства, было поставлено во главѣ редакціонныхъ комиссій, придавало дѣятельности послѣднихъ рѣшающее значеніе. Кромѣ того, и по своимъ личнымъ качествамъ Ростовцевъ въ случаѣ надобности не затруднился бы и самъ расширить кругъ дѣйствій комиссій или предоставилъ бы сдѣлать это другимъ. Наконецъ, то, что ему, а не главному комитету было предоставлено право назначить членовъ комиссій, опредѣлило весь характеръ и направленіе ихъ дѣятельности. Ростовцевъ назначилъ, по соглашенію съ начальниками вѣдомствъ, чиновниковъ изъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, изъ департамента удѣловъ, II отдѣленія соб-

ственной Его Величества канцеляріи и канцеляріи государственнаго совѣта. Эксперты были избраны по большей части изъ либеральнаго меньшинства губернскихъ комитетовъ, отчасти изъ помѣщиковъ, извѣстныхъ въ качествѣ опытныхъ сельскихъ хозяевъ или выказавшихъ особый интересъ къ дѣлу [1]).

Такъ какъ предсѣдателю было предоставлено право дать комиссіямъ „внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію", то обѣ комиссіи соединились въ одну и раздѣлились на три отдѣленія: юридическое, административное и хозяйственное. Первыя два соотвѣтствовали проектированнымъ общимъ комиссіямъ, третья же—частной. Не было соблюдено и предположенное главнымъ комитетомъ распредѣленіе членовъ по отдѣленіямъ, согласно которому одна комиссія должна была состоять изъ чиновниковъ, другая—изъ экспертовъ; члены распредѣлялись по отдѣленіямъ по собственному желанію, такъ что каждое состояло и изъ чиновниковъ, и изъ экспертовъ. Оба постоянныхъ члена, Соловьевъ и Жуковскій, засѣдали во всѣхъ отдѣленіяхъ, нѣкоторые изъ членовъ—въ двухъ, большинство же—лишь въ одномъ. 27 апрѣля была образована финансовая комиссія изъ 7 членовъ, назначенныхъ государемъ; она составляла четвертое отдѣленіе комиссіи, и нѣкоторые изъ его членовъ также принимали участіе въ работахъ другихъ отдѣленій. Общее присутствіе состояло изъ всѣхъ членовъ. Юридическое отдѣленіе занималось опредѣленіемъ правъ и обязанностей кре-

---

[1]) При этихъ назначеніяхъ Ростовцевъ руководился совѣтами и указаніями Н. Милютина и Я. Соловьева. *Ред.*

стьянъ и дворовыхъ людей, а также поземельныхъ правъ помѣщиковъ; административное—внутреннимъ устройствомъ крестьянскихъ обществъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ; хозяйственное—поземельными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, т.-е. вопросами объ усадьбахъ, надѣлѣ, повинностяхъ и выкупѣ; финансовое—организаціей выкупа земли. Въ общемъ комиссія состояла изъ 36 членовъ: 11 чиновниковъ, 18 экспертовъ и 7 членовъ финансовой комиссіи, также чиновниковъ. Изъ всѣхъ этихъ членовъ лишь 7—8 человѣкъ можно было причислить къ консервативному направленію, остальные же всѣ были либералы и рѣшительные сторонники освобожденія, склонные воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы добиться возможно бо̀льшаго для крестьянъ; нѣкоторые задавались кромѣ того цѣлью по возможности ослабить вліяніе дворянства и не дать ему возможности получить преобладающее значеніе въ государствѣ. Наибольшимъ вліяніемъ въ комитетѣ пользовался Н. А. Милютинъ и славянофилы Юрій Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій. Изъ членовъ финансовой комиссіи заслуживаютъ упоминанія: будущіе министры финансовъ Рейтернъ и Бунге, Ю. А. Гагемейстеръ, Е. И. Ламанскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и К. И. Домонтовичъ. По поводу назначенія Милютина Соловьевъ въ своихъ мемуарахъ, равно какъ и многіе другіе, выражаетъ удивленіе, что Милютинъ, много лѣтъ занимавшійся крестьянскимъ вопросомъ и являвшійся, собственно говоря, единственнымъ лицомъ, подготовленнымъ къ дѣлу, былъ такъ поздно привлеченъ къ непосредственному участію въ немъ. Къ этому Соловьевъ до-

бавляетъ, что именно онъ пригласилъ Милютина, имѣя въ виду, что послѣдній долженъ оказаться весьма полезнымъ какъ по своему уму и дѣловой опытности, такъ и по своимъ связямъ по службѣ и въ обществѣ. Сверхъ того, весьма вѣроятно, что назначенію Милютина много способствовала рекомендація великой княгини Елены Павловны.

4-го марта состоялось открытіе редакціонныхъ комиссій. Первыя засѣданія были посвящены организаціи отдѣленій и распредѣленію порядка работъ. Было постановлено печатать труды комиссіи (въ 3000 экз.) и разсылать министрамъ, губернаторамъ и предводителямъ для того, чтобы эти лица, равно какъ и депутаты губернскихъ комитетовъ, имѣли возможность слѣдить за ходомъ работъ, судить объ ихъ результатахъ и подвергать ихъ критикѣ.

Какъ уже сказано, съ этого времени редакціонная комиссія получаетъ характеръ законодательной комиссіи.

Ростовцевъ предложилъ, въ видахъ устраненія недоразумѣній, споровъ и разногласія, установить рядъ основныхъ положеній, которыми комиссія могла бы руководиться въ своихъ работахъ. Хотя Ростовцевъ и просилъ „непремѣнно включить въ журналъ оговорку, что каждому изъ членовъ предоставляется полная свобода высказывать свои убѣжденія“, однако подобное предустановленіе основныхъ положеній налагало на членовъ извѣстныя ограниченія, которыми они были тѣмъ болѣе связаны, что вначалѣ членами комиссіи были въ большинствѣ чиновники. Когда же при дальнѣйшемъ обсужденіи два члена комиссіи, принадлежавшихъ къ консервативно-аристо-

кратической партіи, выступили съ принципіальной оппозиціей во имя своихъ матеріальныхъ интересовъ, либеральное большинство охотно оказывало поддержку предложеніямъ Ростовцева, такъ какъ всѣ они клонились къ тому, чтобы предоставить комиссіи возможность изложить или вѣрнѣе распространить правительственную программу сообразно своимъ взглядамъ. Въ числѣ основныхъ положеній, выставленныхъ Ростовцевымъ, было слѣдующее: цѣль реформы — не одно только достиженіе личной свободы, но также пріобрѣтеніе крестьянами земли; пріобрѣтеніе это должно быть добровольнымъ. Съ послѣднимъ добавленіемъ не соглашалось либеральное большинство, усматривавшее въ немъ недостаточную заботливость о крестьянахъ, и Ростовцеву удалось настоять на его принятіи лишь ссылкой на то, что такова непремѣнная воля государя. Зато, когда при перечисленіи различныхъ способовъ прекращенія срочно-обязаннаго состоянія (путемъ выкупа въ теченіе 12 лѣтъ надѣльной земли, путемъ покупки земли въ другомъ мѣстѣ, путемъ перехода изъ крестьянскаго въ другое сословіе), Ростовцевъ совсѣмъ не упомянулъ о прекращеніи его посредствомъ добровольнаго соглашенія, да еще прибавилъ, что по истеченіи 12-лѣтняго срока „правительство для приведенія срочно-обязаннаго состоянія къ окончанію приметъ мѣры, согласныя съ обстоятельствами и потребностями того времени“, руководители большинства сразу поняли, сколько выгодъ для крестьянъ можно извлечь изъ этого пункта, и сейчасъ же согласились на предложеніе Ростовцева. Угроза примѣненія принудительныхъ мѣръ хотя бы и въ столь отдаленномъ будущемъ лишала вся-

каго смысла правило о добровольномъ соглашеніи относительно выкупа земли. Кн. Паскевичъ и гр. Шуваловъ возражали противъ этого предложенія, ссылаясь на то, что проектируемое Ростовцевымъ добавленіе, формулированное весьма неопредѣленно, должно сдѣлать неосуществимымъ желаніе государя о добровольномъ выкупѣ земель. Споры по этому вопросу велись съ обѣихъ сторонъ съ большою горячностью; одни говорили, что предлагаемое рѣшеніе вопроса грозитъ поколебать основы государственнаго строя, другіе упрекали противниковъ въ томъ, что своею оппозиціей противъ реформы они подвергаютъ государство величайшей опасности. Оппоненты Ростовцева и либеральнаго большинства старались опереться на волю государя, высказавшагося безусловно за добровольный выкупъ, и доказывали довольно основательно, что добровольныя соглашенія совсѣмъ не будутъ свободными при обѣщаніи примѣненія принудительныхъ мѣръ хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, и что подобное, отнюдь не свободное, соглашеніе для помѣщиковъ хуже заранѣе объявленнаго обязательнаго выкупа.

Большинство комиссіи, не оспаривая по существу этихъ возраженій, ссылалось въ свою очередь на волю государя, который указалъ, какъ на конечную цѣль реформы, на пріобрѣтеніе земельной собственности всѣми крестьянами, выходящими изъ крѣпостной зависимости. Ясно, что спорящіе исходили въ своихъ разсужденіяхъ изъ совершенно различныхъ посылокъ и потому, конечно, не могли столковаться между собою и не могли убѣдить другъ друга. То же самое повторилось и впослѣдствіи во

время споровъ комиссіи съ депутатами, когда это противорѣчіе выступило еще яснѣе, и когда дѣло дошло до того, что комиссія открыто заявила, что реформа не можетъ быть выполнена на основаніяхъ дѣйствующаго права, и что комиссія исходитъ изъ соображеній государственной необходимости. Комиссія, если судить на основаніи данной ей программы, не была уполномочена ссылаться на подобныя соображенія, но въ рѣшительную минуту мотивы, выставленные комиссіей, были одобрены свыше, и конфликтъ разрѣшился тѣмъ, что государь по личному докладу Ростовцева утвердилъ мнѣніе большинства и призналъ такимъ образомъ, что окончательною цѣлью реформы является пріобрѣтеніе крестьянами земельной собственности. Такимъ образомъ реформа опять вступила въ новую фазу и была затѣмъ проведена уже безъ существенныхъ отступленій отъ тѣхъ принциповъ, которые воспреобладали въ редакціонной комиссіи.

Въ только что изложенномъ спорѣ одною изъ спорящихъ сторонъ были консерваторы, другою—объединившіеся на этотъ разъ славянофилы и либералы разныхъ оттѣнковъ. Консерваторы соглашались на предоставленіе крѣпостнымъ личной свободы и права пользованія надѣльною землей съ тѣмъ, чтобы выкупъ этой земли крестьянами въ собственность совершался путемъ свободнаго соглашенія и былъ поставленъ такимъ образомъ въ зависимость отъ личной самодѣятельности крестьянъ. Славянофилы видѣли свой идеалъ въ созданіи крестьянской общины, по возможности независимой и несвязанной опредѣленіями писанаго закона,—общины, которая руково-

дилась бы въ своихъ дѣйствіяхъ собственнымъ усмотрѣніемъ, т.-е. оставалась бы на традиціонной почвѣ древне-русскаго произвола. Либералы задавались цѣлью разъ навсегда прекратить всякія обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками и устранить на будущее время всякую зависимость крестьянъ отъ дворянства. Но и славянофилы и либералы сходились въ томъ, что свобода и независимость крестьянства можетъ быть обезпечена только тогда, когда каждый крестьянинъ будетъ имѣть право на земельный участокъ, и что эта цѣль достигается лучше всего посредствомъ общиннаго землевладѣнія. Среди членовъ редакціонной комиссіи было сначала много сторонниковъ обязательнаго выкупа надѣльной земли и противниковъ выкупа по добровольному соглашенію. Но когда они увидѣли, что принудительныя мѣры въ цѣляхъ выкупа могутъ быть приняты не теперь, а въ будущемъ, они тоже стали склоняться въ пользу добровольнаго выкупа, такъ какъ послѣдній представлялся болѣе осуществимымъ съ точки зрѣнія финансовыхъ затрудненій, съ которыми, по общему мнѣнію, долженъ былъ быть неизбѣжно сопряженъ принудительный выкупъ. Добровольный выкупъ не затрогивалъ интересовъ казны, почти не требовалъ жертвъ со стороны государства и былъ выгоденъ для крестьянъ, но зато представлялъ серьезныя неудобства для помѣщиковъ. Подъ вліяніемъ умственнаго движенія, возбужденнаго реформой, и подъ давленіемъ нужды въ деньгахъ во взглядахъ дворянства произошло существенное измѣненіе сравнительно съ тѣми взглядами, которые проводились въ проектахъ губернскихъ комитетовъ. Дворяне убѣ-

дились, что обязательный выкупъ, противъ котораго они сначала возставали изъ принципіальныхъ соображеній, представляетъ для нихъ скорое и сравнительно выгодное разрѣшеніе вопроса, такъ какъ онъ дастъ имъ средства для погашенія банковыхъ долговъ и для организаціи хозяйства на новыхъ началахъ. Депутаты перваго призыва высказались въ виду этого почти единогласно за обязательный выкупъ крестьянской надѣльной земли. Тѣмъ не менѣе редакціонная комиссія упорно оставалась при своемъ ранѣе высказанномъ мнѣніи по этому вопросу. Трудно сказать, дѣйствительно ли редакціонная комиссія старалась сдѣлать условія выкупа менѣе благопріятными для дворянства, или же она просто придерживалась однажды намѣченнаго и уже разработаннаго плана, чтобы не тратить времени на новую, болѣе детальную разработку того же вопроса, тѣмъ болѣе, что при этой разработкѣ можно было наткнуться на различныя финансовыя затрудненія, которыя при общей неопредѣленности положенія легко могли подвергнуть опасности все дѣло; можетъ быть также комиссія боялась при этомъ выпустить дѣло реформы изъ своихъ рукъ. Во всякомъ случаѣ изложенные въ трудахъ комиссіи мотивы отклоненія проекта обязательнаго выкупа и замѣны его такъ называемымъ добровольнымъ выкупомъ оказываются лишенными серьезныхъ основаній даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, такъ что получается такое впечатлѣніе, какъ будто въ дѣйствительности руководители комиссіи поддерживали свое первоначальное рѣшеніе по какимъ-то другимъ соображеніямъ. Ростовцевъ и въ этомъ случаѣ несомнѣнно поступалъ по

своему крайнему убѣжденію. Доводы депутатовъ произвели на него извѣстное впечатлѣніе, и онъ сталъ колебаться. Уже больной смертельною болѣзнью онъ послалъ за княземъ Черкасскимъ и спрашивалъ его: „увѣрены ли вы такъ же, какъ я, что обязательный выкупъ для правительства невозможенъ?“ Когда Черкасскій отвѣтилъ утвердительно, онъ также присоединился къ этому мнѣнію. Въ противномъ случаѣ Ростовцевъ вѣроятно высказался бы въ своей послѣдней запискѣ за обязательный выкупъ. Такъ же упорно отстаивала комиссія свое первоначальное рѣшеніе, не говоря уже о нѣсколькихъ менѣе важныхъ случаяхъ, и по вопросу о способѣ опредѣленія размѣра крестьянскихъ надѣловъ. Депутаты справедливо замѣтили, что принятый комиссіей способъ—произволенъ, и депутатъ Кошелевъ предложилъ способъ болѣе удобный. Комиссія согласилась, что способъ Кошелева лучше, но нашла, что для примѣненія его не хватитъ вполнѣ надежнаго матеріала. Впослѣдствіи комиссія признала, что и ея матеріалъ не полонъ, и предложила различныя мѣры для его пополненія, но о томъ, что этотъ пополненный матеріалъ могъ бы быть употребленъ для примѣненія способа, который ею самою былъ признанъ лучшимъ, комиссія умолчала и упорно придерживалась разъ принятаго метода. Отсюда ясно, какой вредъ дѣлу реформы приносили излюбленная поспѣшность, высокомѣрная самоувѣренность бюрократіи и рутинные пріемы работы.

Труды редакціонной комиссіи начались съ разработки детальныхъ статистическихъ данныхъ о населенныхъ имѣніяхъ. Для ускоренія обработки массы

матеріала изъ него воспользовались лишь тѣмъ, что относилось къ имѣніямъ, въ которыхъ числилось не менѣе 100 душъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ хозяйственныя условія имѣній меньшаго размѣра совсѣмъ не были приняты во вниманіе. Лишь впослѣдствіи данныя объ имѣніяхъ отъ 21 до 100 душъ были обработаны по нѣсколькимъ уѣздамъ для сравненія съ общими результатами первоначальной работы. Такимъ образомъ пренебрегли основательностью работы ради большей скорости ея выполненія.

Главная дѣятельность комиссіи состояла въ обработкѣ, т.-е. сводѣ, сравненіи и обсужденіи отдѣльныхъ частей проектовъ губернскихъ комитетовъ и въ составленіи изъ отдѣльныхъ параграфовъ 21 проекта одного общаго положенія о крестьянахъ. Съ самаго начала всѣ работы по выполненію реформы велись съ чрезвычайною торопливостью: губернскимъ комитетамъ былъ назначенъ для выполненія ихъ задачи опредѣленный срокъ; точно такъ же и занятія редакціонной комиссіи производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто комиссія руководилась главнымъ образомъ заботою о томъ, какъ бы скорѣе кончить свое дѣло. Напрасно отдѣльныя лица указывали на грандіозность задачи и рекомендовали при разрѣшеніи ея соблюдать возможную осторожность и предусмотрительность: при соблюденіи этихъ условій работа могла подвигаться впередъ лишь весьма медленно, и потому подобные совѣты отвергались: говорили, что нельзя и думать о промедленіяхъ, народъ ждетъ, надо торопиться съ работой. Такъ, комиссія не стала ждать, пока соберутся проекты всѣхъ губернскихъ комитетовъ, но начала обсужденіе проектовъ по мѣрѣ

ихъ поступленія и тотчасъ же принимала окончательныя рѣшенія по нѣкоторымъ вопросамъ; впрочемъ, можетъ быть, въ данномъ случаѣ имѣло значеніе также нежеланіе созывать сразу всѣхъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ: такое многочисленное собраніе депутатовъ могло бы, пожалуй, пріобрѣсти черезчуръ значительное вліяніе. Ни одинъ проектъ не былъ обсужденъ и разсмотрѣнъ въ полномъ объемѣ, обсуждался рядъ отдѣльныхъ параграфовъ, выхваченныхъ изъ различныхъ проектовъ. Понятно, что при такомъ способѣ обсужденія не было возможности заниматься оцѣнкою общаго значенія этихъ проектовъ и положенныхъ въ ихъ основу общихъ идей. Несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, комиссія постоянно погружалась въ обсужденіе мелочныхъ подробностей, не будучи въ состояніи опредѣлить степень важности различныхъ предложеній, тѣмъ болѣе что предложенія извлекались изъ отдѣльныхъ проектовъ, совершенно несходныхъ между собою. Какъ и всякая сводная работа, работа редакціонной комиссіи страдала недостаткомъ единства содержанія. Многіе проекты губернскихъ комитетовъ отличались и болѣе правильнымъ взглядомъ на основные вопросы реформы, и бо̀льшимъ государственнымъ смысломъ, чѣмъ окончательный проектъ комиссіи.

Когда обработка проектовъ 21 губернскаго комитета стала приближаться къ концу, былъ назначенъ на 15 августа созывъ депутатовъ отъ этихъ комитетовъ, при чемъ предварительно былъ измѣненъ порядокъ ихъ избранія. Такъ какъ почти всюду въ губернскихъ комитетахъ лишь меньшинство оказалось согласнымъ со взглядами редакціонной комиссіи и

земскаго отдѣла, то послѣдній черезъ министра внутреннихъ дѣлъ настоялъ, чтобы при избраніи депутатовъ было соблюдено слѣдующее: тамъ, гдѣ кромѣ комитетскаго проекта были составлены проекты или представлены особыя мнѣнія со стороны меньшинства, отъ большинства долженъ былъ избираться лишь одинъ депутатъ, а второго должно было избирать меньшинство; тамъ же, гдѣ мнѣнія меньшинства дѣлилось на двое, каждое изъ этихъ двухъ мнѣній должно было быть представлено особымъ депутатомъ. Этимъ способомъ земскій отдѣлъ разсчитывалъ обезпечить себѣ большинство среди депутатовъ, но попутно имъ достигалось и то, что депутаты, которые, впрочемъ, оффиціально назывались не иначе какъ „членами отъ губернскихъ комитетовъ“, все болѣе и болѣе утрачивали характеръ представителей дворянства и являлись лишь экспертами, вызванными для объясненій. Несмотря на это изъ 36 депутатовъ, представлявшихъ 19 комитетовъ, лишь 9 принадлежали къ либеральному меньшинству, остальные придерживались консервативнаго направленія.

Мы говорили уже не разъ, что, согласно первоначальной волѣ государя, реформа должна была не только исходить отъ дворянства, но дворянство должно было также разработать немногія установленныя государемъ основныя положенія реформы и, что̀ особенно важно, ему же предполагалось поручить опредѣленіе всѣхъ подробностей реформы. Теперь же, когда все дѣло перешло въ руки редакціонной коммиссіи въ значительной мѣрѣ по винѣ самого дворянства и въ особенности его высшихъ слоевъ, — въ кругу придворной знати зародилась мысль добиться

того, чтобы выработанный редакціонной комиссіей проектъ былъ подвергнутъ обсужденію въ собраніи дворянскихъ депутатовъ, и чтобы только послѣ того онъ былъ представленъ черезъ государственный совѣтъ на утвержденіе государя. Но редакціонная комиссія вела дѣло такъ, что фактически въ ея рукахъ оказалось составленіе самаго закона о реформѣ, и образъ дѣйствій ея былъ санкціонированъ тѣмъ, что государь по докладу Ростовцева рѣшалъ отдѣльные вопросы, возбужденные въ комиссіи. Тогда среди выдающихся представителей аристократіи началась агитація съ цѣлью поднесенія государю адреса въ духѣ изложенныхъ выше пожеланій; въ то же самое время распространялись рукописныя записки, въ которыхъ доказывалось, что редакціонная комиссія и въ особенности Ростовцевъ превысили данныя имъ полномочія. Рука объ руку съ этими попытками, которыя, впрочемъ, оказались совершенно неудачными, распространялись всевозможныя личныя инсинуаціи и клеветы по адресу Ростовцева и членовъ комиссіи; все это неизбѣжно должно было раздражать и оскорблять членовъ комиссіи и вело къ тому, что они начали отожествлять свое личное дѣло съ дѣломъ реформы и старались ограждать послѣднее отъ всякаго посторонняго вліянія. Что касается до превышенія власти, то изъ предыдущаго изложенія ясно, что такое превышеніе несомнѣнно имѣло мѣсто, но ясно также, почему и какъ оно возникло: комиссія до извѣстной степени могла считать себя въ правѣ на расширеніе своей дѣятельности, такъ какъ самъ государь давалъ на это свое согласіе.

Руководители реформы, подвергаясь ожесточеннымъ

личнымъ нападкамъ, старались защититься и отразить эти нападки. Они были проникнуты сознаніемъ важности своей задачи, дѣйствовали въ важныхъ вопросахъ единодушно и энергично, работа ихъ шла впередъ чрезвычайно быстро. Рѣшеніе всего вопроса должно было оказаться въ рукахъ комиссіи, если бы ничто не помѣшало быстрому окончанію ея работъ. Отсюда вытекало стремленіе лишить депутатовъ всякаго самостоятельнаго значенія. Съ этою цѣлью непремѣнный членъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ составилъ въ формѣ доклада министра внутреннихъ дѣлъ памятную записку, въ которой депутаты отъ дворянъ выставлялись въ качествѣ противниковъ реформы; авторъ записки предостерегалъ государя противъ замысловъ депутатовъ и убѣждалъ дать согласіе ихъ на ограниченіе полномочій.

Вступленіе къ запискѣ давало общую характеристику дѣятельности губернскихъ комитетовъ: большинство членовъ этихъ комитетовъ, по словамъ записки, озабочивалось лишь своими личными матеріальными интересами и выказывало довольно мало сочувствія къ освобожденію крестьянъ. Другіе, „поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую аристократію подобно англійской и вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ ввести не менѣе привилегированную на началахъ феодальныхъ...; настоящая цѣль, которой держатся люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли“. Лишь немногіе желаютъ полнаго освобожденія крѣпостныхъ. Министръ объясняетъ упорство первыхъ

двухъ категорій вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, распространявшихъ мнѣніе, что „тайная цѣль либераловъ, настаивающихъ на освобожденіи крестьянъ, произвести въ Россіи демократическую революцію“.

„Обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ комитетами членовъ“, говорится далѣе въ запискѣ отъ имени министра, „я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство ихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ идетъ съ намѣреніемъ поддержать и если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать къ взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились въ единомышленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть.

„Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовію, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства" („Депутаты по крест. дѣлу". „Рус. Вѣст." Н. Семенова).

Государь нашелъ этотъ взглядъ правилькымъ и согласнымъ съ его собственнымъ убѣжденіемъ. Затѣмъ записка эта, хранившаяся въ строгой тайнѣ, была сообщена Ростовцеву для свѣдѣнія и руководства. На основанія ея была составлена и утверждена инструкція для „членовъ, избранныхъ губерискими комитетами", — инструкція, согласно которой вся дѣятельность депутатовъ ограничивалась отвѣтами на рядъ вопросовъ, по которымъ они могли дать „мѣстныя свѣдѣнія и объясненія". Кромѣ того каждому члену предоставлялось, послѣ дачи отвѣтовъ на предложенные вопросы, вручить предсѣдателю комиссіи свои соображенія о примѣненіи общихъ правилъ къ особымъ условіямъ каждой губерніи. Затѣмъ депутаты должны

были получить на просмотръ работы редакціонной комиссіи, при чемъ предполагалось поставить имъ новые вопросы. Словесныя объясненія между депутатами и редакціонною комиссіей были допущены, но официальныя совѣщанія депутатовъ между собою не разрѣшались. Отвѣты на вопросы и соображенія по поводу работъ редакціонной комиссіи должны были быть окончены въ мѣсячный срокъ. Итакъ, цѣль руководителей реформы была достигнута; выиграло ли отъ этого дѣло,—вопросъ другой.

Содержаніе инструкціи глубоко оскорбило депутатовъ. Права ихъ, какъ они ихъ понимали, были нарушены, дѣятельность ихъ стѣснена. Адресъ, который они хотѣли поднести государю, былъ отклоненъ, но въ отвѣтъ на письмо, съ которымъ они обратились къ Ростовцеву, они получили отъ имени государя увѣреніе, что всѣ ихъ замѣчанія будутъ представлены на обсужденіе главнаго комитета и дойдутъ до государя, и что общія собранія частнаго характера депутатамъ не возбраняются. Ростовцевъ прилагалъ всѣ старанія привлечь депутатовъ къ работамъ комиссіи и убѣдить ихъ въ томъ, что они являются полноправными членами комиссіи. Тѣмъ не менѣе депутаты чувствовали, что ихъ замѣчанія встрѣчаются такъ же, какъ встрѣчались многочисленныя прежнія нападки на дѣятельность редакціонной комиссіи, и что ихъ всячески стараются отклонить. Сначала они занялись составленіемъ отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы; 10 сентября имъ было вручено три объемистыхъ тома только-что отпечатанныхъ трудовъ комиссіи. Депутаты тотчасъ же принялись за ихъ изученіе и уже стали было мириться со своимъ по-

ложеніемъ, какъ вдругъ 12 сентября они получили циркуляръ министра вн. дѣлъ, изъ котораго узнали къ крайнему своему удивленію, что одинъ изъ нихъ, племянникъ министра, уже выполнилъ возложенную на него, какъ на депутата, задачу, подалъ свое мнѣніе и получилъ за скорое выполненіе своихъ обязанностей Высочайшую благодарность. Этотъ эпизодъ показалъ депутатамъ, что на ихъ участіе смотрятъ какъ на пустую формальность, съ которою желательно покончить возможно скорѣе. Упомянутый циркуляръ совершенно испортилъ все дѣло. Такъ какъ попытка столковаться на частныхъ собраніяхъ относительно одного общаго отъ имени всѣхъ депутатовъ заключенія о работахъ комиссіи оказалась неудачной, то въ концѣ концовъ было составлено нѣсколько отдѣльныхъ заключеній, при изложеніи которыхъ депутаты дали волю давно сдержанному желанію выступить съ критикой бюрократическихъ порядковъ. Они выражались при этомъ со свободою и рѣзкостью, не слыханными ранѣе въ Россіи. Всѣ они единогласно осуждали существовавшую до того времени систему управленія, всѣ выражали чувство непреодолимаго недовѣрія къ бюрократіи. Нерасположеніе къ бюрократіи еще усиливалось отъ того, что министерство вн. дѣлъ „бережно“ скрывало отъ депутатовъ составленные въ министерствѣ проекты реформы мѣстнаго управленія и не хотѣло давать свѣдѣній объ ихъ содержаніи даже частнымъ путемъ. Между тѣмъ реформа мѣстнаго управленія стояла въ самой тѣсной связи съ крестьянской реформой и непосредственно затрогивала вопросъ о правахъ дворянства. Тактика министерства была направлена къ тому, чтобы не оставить дво-

рянству времени для возбужденія ходатайства въ защиту своихъ правъ.

Слишкомъ короткій срокъ, назначенный для разсмотрѣнія работъ редакціонной комиссіи, давалъ возможность подвергнуть ихъ лишь весьма поверхностному обсужденію. Обсужденіе это утрачивало всякое дѣйствительное значеніе, такъ какъ оно сводилось въ сущности къ отдѣльнымъ, не связаннымъ между собою заявленіямъ депутатовъ. Споры, происходившіе между нѣкоторыми депутатами и заранѣе назначенными для этого членами комиссіи, носили характеръ простого выполненія формальности. Депутаты въ концѣ концовъ убѣдились, что ихъ мнѣнія (отпечатанныя впослѣдствіи въ 2 томахъ), хотя, можетъ быть, и представляютъ весьма цѣнный матеріалъ, не будутъ имѣть никакого практическаго значенія; тогда 18 изъ нихъ рѣшили представить государю адресъ, въ которомъ они выражали убѣжденіе, что „предположенія редакціонныхъ комиссій, въ ихъ настоящемъ видѣ, не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя съ благоговѣйною готовностью дворянство приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу“. Такъ какъ депутатамъ предлагались для обсужденія лишь первоначальные матеріалы, то они просили дозволенія представить свои соображенія на окончательныя работы редакціонныхъ комиссій до поступленія ихъ въ главный комитетъ. Эта умѣренная и основательная просьба, исполненіе которой принесло бы только пользу дѣлу, такъ какъ просители не заявляли притязаній ни на какія права и только желали получить право

работать, навлекла на лицъ, подписавшихъ адресъ, выговоръ.

Пять другихъ депутатовъ, принадлежавшихъ къ либеральной партіи, во главѣ которыхъ стоялъ тверской губернскій предводитель дворянства Унковскій, подали государю другой адресъ, въ которомъ просили о слѣдующемъ:

1) „Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщиковъ".

2) „Образовать хозяйственно - распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ".

3) „Учредить независимую судебную власть, т.-е. судъ присяжныхъ и гражданскія и судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, со введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ".

4) „Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія".

Пять лицъ, подписавшихъ этотъ послѣдній адресъ, получили выговоръ и были отданы подъ надзоръ полиціи.

Взысканія, наложенныя на депутатовъ, были внушены главнымъ комитетомъ. Возбужденное этимъ недовольство болѣе или менѣе явственно обнаружилось на ближайшихъ дворянскихъ собраніяхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Тогда министерство внутреннихъ дѣлъ привело въ дѣйствіе утвержденное государемъ въ

ноябрѣ 1859 г. постановленіе главнаго комитета, воспрещавшее обсужденіе крестьянскаго вопроса на дворянскихъ собраніяхъ на томъ основаніи, что для этой цѣли учреждены особые губернскіе комитеты. Это запрещеніе, которое приписывали интригамъ чиновниковъ, вызвало всеобщее раздраженіе противъ бюрократіи. Дворянскія собранія, засѣдавшія какъ разъ въ то время, постановили поднести адреса государю, въ которыхъ подчеркивалась готовность дворянства поддержать правительство и въ лойяльнѣйшей формѣ излагалась просьба о дозволеніи воспользоваться существеннѣйшимъ правомъ дворянства—правомъ свободнаго обсужденія различныхъ вопросовъ. Хотя въ этихъ адресахъ не было ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было оппозиціи царской волѣ, и дворянство скорѣе искало у государя защиты своихъ правъ отъ произвола бюрократіи, министерство внутреннихъ дѣлъ сумѣло представить дѣло въ такомъ видѣ, что собраніямъ былъ объявленъ выговоръ. Послѣ этого Унковскій, имѣвшій вслѣдствіе своего либеральнаго образа мыслей много враговъ среди тверского дворянства, вдругъ сталъ очень популяренъ: проявленіе административнаго произвола прекратило разногласія. Такъ какъ и изъ Твери былъ полученъ адресъ аналогичнаго содержанія, то бюрократія стала тревожиться за свое владычество. Унковскій, подписавшій адресъ въ качествѣ предводителя дворянства, былъ отрѣшенъ отъ должности и вмѣстѣ съ двумя другими дворянами, навлекшими на себя неудовольствіе защитою правовой точки зрѣнія, по доносу, ни на чемъ не основанному, былъ отправленъ въ ссылку безъ суда административнымъ порядкомъ (въ февралѣ 1860 г.).

Тверскому дворянскому собранію велѣно было тотчасъ произвести новые выборы, но, за исключеніемъ двухъ, всѣ остальные уѣзды забаллотировывали всѣхъ кандидатовъ, которые сами не отказывались отъ баллотировки, и такимъ образомъ выборы не могли состояться. Унковскій и его товарищи были помилованы въ августѣ, но имъ былъ запрещенъ еще въ теченіе нѣкотораго времени въѣздъ въ ихъ собственныя имѣнія. Лишь послѣ этого дворянство приступило къ выборамъ. Гр. Дм. Т. Знаменскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, не называя впрочемъ имени, но съ такими прозрачными намеками, что всякій можетъ узнать лицо, пользовавшееся въ то время наибольшимъ вліяніемъ въ министерствѣ вн. дѣлъ, что настоящій виновникъ запрещенія обсуждать крестьянскій вопросъ на дворянскихъ выборахъ впослѣдствіи говорилъ, будто это запрещеніе было сдѣлано съ цѣлью раздражить дворянство, возбудить въ немъ недовольство, довести его до демонстрацій и такимъ образомъ внушить государю недовѣріе къ дворянству. Если это справедливо, то слѣдуетъ признать, что планъ удался. Но тѣ, кто подавалъ подобные совѣты, которыми былъ вызванъ эпизодъ съ депутатами, взяли на себя тяжелую отвѣтственность.

Главному руководителю и энергичному поборнику реформы не суждено было дожить до ея завершенія. Еще прежде чѣмъ депутаты оставили Петербургъ, въ концѣ октября Ростовцевъ простудился и заболѣлъ; болѣзнь скоро приняла опасный оборотъ. Съ самаго начала онъ говорилъ, что не вынесетъ этой болѣзни, и вопреки запрещенію врача еще усиленнѣе занимался работами комиссіи. Когда ему было запре-

щено выходить изъ комнатъ, засѣданія нѣсколько разъ происходили у него на дому. Послѣдняя работа, которую онъ успѣлъ продиктовать незадолго передъ смертью, была памятная записка для государя о ходѣ и исходѣ крестьянскаго дѣла. Не будучи уже въ состояніи подписать эту записку, онъ говорилъ о ней государю, и послѣ его смерти она была передана послѣднему. Онъ умеръ въ февралѣ 1860 г. Его послѣднія слова были обращены къ государю; теряя уже сознаніе, онъ ободрялъ государя и внушалъ ему вѣру въ успѣхъ реформы. Все время Ростовцевъ дѣйствовалъ по своему искреннему убѣжденію и дѣлалъ все, что было въ его силахъ.

Смерть его не прервала начатыхъ и веденныхъ имъ работъ. Государь смотрѣлъ на проведеніе принятаго имъ плана, какъ на исполненіе завѣщанія Ростовцева. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ гр. Панинъ. Хотя его взгляды и были почти діаметрально противоположны взглядамъ Ростовцева, тѣмъ не менѣе онъ не былъ въ состояніи измѣнить направленія комиссіи: онъ встрѣтилъ такую единодушную и послѣдовательную оппозицію со стороны ея членовъ, что вынужденъ былъ оставить всякія попытки съ этою цѣлью.

Въ дѣятельности редакціонной комиссіи можно различать три періода. Въ теченіе перваго періода, отъ 4 марта до 5 сентября 1859 г., были обработаны и разсмотрѣны проекты 21 губернскаго комитета и составленъ первый предварительный проектъ крестьянскаго положенія. Второй періодъ, отъ 16 сентября 1859 до 12 марта 1860 г., былъ занятъ обработкой 22 проектовъ; работы этихъ двухъ періодовъ составили

четыре тома. Когда эти работы уже близились къ концу, въ Петербургъ были вызваны депутаты соотвѣтственныхъ комитетовъ. Они стали въ еще болѣе обостренныя отношенія къ редакціонной комиссіи, чѣмъ депутаты перваго призыва, такъ какъ они были свидѣтелями возбужденія, вызваннаго всѣми предшествующими мѣрами. Одинъ изъ прежнихъ депутатовъ, Кошелевъ, въ отпечатанной за границей замѣчательной запискѣ приглашалъ новыхъ депутатовъ во избѣжаніе ошибокъ, сдѣланныхъ ихъ предшественниками, быть единодушными, совѣтовалъ поставить себѣ ясную цѣль и твердо держаться ея. Такою цѣлью, по его мнѣнію, были: обязательный выкупъ крестьянской земли и организація мѣстнаго самоуправленія. Кошелевъ настойчиво убѣждалъ новыхъ депутатовъ добиваться удовлетворенія этихъ требованій, оставивъ въ сторонѣ всѣ побочные вопросы и мелочныя препирательства съ бюрократіей. Но депутаты не послѣдовали этому благому совѣту. Въ то время ходили слухи, что черезъ гр. Панина удастся добиться удержанія за помѣщиками всей земли, поэтому депутаты рѣшили, что не слѣдуетъ настаивать на обязательномъ выкупѣ, и теряли время и трудъ въ попыткахъ сохранить право вотчинной полиціи и въ результатѣ не добились ничего. Въ третьемъ періодѣ, отъ 12 марта до 10 октября 1860 г., редакціонная комиссія занималась разрѣшеніемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ вопросовъ; затѣмъ отъ 27 апрѣля до 8 мая шли переговоры съ депутатами. Главная работа состояла въ подробномъ обсужденіи письменныхъ соображеній послѣднихъ (въ 2-хъ томахъ) вмѣстѣ съ мнѣніями депутатовъ перваго призыва, при чемъ весь проектъ крестьянскаго устройства

былъ подвергнутъ переработкѣ и, наконецъ,—въ окончательномъ редактированіи самаго законопроекта. 10 октября была закрыта редакціонная комиссія, и въ тотъ же день началось обсужденіе проекта въ главномъ комитетѣ, предсѣдателемъ котораго вмѣсто заболѣвшаго кн. Орлова былъ назначенъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Засѣданія главнаго комитета происходили ежедневно и закончились 14 января 1861 г. Въ теченіе столь короткаго промежутка времени не могло быть и рѣчи объ обсужденіи въ главномъ комитетѣ соображеній депутатовъ, какъ это было имъ обѣщано.

Главный комитетъ ограничился принятіемъ проекта статья за статьей и затѣмъ разрѣшеніемъ принципіальныхъ вопросовъ. Правительство прилагало всѣ старанія возможно скорѣе превратить проектъ въ его настоящемъ видѣ въ законъ. Проектъ былъ проведенъ черезъ комитетъ безъ существенныхъ измѣненій благодаря рѣшительному и искусному руководительству преніями со стороны великаго князя Константина Николаевича, который постоянно совѣщался о всѣхъ подробностяхъ съ Милютинымъ; были лишь понижены максимальные и минимальные размѣры крестьянскихъ надѣловъ и повышена максимальная норма оброка. Затѣмъ проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Предсѣдателемъ совѣта вмѣсто тяжко заболѣвшаго кн. Орлова былъ назначенъ графъ Блудовъ. Между тѣмъ дворянство западныхъ губерній подало прошеніе о дозволеніи послать депутатовъ для дачи необходимыхъ разъясненій въ государственномъ совѣтѣ. Прошеніе это, представленное генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, было отклонено на томъ осно-

ванія, что дворянству уже было предоставлено достаточно поводовъ высказать свои мнѣнія. 28 января состоялось первое засѣданіе государственнаго совѣта подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора. Государь открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой, изложивъ предыдущій ходъ дѣла, объявилъ, что каждый имѣетъ право высказать свое мнѣніе, и предписалъ окончить работы къ 15 февралю; допуская возможность частныхъ измѣненій, государь разъяснилъ, что основныя положенія проекта должны быть оставлены неизмѣнными. Затѣмъ были обсуждены первыя 19 статей. Предложеніе предоставить опредѣленіе размѣра крестьянскаго надѣла мѣстнымъ комиссіямъ, что потребовало бы шести мѣсяцевъ времени, было отклонено, такъ какъ Ланской утверждалъ, что работа эта затянется лѣтъ на шесть, а Панинъ прибавилъ, что она займетъ еще болѣе времени.

Остальныя засѣданія происходили ежедневно до 15 февраля. 15 февраля закончилось обсужденіе проекта въ государственномъ совѣтѣ. Манифестъ о новомъ законѣ былъ подписанъ государемъ 19 февраля. 2 марта онъ былъ прочитанъ въ общемъ собраніи сената и только 5 марта обнародованъ.

Такимъ образомъ крѣпостное право, почти 300 лѣтъ тяжелымъ бременемъ лежавшее на крестьянахъ, служившее основаніемъ преобладающаго вліянія дворянства, обусловливавшее собою всѣ общественныя отношенія, вѣковая основа государственнаго строя, было объявлено уничтоженнымъ.

———

ГЛАВА IX.

Крѣпостное право и возникновеніе общиннаго землевладѣнія.

Общинное землевладѣніе устанавливается въ разнообразныхъ видахъ у различныхъ народовъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ экономическихъ условій. Опредѣляющимъ моментомъ въ ряду этихъ условій являются, помимо общаго экономическаго положенія народа, формы земельной собственности и системы податного обложенія.

Русское общинное землевладѣніе съ его особенностями, съ его правомъ каждаго на землю, было открыто для науки барономъ Августомъ Гакстгаузеномъ, авторомъ извѣстнаго сочиненія о сельскихъ порядкахъ Россіи [1]). Общинное землевладѣніе, соединенное съ правомъ каждаго крестьянина на землю, представляло большія удобства для фиска, и русское податное управленіе всегда цѣнило эти удобства; общинные порядки были на-руку также и великорусскимъ помѣщикамъ, облегчая для нихъ задачу управленія крестьянами. Благодаря всему этому въ Россіи не только покровительствовали общинному землевладѣнію, но даже старались иногда распространять его принудительными мѣрами. При этомъ сущность и и систему общиннаго землевладѣнія долгое время не считали нужнымъ подвергать подробному изслѣдованію, не было даже попытокъ составить себѣ ясное

1) Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 1847—1852.

понятіе о томъ, что такое крестьянская община. Конечно, находились отдѣльныя лица, ясно понимавшія и обращавшія вниманіе другихъ на значеніе общины, признанное наукой лишь впослѣдствіи. Изъ числа такихъ лицъ можно указать, напр., на внука знаменитаго фельдмаршала, графа Лудвига Антона Миниха, который еще въ 1803 г. проектировалъ ввести общинное землевладѣніе въ Лифляндіи [1]).

Обыкновенно на общинное землевладѣніе смотрѣли какъ на фактъ, который самъ собою понятенъ, который извѣстенъ всякому ребенку и не требуетъ особыхъ объясненій. Никто не задавался вопросомъ, могло ли быть иначе; на существованіе общиннаго землевладѣнія смотрѣли какъ на нѣчто необходимое, совершенно такъ же, какъ смотрѣли на крѣпостное право. Не даромъ и столь замѣчательная и умная государыня, какъ Екатерина II, послѣ неудачныхъ попытокъ урегулированія крѣпостного права, была вынуждена признать и даже санкціонировать его существованіе въ качествѣ одной изъ неприкосновенныхъ основъ русскаго государственнаго строя. Не даромъ и императоръ Николай I, упорно трудившійся надъ разработкой этого вопроса, долженъ былъ подчиниться факту существованія крѣпостного права, какъ неизбѣжному злу, и, умирая, оставить подъ его гнетомъ государство.

Открытіе барона Гакстгаузена совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда въ Россіи начало обнару-

---

[1]) Bienemann. Der russische Gemeindebesitz, als Deliberandum des livländischen Landtages. Baltische Monatsschrift, Bd. III. S. 834—838.

живаться вліяніе новѣйшей нѣмецкой науки: съ одной стороны, гегельянской и шеллингіанской философіи, съ другой—воззрѣній исторической школы права. Эти вліянія были принесены въ Россію молодыми профессорами, посланными въ 30-хъ годахъ императоромъ Николаемъ и министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ въ Германію для завершенія своего образованія. Въ возникшемъ тогда въ русскомъ обществѣ умственномъ движеніи выдѣлилось два направленія: славянофильское и западническое. Первое призывало оглянуться на самихъ себя и проповѣдывало возвратъ къ древне-русской замкнутости и обособленности; второе держалось новѣйшихъ европейскихъ ученій. Открытіе Гакстгаузена было съ живостью воспринято обоими направленіями. Оно было включено въ систему, съ помощью которой предполагалось достигнуть обновленія Европы и въ то же время предохранить Россію и славянъ отъ бѣдствій „гніющаго", какъ любили тогда выражаться, Запада. Славянофилы приняли фактъ существованія общиннаго землевладѣнія безъ дальнѣйшей критики, придали ему значеніе панацеи, долженствующей осчастливить славянскіе народы, смѣло отнесли его происхожденіе къ древнѣйшимъ временамъ, поставивъ его въ прямую связь съ созданной ими, независимо отъ историческихъ данныхъ, идеально-фантастической картиной возникновенія русскаго государства, и объявили общинное землевладѣніе учрежденіемъ древнеславянскимъ и спеціально древне-русскимъ (древнерусское для нихъ равнялось великорусскому, т.-е. московскому). Западники болѣе славянофиловъ считались съ требованіями критики; въ ихъ глазахъ

общинное землевладѣніе было важно прежде всего какъ средство для рѣшенія соціальнаго вопроса. Въ противоположность этимъ теченіямъ люди выдающейся учености пытались возстановить права безпристрастной критики и исторической истины. Такъ, г. Чичеринъ [1]) уже въ 1856 г. доказывалъ, что общинное владѣніе съ правомъ каждаго члена общины на землю въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время въ Россіи, возникло не ранѣе конца XVI и начала XVII столѣтій, и что его происхожденіе находится въ тѣснѣйшей связи съ московской податной системой и со введеніемъ крѣпостного права [2]).

Немногіе примѣры, дѣйствительно относящіеся къ XVI столѣтію, носятъ или совершенно исключительный характеръ, или же представляютъ факты не общиннаго землевладѣнія, но простой нераздѣльной собственности нѣсколькихъ лицъ, причемъ доля каждаго изъ нихъ опредѣляется наслѣдственнымъ правомъ. Первый извѣстный примѣръ подлинной поземельной общины относится къ 1500—1501 г. [3]).

По писцовой книгѣ Шелонской пятины (прежнія владѣнія В. Новгорода) въ Ужинскомъ погостѣ, принадлежащемъ великому князю, 90 дворовъ рыболововъ высѣваютъ „въ сухіе лѣта, коли вода мала, 27 коробовъ ржи, да они жъ пашутъ у погоста на полѣ на водопойнѣ на пазбѣ 90 участковъ полосами,

---

1) Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г.

2) Keussler. Zur Geschichte und Kritik d. bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland.

3) Соколовскій: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 82.

а сѣютъ на тѣхъ участкахъ 90 коробовъ овса коли вода борзо сойдетъ; да у нихъ же 90 участковъ, кошенныхъ полосами же, а ставится на тѣхъ на всѣхъ участкахъ сѣна 2700 копенъ, на участокъ по 30 копенъ". Въ данномъ случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ современной формой общиннаго владѣнія полями и лугами, съ раздѣломъ ихъ на равныя доли. Но г-жа Ефименко вполнѣ основательно отмѣчаетъ совершенно исключительное положеніе и исключительныя условія существованія этой деревни. Старыя новгородскія писцовыя книги рисуютъ намъ эту область сплошь покрытою маленькими земледѣльческими деревнями въ два—три двора, между которыми встрѣчаются однако большія, даже очень большія, поселенія рыболововъ. Такъ какъ рыбная ловля по большей части производилась сообща, артелью, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что рыболовы начали примѣнять тѣ же артельныя начала и при обработкѣ земли особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ размѣръ посѣва мѣнялся отъ различныхъ случайныхъ условій: „когда вода мала", „когда вода борзо сойдетъ" и т. д. Очевидно здѣсь общинное землевладѣніе вызывалось исключительными мѣстными условіями, и вотъ почему подобные факты не могутъ давать повода къ широкимъ обобщеніямъ; съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно смотрѣть на нихъ, какъ на исключенія изъ общаго порядка. Во второмъ случаѣ, относящемся къ XVI столѣтію, на который ссылается Бѣляевъ [1]), точно такъ же рѣчь идетъ о несомнѣн-

---

[1]) О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. М.. 1849.

ной поземельной общинѣ, но, судя по изложенію Бѣляева, здѣсь самъ землевладѣлецъ дѣлилъ землю поровну между своими арендаторами и получалъ съ послѣднихъ одинаковую арендную плату; слѣдовательно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общиннымъ владѣніемъ, навязаннымъ извнѣ, въ цѣляхъ болѣе выгоднаго для землевладѣльца равномѣрнаго обложенія арендаторовъ.

Оба эти примѣра доказываютъ такимъ образомъ, что тамъ, гдѣ общинное землевладѣніе примѣнялось до введенія крѣпостного права и до принятія московскимъ правительствомъ общихъ мѣръ по уравненію податей, тамъ оно основывалось не на какомъ-то особомъ принципѣ, присущемъ древне-русскому общинному союзу, но было искусственно вызвано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особенными мѣстными условіями, совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи оно было вызвано уравненіемъ податей: въ общинѣ рыболововъ оно возникло подъ воздѣйствіемъ артельныхъ порядковъ, во второмъ же случаѣ оно было создано въ цѣляхъ болѣе удобнаго и равномѣрнаго обложенія крестьянъ сначала помѣщиками, а позднѣе государствомъ, совершенно аналогично возникновенію крѣпостного права. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общинное землевладѣніе возникло отнюдь не потому, что этого требовали интересы самихъ крестьянъ. При тогдашнихъ условіяхъ оно было выгодно исключительно помѣщикамъ и государству. Если бы кто-нибудь пытался утверждать, что въ данномъ случаѣ интересы помѣщиковъ и государства совпадали съ интересами крестьянъ, то ему пришлось бы признать то же самое и относительно учрежденія крѣпостного права.

Конечно, и крѣпостное право въ извѣстныхъ отношеніяхъ было благодѣтельно для крестьянъ, но его положительныя стороны съ избыткомъ перевѣшивались отрицательными. Точно такъ же, какъ и крѣпостное право, общинное устройство прежде всего обусловливало равномѣрную зависимость всѣхъ крестьянъ отъ помѣщика и государства и въ видахъ обезпеченія уплаты податей и оброка ослабляло дѣятельность отдѣльныхъ личностей и приводило къ болѣе тяжелой эксплоатаціи прилежныхъ членовъ общины. И общинное устройство, какъ и всякое явленіе, имѣло свои хорошія стороны, но перевѣсъ опять-таки оставался за сторонами отрицательными. Ниже мы постараемся изложить исторію введенія общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ прежнихъ новгородскихъ областяхъ, гдѣ дольше всего сохранились древне-русскія учрежденія, при этомъ главнымъ нашимъ источникомъ будутъ опубликованные г-жею Ефименко матеріалы, дающіе возможность подвергнуть предметъ подробной разработкѣ [1]).

Мы будемъ пользоваться кромѣ того и другими извѣстными печатными трудами; не рѣдко мы будемъ расходиться въ воззрѣніяхъ на предметъ съ авторами этихъ трудовъ. Относительно работы г-жи Ефименко нужно замѣтить слѣдующее. Она пользовалась для своего изслѣдованія не опубликованными источниками и сообщила много новаго, ранѣе совершенно неизвѣстнаго матеріала, но, къ сожалѣнію, не позабо-

---

[1]) А. Ефименко: Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ. „Русская Мысль", 1882 г., IV и V; 1883 г., VI—VIII. (Перепечатано въ книгѣ того же автора „Изслѣдованія народной жизни". *Ред.*).

тилась обработать его для печати по строго опредѣленному плану; въ ея изложеніи постоянно встрѣчаются повторенія, авторъ то забѣгаетъ впередъ, то возвращается назадъ, такъ что нужна внимательная работа, чтобы составить себѣ цѣльную картину изъ разбросанныхъ описаній, данныхъ въ ея книгѣ. Остается неяснымъ и количество использованнаго ею матеріала: авторъ цитируетъ много подлинныхъ текстовъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему приходится вѣрить на слово, такъ какъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ онъ ссылается часто на не напечатанные документы. Проявляя большую осторожность въ своихъ обобщеніяхъ, г-жа Ефименко очень рѣшительна въ сужденіяхъ о правительственныхъ мѣропріятіяхъ; такъ, въ концѣ своего изслѣдованія она осуждаетъ мѣры, предпринятыя правительственными учрежденіями съ цѣлью распространенія общиннаго землевладѣнія, съ такою рѣзкостью, какъ будто дѣло идетъ о прямомъ насиліи. То, что она говоритъ о насильственномъ введеніи общиннаго землевладѣнія, имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что сама она относится съ большимъ почтеніемъ къ общинному строю. Поэтому мы должны̀ повторить высказанное нами выше пожеланіе, чтобы находящіеся въ распоряженіи г-жи Ефименко матеріалы могли подвергнуться критическому разбору и были бы опубликованы въ возможной полнотѣ. Изслѣдованія г-жи Ефименко устанавливаютъ слѣдующее: на сѣверѣ Россіи первобытной формой крестьянскаго землевладѣнія былъ большой отдѣльный дворъ, или печище. Мы не знаемъ, когда, вслѣдствіе увеличенія народноселенія, прекратилось появленіе новыхъ печищъ. Извѣстно только, что крупное землевладѣніе

князей, бояръ и церкви положило предѣлъ расширенію уже существовавшей крестьянской собственности. Большія печища, существованіе которыхъ документально доказано для сѣвера Россіи, существовали и въ остальной Россіи, на что мы уже указывали выше. Однако въ средней Россіи дѣйствовали причины, которыя повели къ быстрому разложенію, а затѣмъ и окончательному исчезновенію старыхъ формъ землевладѣнія. Въ ряду этихъ причинъ прежде всего слѣдуетъ поставить распространеніе земельной собственности князей, бояръ, монастырей и епископовъ. Изъ писцовыхъ книгъ и актовъ мы знаемъ, что въ позднѣйшее время, въ XV столѣтіи, отдѣльныя поселенія, называвшіяся деревнями или селами, въ прежнихъ новгородскихъ владѣніяхъ состояли изъ 1, 2 или 3 дворовъ; въ Пермскомъ краѣ деревни въ большинствѣ случаевъ были въ 1 дворъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, среднимъ числомъ, въ 3 двора, въ Суздальскомъ — $4^1/_2$ двора, въ Дмитровскомъ княжествѣ — $5^1/_2$ дворовъ, въ Рязанскомъ — больше 10. Въ актахъ говорится о полудеревняхъ, о трети, о жеребьи (т.-е. $^1/_{16}$) и т. д., т.-е. о долевой деревнѣ. Мы видимъ отсюда, что тамъ, гдѣ быстро увеличивалось народонаселеніе, деревня состояла изъ большаго числа дворовъ, т.-е. на мѣстѣ прежняго печища возникало большее или меньшее число самостоятельныхъ дворовъ, которые нераздѣльно владѣли полями, и обрабатывали ихъ по долямъ въ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_8$, прежней земли печища. Во многихъ случаяхъ можно доказать, что владѣльцы этихъ дворовъ были родственники и происходили отъ одного родоначальника, что иногда доказывается между прочимъ и ихъ общей фамиліей. Сначала до-

ли были равны между собой, такъ какъ земля печища распредѣлялась между сыновьями поровну, но съ теченіемъ времени отношенія измѣнялись, и случалось, что одинъ дворъ пользовался половиной земли, другіе же два имѣли лишь по четверти доли перваго, а три остальныхъ по $^1/_6$ доли.

Отсюда видно, что размѣръ каждой доли опредѣлялся наслѣдственнымъ правомъ. Въ нашемъ примѣрѣ еще возможно прослѣдить основанія различія, но условія владѣнія измѣнялись и по другимъ причинамъ, кромѣ условій наслѣдованія, тогда на долю одного двора приходилось болѣе $^1/_2$, $^1/_3$ и т. д., на долю другихъ менѣе $^1/_2$, $^1/_2$ и т. д. Иной покупалъ кусокъ земли, другой покидалъ свою землю и т. д. Бывали случаи передѣловъ такой земли; но эти передѣлы имѣли своей цѣлью совсѣмъ не осуществленіе „права на землю“ или „равнаго права на землю“, но задача ихъ ограничивалась лишь устраненіемъ фактическаго увеличенія или уменьшенія наслѣдственныхъ долей путемъ запашки; производилась повѣрка, дѣйствительно ли А владѣетъ одною третью доли, а В одной шестой, или же на самомъ дѣлѣ у нихъ больше земли, чѣмъ слѣдуетъ. Подобное долевое владѣніе не можетъ считаться новой своеобразной формой земельной собственности, какъ полагаетъ г-жа Ефименко; такая форма владѣнія извѣстна и римскому праву подъ названіемъ communio societas (т.-е. сообщество), которое во всякое время можетъ прекратить свое существованіе, но члены котораго не желаютъ этого, считая это или непрактичнымъ, или не имѣя средствъ перенести дворы, или просто на-просто по привычкѣ къ старинѣ. Подобное долевое владѣніе,

величина и размѣръ котораго опредѣляются въ отдѣльныхъ случаяхъ наслѣдственнымъ или вообще гражданскимъ правомъ (случаи отчужденія), имѣло мѣсто и тогда, когда крестьяне жили на своей землѣ, и тогда, когда они арендовали чужую землю. Въ первомъ случаѣ объектомъ наслѣдованія была собственность на землю, во второмъ—право аренды. Общее владѣніе съ наслѣдственными долями могло распасться на обособленные дворы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры на сѣверѣ Россіи и въ Малороссіи. Но такое владѣніе могло также развиться въ настоящую поземельную общину. Два условія имѣли въ этомъ случаѣ, по мнѣнію г. Ефименко, рѣшающее значеніе: измѣненіе имущественныхъ отношеній и растущій податной гнетъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ государства къ уравненію податной раскладки, и параллельно съ этимъ возрастаніе оброка (арендной платы) и стремленіе собственниковъ земли къ равномѣрному распредѣленію оброка между арендаторами. Гдѣ крестьяне оставались собственниками земли, тамъ долевое владѣніе смѣнялось постепенно полнымъ обособленіемъ дворовъ и полей, или если и сохранялась цѣльность деревни, то все же отдѣльныя доли окончательно закрѣплялись за ихъ владѣльцами и подлежали отчужденію лишь по наслѣдству или по гражданскимъ сдѣлкамъ. Гдѣ крестьяне сидѣли на чужихъ земляхъ, тамъ въ интересахъ владѣльца было прикрѣпить къ своей землѣ вновь появляющіяся, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, рабочія силы и, подчинивъ ихъ себѣ, извлечь изъ нихъ возможную пользу. Пока еще имѣлась на лицо незанятая земля, землевладѣльцы могли надѣ-

лять ею новыхъ крестьянъ, когда же свободной земли у нихъ не стало, они начали производить передѣлы въ цѣляхъ равномѣрнаго раздѣленія земли. Помѣщики пользовались тѣмъ, что земля была ихъ собственностью [1]), а до какихъ-нибудь правъ крестьянъ на снятые ими земельные участки ни государству, ни помѣщикамъ не было никакого дѣла, да и сами крестьяне привыкли относиться къ вмѣшательству въ ихъ дѣла совершенно пассивно. Такимъ образомъ стремленіе къ увеличенію рабочей силы, приложенной къ землѣ, побуждало къ насажденію общиннаго землевладѣнія, и послѣднее вводилось въ интересахъ землевладѣльцевъ, но отнюдь не крестьянъ. Измѣненіе въ характерѣ земельной собственности произошло въ обширныхъ размѣрахъ благодаря тому, что сначала въ средней Россіи, а потомъ и въ сѣверной, всѣ князья вообще, а московскіе великіе князья въ особенности, усвоили себѣ монгольскій принципъ, въ силу котораго вся земля считалась собственностью царя (хана) и могла принадлежать только тому, кому онъ ее пожалуетъ. Поэтому въ позднѣйшей Россіи признавались въ качествѣ земельныхъ собственниковъ только великіе князья, бояре, служилые люди и церковь: епископы, монастыри и храмы, при чемъ права на землю частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) считались доказанными лишь въ томъ слу-

---

[1]) Такіе факты приводитъ Бѣляевъ: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ" (Временникъ московскаго общества ист. и древности. кн. II). Онъ, конечно, объясняетъ ихъ совершенно иначе. Также Забѣлинъ: Большой бояринъ въ своемъ вотчиномъ хозяйствѣ. „Вѣстникъ Европы", 1872 года, №№ 1 и 2.

чаѣ, если они могли предъявить жалованныя грамоты великаго князя. Но никому, конечно, не приходило въ голову раздавать жалованныя грамоты крестьянамъ. Такимъ образомъ право собственности крестьянъ на землю не получило при вновь установленныхъ условіяхъ законной санкціи. Кромѣ княжескихъ земель (или земель дворцовыхъ), были еще земли, на которыхъ сидѣли свободные крестьяне; земли эти назывались черными или тяглыми землями, такъ какъ крестьяне должны были нести тягло въ пользу князя и его чиновниковъ и отправлять повинности, и все это за свою собственную землю. Благодаря отсутствію опредѣленой юридической формулировки этихъ отношеній, на черныя земли, обложенныя разными сборами въ пользу князя и его чиновниковъ, установился мало-по-малу взглядъ, какъ на собственность князя, которая лишь сдается на оброкъ живущимъ на ней крестьянамъ. Въ соединеніи съ указаннымъ выше монгольскимъ принципомъ все это въ концѣ концовъ привело къ тому, что крестьяне-землевладѣльцы оказались живущими на землѣ, принадлежащей князю, и изъ собственниковъ превратились сами въ собственность московскаго великаго князя. Подати, платившіяся крестьянами раньше со своей собственной земли, было подведены подъ понятіе оброка. Крестьяне отнеслись къ такому превращенію совершенно пассивно. Извѣстно, что, за исключеніемъ Пскова и Новгорода, въ русской исторіи не встрѣчается случаевъ борьбы за свои права. Русскіе люди умѣли защищать лишь одно право—право собственнаго произвола, за это право они умѣли страдать и умирать. Бояре признали неограниченную власть царя

и не отстаивали ни одного изъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, но они выступали на защиту своей свободы передвиженія, за свободу перехода къ противнику своего князя, за свободу служить, кому хотѣли. Также горожане и крестьяне отстаивали только свою свободу передвиженія и оказывали въ этомъ случаѣ упорное сопротивленіе даже силѣ. Но свое право собственности на землю они не умѣли защитить и охранить отъ насилія. Все это какъ бы выскользнуло изъ ихъ рукъ, и прежде чѣмъ они успѣли что-либо замѣтить, они уже очутились на черной землѣ, принадлежащей великому князю. Конечно, еще долго спустя отдѣльныя лица завѣщали, продавали и покупали свои участки и распоряжались ими совершенно какъ своею собственностью. Но когда населеніе увеличилось, администрація прибѣгла, какъ къ средству увеличенія поступленія податей, къ уравнительной раскладкѣ ихъ и къ уравненію землевладѣнія; именно при этомъ въ интересахъ фиска и вслѣдствіе усиленія податного гнета и было положено начало общинному землевладѣнію. Процессъ этотъ начался въ средней Россіи въ XVI и закончился въ XVII столѣтіи. На сѣверѣ дѣло шло иначе. И здѣсь земля, на которой крестьяне сидѣли какъ на собственной, была объявлена черною землей великаго князя, такъ же какъ и вся пустопорожняя земля, не находившаяся ни въ чьемъ владѣніи, но перемѣна эта не повела за собой никакихъ непосредственныхъ результатовъ. Фактически сохранились старыя отношенія, къ тому же долевое владѣніе превратилось въ теченіе XVII вѣка въ личное владѣніе веревными землями. Г-жа Ефименко прослѣживаетъ шагъ за шагомъ

это превращеніе по веревнымъ книгамъ. Въ XVIII столѣтіи мы находимъ уже здѣсь личное владѣніе. Фактическое различіе между порядками землевладѣнія въ области Сѣверной Двины и порядками землевладѣнія въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства обнаружилось еще въ теченіе московскаго періода. Такъ какъ на сѣверѣ крестьяне оставались свободными, то уѣзды поморскихъ городовъ, какъ называли эту мѣстность, въ податномъ отношеніи были приравнены городамъ, а за купцами и посадскими людьми этихъ городовъ сохранялось право на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ. Мы уже упомянули выше, какимъ образомъ крестьяне этой области хотя и избѣжали крѣпостной зависимости, но, несмотря на то, что они первоначально сидѣли на собственной землѣ, все-таки были обременены новыми податями, такъ какъ за ними не было признано право, которымъ они до тѣхъ поръ пользовались,—право собственности на землю. Купцы и посадскіе, пытаясь уклониться отъ податного гнета, всѣми силами старались выдѣлить пріобрѣтенную ими землю изъ крестьянской земли. Противъ этого возставали крестьяне, и съ своей стороны сами старались вернуть къ себѣ земли, уже выдѣленныя изъ разряда крестьянскихъ земель или даже никогда и не числившіяся крестьянскими. Эти раздоры причиняли властямъ серьезныя неудобства, и онѣ пробовали для устраненія ихъ привести въ дѣйствіе указы и постановленія, имѣвшіе силу въ средней Россіи. Такъ, въ царствованіе Елизаветы стали неожиданно примѣнять въ этой мѣстности указы Петра Великаго, согласно которымъ пріобрѣтеніе крѣпостныхъ крестьянъ дозволялось лишь дворянамъ,

безъ распространенія этого права на купцовъ и посадскихъ людей. На этомъ основаніи хотѣли было конфисковать у купцовъ и посадскихъ людей уѣздовъ поморскихъ городовъ ихъ земли, хотя на этихъ земляхъ и не было никакихъ крѣпостныхъ, а жили на нихъ только половники, сидѣвшіе тамъ по свободно заключеннымъ договорамъ. Въ 1751 году [1]) сенатъ на основаніи одной просьбы купцовъ и посадскихъ Устюжской провинціи (Архангельской губ.) подтвердилъ ихъ право владѣть по старымъ документамъ тою земельною собственностью въ городахъ и селахъ, которая была записана за ними въ писцовыхъ книгахъ и жалованныхъ грамотахъ, такъ какъ на этихъ земляхъ не было крѣпостныхъ, а жили только половники, пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода. Однако владѣльцамъ такихъ земель было позволено отчуждать ихъ не иначе, какъ купцамъ и посадскимъ. Въ то же время имъ было запрещено пріобрѣтать землю отъ черносошныхъ крестьянъ, а пріобрѣтенное ими раньше должно было быть возвращено назадъ. Какъ видно, по этому поводу было совершенно случайно уничтожено до тѣхъ поръ безпрепятственно примѣнявшееся право крестьянъ уѣздовъ поморскихъ городовъ отчуждать и закладывать черныя земли. Именно такое практическое значеніе должно было имѣть - запрещеніе горожанамъ пріобрѣтать черносошныя земли, запрещеніе, получившее и обратную силу. Такъ, крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ были приравнены къ чернымъ крестьянамъ средней Россіи, хотя все это дѣло и не доходило до самихъ

---

[1]) № 9874.

крестьянъ, и хотя сами они ничего о немъ не слыхали. Эта мѣра, вѣроятно, вызвала цѣлую бурю неудовольствія со стороны купцовъ и посадскихъ или же, можетъ быть, ею были затронуты интересы вліятельныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ по этому поводу послѣдовало подробно мотивированное представленіе провинціальной канцеляріи, и въ 1753 г. сенатъ постановилъ [1]): въ виду отмѣченныхъ въ представленіи канцеляріи особыхъ условій землевладѣнія въ поморскихъ уѣздахъ, совершенно отличныхъ отъ условій, дѣйствующихъ въ средней Россіи, отмѣнить всѣ предшествующія ограниченія и возстановить право свободнаго обращенія земель между посадскими людьми и крестьянами и допустить продажу черныхъ земель.

Итакъ, въ этомъ случаѣ произвольное посягательство на старинныя права частныхъ лицъ не увѣнчалось успѣхомъ. Но мы уже видѣли выше, какъ часто подобныя покушенія второстепенныхъ органовъ управленія на права частныхъ лицъ предшествовали общимъ мѣрамъ, направленнымъ къ уничтоженію этихъ правъ и исходившимъ отъ центральнаго управленія. То же произошло и въ данномъ случаѣ. Сенату пришлось уступить предъ положительными доказательствами, въ видѣ жалованныхъ грамотъ и писцовыхъ книгъ, и объявить непримѣнимымъ свое первое постановленіе, которое при строгомъ толкованіи и не могло бы быть примѣнено къ сѣверному землевладѣнію, такъ какъ относилось только къ землямъ, населеннымъ крѣпостными. Но уже въ царствованіе императрицы Анны возникла мысль о производствѣ

1) № 10082.

генеральнаго межеванія для упорядоченія землевладѣльческихъ отношеній. При Елизаветѣ вопросъ этотъ былъ снова возбужденъ, и 13 мая 1754 г. была обнародована инструкція для производства межеванія [1]). Межеваніе соединилось въ Россіи съ повѣркой правъ собственности на землю и съ отобраніемъ тѣхъ земель, владѣніе которыми не могло быть доказано крѣпостными актами и документами. Межевая инструкція представила собою объемистый законъ въ 35 главъ, въ которыхъ подробно устанавливались основныя начала для урегулированія землевладѣльческихъ отношеній, при чемъ эти начала были формулированы всецѣло подъ вліяніемъ писцоваго наказа 1646 года. Урегулированіе земледѣльческихъ отношеній на сѣверѣ Россіи въ поморскихъ уѣздахъ было подчинено при этомъ весьма простому правилу: на сѣверную область рѣшено было распространить тѣ же самые порядки, которые были установлены для средней Россіи. При этомъ игнорировался тотъ фактъ, что черносошные крестьяне бывшихъ новгородскихъ владѣній занимали совершенно иное юридическое положеніе и имѣли совсѣмъ другія права, чѣмъ черносошные крестьяне средней Россіи; первые сохранили свои права на землю, между тѣмъ какъ послѣдніе утратили ихъ еще въ XV и XVI ст. Сѣверные крестьяне все еще оставались собственниками земли и, несмотря на верховную собственность короны на землю, осуществляли свое право собственности не только съ вѣдома, но и при содѣйствіи властей. Между тѣмъ межевая инструкція не только отнима-

---

[1]) № 10237.

ла на будущее время всѣ тѣ права, которыми въ теченіе столѣтій законно пользовались сѣверные крестьяне, но и прямо отрицала самую наличность этихъ правъ даже для прошлаго времени. Черныя земли сѣвернаго края были всецѣло приравнены къ чернымъ землямъ средней Россіи. При этомъ вся земля была объявлена черной, и другой характеръ за нею признавался лишь въ томъ случаѣ, если это можно было доказать документально—жалованными грамотами и писцовыми книгами. Не признавалось никакой силы за правомъ давности даже въ случаѣ незапамятной древности владѣнія. Это было такое колоссальное нарушеніе права, что даже г-жа Ефименко, преклоняющаяся предъ преимуществами общиннаго землевладѣнія, говоритъ: „межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію—да и не къ нему одному,—являются настоящими декретами конвента. Если ихъ революціонный характеръ не вызвалъ въ сѣверномъ населеніи насильственной реакціи, то, конечно, только потому, что издать указъ еще не значило привести его въ исполненіе“ [1]).

Приведенные г. Ефименко факты показываютъ, что межевая инструкція дѣйствительно не была приведена въ исполненіе, однако она сильно поколебала старое право. Практическое осуществленіе предположенной радикальной мѣры осталось на долю Екатерининскаго царствованія. Для перваго же раза правительство удовольствовалось установленіемъ аб-

---

[1]) Ефименко: „Изслѣдованія народной жизни“, стр. 327.
Ред.

страктнаго принципа. Въ 1765 году Екатерина II издала манифестъ о генеральномъ межеваніи всей Имперіи [1]), а въ 1766 году была опубликована межевая инструкція [2]). Въ манифестѣ говорится, что „въ прежней межевой инструкціи, сверхъ извѣстнаго Намъ желанія покойной Государыни Императрицы, любезной Нашей Тетки, дабы государственнымъ размежеваніемъ доставить всѣмъ владѣльцамъ покой и надежность ихъ имѣній, а притомъ еще и установить точное положеніе границамъ всѣхъ владѣній, введены еще напрасные и затруднительные виды, ревизіи и редукціи всѣхъ земляныхъ дачъ потому что оною инструкціею велѣно безъ разбора у каждаго помѣщика, какъ бы онъ ни владѣлъ своимъ спокойно и безъ всякаго на него челобитья, разсматривать всѣ на земляныя его дачи крѣпости, для изысканія по онымъ примѣрныхъ во владѣніи каждаго земель, равно какъ и у заспорившихся въ своихъ границахъ слѣдовать и разсматривать, какимъ образомъ доходила до всякаго владѣльца каждая дача... Почему добрые и землями своими всегда безмятежно владѣющіе помѣщики возымѣли натуральное сомнѣніе и опасность, чтобъ безъ всякаго ихъ намѣренія захватывать чужія земли, или производить искъ за такія, кои другими въ древнія времена изъ ихъ примѣрныхъ земель по пріуроченнымъ имъ въ писцовыхъ книгахъ дачамъ захвачены, не быть во всемъ ихъ недвижимомъ имѣніи отъ самаго оному начала подверженными слѣдствію одного офицера, отправляемаго только Межевщикомъ; а корыстолюбивые напротивъ

---

1) Полное собраніе законовъ № 12474. 2) Тамъ же, № 12659.

того получили при такомъ учрежденіи государственнаго размежеванія поводъ и поползновеніе помышлять о достиженіи вящшаго себѣ обогащенія исками за открывающіяся онымъ въ владѣніи издревлѣ ихъ земли; и что напослѣдокъ отъ такого въ прежнемъ установленіи неопредѣленія произошли толь многіе посторонніе въ межеваніи споры и остановки, отъ коихъ успѣхъ онаго сдѣлался совершенно зависимымъ...

„Монаршая Наша воля и повелѣніе о государственномъ размежеваніи имѣютъ единственнымъ себѣ предметомъ истинную всего общества пользу утвержденіемъ покоя, правъ и надежности каждаго владѣтеля въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи...“

Все это звучало очень хорошо и внушало довѣріе: поставленныя цѣли въ общемъ были достигнуты для средней Россіи, условія которой только и принимались правительствомъ во вниманіе при изданіи законовъ. Но на сѣверѣ, въ Архангельскомъ краѣ, условія были совершенно иныя. Здѣсь издавна существовало землевладѣніе совершенно другого рода, чѣмъ въ остальной Россіи, и такъ какъ правительство не принимало его во вниманіе, то оно впало въ ту же ошибку, за которую порицало инструкцію 1754 г. Въ этомъ отношеніи межевая инструкція 1766 г. почти повторяла основныя положенія инструкціи 1754 г. и только формулировала ихъ подробнѣе и послѣдовательнѣе. Къ тому же инструкція для генеральнаго межеванія 1766 г. не осталась мертвой буквой, и ея дѣйствіе по отношенію къ мѣстнымъ правамъ и особенностямъ проявилось не въ медленномъ и постепенномъ измѣненіи, а въ быстромъ разрушеніи прежняго строя. Она получила немедленное практическое

осуществленіе, и требованія ея энергично проводились въ жизни. Инструкція игнорировала тотъ фактъ, что крестьяне на сѣверѣ были землевладѣльцами, что они владѣли землею безпрепятственно и свободно распоряжались ею цѣлыя столѣтія, что землевладѣніе здѣсь не составляло привилегіи какого-либо отдѣльнаго класса. По межевой инструкціи право поземельной собственности признается лишь въ томъ случаѣ, если оно можетъ быть доказано жалованными грамотами и писцовыми книгами. Вся остальная земля, на которую не распространяются доказанныя такимъ образомъ права частной собственности, считается государственнымъ имуществомъ, а собственники—государственными крестьянами: правительство присвоиваетъ себѣ такую землю, объявляетъ ея собственниковъ, обязанныхъ платить ему лишь подати, оброчными съемщиками и обвиняетъ ихъ въ незаконной продажѣ государственныхъ земель, „подъ видомъ своихъ собственныхъ". Правительство, конечно, полагало, что здѣсь дѣло обстоитъ такъ же, какъ и въ остальной Россіи, гдѣ еще московскіе великіе князья и цари XV и XVI столѣтій произвели подобное же превращеніе черныхъ земель въ государственныя имѣнія.

Далѣе въ инструкціи 1766 г., совершенно такъ же какъ и въ инструкціи 1754 года, игнорируется, что въ уѣздахъ поморскихъ городовъ всякій имѣлъ право пріобрѣтать землю въ собственность; въ результатѣ всѣ земли, пріобрѣтенныя купцами и посадскими людьми внѣ городовъ, должны были перейти въ казну, если владѣльцы ихъ не могли представить въ подтвержденіе своего права жалованныхъ грамотъ и царскихъ указовъ. Горожане ссылались на безпре-

пятственное вѣковое владѣніе, на законныя пріобрѣтенія по засвидѣтельствованнымъ правительственными учрежденіями документамъ, и незадолго передъ тѣмъ учрежденные суды защищали ихъ права. Но правительство постоянно возобновляло требованіе, чтобы городскіе жители были выселены съ государственныхъ имуществъ. По словамъ г-жи Ефименко, изъ разсмотрѣнныхъ ею документовъ явствуетъ, что отъ купцовъ и посадскихъ людей потребовали представленія документовъ, когда же документы были представлены, то въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ 1790 г. у всѣхъ владѣльцевъ изъ посадскихъ людей земли были отобраны: собственники не могли больше доказывать своихъ правъ законными документами, а суды прекратили оппозицію послѣ того, какъ имъ пригрозили штрафами на случай ихъ дальнѣйшаго противодѣйствія. Г-жа Ефименко прибавляетъ, что „межевыя инструкціи ничего не говорятъ объ уравненіи земель между крестьянами, но душевой раздѣлъ явился неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ принциповъ, установленныхъ инструкціей, въ связи съ принятою системою подушной подати“; итакъ, общинное землевладѣніе было введено въ сѣверномъ краѣ искусственно; оно возникло тамъ какъ одно изъ слѣдствій закона о генеральномъ межеваніи. Г-жа Ефименко характеризуетъ результаты этихъ мѣръ слѣдующимъ образомъ: „Не мгновенное разрушеніе стараго и возникновеніе новаго было результатомъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны правительства, а хаосъ и броженіе, въ которомъ одна часть дѣйствующихъ элементовъ держалась на обломкахъ стараго, другая хваталась за выдвигающееся новое, при чемъ само правитель-

ство, вынуждаемое живучестью старыхъ началъ (г-жа Ефименко подразумѣваетъ очевидно старинныя права мѣстныхъ жителей) не разъ отступало назадъ, дѣлая уступки обстоятельствамъ“ [1]). Цитируемый нами авторъ излагаетъ ходъ событій слѣдующимъ образомъ: землевладѣльцамъ, объявленнымъ государственными крестьянами, повторялось запрещеніе закладывать или продавать землю, которою они владѣли. Волостное начальство восприняло новые взгляды и на основаніи ихъ считало себя въ правѣ отнимать у богатыхъ крестьянъ купленные ими участки для передачи неимущимъ. Уваженіе къ праву было поколеблено, пробуждались всякаго рода дурные инстинкты, „болѣе ловкіе и сильные“—говоритъ г-жа Ефименко,—какъ всегда, пользуются обстоятельствами и ловятъ рыбу въ мутной водѣ“, крестьяне безъ всякихъ основаній и безъ вознагражденія отбираютъ назадъ земельные участки, проданные ими другимъ, подъ предлогомъ, что они не имѣли права продавать ихъ, а власти поддерживаютъ ихъ въ этомъ. Въ 1775 г. было издано положеніе о намѣстничествахъ. Оно было введено и въ Архангельской губерніи. Завѣдываніе государственными имуществами было поручено при этомъ одному изъ членовъ казенной палаты, получившему званіе директора экономіи. Въ 1785 г. послѣдній предписалъ крестьянамъ произвести уравненіе тяглыхъ земель [2]). „Справедливость требуетъ, чтобы поселяне, платя одинаковую подать, равное имѣли участіе и въ угодьяхъ земельныхъ, съ коихъ платежъ податей

---

1) L. c. стр. 327.

2) Ibid. стр. 331 и слѣд.

производился"; „уравненіе земель, особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обыватели хлѣбопашествомъ болѣе нежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, *почитать надлежитъ неминуемо нужнымъ* (курсивъ Ефименко) сколько для доставленія способа платить поселянамъ подати свои безнедоимочно, *тѣмъ не менѣе для успокоенія малоземельныхъ крестьянъ*". Со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы крестьянъ: „отнимаютъ у нихъ земли и отдаютъ постороннимъ владѣльцамъ такія, которыя прежде расчищены и обработаны были собственными ихъ трудами, а у другихъ издавна куплены за наличныя деньги". Правительство остановилось въ недоумѣніи, оно и не подозрѣвало, что дѣйствія его могутъ имѣть такой результатъ, да оно и не хотѣло санкціонировать несправедливость и открытый грабежъ. Къ тому же эти суровыя мѣры могли отбить у многихъ „охоту къ расчисткѣ новыхъ земель, а слишкомъ нетрудно было понять, что въ такихъ расчисткахъ заключается существенный интересъ государства". „Съ другой стороны, — полагаетъ г-жа Ефименко, — отобрать земли, на которыя есть у ихъ владѣльцевъ безспорные законные документы, т.-е. такіе документы, которымъ само правительство дало свою правовую санкцію, не могло не представляться дѣломъ очень неудобнымъ", особенно же по отношенію къ долголѣтнему владѣнію, такъ какъ правительство именно въ то время только что установило правило 10-лѣтней давности. Поэтому было рѣшено: земли, расчищенныя или пріобрѣтенныя по законнымъ документамъ, оставить за владѣльцами и пустить въ уравнительный раздѣлъ лишь „земли общественныя тяглыя".

При такомъ рѣшеніи правительство опять-таки исходило изъ извѣстныхъ ему условій землевладѣнія средней Россіи и предписывало нѣчто невыполнимое, такъ какъ на сѣверѣ не имѣлось никакихъ „общественныхъ земель“. Мѣстныя власти, стоявшія ближе къ жизни, чѣмъ директоръ экономіи, высказались противъ общаго уравнительнаго раздѣла земли, такъ какъ слишкомъ малый надѣлъ „болѣе вреда, нежели пользы принести можетъ, ибо, раздѣляя малое количество земли на мелкіе по душамъ участки, всѣ крестьяне вообще останутся въ землѣ недостаточны, слѣдовательно и главный предметъ пользы общественной, т.-е. расширеніе земледѣльства, въ тамошнемъ краѣ невыполнимо“.

Директоръ экономіи желалъ одного, по словамъ г-жи Ефименко,—осуществить „идеальный типъ, выработанный государственною мудростью центра“. Онъ предписалъ крестьянамъ, чтобы они „общими силами расчистили такое земли количество, какое по измѣренію нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и вовсе не имѣющихъ земли крестьянъ полною всѣхъ угодій препорціею“. Однако, пока администрація предлагала различныя мѣры для проведенія въ жизнь логическихъ слѣдствій закона о генеральномъ межеваніи, опытъ практическаго примѣненія этихъ мѣръ показалъ, что правительство ошибалось, считая весьма легкою задачей „облагодѣтельствовать младенчествующій народъ и въ то же время благоустроить подати и повинности“. Принятыя правительствомъ мѣры перевернули всѣ правовыя понятія; беземельнымъ и охотникамъ до чужого добра представился соблазнительный случай поживиться на чужой

счетъ безъ всякаго съ своей стороны труда. И вотъ начинается масса тяжбъ, которыя рѣшаются произвольно; лица, отъ которыхъ зависѣло ихъ рѣшеніе, не знали мѣстныхъ условій, и притомъ, какъ утверждаетъ г-жа Ефименко на основаніи своего знакомства съ судебными дѣлами того времени, позволяли себѣ самымъ невѣроятнымъ образомъ толковать и прямо искажать дѣйствующіе законы.

Главною причиной путаницы было постоянное столкновеніе двухъ взаимно противорѣчивыхъ правъ— права, держащагося на старыхъ документахъ и новаго, тоже признаннаго закономъ, права каждой ревизской души на земельное обезпеченіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Одинъ крестьянинъ закладываетъ другому поле, черезъ 8 лѣтъ отбираетъ его, ничего не заплатя. Обиженный начинаетъ домогаться возвращенія ему его поля, но не какъ своего права, а какъ милости, такъ какъ у него мало земли, а у отвѣтчика много. Въ 1784 г. крестьянинъ закладываетъ свое поле на 2 года другому крестьянину, но затѣмъ принявшій закладъ отказывается возвратить поле закладчику на томъ основаніи, что у него на 5 ревизскихъ душъ столько же земли, сколько у заложившаго на одну душу. Крестьянинъ отбираетъ у другого землю, проданную чуть не столѣтіе тому назадъ. Вмѣшательство міра въ подобные споры только еще болѣе запутываетъ дѣло. Напр., дѣдъ одного крестьянина С. нѣкогда заложилъ землю дѣду крестьянина Т. Такъ какъ у С. не хватало земли на 3 его ревизскихъ души, то міръ приговариваетъ выкупить у Т. родовую землю. Черезъ нѣсколько времени оказывается, что у С. душъ меньше, а земли

на души больше, чѣмъ у Т., и вотъ выкупленная земля опять возвращается къ Т., но затѣмъ міръ усматриваетъ, что эта земля у С.—древняя, родовая, и постановляетъ: землю у Т. отобрать и отвесть С. во владѣніе „коренной его деревенскій участокъ" и т. д. Такая путаница открываетъ полный просторъ худшимъ инстинктамъ. Начинаютъ практиковаться самыя невозможныя злоупотребленія. Міръ деморализуется. Крестьяне научаются обходить законъ и, попрежнему продолжая продавать и закладывать земли, начинаютъ называть купчую „полюбовнымъ или поступнымъ письмомъ" [1]).

„Еще въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка оброчныя статьи были на старомъ положеніи отдавались всѣмъ желающимъ изъ-за платежа оброка, причемъ, впрочемъ, уже отдавалось предпочтеніе малоземельнымъ крестьянамъ".

„Но уже съ конца 90-хъ годовъ всюду идетъ передача оброчныхъ земель въ раздѣлъ на волости". Земли эти должны были помочь осуществленію всеобщаго „права на землю". Волостямъ запрещалось раздавать эти земли крестьянамъ подъ видомъ арендного содержанія изъ платежа арендныхъ денегъ и отдавать въ „вѣчное владѣніе"; земля должна была оставаться въ общемъ владѣніи и служить обезпеченіемъ платежныхъ силъ общины. „Процессъ надѣленія волостей оброчными землями тянулся лѣтъ около 20". Послѣ того какъ волости приняли этотъ даръ данайцевъ, какъ его называетъ г. Ефименко,

---

[1]) Эти примѣры взяты у г-жи Ефименко: Изслѣд. народной жизни, стр. 336—337. *Ред.*

начальство стало добиваться уравненія всей крестьянской земли съ землей оброчной. Дорога была уже расчищена для осуществленія общаго передѣла въ интересахъ казны: „Послѣ раздѣла оброчной земли крестьянское земельное владѣніе принимаетъ слѣдующій видъ. Земля каждаго крестьянина состоитъ изъ двухъ частей: одной, которою онъ владѣетъ по старымъ правамъ,—его „родовой“ земли, и другой, которую онъ получилъ по душевому раздѣлу,—„добавочной“. Разумѣется, уже дѣло только времени—перемѣшать одну землю съ другой и подвергнуть всю вмѣстѣ общему душевому раздѣлу. Крестьяне предчувствуютъ этотъ неизбѣжный исходъ и, еще крѣпко держась за родовую, коренную землю и ведя о ней безконечныя тяжбы, уже толкуютъ о будущемъ „генеральномъ поравненіи“. Это забавное выраженіе есть плодъ смѣшенія понятія общаго передѣла съ понятіемъ генеральнаго межеванія“ [1]). Указы, отмѣнявшіе права крестьянъ на пріобрѣтенныя ими земли слѣдовали одинъ за другимъ, такъ же какъ и предписанія властей—„передѣлить всю владѣемую землю по душамъ“. Въ 1829 г. появляется, наконецъ, циркулярное предписаніе министра финансовъ графа Канкрина произвести общій передѣлъ. Передача находящихся во владѣніи крестьянъ участковъ была безусловно воспрещена.

Довольно трагично, что именно Канкринъ, сторонникъ личной земельной собственности, вбилъ, такъ сказать, послѣдній гвоздь въ гробъ этой самой собственности на сѣверѣ Россіи. Въ 1830—31 году

---

[1]) Ефименко, loc. cit., стр. 344.

мѣры эти были приведены въ исполненіе. Старыя права игнорировались во имя податного равненія и интересовъ казны. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта дѣло было рѣшено окончательно, и никакіе иски не могли уже имѣть силы. Однако, старыя формы землевладѣнія все еще продолжали существовать, а съ ними вмѣстѣ продолжалась и прежняя правовая путаница; крестьяне между тѣмъ и не подозрѣвали, что̀ имъ предстоитъ. Выборные одной волости рапортуютъ: „въ теченіе осенняго времени чинимо было о раздѣлѣ земель 11 мірскихъ сходокъ, но превратить къ законному раздѣлу крестьянъ не могли“. Возникло всеобщее недовольство, ссоры и безконечныя тяжбы.

Такъ какъ правительство настаивало на исполненіи предписанія, то открылась широкая возможность для всякаго рода произвола и злоупотребленій. Крестьяне потеряли всякое понятіе о правѣ, всякую руководящую точку зрѣнія, дѣлали произвольнѣйшіе и безсмысленные выводы. Для состоятельныхъ крестьянъ мѣры эти были разорительны, пріобрѣтенные ими участки силою отбирались у нихъ. Волостные сходы кое-гдѣ сохранили еще слѣды правового сознанія и часто постановляли выкупать у собственниковъ ихъ участки или пытались по возможности оставлять за старымъ владѣльцемъ его владѣніе. Суды часто рѣшали дѣла въ пользу собственниковъ, права которыхъ на землю были особенно ясны, доводы которыхъ были особенно убѣдительны, но въ высшихъ инстанціяхъ подобные приговоры отмѣнялись, старое право оставлялось безъ вниманія, руководящимъ началомъ признавались не законъ и право, а предпи-

санія и инструкціи властей, шедшія въ разрѣзъ съ закономъ. Но все это еще не было генеральнымъ поравненіемъ; оставалось не рѣшеннымъ, по какой единицѣ произвести раздѣлъ—по деревнямъ или по волостямъ? Должно ли отнимать у богатой деревни часть земли въ пользу сосѣдней бѣдной? Первоначально этотъ важный основной вопросъ былъ рѣшенъ благодаря недоразумѣнію. На сѣверѣ названія деревни и волости имѣли особенное, вполнѣ опредѣленное значеніе. Правительство не знало этого и примѣнило къ нимъ термины, знакомые ему по бытовымъ условіямъ средней Россіи. Что эти термины совершенно не подходили къ сѣвернымъ понятіямъ, это правительству было неизвѣстно. На сѣверѣ деревней, печищемъ назывался дворъ, а волостью—совокупность маленькихъ близлежащихъ деревень, тяготѣющихъ къ одному погосту, т.-е. церкви, въ остальной же Россіи употреблялись названія волость и селеніе, при чемъ послѣднее названіе подходило ближе къ тому, что на сѣверѣ называлось волостью. Въ средней Россіи за единицу для передѣла принималось село, а на сѣверѣ за единицу была принята сѣверная деревня. Такъ совершился первый передѣлъ. Для осуществленія его были отброшены и объявлены недѣйствительными всѣ старыя права и нормы, и все-таки равненіе не было достигнуто. Позднѣе добились и равненія, но сначала старались лишь разобраться въ новыхъ порядкахъ. Въ 1848 г. архангельская гражданская и уголовная палаты постановили слѣдующее рѣшеніе: „владѣніе крестьянъ землею не можетъ происходить инымъ образомъ, какъ по отдачѣ оной въ надѣлъ отъ казны“, и по-

тому „всякая земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ, есть собственность казны“. Такимъ образомъ судъ освящалъ произвольное отнятіе у крестьянъ ихъ землевладѣльческихъ правъ и не признавалъ за крестьянами ихъ стариннаго права, ихъ старинной собственности. Такъ осуществилось „поравненіе“ по волостямъ. Впослѣдствіи крестьяне должны были снова выкупать у казны свою старинную собственность.

Ананьевское печище состоитъ изъ восьми дворовъ, изъ которыхъ 5 дворовъ Пентелеевыхъ, да три двора Аксеновыхъ. Въ 1831 г., повинуясь строжайшимъ повелѣніямъ, кое-какъ подѣлили они собственную землю „по согласью“. Въ слѣдующемъ году снова дѣлятъ „по прихоти крестьянъ Пентелеевыхъ“. Обиженные Аксеновы жалуются волостному головѣ, исправнику, но, „не предвидя никакого удовлетворенія“, идутъ въ судъ. Въ концѣ концовъ мирятся, „почувствовавъ въ сердцахъ нашихъ по великому посту раскаяніе“. Черезъ два года четыре мужика и три бабы Пентелеевыхъ и Аксеновыхъ возстаютъ уже противъ какой-то женки Кочегаровой. Идутъ самые точнѣйшіе расчеты земли—не только саженями и аршинами, но даже и вершками. Въ концѣ концовъ міръ семи домохозяевъ, изъ которыхъ четыре Пентелеевыхъ, единогласно учиняетъ неизвѣстно на какомъ основаніи приговоръ—отобрать землю у Кочегаровой и отдать ее Пентелеевымъ. Такимъ образомъ искоренялись на сѣверѣ Россіи европейскія понятія о правѣ собственности на землю, и народъ былъ осчастливленъ общиннымъ землевладѣніемъ.

Въ западной Европѣ земельная собственность кре-

стьянъ была экспропріирована крупными землевладѣльцами; въ Россіи это сдѣлало государство.

Г-жа Ефименко разсматриваетъ цѣлый рядъ документовъ, по которымъ можно прослѣдить шагъ за шагомъ исторію одной деревни въ теченіе 300 лѣтъ. На основаніи этихъ документовъ она даетъ слѣдующую исторію этой деревни, при чемъ, по ея увѣренію, она лишь привела въ связь документальныя данныя. Деревня, о которой идетъ рѣчь,—„Пожарище", Матигорской волости, верстахъ въ 5—6 отъ Холмогоръ. Окрестности Холмогоръ—одинъ изъ самыхъ старинныхъ пунктовъ заселенія финскаго края русскими. Московское завоеваніе нашло здѣсь богатыхъ и сильныхъ землевладѣльцевъ не только изъ бояръ, но и изъ крестьянъ. Несмотря на всѣ перевороты, холмогорскіе крестьяне сохранили въ своемъ обликѣ что-то гордое и независимое, обличающее кровь старинныхъ родовитыхъ вотчинниковъ, которые отвоевали землю у финскихъ и самоѣдскихъ аборигеновъ и пріобщили край къ культурному развитію, предоставивъ первобытное населеніе края его жалкой судьбѣ, т.-е. постепенному вымиранію. Крестьяне Комаровы, которымъ принадлежало въ XVI столѣтіи Пожарище, вѣроятно относились къ числу вліятельныхъ мѣстныхъ родовъ, такъ какъ иначе они не могли бы получить льготныя царскія грамоты, которыми Москва награждала изъ политическихъ видовъ лишь наиболѣе вліятельныхъ лицъ, чтобы привлечь ихъ на свою сторону; со слабыми и бѣдными Москва не церемонилась. Почвенныя условія Пожарища типичны для данной мѣстности. Деревня расположена на берегу Двины; льды и весенніе разливы портили крестьян-

скія поля. Съ другой стороны, деревенскія поля прилегали къ такъ называемымъ „мокредямъ"; холодные туманы, поднимавшіеся съ этихъ болотъ, часто бывали причиною гибели посѣвовъ. Комаровы усѣлись на мѣстѣ съ 1566 г. по праву свободной заимки. Грамотой царя Ивана Васильевича деревня была дана имъ на льготу на 5 лѣтъ, а потомъ была положена въ сошное тягло. Въ 1587 г. при составленіи новыхъ писцовыхъ книгъ участокъ Комаровыхъ былъ въ нихъ внесенъ „въ трехъ обежкахъ малыхъ". А между тѣмъ владѣльцы Пожарища успѣли прикупить пожню отъ Быстрокурской волости; за ними оказываются также и „старое ихъ владѣніе по ихъ крѣпостямъ", оброчныя тони на морскомъ берегу и „лѣшіе путины". Во время междуцарствія пострадало и Пожарище: „польскіе и литовскіе люди и русскіе воры повоевали и животы и статки пограбили", а къ тому же волостные и посадскіе люди начали вырубать лѣса, которые защищали деревню отъ напора вешней воды и льда, но „и отъ того ихъ насильства та ихъ деревня и достоль пустѣетъ и крестьяне имъ въ тое деревню называть не можно и самимъ имъ жити невозможно", жаловались Комаровы царю, „и платячи съ тое деревни всякіе доходы и службы и мірскіе разметы охудали и одолжали великими долги". Царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1615 г. дозволяетъ Пожарищу со всѣми его прикупными угодьями отписаться отъ Матигорской и Быстрокурской волостей и самостоятельно отправлять свои повинности и править тягло. По новымъ писцовымъ книгамъ въ деревнѣ значится одинъ дворъ,—„пашни паханые... середніе 7 четвертей да худые земли четверть безъ

третника, сѣна 40 копенъ, въ живущемъ полвыти и полполтрети выти“ и т. д. Въ половинѣ XVII столѣтія въ деревню пришли разбоемъ гайдуки, убили десять человѣкъ Комаровскаго рода и сожгли дворъ со всѣми документами. Воспользовавшись уничтоженіемъ документовъ, ихъ волостные сосѣди, не забывавшіе, что отдѣльныя части Пожарища откуплены отъ ихъ земли и потому должны были нести общее тягло, старались завладѣть землею уцѣлѣвшихъ Комаровыхъ. Царь Алексѣй Михайловичъ даетъ имъ новую грамоту (1665), подтверждающую ихъ права: повидимому, деревня состоитъ теперь изъ двухъ дворовъ. Въ началѣ XVIII в., когда правительство старалось въ интересахъ казны подвести всѣ подати подъ общія правила, Матигорская волость начала искъ противъ Комаровыхъ съ цѣлью привлечь ихъ въ общее тягло. Такъ какъ дѣло шло о податномъ равненіи, упрощеніи и удобствѣ управленія, то старинныя грамоты были оставлены безъ вниманія, и архангельское ратушское управленіе рѣшило въ 1706 году, что Комаровы принадлежатъ къ волости и должны нести податное бремя вмѣстѣ съ нею. Сначала ихъ только обложили податями, земля же все еще оставалась собственностью Комаровыхъ. Въ то время въ деревнѣ было 5 дольщиковъ: три доли оставались въ рукахъ Комаровыхъ, и двѣ доли перешли въ женскую линію. Четыре доли были полныя, но различались по величинѣ, такъ что доли опредѣлялись наслѣдственнымъ правомъ и никакого общаго владѣнія не существовало. Пятая же доля была неполная. Въ 1711 г. посадскій Баженинъ пріобрѣлъ всѣ доли покупкой. Такъ какъ Баженинъ былъ силь-

нѣе Комаровыхъ, и, какъ кораблестроитель, пользовался личнымъ благоволеніемъ Петра Великаго, то ему удалось добиться отмѣны судебнаго приговора и высвободиться изъ волостного тягла. Послѣ смерти Петра наслѣдники Баженина входятъ съ міромъ Матигорской волости въ согласіе и обязуются платить съ пяти вервей вѣчно и безспорно, а волость съ своей стороны обязуется, тоже на вѣчныя времена, не требовать бо̀льшаго. Въ 1748 г. по новой сдѣлкѣ Баженины опять дали обязательство въ міръ Матигорской волости платить „по мірскимъ разрубамъ съ крестьянами врядъ" уже съ семи вервей, при чемъ снова обязываютъ крестьянъ не требовать бо̀льшаго. Въ 1779 г. Баженины отказываются платить волостные разрубы, но проигрываютъ тяжбу и присуждаются къ уплатѣ всей накопившейся недоимки. Вмѣсто денегъ они отдали въ міръ часть деревни Пожарища. Въ концѣ XVIII ст. послѣдовало распоряженіе—всѣхъ крестьянъ выдворить изъ городовъ въ ихъ общества, а посадскихъ выселить изъ деревни въ города. Баженины продаютъ землю крестьянамъ въ собственность, и документы по этой сдѣлкѣ получаютъ утвержденіе. Часть земли, уступленной раньше волости, была раздѣлена между крестьянами, которые тотчасъ же продали ее новымъ собственникамъ Пожарища, не розданную же землю міръ, по общественному приговору, продалъ тѣмъ же скупщикамъ „въ вѣчное владѣніе", несмотря на то, что земля находилась въ общемъ владѣніи. Собственники Пожарища ведутъ теперь себя, какъ крупные землевладѣльцы.

Въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія міръ началъ настоятельно требовать эту землю для раздѣла по ду-

шамъ. Холмогорскій уѣздный судъ отвергаетъ законно засвидѣтельствованные документы, такъ какъ они были составлены послѣ межевой инструкціи 1783 г., которая однако никогда не имѣла силы превращать частную собственность въ общинную. Во всѣхъ инстанціяхъ владѣльцы Пожарища получили отказъ, и собственность ихъ передается общинѣ для раздѣла по душамъ. Такимъ образомъ собственники земли, несмотря на свое право, были лишены своей собственности по суду въ цѣляхъ податного и земельнаго равненія. Рука объ руку съ этимъ произвольнымъ введеніемъ общиннаго землевладѣнія, по усмотрѣнію администраціи и въ видахъ ея удобства, совершалось столь же произвольное установленіе круговой поруки общины за платежи каждаго изъ ея членовъ. Связь между общиною и круговою порукой возникла слѣдующимъ образомъ. Первый законъ о самоуправленіи крестьянскихъ общинъ и объ избраніи выборныхъ самою общиной былъ изданъ еще царемъ Иваномъ Грознымъ, но скоро привычный старинный произволъ чиновниковъ пересилилъ новое право крестьянскихъ общинъ и превратилъ общественныхъ уполномоченныхъ въ нѣмыхъ, безправныхъ прислужниковъ, въ исполнительный органъ центральнаго правительства. Такъ было въ теченіе XVII и XVIII ст. Выборные старосты должны были выполнять приказы администраціи; главною ихъ обязанностью была раскладка податей и повинностей, а главная отвѣтственность падала на нихъ за неправильный взносъ податей. Въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы крестьянское самоуправленіе регулируется закономъ въ указахъ отъ 12 октября 1760 г. и отъ 6 іюля

1761 г. [1]): въ первомъ узаконяется выборъ самими крестьянами ихъ старостъ, на которыхъ возлагается защита крестьянъ отъ обидъ и представительство крестьянскихъ интересовъ, во второмъ узаконяется мірской сходъ, которому дается право разбирать взаимныя ссоры своихъ членовъ и постановлять приговоры по различнымъ общественнымъ дѣламъ. Такимъ образомъ создалось основаніе, которое могло бы послужить исходною точкой для дальнѣйшаго узаконенія самостоятельности сельскихъ обществъ и законодательной нормировки правъ и обязанностей государственныхъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ законъ этотъ устранялъ отвѣтственность сельскихъ выборныхъ за неправильный сборъ податей,—отвѣтственность, изобрѣтенную и введеную въ практику московскими приказными и перенятую отъ нихъ ихъ петербургскими преемниками. Само собою разумѣется, что законъ этотъ не могъ надолго сохранить свою силу. Старое средство было слишкомъ удобно, и привычный произволъ не только былъ скоро снова допущенъ, но даже получилъ законодательную санкцію.

Указомъ 19 мая 1769 г. было повелѣно [1]): „въ случаѣ неуплаты крестьянами въ годовой срокъ подушной недоимки, забирать въ города старостъ и выборныхъ, держать подъ карауломъ, употреблять ихъ въ тяжкія городовыя работы безъ платежа заработанныхъ денегъ, доколѣ вся недоимка заплачена не будетъ“. Въ силу этого указа, исходившаго непосредственно отъ самой императрицы Екатерины II, сель-

---

[1]) Полное собраніе законовъ №№ 11120 и 11285.

[1]) Тамъ же № 13300, отъ 19 мая 1769 г.

скіе выборные подвергались совершенно незаслуженно, за вины другихъ, тяжелому наказанію. Только что узаконенное самоуправленіе было подчинено такимъ образомъ неограниченному произволу чиновничества, и органы крестьянскаго самоуправленія превращены въ объектъ примѣненія принудительныхъ мѣръ для взысканія податей.

Если вспомнить обнародованный незадолго предъ тѣмъ (въ 1767 году) либеральный наказъ императрицы и высказанныя въ немъ основныя начала, если вспомнить, что проектъ составленія либеральнаго уложенія въ то время еще не былъ окончательно оставленъ, то приходится признать, что императрица очевидно не понимала всего значенія этого указа, который приносилъ въ жертву интересамъ фиска право и справедливость. „Этотъ, можно сказать, жестокій указъ, проникнутый безпощаднымъ фискальнымъ духомъ, имѣлъ огромныя послѣдствія для экономическаго быта государственныхъ крестьянъ: онъ уничтожилъ личную отвѣтственность плательщика за подать, ввелъ круговую поруку, обратилъ сельскія свободныя общины въ податныя единицы и податной системѣ придавалъ значеніе постоянной контрибуціи“ [1]).

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій: Гр. Киселевъ и его время. Т. II, стр. 30.

va